

В.Фетов

**ДОЛЛАРОМ,
МЕЧОМ,
ДУРМАНОМ**

В. ФЕТОВ

**ДОЛЛАРОМ,
МЕЧОМ,
ДУРМАНОМ**

**А Ф Р И К А
И А М Е Р И К А Н С К И Й
Н Е О К О Л О Н И А Л И З М**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» МОСКВА 1969

Освобождение Африки, ее завершающая схватка с колониализмом — одно из самых ярких событий современности. Народы Африки заявляют о себе как о новом важном факторе мировой политики. Но империалисты лихорадочно пытаются замуровать Африку в склеп неоколониализма. На основе тщательного отбора фактов автор анализирует политику США в Африке как модель неоколониалистской стратегии дальнего прицела. Исследование явится определенным вкладом в литературу, разоблачающую неоколониалистскую политику империализма.

Рецензент — А. А. ИСКЕНДЕРОВ

ОБНОВЛЕННАЯ АФРИКА И ИМПЕРИАЛИЗМ США

Более полувека мир живет в обстановке революционных преобразований, начало которым было положено Великой Октябрьской социалистической революцией. Каковы бы ни были зигзаги общественно-исторического процесса в каждой отдельной стране в данный отрезок времени, взятые в целом, они с полной очевидностью слагаются в равноденствующую, определяющую общий переход человечества к социализму.

Великий Октябрь привел к общему кризису капитализма, приобретающему все более глубокий и необратимый характер. Нынешний этап кризиса отмечен обостренным внутренним противоречий капитализма, широким выходом классовой борьбы на арену международной политики, наиболее существенным проявлением которого являются соревнование и борьба двух мировых систем, размахом и успехами антиколониальных, антиимпериалистических выступлений народов.

В послеоктябрьский период полностью подтвердилась ленинская концепция о взаимодействии пролетарских и национально-освободительных революций, пролагающих человечеству путь к социализму. На третьем этапе общего кризиса капитализма, начавшемся с середины 50-х годов, усилился и окреп единый революционный поток, составными частями которого являются мировая социалистическая система, международное рабочее движение и национально-освободительное движение.

Одним из важнейших итогов третьего этапа общего кризиса капитализма являются победы, одержанные угнетенными народами в борьбе за национальное освобождение. Благодаря взаимодействию трех революционных

сил удары, наносимые по колониальной системе империализма, привели к ее распаду и почти полному краху. Еще вчера казалось, незыблемое господство «привилегированных» империалистических держав над большинством населения Земли, бывшее результатом кровавых завоеваний и поддерживавшееся не менее кровавым насилием, уходит в прошлое как самое позорное явление отживающего строя эксплуатации.

Политическое освобождение колоний, возникновение независимых национальных государств — это поистине революционный сдвиг в истории человечества. Наибольшие успехи национально-освободительное движение одержало за указанный период в Африке — втором по величине континенте Земли, который со времени Берлинской конференции 1884—1885 годов находился почти целиком под иностранным владычеством. Политическая карта Африки изменилась неузнаваемо. Континент пяти колониальных империй за десять с небольшим лет превратился в континент более сорока суверенных национальных государств. Государственную самостоятельность обрели народы, принесшие миллионы жертв на алтарь обогащения капиталистов западных стран, зависевшие от произвола колониальных администраций и третировавшиеся как неполноценные люди, «туземцы».

Примечательны сами темпы охвативших Африку политических изменений. 1960 год недаром вошел в историю как «год Африки». Только с середины июня по середину августа 1960 года независимыми стали 12 африканских колоний. Подобная цепная реакция освобождения африканских народов явилась закономерным качественным скачком, предопределенным решающими изменениями в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма, что обеспечило особую результативность национально-освободительного движения.

С начала 60-х годов в Африке доминируют процессы консолидации новых государств, закрепления тенденций национального государственного развития, складывания основных социальных сил. Повсюду на континенте в повестке дня стоит важнейший вопрос: о преодолении экономической отсталости, связанный с вопросом о преодолении экономической зависимости. Африканские народы поднимаются к новой жизни, стремясь наверстать десятилетия, похищенные у них колониализмом. Они жаждут покончить с нищетой, голодом, болезнями и невежеством,

овладеть рубежами современного прогресса. Независимые национальные государства Африки стали новым и немаловажным фактором международной жизни. День ото дня нарастает борьба в тех районах Африки, где все еще господствуют колониальные режимы.

Но сложна и трудна колея новой жизни молодых национальных государств Африки. После освобождения в них развиваются процессы социального расслоения, обостряется внутренняя борьба за определение путей дальнейшего общественного прогресса. Внутренняя борьба, которая все больше приобретает характер классовой борьбы реакционных эксплуататорских групп и слоев против основной массы трудящихся города и деревни, тесно связана с кардинальной проблемой экономического развития. Опыт независимого развития показал освободившимся странам, что слишком оптимистичная оценка возможностей ликвидации экономической отсталости не оправдана и что засилье международного капитала в их экономике не устранимо одними только политическими преобразованиями. Сохраняются неравноправное положение стран Африки на мировом капиталистическом рынке, их зависимость от империалистических монополий, их общее положение в мировой капиталистической системе в качестве ее отсталой, принижаемой и эксплуатируемой части. И только благодаря социалистическому содружеству африканские, как и прочие развивающиеся, страны получают возможность сопротивляться наступлению монополий, избегать полного экономического подчинения. Социалистическое содружество — та опора, на которую они всегда могут опереться в решающих схватках с империализмом. Эффективная и всесторонняя помощь, а также внешнеполитическая поддержка, оказываемые социалистическими государствами развивающимся странам, не только сами по себе являются важным фактором укрепления их независимости, но и вынуждают империалистов строить свои отношения с развивающимися странами на более равноправных условиях, смягчать оказываемое на них давление.

Борьба за экономическую самостоятельность, поиски путей для ее достижения составляют одну из существенных черт африканской действительности. Прослойка революционной демократии, формирующаяся из передовой интеллигенции и других непролетарских слоев и занимающая в разных странах различные позиции, требует со-

циалистической ориентации, настаивает на выборе некапиталистического пути развития, предполагающего проведение глубоких социально-экономических преобразований.

Социально-экономические преобразования такого типа проводятся национально-революционными, демократическими силами, стоящими у власти в ряде стран Африки: ОАР, Алжире, Гвинее, Танзании, Конго (Браззавиль), Судане, Сомали (ранее то же можно было сказать о Гане и Мали). Эти преобразования могут создать предпосылки, открывающие перспективы социалистического развития.

Однако в большинстве стран Африки правящие круги избрали капиталистический путь развития. В ряде стран континента растет паразитирующая прослойка бюрократической буржуазии, тесно связанной с иностранными монополиями и корпоративно-бюрократическим офицерством и больше всего выигрывающей от развития капиталистических отношений, от дальнейшего проникновения иностранного капитала.

В странах, судьбы которых определены выбором капитализма, неизбежно нарастают социальные контрасты и антагонизм, усугубляется неравноправное положение в мировой капиталистической системе, растет зависимость от империализма. Это не только не противоречит, но, наоборот, содействует в извлечении личных выгод правящим верхушкам, которые особенно обогащаются на сделках с иностранным капиталом. Иное дело — положение трудовых слоев населения и бесперспективность дальнейшего развития страны вследствие того, что экономика сохраняет по существу полуколониальный характер.

В ряде стран Африки пока еще слабая национальная буржуазия, «бюрократическая» буржуазия и прочие реакционно-эксплуататорские группы явно эволюционируют вправо, опасаясь широко распространившихся на континенте социалистических тенденций.

В то же время жизнь показала, что не гарантирована стабильность и прочность прогрессивных режимов некапиталистической ориентации. Хотя проводимый ими курс отвечает коренным интересам трудящихся, они постоянно подвергаются серьезным опасностям, проводя этот курс в условиях отсутствия диктатуры пролетариата, малочисленности и политической неопытности рабочего класса, при наличии частнокапиталистических тенденций и част-

ного сектора, а также неослабного давления со стороны империализма. Прогрессивные режимы в молодых национальных государствах стоят перед большими объективными трудностями, в разрешении которых они не всегда избирают правильные пути, совершают ошибки, которыми всегда готовы воспользоваться империалисты и внутренняя реакция. Опыт показал, что при выборе некапиталистического пути возникает важнейшая проблема мобилизации масс на преодоление трудностей, неизбежных при социально-экономических преобразованиях. Борьба по вопросу о путях развития в последнее время резко обострилась в масштабах всего континента. Эта борьба привела, в частности, к реакционным переворотам в Гане и Мали, которые явились результатом взаимодействия внутренних сил, ориентирующихся на капитализм, и внешних сил империализма.

Возрастающее вмешательство империализма во внутренние дела — одна из особенностей послеколониального развития всех африканских стран. Империализм стремится передать судьбы этих стран в руки своих классовых союзников, делая ставку на распространение капиталистических отношений, нередкое даже в странах некапиталистической ориентации, при наличии частного сектора и при отсутствии диктатуры пролетариата.

Отнюдь не случайно, что в период завоевания народами Африки политической свободы вошло в широкий обиход слово «неоколониализм», означающее стремление империалистов продолжать в основных чертах колониальную эксплуатацию и политику после ликвидации колониальных режимов. Этот термин отражает основной расчет колонизаторов превратить освобождение африканских народов в направляемую извне и чисто формальную «деколонизацию», сохраняющую основы отношений господства и подчинения, особенно — систему угнетения и эксплуатации иностранными монополиями.

Закрепить положение развивающихся стран в качестве эксплуатируемой части мировой капиталистической системы, заставить их и дальше подчиняться механизму этой системы, обогащающему монополию, утверждать на этой основе свое политическое влияние в развивающихся странах — такова высшая цель неоколониалистской политики. А для того чтобы развивающиеся страны прочно оставались в рамках мировой капиталистической системы, необходимо, чтобы известный (и неизбежный) эконо-

мический рост этих стран кардинально не менял их нынешнего положения. Отсюда сущность стратегии неокOLONIALИЗМА: насаждение капитализма в странах Африки, попытки пресечь в них всякие социалистические тенденции развития.

Наиболее опасным носителем этой стратегии в Африке, подрывающим коренные интересы ее народов, все активнее выступает американский империализм.

Третий этап общего кризиса капитализма стал периодом усиленного всестороннего проникновения в Африку американского империализма. За это время можно было наблюдать, как попытки добиться экономического и политического контроля над Африкой предпринимались Вашингтоном почти в прямо пропорциональном соотношении с подъемом освободительной борьбы и ослаблением позиций колонизаторов. Наглядно выявилась и та двойная роль, которую американский империализм играет в современной Африке.

Главная цель правящих кругов США — удержать Африку в русле прозападно-капиталистической ориентации, в орбите империалистического влияния. Поэтому неизменно проводимая ими внешнеполитическая линия, направленная на отстаивание во всех существенных чертах неокOLONIALИСТИЧЕСКИХ порядков, кем бы из колонизаторов они ни насаждались. Ослабление влияния бывших метрополий в Африке США стремятся дополнить собственным влиянием, чтобы фактор империалистического давления на страны Африки не ослабевал, а всякое ослабление позиций бывших метрополий немедленно компенсировалось возрастающим вмешательством со стороны американского империализма. Правящие круги США сохраняют в арсенале своих внешнеполитических средств тактику «коллективного колониализма», добиваясь согласования действий всех империалистических держав, направленных на предотвращение выхода стран континента на пути прогрессивного развития. Появление тенденций такого развития, подъемы национально-освободительной борьбы побуждают Вашингтон действовать совместно с колониальными державами Западной Европы для сохранения в Африке общеимпериалистических позиций и интересов.

Настаивая на согласованной империалистической политике в важнейшем вопросе социально-политической направленности развития стран Африки, американские империалисты претендуют при этом на руководящую роль в

системе «атлантической солидарности», и потому в их африканской политике заложены семена острых межимпериалистических противоречий.

Политику совместного империалистического надзора за эволюцией африканских стран правящие круги США стремятся совместить с широкими планами собственной экспансии. Устранение колониальных режимов было воспринято в США как возможность занять место западно-европейских колонизаторов в ряде районов с перспективными рынками и важными источниками сырья. США пытаются также обеспечить свое общее политическое преобладание в некоторых странах Африки. Поэтому, действуя строго в рамках неоколониалистской стратегии, американский империализм всякий раз, когда это выгодно и возможно, вытесняет своих союзников-конкурентов.

В этих целях он не прочь сыграть в «антиколониализм», декларировать «союз с поднимающейся волной африканского национализма». Эти лозунги не имеют ничего общего с поддержкой антиколониальных, антиимпериалистических устремлений народов Африки. Их смысл — в стремлении установить политический и экономический альянс с привилегированными, реакционно-эксплуататорскими верхушками ряда стран Африки во имя совместного подавления передовых национальных сил и расширения каналов американской экспансии.

Быстрое в последнее время проникновение США в Африку — очевидное и новое явление международной жизни. Наиболее заметно и значительно усилились на африканском континенте позиции американских монополий. Правящие круги США рассматривают экспансию монополий как экономический фундамент, важнейшую предпосылку широкого неоколониалистского контроля над африканскими странами, который, по их расчетам, должен постепенно укрепляться.

Американское проникновение в Африку осуществляется также отрядами «Корпуса мира», экспертами во всевозможных областях, учеными-специалистами, представителями огромного числа частных фондов и организаций, служащими ООН, Международного банка реконструкции и развития (МБРР) и Международного валютного фонда (МВФ), эмиссарами американской профбюрократии, колледжей, университетов, церкви, печати и т. д. В Африку хлынули толпы внешне респектабельных «тихих американцев», тип которого с таким сарказмом выведен Грэ-

мом Грином. У всех них единая цель, хотя и по-разному претворяемая в жизнь: «придать очертания будущей форме африканских институтов»¹ (по словам американского профессора У. Голдшмидта), подменить самостоятельное развитие стран Африки развитием, подконтрольным империализму, их независимость — «взаимозависимостью», или «интеграцией» со вчерашними угнетателями.

В конце 50 — начале 60-х годов, когда африканские колонии одна за другой выходили на дорогу независимости, проникновение США в Африку вылилось в дипломатический бум, в широкую лихорадочную кампанию. Передовые силы народов Африки быстро разобрались в причинах и сущности этого «внимания» к их судьбе. «Борьба за освобождение Африки есть борьба против различных форм американского империализма», — таким был категорический вывод газеты «Ивнинг ньюс», органа Народной партии конвента Ганы в период правительства Кваме Нкрумы². Подобная оценка правильна и сегодня. Американский империализм — опаснейший враг африканских народов. И опасность с его стороны возрастает в немалой степени от того, что постепенно он овладевает искусством подстраиваться под политические тенденции на континенте, придавать гибкость своей политике, действовать обходным путем, а не напрямик.

Империализм США с его неизменной враждебностью национально-освободительным движениям становится не только непосредственной угрозой выбору африканскими народами прогрессивных путей и форм развития, но и тормозом их «свободного», «нормального», независимого развития даже на путях капитализма, поскольку целью США является сохранение и усовершенствование механизма их эксплуатации международными монополиями.

Когда речь идет о политике США в Африке, нельзя не учитывать одного существенного обстоятельства: освобождающаяся Африка заметно повлияла на выработку принципов и методов современной американской политики в отношении развивающихся стран и стала первым районом мира, где с начала 60-х годов эта обновленная политика нашла практическое применение. Африка оказалась тем континентом, где усиление агрессивности империализма США в последние годы привело к целой серии актов насилия с его стороны и вместе с тем к усовершенствованию новых методов неокOLONиализма и «коллективного колониализма».

Крах колониальной системы был одной из причин «мучительных переоценок» прежнего курса США, в котором преобладали поддержка колониализма, диктат в отношении стран «третьего мира» как органическая часть общей военно-политической стратегии «холодной войны» и «отбрасывания коммунизма». Обновление политики США и освобождение Африки совпали по времени.

Если в первое послевоенное десятилетие, писал профессор Чикагского университета Г. Моргентау, «Соединенные Штаты осмысливали свои задачи главным образом в военных понятиях, то есть в понятиях настоящих или потенциальных военных союзов...»³, то с изменением политической карты мира и усилением мощи СССР, социалистического содружества «сама простота» подобного подхода становилась «мерой неудач американских попыток»⁴. Ставка на колониальное статус-кво потерпела крах вместе с крахом колониализма. Указывая на неотложную необходимость перестройки политики США в отношении развивающихся стран, газета «Нью-Йорк таймс» заявляла: «Мы живем в период революций, нравится нам это или нет... Невозможно лишь удерживать свои позиции в период неудержимых изменений»⁵.

Еще одна причина изменения политики США вытекала из того, что процесс распада колониальной системы сопровождался укреплением связей освобождавшихся народов и молодых государств со странами социализма, которые в отличие от империализма твердо защищали национальную независимость народов. «Соединенные Штаты, богатейшая страна на земле, — говорил 19 февраля 1959 г., еще будучи сенатором, Дж. Ф. Кеннеди, — не дали новых надежд бедным нациям», в то время как «мировой коммунизм» завоевывал все больший авторитет в их среде⁶. Американским империалистам, по выражению члена Верховного суда США У. Дугласа, срочно потребовался «далеко идущий контрплан» как «реальная альтернатива обещаниям коммунистов», а не просто политика опоры на «ядерные кулаки»⁷.

Кампания «за поворот к третьему миру» приняла внушительные масштабы. На выборах 1960 года демократы во главе с Кеннеди спекулировали на тезисе связей «традиции Джефферсона» с «мировой революцией» колониальных народов, заявив о намерении «отождествлять американскую политику с идеалами и задачами этой революции»⁸. Поднимающаяся Африка очень часто упомина-

налась в предвыборной кампании. Призыв к разработке «новой, смелой программы для Африки» был одним из важных внешнеполитических лозунгов предвыборной кампании Кеннеди, а 1960—1970 годы были объявлены им «десятилетием борьбы за Африку». По терминологии правящих кругов США, они постарались действовать в унисон с «революцией надежд», охватившей «третий мир».

Общим итогом «мучительных переоценок» прежнего политического курса была разработка и внедрение во внешнеполитическую практику правительством Кеннеди нового курса, высокопарно называвшегося то политикой «новых рубежей», то «поддержкой революции поднимающихся надежд». Его суть заключалась в попытке выйти за рамки «холодной войны» в отношениях со странами Азии, Африки и Латинской Америки — негибкого, пронизанного милитаризмом курса Д. Ачесона и Дж. Ф. Даллеса. В Вашингтоне была намечена новая линия на руководимую Западом реформистско-капиталистическую эволюцию в экономически слабых странах ради предотвращения в них революции. Американский империализм декларировал, с одной стороны, необходимость, а с другой — свою способность «ответить на вызов» развивающихся стран в соответствии с их коренными проблемами.

Стратегия Кеннеди в особенности требовала, чтобы действия США в развивающихся странах создавали условия и предпосылки для консолидации мировой капиталистической системы на рельсах глобальной капиталистической «интеграции» под американским «руководством» и с «атлантическим сообществом» в качестве ядра «интеграции». В реорганизации капиталистического мира под господством крупнейших монополистических союзов видят правящие круги США залог упрочения их «мирового лидерства».

Стратегия «новых рубежей» не оправдала ожиданий ее авторов и деформировалась под действием освободительной борьбы народов и роста межимпериалистических противоречий. Американский империализм, вопреки своим обещаниям, по-прежнему прибегает к насилию в Африке, как и повсюду в мире.

Тем не менее политика «обволакивания» молодых государств империалистическим влиянием, воздействуя на глубинные процессы их развития, остается для правящих кругов США генеральным планом действий. Общие прин-

ципы и в известной мере практика разработанного правительством Кеннеди подхода к развивающимся странам составляют сущность современной неоколониалистской стратегии США.

Неожиданно быстрый переход стран Африки к независимому статусу, горячие стремления их народов как можно скорее добиться реальных плодов независимости, накал революционных настроений среди африканской общности — все это заставило Вашингтон как можно шире применить здесь «антиколониальную» тактику, политику «союза с национализмом» и т. д. Одной из важных особенностей американской неоколониалистской стратегии является постоянное совершенствование идейно-пропагандистских средств и методов экспансии. И эта сторона американского неоколониализма также находит ярчайшее проявление в Африке.

В целом политика США в Африке отнюдь не сводится к однозначным компонентам. Она претерпела немалую эволюцию за довольно короткий срок. В начальной фазе «холодной войны», например, Вашингтон мог более или менее открыто заявлять о безусловном приоритете интересов его колониальных союзников по НАТО, защищать колониализм. К концу 60-х годов для его дипломатов стало обычным расточать льстивые дифирамбы по адресу президента Гвинейской Республики Ахмета Секу Туре или президента Мали Модибо Кейты, ставшего жертвой переворота в конце 1968 года. Насколько империалистической, по-новому колониалистской и угнетательской является политика США в своем коренном содержании и в своей главной направленности, настолько же изощренной, облаченной в одежды прогресса она может быть в своих конкретных проявлениях.

Но, как сказал еще в очень давние времена Гораций, «лишь небо, не душу меняют те, кто за море путь свой держит». Пересекая Атлантический океан, американские империалисты появляются под небом Африки с той же душой, с какой они орудовали полтора столетия под небом соседней Латинской Америки — с душой флибустьеров, безжалостных грабителей, расхитителей национальных богатств, фабрикантов угодливых и продажных марионеток, душителей народной свободы под гимны свободе частнокапиталистической эксплуатации.

Именно эту «душу» раскрыл американский империализм в Африке во всю ширь, однако с тем коэффициентом

том на поправки, который диктуется эпохой революционного преобразования мира, вынуждающей империалистов на изощренное политическое ловкачество, как ни желательна для них прежняя практика «дипломатии канонеров».

Данная книга посвящена исследованию некоторых особенностей и проявлений неоколониалистской стратегии американского империализма в Африке на третьем этапе общего кризиса капитализма, в основном с середины 50-х годов, в период крушения колониализма и становления независимых африканских государств. Это не конкретно-историческое исследование политики США в Африке, изложенной в хронологической последовательности. Конкретно-исторический материал используется автором в концентрированном виде для того, чтобы выделить и охарактеризовать основные цели, методы и формы неоколониалистской стратегии США. Этим, в частности, данная работа отличается от ряда других уже имеющихся советских публикаций, освещавших с достаточной полнотой экспансию США в Африке.

Было бы совершенно неправильно говорить о какой-то единой политике США в отношении «третьего мира» или даже только в отношении стран Африки: она различается применительно к каждой конкретной стране в соответствии со спецификой местных условий. «Мы, конечно, соznавали, — подчеркивал заместитель государственного секретаря США в правительстве Л. Джонсона Катценбах, — что одни страны для нас важнее, чем другие... Наше вмешательство в менее развитом мире всегда было избирательным и стало еще более таковым перед лицом жестких бюджетных требований»⁹.

Но столь же неправильно было бы полагать, что в основе этой политики нет определенных долговременных установок, общих узловых моментов и руководящих идей, перспективных целей, то есть всего того, что условно можно назвать моделью неоколониализма, его стратегией. Эта стратегия исходит из своей оценки исторической перспективы развития «третьего мира» и рассчитана на определенную перспективу его развития.

Дать на примере Африки представление о сущности такой стратегии, о том, какими действиями и средствами она претворяется в жизнь, обрисовать важнейшие участки американской экспансии — такова задача книги. Насколько это возможно, автор стремился раскрыть поли-

тику США в Африке во взаимосвязи с общими установками, разработанными Вашингтоном в отношении «третьего мира», показать эволюцию основного подхода правящих кругов США к современной Африке и — в сжатом виде — некоторые направления внешнеполитической активности США на африканском континенте, поскольку они безусловно важны для понимания сущности американского неокOLONиализма, раскрывают его отдельные стороны и свойства.

При изложении избранной темы не представлялось возможным выдерживать строгие хронологические рамки, поскольку некоторые явления берут начало задолго до середины 50-х годов. В соответствии с тематическим замыслом в книге раздельно излагаются экономические, внешнеполитические, военно-стратегические и идеологические аспекты американской экспансии в Африке. Сопоставляя по значению различные факторы американской экспансии, автор сделал упор на анализ экономических и идеологических аспектов американского неокOLONиализма.

Такой подход, по-видимому, вполне оправдан, поскольку сами правящие круги США расценивают «помощь» в ее различных вариантах, а также «битву за умы людей» в «третьем мире», то есть идеологическую экспансию, как важнейшие компоненты своей внешней политики в отношении развивающихся стран и как главные средства достижения ее целей.

Что же касается активности дипломатии США, как таковой, то она рассматривается главным образом в плане ее организации и общего содержания, в плане анализа ее принципиальных установок, а также в связи с исследованием ряда проблем, приобретающих, на наш взгляд, общеафриканский характер и значение. Внешнеполитическая активность американского империализма в отдельных странах Африки затрагивается в данной книге лишь в малой степени и в самой общей форме. Это сделано, во-первых, потому, что уже вышло в свет немало популярных и научных работ по отдельным районам и странам Африки, где, наряду с прочими проблемами, затрагиваются и их взаимоотношения с США, даются конкретные факты и оценки американской политики. А во-вторых, углубленный анализ политики США в отношении отдельных стран Африки потребовал бы фактически нового исследования.

Автор предпочел раскрыть империалистическую сущ-

ность дипломатии США, отобрав для анализа ряд проблем, касающихся стран Африки в целом, а также осветить относительно мало изученные вопросы (взаимоотношения США и ЕЭС по вопросу об «ассоциации» стран Африки с «общим рынком», попытки США использовать ООН в неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИХ целях и т. д.).

В ходе изложения всего материала особое внимание уделялось автором показу постоянного воздействия на политику США такого решающего фактора современности, как борьба и соревнование двух мировых систем.

Данная книга отнюдь не претендует на полноту раскрытия избранной темы, как это ясно из уже сделанной выше оговорки. Кроме того, надо прямо сказать, что события в Африке, неизменно бурные и отмеченные политическими потрясениями как прогрессивного, так и регрессивного свойства, обгоняют любое исследование. Американская политика также постоянно меняет свои формы и проявления.

ЗАМЫСЛЫ И ФОРМУЛЫ ПОРАБОЩЕНИЯ

„Хотят ли, готовы ли они признать наше руководство?“

В форме вопроса «Хотят ли, готовы ли они признать наше руководство?» определял покойный президент Дж. Кеннеди основную задачу, суть подхода США к молодым африканским государствам. Иначе говоря, ставшие независимыми бывшие африканские колонии должны быть «руководимы» Западом, Соединенными Штатами. С колониализмом покончено, но «руководство» колонизаторов должно оставаться. Независимость под контролем, независимость под надзором — такова суть американского «признания» африканской независимости, так совершается подмена понятия независимости доктриной «взаимозависимости» стран Африки с их вчерашними угнетателями. Совершенно очевидно, что подобная постановка вопроса плохо согласуется с действительным признанием суверенитета и независимого развития африканских стран.

Чтобы в той или иной форме удержать политическое господство в Африке, колонизаторы прибегали к прямому и жестокому насилию (7,5-летняя война в Алжире), к запутанным конституционным маневрам (Кения), к интервенциям против молодых государств, едва независимость была им предоставлена [Конго (Киншаса)]. Силы империализма ведут борьбу за сохранение оставшихся колониальных владений, спасают расистские цитадели в Южной Африке и в Южной Родезии, рассматривая их как плацдармы контрнаступления против сил национального освобождения. В освободившихся странах Африки они упорно цепляются за заранее подготовленные позиции,

особенно в области экономики. Излюбленной тактикой империалистов является использование объективных трудностей африканских стран, вмешательство во внутренние неурядицы, чтобы вернуть утраченные позиции, о чем свидетельствуют события в Конго (Киншаса) и Нигерии. Они вынашивают и частично осуществляют планы разобщения африканских стран, затягивания их в сети «военного сотрудничества», стремятся подорвать их веру в возможности самостоятельного развития, воспрепятствовать их переходу на некапиталистические рельсы, переделить их между собой на сферы влияния в соответствии с новым соотношением сил в империалистическом лагере. Иногда колониализм прячется за фасадом независимости отдельных стран Африки, но не покидает их землю. Бывает так, как об этом удачно написал швейцарский журналист Ш.-А. Фавро: «Известные колониальные предприятия обладают правом определять политику фиктивных государств, в которых они царствуют»¹. По словам бывшего президента Мали М. Кейты, колонизаторы подчас управляют «независимой страной... через посредство предателей»². Поэтому борьба против колониализма составляет важнейшее содержание политической жизни в Африке. Народы континента выработали девиз, согласно которому ни одна его часть не может считаться свободной, пока не будут сметены последние колониальные режимы.

Однако завершающийся распад колониальной системы — факт, который не могут не признавать империалисты. И на смену их прежней политике прямого угнетения народов приходит неоколониализм, красноречиво названный президентом А. Секу Туре «пролонгацией колониального пакта».

Четкое определение неоколониализму дать трудно, поскольку он означает совокупность всех средств и методов, используемых империалистами для подрыва подлинно независимого, прогрессивного развития освободившихся стран. Арсенал же таких средств и методов весьма велик. Но главное в неоколониализме — его сосредоточенная нацеленность на использование в интересах империалистических монополий и государств объективных факторов экономической отсталости и зависимости развивающихся стран.

В большинстве из этих стран перестройка колониальной структуры экономики происходит крайне медленно,

иногда очевидны даже тенденции к консервации такой структуры. Обесцениваемое на мировом рынке сырье остается для них единственным источником получения валюты, нужной для закупок оборудования и машин; зависимость от монополий приводит к тяжелым последствиям. Обобщенным показателем хронической экономической отсталости данной группы стран является разрыв в уровнях развития передовых капиталистических и развивающихся стран, который не уменьшается, а увеличивается. Сейчас выпуск продукции в расчете на душу населения в «третьем мире» в 12 раз ниже, чем в развитых капиталистических странах. К концу века, если положение не изменится, он будет в 18 раз ниже³.

Это общее для «третьего мира» положение особенно ярко иллюстрируется примером Африки. В 1960 году валовой национальный продукт (ВНП) стран Африки, вместе взятых, составил 34,86 млрд. долл. при населении в 277,8 млн. человек, а в 1966 году — 43,75 млрд. долл. при населении, возросшем до 318,9 млн. человек. Иначе говоря, он более чем в три раза меньше по стоимости, чем ВНП Японии. Если исключить ЮАР, то ВНП на душу населения в различных районах континента составлял в 1960 году от 79,5 долл. до 164 долл., а в 1966 году — от 77 долл. до 175 долл.⁴ Для сравнения можно сказать, что ВНП на душу населения в США, Западной Европе, Австралии и Новой Зеландии составлял в 1966 году 2410 долл.⁵ Отсюда ясно, какая пропасть в уровнях развития разделяет передовые страны капитализма и страны Африки.

При этом практика показала, что без коренного преобразования имеющейся социально-экономической структуры нельзя обеспечить роста производства, внушающего надежду на уменьшение данного разрыва. За 1960—1965 годы темпы роста ВНП в Африке (исключая ЮАР) составили всего 3,5%. Если они были относительно хороши в 1961—1963 годах (4,7%) и в 1963—1964 (5,7%), то в 1964—1965 они упали до 3,0%, а в 1965—1966 годах — до 2,3%. С учетом быстрого роста населения темпы роста производства едва поддерживают существующий низкий уровень экономического развития: за 1960—1965 годы темпы роста ВНП на душу населения в Африке составили всего 1,2%, в 1965 они снизились до 0,6%, а в 1966 году ВНП на душу населения в Африке показал абсолютное уменьшение в сравнении с предыдущим годом на 0,1%⁶.

Низкий уровень развития промышленного производства не позволяет осуществить быстрый подъем сельского хозяйства, что в свою очередь обеспечило бы необходимые ресурсы для роста промышленности. Объясняемая колониальным прошлым застойность сельскохозяйственного производства — тяжелая гиря, которая постоянно тянет вниз экономику стран Африки. Индекс сельскохозяйственного производства в Африке, исключая ЮАР, составил (среднее за 1957—1959 гг. = 100) в 1960 году — 108, а в 1967 году — 123. Но что касается производства на душу населения, то он за эти годы даже уменьшился со 103 до 101⁷. В результате страны Африки вынуждены тратить значительную часть экспортной выручки на импорт продуктов питания (16,5% в 1965 г. от общего импорта)⁸, сокращая закупки промышленного оборудования. Эти страны сильно зависят от мирового капиталистического рынка в снабжении зерновыми, мясом, сахаром, молочными продуктами и т. д.

Создается порочный круг: чтобы расширить закупки оборудования для промышленности, страны Африки должны увеличивать экспортную выручку за счет увеличения производства традиционных сырьевых экспортных товаров; стоимость же вывозимого сырья постоянно падает, и несмотря на рост его производства экспортная выручка (за исключением ряда стран быстрого развития нефтедобычи и добычи некоторых других видов минерального сырья) либо не возрастает, либо возрастает незначительно. Африканские страны в большинстве никак не могут добиться устойчивого самостоятельного экономического развития и остаются зависимыми от притока капиталов извне. Но поступления капиталов из развитых стран капитализма в форме частных инвестиций или «помощи» направлены на укрепление засилья монополий и не приводят к серьезной диверсификации и общему подъему экономики. Более того, они сопряжены с утечкой прибылей и других средств в сейфы иностранных монополий, с изъятием их из национального накопления.

Как правило, развивающимся странам трудно, а в условиях капитализма невозможно, решить свои проблемы без помощи извне. Именно это положение и используется империалистами как объективная предпосылка для постоянного вмешательства, направляемого на то, чтобы продиктовать развивающимся странам определенный экономический и политический курс.

Этим особенно опасен неокOLONИализм. Империалисты превращают сферу экономики в плацдарм своих решающих битв против свободы народов. Засилье монополий, аграрно-сырьевая специализация, неэквивалентный обмен, привязанность к мировым капиталистическим рынкам, острая нужда в капиталах и технических услугах,—используя эти и прочие объективные факторы, характеризующие положение африканских и других развивающихся стран, империалисты могут навязывать им особенно тяжелые и устойчивые формы зависимости, вытекающие из действия самих экономических законов капитализма.

Если мы говорим, что закрепление нынешнего положения развивающихся стран в мировой капиталистической системе, сохранение неравноправного международного разделения труда являются генеральной целью неокOLONИализма, то уже само выдвижение подобной цели в современных условиях предполагает одну существенную особенность неокOLONИалистской стратегии. заключается она в том, что данная цель претворяется в жизнь в рамках политики, предусматривающей известное развитие «третьего мира». Империалисты не могут просто предлагать освободившимся народам какую-то социально-политическую модель, не обещая никаких сдвигов в экономике бывших колоний. Но они добиваются, чтобы это развитие протекало под неослабным контролем со стороны международных монополий. Это означает развитие в таких условиях, которые не ослабляют, а усугубляют экономическую зависимость «третьего мира», усиливают его эксплуатацию и порабощение.

Подобному развитию империалисты стремятся придать характер процесса, направленного на «модернизацию» и воспроизводство в основных чертах отношений эксплуатации, унаследованных от колониализма. Оно мыслится как предвосхищение, предупреждение действительно самостоятельного развития данных стран, как создание социально-экономических предпосылок, неотвратимо привязывающих их к финансово-промышленным центрам капитализма, как направляемая извне капиталистическая эволюция, расширяющая базу господства монополий. В условиях соревнования и борьбы двух систем империалисты стремятся помешать прочному сотрудничеству развивающихся стран со странами социалистического содружества, без которого развивающиеся страны не

могут разрешить задачу ликвидации тяжелого наследия колониализма в своей экономической и общественной жизни, а порой и отстоять независимость.

Несмотря на название, неоколониализм в своих главных чертах не является новшеством в истории международных отношений. Капитал, достигая определенной стадии в своем развитии, неизменно устремляется по рельсам колониальной политики; как колониализм, так и неоколониализм — функциональное выражение его сущности. В неоколониализме получают развитие все те методы косвенного господства, которые издавна входили в арсенал колониально-капиталистического порабощения. Владение колонией, писал В. И. Ленин, дает лишь «наибольшие «удобства» и наибольшие выгоды» финансовому капиталу, но колониальная политика осуществляется и косвенно, через «целый ряд *переходных* форм государственной зависимости»⁹. Яркий пример тому — страны Латинской Америки, которые уже после освобождения от испанского владычества испытывали все существенные черты колониального угнетения без потери государственной самостоятельности¹⁰. Но следует при этом подчеркнуть, что современный неоколониализм не является просто более масштабным применением привычных методов косвенного господства. Он представляет собой исторически обусловленную переориентацию империализма, которой придается известная планомерность, определяемая задачей устойчивого воспроизводства отношений колониальной эксплуатации в условиях ликвидации политической структуры колониализма.

Если говорить обобщенно и сжато, то колониализм имеет место тогда и там, когда и где господствующий класс одной страны угнетает, эксплуатирует народы других стран. В эпоху описанного К. Марксом первоначального накопления преобладал прямой вооруженный грабеж материальных ценностей европейскими державами в заморских странах. Эпоха становления капитализма характеризовалась тем, что ограбление порабощаемых народов осуществлялось в основном путем внедрения принудительного труда. Вступление капитализма в стадию промышленного развития принесло экономически отставшим народам эксплуатацию в основном путем превращения их в потребителей товаров западноевропейских стран. Наконец, с переходом капитализма в его высшую, империалистическую стадию завершается территориальный

раздел, происходит экономический раздел и передел колониальных территорий, используемых прежде всего как источники сырья и сфера приложения капиталов.

Колониальная эксплуатация выступала в разных исторических формах, предопределявшихся как переходом капитализма в метрополиях от одной стадии к другой, так и экономическим и социальным развитием в колониях и полуколониях. Неоколониализм является продолжением империалистической эксплуатации экономически отставших стран новыми средствами в той кардинально изменившейся исторической обстановке, когда появилась мировая социалистическая система, оказывающая растущее влияние на мировое развитие, когда национально-освободительное движение получило небывалый размах, а колониальная система почти полностью рухнула.

Помимо прямого экономического давления неоколониализм характеризуется возрастающим стремлением империалистических кругов использовать социальную опору, созданную ими еще в колониальный период, в лице феодально-консервативных и буржуазно-реакционных сил. Ставка на прямой союз с этими силами во многом определяет неоколониалистскую политику, и все программы «помощи» предназначаются в той или иной мере для их подкупа. «Между буржуазией эксплуатирующих и колониальных стран,—говорил В. И. Ленин еще в 1920 году,—произошло известное сближение, так что очень часто — пожалуй, даже в большинстве случаев — буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальные движения, в то же время в согласии с империалистической буржуазией, т. е. вместе с нею, борется против всех революционных движений и революционных классов»¹¹.

В условиях падения колониальных режимов политика превращения национальной буржуазии в союзника буржуазии империалистической приобретает для колонизаторов особое значение. Там, где она слаба или где ее нет, эквивалентом союза с ней служит союз с феодально-племенной иерархией, и особенно с нарождающейся «бюрократической» буржуазией, с деятелями из буржуазно-чиновничьей среды. Опираясь на эти силы, империалисты подавляют стремления трудящихся города и деревни, мелкой буржуазии, патриотического офицерства и национальной интеллигенции к закреплению и развитию результатов антиколониальной революции. Они открыто

провозглашают цель создания в развивающихся странах «среднего класса» — главного носителя частнособственных тенденций, уделяют внимание подготовке кадров молодых государств, насаждают свою агентуру в их госаппарате, реформизм в рабочем движении и т. д. Для удержания и упрочения своих позиций империалисты умело пользуются неустойчивостью внутреннего положения в ряде развивающихся стран, их экономическими трудностями, политической незрелостью масс, конфликтами, вытекающими из нерешенности национального вопроса и представляющими собой одно из наследий колониализма, и т. д.

США — ведущая сила неоколониализма в мировом масштабе. То, что на протяжении послевоенного периода США неоднократно выступали защитником колониальных режимов, стремясь оградить мировой капитализм от ударов национально-освободительной и революционной борьбы народов, — хорошо известная истина, подтверждаемая множеством фактов. Но с середины 50-х годов правящие круги США уже не сомневаются в обреченности колониальной системы и постепенно не только переносят центр тяжести в своей политике на применение неоколониалистских методов, но и выступают с инициативой перехода всех стран НАТО к тем же методам. На такой поворот их подтолкнула реальная оценка возможностей и задач стабилизации империалистического господства в новых исторических условиях. Эту вынужденную перестройку своей политики Вашингтон пытается совместить с существенным перераспределением сфер влияния и эксплуатации в свою пользу.

Начиная с 60-х годов в политике США по отношению к развивающимся странам, особенно в программах «помощи», предусматривается даже осуществление отдельных объективно прогрессивных мероприятий (аграрные реформы, упорядочение финансов, оздоровление законодательства и т. д.) в той мере, в какой они расчищают путь для устойчивой капиталистической эволюции новых государств, сопряженной с экономической и политической ориентацией на империалистические державы. Но надо отметить, что это не более чем отдельные проявления, постоянно смазываемые стремлением по-прежнему использовать «помощь» для непосредственных политических и экономических выгод.

От своего западноевропейского двойника американ-

ский неокOLONиализм отличается масштабностью операций. Он добился существенного расширения своих позиций в «традиционных» сферах влияния империалистических конкурентов, действуя в рамках главной цели — упрочения контроля империализма над «третьим миром». США значительно превосходят остальные развитые капиталистические страны по размерам своих капиталовложений в развивающихся странах. О значении развивающихся стран для американского капитализма говорит тот факт, что в 1966 году их доля в экспорте США составляла 32,3%, а в импорте США — 30% ¹². Экономическая экспансия США сопровождается все более настойчивыми попытками установить политическое влияние и господство над странами «третьего мира».

Главное орудие американского неокOLONиализма, его экономическая основа — целенаправленный капиталовывоз в форме экспорта частных капиталов, в основном инвестиций крупных монополий, и в форме «помощи», предоставляемой по государственной линии. Определывая сущность политики США, американский профессор Дж. Т. Краун писал, что она заключается в «соревновании с коммунистическим миром путем игры в социальную политику за рубежом» и что «содержание глобальной социальной политики США — это деньги и техническая помощь» ¹³.

Представители правительства и монополий США постоянно говорят об увеличении частномонополистических инвестиций в развивающихся странах как о своей главной задаче. «Третий мир» остается важной сферой приложения капиталов американских монополий, привлекаемых туда исключительно высокой нормой прибыли за счет эксплуатации дешевой рабочей силы. В 1966 году американские монополии с каждого доллара помещенных в развивающихся странах капиталов переводили в США в три раза больше средств, чем с каждого доллара капиталов, помещенных в промышленных странах. И хотя в этом году на развивающиеся страны приходилось 29% американских прямых частных инвестиций за границей, они дали 58% всех прибылей, переведенных в США от американских прямых заграничных капиталовложений ¹⁴.

Но вопрос не сводится только к экономическому аспекту. Широкое внедрение монополий в экономику развивающихся стран правящие круги США рассматривают

как гарантию не только усиления их эксплуатации, но и утверждения в них угодных США политических порядков, обеспечения капиталистического пути их развития. Наиболее приемлемым для себя американские империалисты считают такое развитие стран «третьего мира», которое осуществляется под максимально полным контролем монополий, при овладении ими ключевыми экономическими позициями в данных странах. Для стимулирования капиталозэкспорта в развивающиеся страны правительство США разработало единственную в своем роде систему гарантий американских частных инвестиций. Согласно этим гарантиям, правительство может страховать инвесторов от политического и коммерческого риска на миллиарды долларов. На увеличение частных инвестиций ориентированы и все программы американской «помощи»: с 1962 года в ежегодные законы о «помощи» вводятся все более жесткие требования относительно подключения частного капитала к реализации программ «помощи» и принятия странами-получателями мер по привлечению американского частного капитала. Ассигнования по линии «помощи» строятся так, чтобы они выполняли служебную функцию по отношению к интересам частного капитала и не охватывали промышленно-производственную сферу экономики развивающихся стран, которая, по планам правящих кругов США, должна оставаться вотчиной монополий.

В основе подхода правящих кругов США к развивающимся странам лежит тезис о частном капитале как главном двигателе экономического развития. Государственный же капитал должен охватывать тот сектор хозяйства, который не привлекает частный капитал из-за отсутствия мотива прибыли. Согласно этому тезису, государственный сектор должен развиваться в плане такой общей «модернизации» экономики, которая создает все новые привлекательные сферы для приложения частных капиталов, приводя постепенно к замещению государственного инвестирования (в том числе и «помощи») инвестированием как местных, так и иностранных частных капиталов.

Однако общий приток американского частного капитала в развивающиеся страны не достигает пока того уровня, который правительство США как совокупный капиталист и выразитель перспективных интересов монополий считает необходимым. Если в период между двумя

мировыми войнами «третий мир» был главной сферой приложения американских капиталов, то сейчас более 70% американских частных инвестиций приходится на промышленные страны. Частично это вызвано структурными сдвигами в экономике мирового капитализма в результате послевоенной научно-технической революции, которые привели к изменениям и в структуре американских инвестиций.

Быстрое развитие рынков готовых промышленных изделий наряду с обострившейся на этой почве конкуренцией между главными странами капитализма и падением цен на сырье побудили монополии США вкладывать средства прежде всего в иностранную обрабатывающую промышленность. Но делать такие вложения в развивающиеся страны не целесообразно в силу узости их внутренних рынков, отсутствия квалифицированной рабочей силы, а также отсутствия необходимой инфраструктуры (транспорт, электростанции, сеть распределения и т. д.), создание которой требует предварительных нерентабельных вложений, на которые монополии не идут. Поэтому американский частный капитал устремляется в промышленные страны, исходя из задачи подавления конкурентов на их собственных емких рынках, а также рассчитывая получить быструю отдачу на капиталовложения, быстро компенсировать затраты за счет массы прибыли даже при более низкой норме прибыли. К тому же поток частных капиталов в развивающиеся страны сдерживается нежеланием менять выгодную для монополий колониальную структуру их экономики, а также боязнью «политического риска», национализации, неодобрением экономической политики развивающихся стран.

Это одна из причин, в силу которых частный капитал в современных условиях не может быть фактором, достаточным для воздействия на развивающиеся страны в нужном американским империалистам направлении, хотя именно ему отводится в потенции роль регулятора внутреннего социально-экономического развития данных стран. Главное же заключается в том, что частный капитал, движимый узкоэкономическим мотивом прибыли, недостаточен и непригоден для решения всего комплекса внешнеполитических, военных и внешнеэкономических задач американского империализма в обстановке охвативших «третий мир» глубоких революционных изменений. Чтобы справиться с национально-освободительными

процессами, обеспечить защиту и развитие капитализма в «третьем мире», правящим кругам США потребовалась особая форма регулярного финансирования внешней политики в целом. Капиталозэкспорт в развивающиеся страны перестраивается на государственно-монополистической основе и приобретает форму государственной «помощи». Стимулирование экспансии монополий является важным элементом «помощи», но она не сводится только к этому. Содержание и принципы «помощи» определяются задачей осуществления общей политики неокolonнализма и антикоммунизма, задачей закрепления в новых формах эксплуатации развивающихся стран монополиями и насаждения в них капиталистических порядков, политических режимов, связанных с империализмом. «Помощь» — непосредственное орудие внешней политики США.

Государственный капитал, направляемый в развивающиеся страны, в 2,5 раза превышает частные инвестиции. Так, в 1960—1961 годах, в период особого оживления «долларовой дипломатии» США, из 11 863 млн. долл. чистого экспорта капиталов из США частные инвестиции составили 5916 млн. долл., из которых на развивающиеся страны пришлось 1980 млн. долл. Остаток приходится на государственный капитал, почти целиком направленный в развивающиеся страны¹⁵. Ежегодные американские программы «помощи» выражались в суммах от 3 млн. до 6 млрд. долл., и именно на эти программы возлагалась задача «подготовить» развивающиеся страны к более интенсивной эксплуатации со стороны монополий, навязать им угодные империализму политические порядки. «Главная цель помощи иностранным государствам, как и многих других орудий внешней политики, — писал видный чиновник Управления международного развития (УМР) Х. Б. Чинери, — это создание такого политического и экономического окружения, в котором США могли бы наилучшим образом добиваться собственных *социальных* целей (курсив мой. — В. Ф.)»¹⁶. Небезызвестный доклад «комитета Клея», работавшего в 1963 году по указанию президента Дж. Кеннеди, прямо требовал превратить стимулирование капитализма в основную функциональную нагрузку «помощи»¹⁷. Государственному капиталу поручаются и «политическая стабилизация третьего мира», и подготовка развивающихся стран к более широкому инвестированию частномонополистических капита-

лов путем закрепления в них капиталистических порядков и создания необходимой инфраструктуры.

По мере усложнения внутренних процессов развития в странах «третьего мира» и укрепления их политической независимости особенно в связи с тенденциями к созданию самостоятельной государственной экономики, к капиталистическому развитию, к позитивному нейтралizmu, к заимствованию опыта и к развитию отношений с социалистическими государствами, американским империалистам приходится год от года прибегать к политике «помощи» как главному средству противодействия революционно-преобразовательным сдвигам в жизни народов «третьего мира», их антиимпериалистической борьбе. Такой фактор, как борьба двух систем, захватывающая в свою орбиту и развивающиеся страны, все больше становится решающей причиной продолжения политики предоставления «помощи».

Но нужно четко представлять, что правящие круги США с самого начала прибегли к этой политике лишь как к временной, переходной форме внешнеполитического вмешательства в дела «третьего мира». Они исходят из предположения, что рано или поздно политика «помощи» приведет к претворению в жизнь политических и экономических целей неокOLONиализма, после чего «помощь» будет полностью заменена традиционным экспортом частного капитала.

Американские империалисты добиваются максимальной координации «помощи» своих союзников, стремятся ввести ее в рамки Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международного валютного фонда (МВФ), Международного банка, Ассоциации международного развития (АМР) и прочих орудий «атлантического империализма». Доля международных органов в распределении западных программ «помощи» составляет около 15%¹⁸. В этой тактике проявляется намерение США отладить механизм «коллективного колониализма» для согласованного давления на развивающиеся страны. Но вместе с тем Вашингтон пытается таким образом поставить под свой надзор политику других империалистических стран, утвердить свое господствующее влияние в «третьем мире».

США с наибольшим размахом проводят и неокOLONиалистскую линию на создание социальной опоры империализма в молодых государствах. Под видом «союза с на-

ционализмом» в Африке они взяли курс на прочный союз с реакционно-эксплуататорскими классами и слоями для совместного обуздания передовых национальных сил. Цели подобной политики раскола и подрыва национально-освободительного движения довольно бесцеремонно обозначил еще в 1956 году один из руководителей госдепартамента Дж. Аллен (причем говорил он конкретно об Африке): «Элементы национализма, способствующего действительной независимости и стабильности (читай: «взаимозависимости» с колонизаторами.— В. Ф.), должны поощряться, а элементы национализма чисто негативного, анархического и подрывного характера (читай: прогрессивные силы.— В. Ф.) должны быть обузданы»¹⁹.

Сущность общего подхода США к развивающимся странам, выработанного с начала 60-х годов, неоднократно излагалась представителями официального Вашингтона в почти совпадающих формулировках. Одно из последних, и самых широких, истолкований проблемы дал бывший заместитель государственного секретаря Катценбах.

Развивающиеся страны, говорил он, «в целом важны для национальной безопасности США», причем в первую очередь это «совершенно справедливо в отношении всех основных получателей американской помощи»²⁰. «Национальная безопасность» — это и причина американского «интереса» к «менее развитому миру», как выражается Катценбах, и предлог для вмешательства (Катценбах признает, что США осуществляют вмешательство во внутренние дела развивающихся стран). Это универсальное понятие вбирает в себя, по мнению американских империалистов, проблему «третьего мира» и пригодно для оправдания любых действий США. Зачастую уточнения проблемы «третьего мира» звучат в Вашингтоне как нюансированные истолкования понятия «национальной безопасности».

Проблема «национальной безопасности» США в конечном счете рассматривается через призму борьбы и соревнования двух мировых систем. В этих же политических рамках анализируется и проблематика «третьего мира». Некоторые развивающиеся страны, говорит Катценбах, интересуют США в самом прямом стратегическом смысле (Турция, Южная Корея). Индия, Бразилия, Индонезия, Пакистан, слабые экономически, обладают потенциальными выходами в разряд ведущих держав мира. Для

США важно, чтобы они, как и прочие развивающиеся страны, стали «дружественной для США силой в мировых делах». Они не смогут стать не только «дружественной», но и вообще устойчивой силой, если не преодолеют отсталость, нищету — причину внутренних распрей. При внутренних распрях «страны вроде Индии станут больше, чем раньше, районом соперничества между противоборствующими силами». Подобное положение, поясняет Катценбах, надо предотвратить: судьба развивающихся стран должна определяться чем дальше, тем больше и внутренней устойчивостью, и ясным выбором капиталистической системы. А чтобы этого добиться, Запад в целом, и особенно США, должен победить «мировую нищету»²¹.

Этим определяется и стратегия «помощи». Хорошо, если США удастся добиться «преданного согласия» страны-получательницы с американской политикой. Но это не должно быть критерием при предоставлении «помощи». Критерием является то, насколько «помощь» стимулирует капиталистическую ориентацию и закрепляет ее на базе частичного решения экономических проблем страны-получательницы.

И далее следует основной вывод: «Урок, который мы должны извлечь», — говорит Катценбах, — заключается в том, что возможности выбора развивающимися обществами прогрессивных путей развития (или «коммунистического захвата», как он выражается. — В. Ф.) «будут определяться, за исключением особых обстоятельств, развитием внутри самих этих обществ, а не внешними интригами и манипуляциями, и перспективы тоталитарных решений (т. е. выбора прогрессивных, некапиталистических путей. — В. Ф.) уменьшатся в той мере, в какой менее развитые страны добьются прогресса в решении своих проблем»²².

Фактически Катценбах дает разъяснение формулы другого американского политического авторитета, бывшего заместителя государственного секретаря Ю. Ростоу: порядок сам по себе еще ничего не значит — нужен прогресс. Взаимосвязь этих элементов такова: капиталистический прогресс во имя упрочения империалистического «мирового порядка» и империалистический порядок, допускающий только капиталистический прогресс²³.

Исходя из сказанного Катценбахом, можно дать ясную оценку американского неокOLONиализма. Американ-

ские правящие круги при случае не прочь похвалиться «широтой подхода» своей политики в отношении развивающихся стран. Эта политика действительно отличается широтой подхода в том смысле, что отдает приоритет задаче обеспечения капиталистического развития «третьего мира» в рамках признания его политической самостоятельности. Именно таков американский колониализм под давлением исторических обстоятельств. Но на этом и кончается «широта подхода».

Политика США целиком направлена на то, чтобы, воздействуя на внутренние социально-экономические процессы в развивающихся странах, навязать им капиталистическую ориентацию с вытекающими отсюда последствиями: экономической зависимостью от монополий и политической зависимостью от империализма. И в этом смысле, в смысле стремления лишить народы свободы выбора общественно-политического устройства, американская политика предельно жестка. Подход США к проблеме развивающихся стран означает, что эти страны сами по себе американский империализм не интересуют, «помощь» и «забота» о их судьбе продиктованы исключительно намерением превратить данные страны в экономические и политические единицы, отвечающие критериям «национальной безопасности» США, задачам упрочения господства США в капиталистическом мире, благополучию американских монополий.

Катценбах, Ростоу и другие умалчивают при этом о насильственной стороне американского неоколониализма. А между тем факты насилия во Вьетнаме, в Конго, в Доминиканской Республике, на Ближнем Востоке весьма существенно дополняют их анализ, показывают, с какой беспощадностью американские империалисты удерживают развивающиеся страны в нужной им колее, если «мягкие» методы отказывают. Американский неоколониализм, отличающийся особенно агрессивным характером, неотделим от военных авантюр, от постоянного агентурно-подрывного вмешательства в политическую жизнь развивающихся стран.

Американский неоколониализм, наконец, было бы неправильно оценивать, рассматривая лишь комплекс взаимоотношений США с развивающимися странами. Сами политические лидеры США никогда не отделяли эти взаимоотношения от общего курса внешней политики, направленной на подрыв социализма, на сколачивание эконо-

номического и военно-политического «единства» всего капиталистического мира под руководством США.

Схема ультраимпериализма, отработанная правительством Дж. Кеннеди и взятая на вооружение правительством Л. Джонсона, ясно предусматривает, что на основе широкой зоны «свободной торговли» первоначально должно быть спаяно в единый кулак «атлантическое сообщество», в котором Западная Европа выступает в качестве «полноправного и равного партнера» США, делящего с ними «как тяготы, так и возможности в области предоставления помощи, торговли, финансов, дипломатии и обороны»²⁴. Это во всех отношениях интегрированное сообщество должно, по расчетам правящих кругов США, упрочить их позиции в рамках Западного союза, а затем навязать «интеграцию» и развивающимся странам, подчинить их экономическим и политическим нуждам империализма на основе разделения «ответственности» между индустриальными капиталистическими странами за судьбы «менее развитых стран мира»²⁵.

Дин Раск весьма выразительно пояснил замысел ультраимпериалистической интеграции. Сплоченное «атлантическое сообщество», говорил он, должно сгруппировать вокруг себя прочие страны и районы, сохранив за собой, таким образом, привилегированное положение. «Наша цель, — суммировал Д. Раск, — свободное сообщество наций, независимых, но *взаимозависимых* (т. е. зависимых от США. — курсив мой. — В. Ф.), которое объединило бы Север и Юг, Восток и Запад». И направлено оно должно быть против коммунизма как «соперничающего метода организации общества»²⁶.

Выступая 28 марта 1963 г. в Филадельфии, специальный помощник президента США У. Ростоу разъяснял, что речь идет о превращении развивающихся стран в «конструктивных членов мирового сообщества», верховодить которым должны США, Западная Европа, Канада, Япония, Австралия и Новая Зеландия. Иначе говоря, Вашингтон ставит задачу «втягивания неприсоединившихся... стран в жизнеспособный мировой порядок»²⁷, организуемый силами империализма, главным образом американского, и основанный на системе коллективной опеки над «третьим миром». Таким путем предполагается сгладить противоречия империализма, облечь унаследованную от колониализма эксплуатацию в новую форму «мирового сообщества», отвечающего интересам крупней-

ших монополистических союзов и закрепляющего господствующее положение США, оживить в глобальном плане политику антикоммунизма.

Убедившись, что осуществление поставленной цели — глобальной капиталистической интеграции — весьма затяжной процесс, подрываемый противоречиями внутри самой капиталистической системы и освободительной борьбой народов, правящие круги США избирают стратегию, рассчитанную на длительное время и предусматривающую предварительное создание жизнеспособных региональных объединений в пределах отдельных географических районов — своего рода элементов «конструкции» будущей глобальной интеграции.

С этой точки зрения, пояснял заместитель государственного секретаря Ю. Ростоу, стратегия США в отношении «третьего мира» принципиально та же, что и в отношении Западной Европы, где США добиваются западноевропейского «единства» в качестве одного из устоев «атлантического сообщества». США, говорил Ю. Ростоу, поощряют страны в различных районах мира «работать сообща в международных группировках для обороны и экономического развития». «Мы надеемся, — продолжал он, — что образующиеся различные группировки регионального характера придадут со временем упорядоченные и прогрессивные структуры странам „третьего мира“, позволят им избавиться от чувства отчаяния и противостоять многим силам беспорядка и насилия...»²⁸.

Как видно, один из аспектов неоколониалистской стратегии США заключается в том, чтобы целые регионы из развивающихся стран, направляемые Соединенными Штатами и другими индустриальными капиталистическими странами, устанавливали у себя однотипные экономические и политические порядки, отвечающие требованиям и расчетам империалистов. Правящие круги США вынашивают также планы параллельного превращения подобных регионов в скрытые военные блоки с «совместной обороной», направленные против стран социализма.

Говоря обобщенно, стратегия американского неоколониализма заключается в превращении развивающихся стран в жизнеспособный и активный элемент глобальной капиталистической интеграции, а также политической системы современного империализма.

Этот генеральный план основан на требованиях монополистических союзов об экономическом переделе мира,

предполагает развитие и укрепление мирохозяйственных связей, сложившихся в рамках мировой капиталистической системы, то есть «сулит» развивающимся странам усиленную эксплуатацию со стороны империалистических монополий, независимо от того, какие частичные сдвиги в их экономическом развитии могут иметь место. Неоколониалистская стратегия США рассчитана на деформацию независимого развития стран Азии, Африки и Латинской Америки, поскольку само развитие подчиняется требованиям «взаимозависимости», характер которой определяется традиционными эксплуататорами данных стран. Эта стратегия имеет целью замену бывших национальных колониальных империй интернациональной неоколониалистской вотчиной монополий «атлантического сообщества». Для развивающихся стран это означает, что в гигантском котле сверхинтеграции они станут беззащитным объектом грабежа крупнейших монополий, объектом диктата политического центра этих монополий, расположенного по обеим сторонам Северной Атлантики, в конечном счете — областью растущей экспансии американского империализма.

Таковы общие положения и особенности неоколониалистской стратегии. Они лежат в основе американской политики в Африке. Госдепартамент США отмечал, что «с быстрым появлением новых африканских государств отношения США с Африкой претерпели много изменений». Характер этих изменений определялся тем, что «к Черному континенту нельзя больше ни в какой мере подходить как к придатку Европы»²⁹. Освобождение Африки расценивается в Вашингтоне как «одно из самых значительных мировых событий послевоенного периода»³⁰.

Американские империалисты уже не могут исходить из какой-либо другой перспективы, кроме полного освобождения Африки, которое рано или поздно станет свершившимся фактом. Рассматривая подобную перспективу как опасное испытание для мировой капиталистической системы и как возможность занять место западноевропейских стран, США постепенно, но неуклонно увеличивают масштабы своего вмешательства, «присутствия» на континенте. В соотношении позиций США и бывших метрополий в Африке наблюдается тенденция к ро-

сту американского влияния, повышению его удельного веса. Ведущая экономическая и военно-политическая роль США в капиталистическом лагере сказывается и в Африке.

На протяжении всего рассматриваемого периода для политики США в Африке характерно резкое различие между ее внешним выражением и внутренним содержанием. Официальные заявления толкуют подход США к африканским проблемам как проявление «сочувственного интереса», определяемого тем, «что африканцы хотят для себя сами». Типично заявление Дж. Кеннеди в октябре 1962 года: «Мы хотим африканцам того же, чего они хотят для себя сами, а именно: права на самоопределение с вытекающей отсюда ответственностью, равенства в мировом сообществе, быстрого социального и экономического прогресса»³¹. Подобные заявления не раскрывают классового содержания политики «поддержки африканского национализма».

Между тем такие заявления отнюдь нельзя считать выражением действительной готовности признавать и поддерживать любой политический выбор африканских народов, считать их полностью свободными в своем выборе. О подлинном отношении США к народам Африки говорит хотя бы факт создания Пентагоном при президенте Дж. Кеннеди специального ударного командования с особыми «противоповстанческими» войсками, обученными технике карательных экспедиций против национально-освободительных движений. Воздушнодесантные войска и авиация, находящиеся в распоряжении этого командования, предназначены в основном для использования на Ближнем Востоке и в Африке. Прикрываясь разговорами о свободе Африки, американские империалисты заранее создали силы расправы, как бы предупреждая африканские народы, что они могут стать жертвами агрессии при неблагоприятном для империализма повороте дел на континенте.

Нельзя не отметить известную целеустремленность американских империалистов на протяжении рассматриваемого периода. И то, как их цели формулируются, говорит о стремлении правящих кругов США к установлению над африканскими странами экономической и политической опеки, хотя с полной откровенностью подобные стремления, естественно, не могут быть высказаны.

Так, после специальной миссии в Африку в 1955 году

члена конгресса Ф. Болтон в представленном ею докладе говорилось: «У Соединенных Штатов имеются определенные общие цели в Африке, а именно: они заинтересованы в том, чтобы эволюция в Африке не была враждебна... нашей форме правления, чтобы были исключены влияния, недружелюбные нашему образу жизни, чтобы была надежда на доступ к сырью этого континента, в особенности чтобы были обеспечены наши стратегические нужды; Соединенные Штаты заинтересованы в том, чтобы осуществлять свое моральное руководство»³². Выступая весной 1967 года в конгрессе США с разъяснениями курса, уже вобравшего в себя философию «новых рубежей», помощник государственного секретаря по делам Африки Дж. Палмер повторил почти то же самое, что говорила Ф. Болтон: «Мы имеем значительные выгоды от доступа к африканскому сырью. Выгоды от торговли с этим районом также увеличиваются. Нам нужны африканские голоса в ООН. Мы располагаем военными базами и установками на континенте. Мы стараемся оказывать влияние на народы Африки, завоевать их умы и сердца».

В различных районах Африки политика США осуществляется дифференцированно, с учетом их специфики. В Северной Африке американскому империализму приходится иметь дело с относительно развитой, а в Тропической Африке — с едва нарождающейся национальной буржуазией. Вашингтону приходится учитывать и различную степень зависимости стран Африки от западноевропейского капитала, а также степень развития в них национально-освободительного движения. При формировании своей политики США в первую очередь учитывают географический (с военно-стратегической точки зрения) и экономический (с точки зрения наличия или отсутствия в данной стране ценного сырья) факторы.

Но существуют постоянные и общие стратегические направления американской политики в Африке. Они определяются стремлением не допустить проведения полностью самостоятельной политики африканскими государствами, изолировать их от социалистического сотрудничества; воспрепятствовать углублению социально-экономических преобразований в странах Африки, подорвать тенденции некапиталистического развития, подчинить континент интересам мирового капиталистического хозяйства; парализовать рост влияния социалистических идей в Африке; использовать Африку для военно-strate-

гических нужд, определяемых борьбой против национально-освободительного движения и мирового социализма.

Цели политики США воплощаются в установках и принципах, разработанных правительством Дж. Кеннеди и развиваемых после этого дальше. Эти установки и принципы свидетельствуют об империалистических устремлениях их авторов, хотя и выражаются не в форме грубого диктата, а в форме предложений «мягкой» и «дружественной» опеки.

Как уже указывалось, Дж. Кеннеди призывал к «руководству» новой Африкой со стороны Запада и непосредственно США. Эта идея внешнего «руководства», надзора за эволюцией освободившихся стран со стороны империалистических государств выдвигается Вашингтоном как внешнеполитический постулат, является краеугольным камнем его подхода к Африке. О «руководстве» говорил и президент Л. Джонсон. Он ставил перед своей страной задачу «руководить» развивающимися странами, «а не принуждать их силой»³³. Тем самым косвенно подтверждалось, что раньше политике США было свойственно именно принуждение, от которого ей под давлением обстоятельств приходится отказываться, переключаясь на «руководство». Но это последнее отнюдь не означает коренную ломку политики США, преимущество ее основных целей остается.

Сама претензия на «руководство» африканскими странами несовместима с полным и безусловным признанием их независимости. Она отражает намерение держать страны Африки под иностранным, империалистическим влиянием, какие бы конкретные формы оно ни принимало и какой бы характер ни носили политические изменения на континенте и акты волеизъявления его народов.

Провозглашенный Дж. Кеннеди лозунг «поддержки африканского национализма» весьма существенно уточняется этим принципом «руководства». Принцип «руководства», очевидно, предполагает, что США поддерживают такой «национализм», такую независимость, которые сочетаются с устраивающими империалистов порядками. Весь арсенал внешнеполитических средств США ориентирован на подрыв связей и сотрудничества между африканскими и социалистическими странами, на международную изоляцию Африки в узкой сфере отношений

с западными странами. Если африканскими странами должен кто-то «руководить», то они уже не могут до конца играть роль действительно самостоятельного фактора мировой политики. Если независимость сочетается с внешним «руководством», диктующим определенный курс, то политический смысл такой независимости весьма ограничен.

Еще в своей предвыборной речи 14 июня 1960 г., в значительной части посвященной Африке, Дж. Кеннеди разъяснял сущность принципа «руководства» как вовлечения стран Африки в орбиту исключительно империалистического влияния. «Поддержка национализма» и «помощь», говорил он, нужны лишь для «убеждения» африканских лидеров в том, что «им незачем обращаться к Москве за руководством и дружбой, в которых они остро нуждаются»³⁴. «Руководство» Африкой должно оставаться в руках империалистов, ее вчерашних угнетателей — таково неотступное требование Вашингтона. Очевидно, однако, что действительная независимость народов Африки должна включать свободу волеизъявления, доводимую до разрыва с общественно-экономическими укладами капитализма, полную свободу обращения «за руководством и дружбой». Американский неоколониализм такую свободу отрицает³⁵. Обращает на себя внимание и то место в речи Кеннеди, где он говорит, что африканцы «остро нуждаются в руководстве». Оно типично для правящих кругов США, которые придерживаются «теории вакуума» в Африке после краха колониализма, исходят из неизбежности, обязательности какого-то внешнего «руководства» Африкой, как бы заранее отрицая допустимость полной самостоятельности ее народов.

В той же речи Дж. Кеннеди, говоря о «способности США активно и быстро вмешиваться в любую ограниченную войну повсюду в мире», сразу вслед за этим добавлял: «Мы должны в сотрудничестве с Западной Европой и Японией значительно увеличить приток капитала в слаборазвитые районы Азии, Африки, Среднего Востока и Латинской Америки, срывая надежды коммунистов»³⁶. Это — еще одно выражение претензии заключить будущее стран Африки в рамки империалистической опеки над ними.

Отталкиваясь от стандартного намека на «коммунистическое проникновение» («надежды коммунистов»), Дж. Кеннеди фактически выразил намерение помешать

серьезной ломке африканскими народами колониально-капиталистических порядков. Он выступил с идеей коллективного империалистического контроля над Африкой и упомянул о готовности США прибегнуть к такому средству, как «локальные» войны.

Приоритет интересов империализма, обеспечение его «присутствия», его руководящей роли в Африке в новых формах, то есть сохранение за ним всех привилегий эксплуататора и политического патрона,— такова суть американской доктрины «руководства». Иногда эти требования высказывались в США с категоричностью, не оставляющей сомнений. Так, накануне прихода Кеннеди в Белый дом редакция журнала «Ньюсуик», отмечая неизбежность решающих перемен в Африке, заявляла, что, несмотря на это, Запад «должен оставаться в Африке. Он нуждается в растущем рынке этого континента, в его сказочных запасах сырья; он не может позволить 235 миллионам людей скатиться к хаосу коммунизма»³⁷. В этом заявлении даже не ставится вопрос о настроениях африканских народов, их собственном отношении к «опасности скатиться к хаосу коммунизма». По мнению авторов, ответы на такие вопросы должны предreshаться тем, что Запад «нуждается» в Африке и волен навязывать ей свое «присутствие», доктрине «взаимозависимости» придано ультимативное звучание. Журнал «Ньюсуик» обобщенно высказал суть многих аналогичных заявлений официальных кругов США.

Однако после освобождения большинства колониальных территорий в Африке те же самые идеи получают в официальных документах более широкое истолкование, но высказываются в завуалированной форме. Американская политика трактуется так, как будто она сама определяется исторической неизбежностью выбора, перед которым стоят страны Африки. Перед этими странами, заявляет госдепартамент США, «открываются два пути: они могут стремиться к стабильному, представительному правлению, к прочному прогрессу для всех граждан и к власти закона в отношениях между нациями на международной арене или они могут впасть в беспорядок, застой и неудовлетворенность, стать жертвами безответственных режимов, коммунистической подрывной деятельности или агрессии, увеличивая таким образом трудности в усилиях свободного мира обеспечить мир и процветание». США, заявляет госдепартамент, «весьма заинтересо-

ваны» в том, чтобы страны Африки стали на первый путь³⁸. Это заявление о целях политики США, которая направлена против прогрессивных тенденций в развитии африканских стран, отождествляемых с «беспорядками» и «коммунистической агрессией». Дело же представляется так, будто африканцы не испытывают в своем выборе воздействия американского вмешательства.

Как бы то ни было, правящие круги США признают, что только прозападно-капиталистическая ориентация африканских стран может их устраивать. Только в этом случае готовы они признать наличие в этих странах и «представительного правления», и «прочного прогресса». И в этом США не просто «весьма заинтересованы», — они, как показывают факты, прибегают к весьма активно-му и многообразному вмешательству, а порой и к бесцеремонному «руководству», чтобы заставить страны Африки следовать нужному им курсу.

Отсюда ясны крайне ограниченные рамки американского пропагандистского тезиса о «признании многообразия мира»: политика США стремится ограничить «многообразие» Африки теми пределами, которые отвечают империалистическим требованиям и критериям. Говоря словами Г. Моргентау, США повсюду в мире стремятся обеспечить «стабильность мира и свободы в том образе стабильности, которая достигнута в США» (курсив мой. — В. Ф.)³⁹. В отношении развивающихся стран это значит навязывание порядков, идеальным прототипом которых считается общественное и государственное устройство США.

Лозунг Дж. Кеннеди о «десятилетии борьбы за Африку» многократно разъяснялся в США как намерение затратить 1960—1970 годы на упрочение империалистического влияния в Африке, с тем чтобы после этого альянс с Западом и его «руководство» стали непреложным и стабильным фактором в жизни африканских государств.

Не удивительно, что антикоммунизм, сопряженный с рецидивами «холодной войны», является основополагающим соображением в подходе США к Африке. Недаром один из крупнейших американских африканистов В. Маккей обозначает «важнейший национальный интерес США в Африке» как «стремление держать Африку в стороне от коммунизма», изолировать ее от мирового социализма и вмешиваться в ее внутренние дела, усматривая «угрозу в политических и экономических неурядицах где бы то ни

было — от Тимбукту до Литтл-Кару»⁴⁰. Влиятельный журнал деловых кругов США предлагал рассматривать Африку исключительно как район «заварухи», блоковой борьбы, и «единственный (курсив мой. — В. Ф.) вопрос при этом: кто окажется победителем в борьбе за континент?»⁴¹. Неизменный империалистический взгляд на Африку как на объект борьбы, в отношении которого допустим захват,— таково внутреннее содержание политики США.

Но политика США в Африке не может сводиться к «холодной войне» и антикоммунизму, поскольку практические интересы стран Африки не имеют ничего общего ни с тем, ни с другим, а роль социалистического лагеря в мировых делах африканцам достаточно ясна. Тем не менее почти во всех своих конкретных проявлениях политика США увязывается с антикоммунизмом и «холодной войной», становясь одним из факторов внутренней напряженности в странах континента.

«Нельзя сказать,— говорил бывший помощник государственного секретаря по делам Африки М. Уильямс,— что американский интерес к Африке определяется соображениями «холодной войны». Наш интерес к Африке заключается в развитии этого великого континента в условиях мира и процветания, в соответствии с устремлениями африканских народов. Но мы не можем игнорировать опасность коммунистической угрозы такому мирному развитию, где бы она ни обнаруживалась»⁴². Подобные заявления учитывают неприязнь африканцев к политике антикоммунизма. Но в то же время слова М. Уильямса фактически оправдывают практику американского вмешательства «от Тимбукту до Литтл-Кару» под предлогом «коммунистической опасности». А в разряд подобной «опасности» зачисляются на деле любые прогрессивные начинания африканских государств.

В конечном счете Африке в американских планах отводится роль органической части описанной выше ультраимпериалистической интеграции капиталистического мира. О работе дипломатии США в этом направлении У. Липпман писал в 1962 году: «Мы уже ведем интенсивные и тщательные переговоры, которые должны объединить в одной огромной зоне и в рамках более тесного политического союза Западную Европу, Соединенные Штаты, Британское содружество наций, Латинскую Америку, значительную часть Африки и Японию. Если удастся

претворить в жизнь этот великий проект, мы решительно изменим в свою пользу соотношение сил между коммунистическим миром и нашим собственным миром»⁴³.

Американская политика, следовательно, в самой своей основе является перспективной угрозой для стран Африки: намечается еще прочнее, чем сейчас, влить их в ту самую политико-экономическую систему мирового капитализма, которая как раз и привела к колониальному угнетению континента и которая не может существовать без зон господства и эксплуатации. Для Африки, прочно выделившейся в мирохозяйственных связях капитализма как зона империалистического грабежа, подобная перспектива означает усугубление ее подчиненного эксплуатируемого состояния, в каких бы конкретных формах это ни выражалось. Осуществление подобной цели в конечном счете идет вразрез с интересами народов Африки и не может не носить характер насильственного принуждения в той или иной форме.

Правящие круги США прекрасно это сознают. Они понимают, что грубо прямолинейный нажим только расширил бы фронт их столкновения с национально-освободительными силами, с народами Африки, которые, избавляясь от колониализма, проявляют антикапиталистические настроения. После посещения Африки в 1961 году сенаторы А. Гор, Ф. Харт и М. Нойбергер отмечали в своем докладе, что «африканцы разочарованы колониализмом. Они серьезно сомневаются в способности капитализма обеспечить быстрый рост в стране с примитивной или слабо развитой экономикой, слишком долго пребывавшей на эксплуатируемом конце капиталистической системы перекачки ресурсов»⁴⁴. Поэтому в целом США избирают путь косвенного, постепенного, долговременного (столь долго, сколько потребуется, говорил Дж. Кеннеди) подталкивания стран Африки в нужном им направлении при максимально возможной координации западной «помощи». Эта стратегия «засасывания» Африки в русло капиталистической «интеграции», манипулируя рыночными, экономическими и социально-идеологическими средствами, предусматривает и расправы с «опасными» национально-освободительными движениями.

Подобная стратегия подчинения стран Африки империалистическому влиянию на основе взбадривания частнокапиталистической стихии, воздействия на внутренние процессы их развития предопределяет и специфику мето-

дов политики США. Если рассматривать их в целом, то налицо явный отход правящих кругов США от прежней негибкой политики, не отличавшейся в глазах африканцев от политики колониальных держав. Итоги политического развития Африки за последнее время превратили в ничто обычную практику Дж. Ф. Даллеса, сводившуюся к защите колониализма всякий раз, когда приходилось выбирать между интересами колониального союзника и борющихся народов. Такого выбора у США сейчас просто нет.

Политику США характеризует выдвижение на передний план экономических и идеологических рычагов, с помощью которых американские империалисты пытаются ограничить независимость стран Африки и утвердить в них свое преобладающее влияние. Отказываясь, по словам В. Маккея, от несбыточных надежд на «немедленные победы», американские империалисты перешли к политике «глубинного», сосредоточенного подкапывания под самые основы жизни африканских государств, рассчитывая, что это позволит постепенно, шаг за шагом, но тем вернее, стянуть Африку тугим корсетом империалистического господства. Ведущими направлениями американского неоколониализма становятся обеспечение действенного союза с правительственно-бюрократическими, буржуазно-реакционными кругами ряда стран Африки, усовершенствование имеющейся в Африке системы неоколониалистского засилья, усиление контроля монополий над экономикой стран Африки, проникновение во все ячейки африканского общества, влияние на африканские политические партии и профсоюзы. Признав, что прямое политическое давление — опасный метод, вызывающий сопротивление африканцев, американские империалисты сосредоточили главные усилия на политике предоставления «помощи», на идеологической экспансии и пропаганде, а также — что особенно важно — на систематическом охвате своим влиянием системы образования, процесса формирования и подготовки африканских кадров — будущих руководителей молодых государств. Это как раз те направления, следуя которым, полагают в Вашингтоне, можно исподволь, минуя политические ухабы «холодной войны», воздействовать на самые широкие слои африканского общества, обеспечивая их вовлечение в западную орбиту. Таким путем правящие круги США намереваются свести самостоятельность стран Африки к

развитию «традиционных уз», «взаимозависимости» Африки с Западом, навязать ей «дозированный прогресс» под эгидой Запада, к выгоде монополий.

Установка на продолжение империалистического контроля над континентом определяла и подход США на протяжении рассматриваемого периода к колониальным проблемам, которые остаются осью политической жизни Африки. Подобно тому, как сущностью американского неокOLONIALИЗМА является установление широкой опеки над «третьим миром», так и постоянно афишируемый американский «антиколониализм» прикрывает на деле стремление поставить самоопределение колониальных народов под внешний контроль, подчинить принцип самоопределения интересам империализма.

Стремясь сохранить устои и все существенные стороны колониализма как предпосылку упомянутой выше «взаимозависимости», США вместе с колониальными державами вели арьергардные бои против освобождающихся народов, до сих пор противодействуют активным — подчас единственно возможным (португальские колонии) — формам борьбы национально-освободительных движений. Признавая в принципе необходимость «деколонизации», США добиваются, чтобы она осуществлялась под диктатом империалистов и к выгоде для них, на основе максимальных уступок со стороны национально-освободительного движения. В идеале американские империалисты стремятся претворить «деколонизацию» в комбинацию формальной государственной независимости с реальной фактической зависимостью.

Тактика американского империализма неизменно включает сознательный отказ от безусловного признания «африканского национализма», хотя такой принцип и объявлен. США не желают сделать четкий выбор между колониальными державами и молодыми государствами. На эту сторону американской политики обращает внимание В. Маккей: «Запоздалое присоединение к антиколониальному фронту было бы несколько лицемерным и малоценным (!) с точки зрения длительной перспективы. Независимая позиция, держащая дверь открытой для обеих групп (метрополий и африканских стран. — В. Ф.), может оказаться приемлемой на предстоящий трудный период»⁴⁵. Это означает намерение в первую очередь совместно с европейскими колонизаторами подавлять национально-освободительное движение, а попутно и ис-

пользовать «национализм» для вытеснения конкурентов — «старых» колонизаторов.

Формулируя позицию США по колониальным вопросам, М. Уильямс заявлял, что США поддерживают «нарастающий прилив самоопределения», но только в форме «осмотрительной и быстрой подготовки к самоуправлению»⁴⁶. Это значит, что США расценивают борьбу за сохранение колониальных режимов как проигранную, не дающую шансов Западу. Но они желают, чтобы империализм взял дело «деколонизации» в свои руки, придал ей выгодную для себя планомерность и осуществлял направляемое сверху «освобождение» колоний в собственных интересах, при максимальном сохранении своих позиций.

Главная цель США заключается в стремлении сохранить важнейшие детали механизма порабощения Африки, в том, чтобы дать ему новое развитие, навязать Африке режим империалистической эксплуатации и усиливать американское проникновение на базе «взаимозависимости».

В рамках общего курса, определяемого задачей консолидации мирового капитализма, США стремятся реализовать и собственные планы экспансии в Африке, разработанные и претворяемые в жизнь после второй мировой войны.

В своем подходе к Африке правящие круги США руководствуются мотивом «приза», «добычи», хотя он, естественно, и приглушается официально. Но этот мотив присутствует в африканской политике США как ее само собой разумеющаяся подоснова, в колониальный период он выражался довольно бесцеремонно, сейчас же прежняя откровенность только вредила бы делу.

Еще в 1941 году журнал «Форчун» называл Африку «самым богатым призом для победителей» в войне. В 1955 году известный американский политический обозреватель Дж. Гантер писал: «Этот сказочный, бросающий вызов континент нужен западному миру не только потому, что он стратегически жизненно важен и насыщен крайне необходимыми видами сырья, но и потому, что он является нашей последней границей. Большая часть Азии потеряна, Африка остается». Африка, подчеркивал Дж. Гантер, станет особенно ценной в будущем, когда

получит развитие как «несравненный, величайший потенциальный источник богатства»⁴⁷. Как «добычу» оценивала Африку и газета «Нью-Йорк таймс»⁴⁸.

Наряду с этим в американском подходе к Африке присутствует и мотив «реванша». Так, бывший помощник государственного секретаря по делам Африки Дж. Саттертуэйт говорил, что Африка даст США «возможность взять реванш» за поражения американской дипломатии в Азии и на Среднем Востоке⁴⁹.

«Новые рубежи» не перечеркнули, а подчеркнули неизменность этих мотивов, прикрыв их тактической взвешенной пропагандой. Один из их идеологов сенатор Ф. Мосс призывал видеть в Африке «великую возможность» для США⁵⁰, а М. Уильямс советовал оценивать стратегический и сырьевой потенциал континента «с точки зрения национального своекорыстия». И он добавлял: «Самое главное, что нужно больше всего остального, — это... способность держать в поле зрения весь континент в целом»⁵¹. Именно весь континент, и никак не меньше!

Поползновения американских империалистов ярко проявляются в стремлении овладеть экономическим потенциалом континента, прежде всего установить контроль над важнейшими источниками сырья⁵². «Минералы, — говорит цитированное выше издание госдепартамента, — одна из первых вещей, которые приходят в голову при рассмотрении экономического потенциала Африки»⁵³.

Африка действительно уникальный кладезь естественных богатств, уникальна и история послевоенных геологических открытий в Африке. Таблица 1 дает представление о доле Африки в мировом капиталистическом производстве отдельных важных видов сырья. И зачастую именно тяга монополий к этому сырью определяет политику США в отдельных районах Африки.

На протяжении послевоенного периода в Африке наблюдался значительный рост производства сырья. Так, с 1958 по 1966 год производство увеличилось: нефти в 99 раз, бокситов в 4 раза, медной руды на 90%, марганцевой руды на 90%, фосфатов на 68%, кобальта на 65%, хромитов на 30%, какао на 70%, кофе на 44%, очищенного арахиса на 48%, промышленных алмазов на 8%, пальмовых ядер на 76% и пальмового масла на 70%. В 1966 году в целом по континенту было произведено: бокситов 2209 тыс. т, хромитов 1578 тыс. т, кобальта

Таблица 1

Доля Африки в мировом капиталистическом производстве промышленного и сельскохозяйственного сырья

Вид сырья	Доля Африки в мировом производстве, %	Вид сырья	Доля Африки в мировом производстве, %
Промышленные алмазы ^а	99,0	Бериллий ^б	40,3
Кобальт ^а	82,0	Урановые руды ^б . .	15,2
Хромиты ^а	51,0	Цирконий ^б	8,3
Марганец ^а	51,0	Ильменит ^б	6,6
Фосфаты ^а	28,0	Вермикулит ^б	25,6
Медь ^а	26,0	Какао ^а	71,0
Асбест ^а	21,0	Пальмовые ядра ^а . .	93,0
Олово ^а	12,0	Арахис ^а	40,0
Нефть ^а	10,0	Оливковое масло ^б .	13,4
Бокситы ^а	7,0	Кофе ^а	26,0
Свинец ^б	8,2	Чай ^в	10,0
Цинк ^б	7,3	Сизаль ^в	63,0
Колумбит-тантал ^б . .	82,3	Хлопок ^в	19,0
Ванадий ^б	30,9	Касторовые бобы ^б .	34,1
Золото ^б	52,2	Цитрусовые ^б	8,9
Платина ^б	30,0	Бананы ^б	5,2
Литиевые руды ^б . . .	98,7	Табак ^б	4,7

^а Данные 1966 года, „Overseas Business Reports“, Department of Commerce, Wash., Apr. 1968, p. 16.

^б Данные 1961 года, William A. Hance, The Geography of Modern Africa, Columbia University Press, N. Y.—L., 1965, p. 9.

^в Данные 1966 года вычислены автором по „Overseas Business Reports“, Apr. 1968.

14 806 т [в том числе в Конго (Киншаса) 11 297 т], какао 966 тыс. т, кофе 941 тыс. т, медной руды 1141 тыс. т (в том числе Замбия 623 тыс. т), промышленных алмазов 25 883 тыс. каратов, марганцевой руды 4408 тыс. т, нефти 131050 тыс. т, фосфатов 16025 тыс. т⁵⁴.

Особенно далеко идущие последствия имел стремительный рост производства такого важного стратегического сырья, как нефть. С 1960 по 1966 год добыча в основных нефтепроизводящих странах возросла: в Ливии с нуля до 72,7 млн. т, в Алжире с 8,6 млн. до 34,2 млн. т.

в Нигерии с 0,9 млн. до 20,8 млн. т, в ОАР с 3,3 млн. до 6,3 млн. т, в Габоне с 0,8 млн. до 1,4 млн. т⁵⁵.

Эти богатства вызывают все большее вожделение у монополий. Сырьевые источники континента питают военную машину США, ведущие отрасли радиотехнической, электронной и военной промышленности. В одном из исследований американского Совета международных отношений подчеркивалось, что за послевоенный период «в Восточном полушарии африканский континент был ведущим источником снабжения металлами, особенно новыми металлами, имеющими решающее значение в электронике и в изготовлении жаропрочных сплавов»⁵⁶. Там же указывалось, что доля африканских источников была исключительно высокой в импорте Соединенными Штатами наиболее дефицитных видов сырья. Так, в 1956 году по танталу она составляла 79%, по колумбиту — 78, по кобальту — 76, по марганцу — 42, по хрому — 40, по бериллию — 31%⁵⁷. С развитием военной техники и научно-технической революции значение африканских источников в снабжении США дефицитным сырьем не уменьшается, а возрастает. По сравнению с довоенным временем вывоз сырья и полуфабрикатов из Африки в США вырос в 9 раз. В 1966 году удельный вес Африки в импорте США составлял: по литейным материалам — 90%, колумбиту — 85, моноцитовым концентратам — 65, бериллию — 40, хромитам — 65, марганцу — около 1/3, по меди — около 10%⁵⁸.

Госдепартамент США отмечал, в частности, что американская военная промышленность не может обойтись без хрома Южной Родезии и ЮАР, без кобальта Конго (Киншаса), колумбита Нигерии, марганца Габона, тантала Конго и Мозамбика, при этом подчеркивалось, что, импортируя дешевое сырье, США экономят собственные сырьевые ресурсы⁵⁹.

В течение 10 лет после второй мировой войны правительство США осуществляло огромную программу накопления стратегического сырья, в соответствии с которой стимулировалась деятельность горнорудных компаний во многих районах Африки (добыча колумбита в Нигерии, урана в Конго и ЮАР, хрома в Южной Родезии). К январю 1958 года запасы стратегического сырья США оценивались огромной суммой — 6,2 млрд. долл.⁶⁰

Потребность промышленности США в импортном сырье — объективный фактор. И стремление получить

больше сырья из Африки не было бы основанием для обвинений в империализме, если бы речь шла о нормальных торговых связях, расширяемых при содействии развитию горнорудной промышленности самими странами Африки в полном соответствии с нуждами их национального прогресса.

Но монополии США мыслят категориями «захвата добычи», выкачки сырья в рамках традиционной «экономики извлечения богатств из недр». Они стремятся к экстерриториальным инвестициям, отвечающим исключительно их нуждам, позволяющим вывозить сырье за бесценок, оставляя африканцам заваленные штольни и омертвевшие шахты. Характерна реплика одного из журналов крупного американского бизнеса: «Ставки в Африке в конечном счете высоки: около 200 миллионов людей и большей частью нетронутые огромные ресурсы»⁶¹. словно бы хотят сказать: есть сырье и есть люди, трудом которых его можно изымать. В. Маккей откровенно пишет, что ликвидация колониальных режимов «открывает больше дверей для американских капиталовложений», предназначенных в первую очередь для увеличения добычи сырья, «которое к тому же имеет военное значение»⁶². 12 октября 1962 г. на пятом ежегодном заседании Африканской ассоциации М. Уильямс подчеркивал, что африканские минеральные ресурсы — это для США главное. Он с завидной точностью предлагал промышленникам обратить внимание на наличие в Африке всех 53 основных видов минерального сырья, необходимых современной промышленности⁶³.

Американские планы «экскавации» недр Африки угрожают ее индустриализации. В упомянутом выше исследовании Совета международных отношений содержится прямой намек на то, что колониальная система позволяла удовлетворять нужды монополий в сырье, а осуществление национальных программ индустриализации молодыми государствами может помешать притоку сырья в той форме, которая привычна для монополий и устраивает их⁶⁴. Американская политика ограничения национального промышленного развития развивающихся стран прямо связана с замыслами относительно овладения монополиями США основными мировыми сырьевыми источниками.

Американские империалисты развертывают в Африке и широкую торговую экспансию, рассматривая сам про-

цесс экономического развития стран континента как удобную возможность расширения товарного экспорта, завоевания новых рынков и усиления экономической зависимости молодых государств. В отчете одной из миссий конгресса в Африку говорилось: «Африка сейчас становится одним из величайших мировых рынков сбыта не только тысячи и одной мелочи, которые мы производим..., но и рынком для нашей тяжелой промышленности. Несомненно, что США не могут позволить себе пройти мимо этого экономического потенциала»⁶⁵. В этой области монополии получают наиболее явную и всестороннюю поддержку вашингтонского правительства.

Еще одним неизменным элементом политики США в Африке является стремление использовать ее в военно-стратегических замыслах Пентагона. По оценке госдепартамента, в вопросе об Африке «для США важны стратегические соображения. Континент своими побережьями выходит на оживленные морские пути Средиземноморья, Атлантического и Индийского океанов, он частично контролирует такие важнейшие морские проливы, как Гибралтар, Суэц и Аден. В недружественных руках африканское побережье угрожало бы линиям коммуникаций свободного мира»⁶⁶.

Уже накануне второй мировой войны в США в ряде изданий Африка рассматривалась как компонент «американской линии Мажино», глобальной «системы обороны» США⁶⁷. В 1945 году, сразу по окончании войны, появился меморандум Йэльского института международных отношений, в котором Африку предлагалось считать исключительно важным с точки зрения военной стратегии районом — источником сырья и базой для создания форпостов агрессии⁶⁸. С началом «холодной войны» Африка учитывается в планах американской военщины как один из основных географических районов развертывания машины агрессии против СССР. Так, один из подкомитетов сенатского комитета по иностранным делам, созданный в 1956 году для определения целей и задач политики США в Африке, категорически заявлял в своем докладе, что Африка занимает «первое место» в стратегических расчетах держав, «сталкивающихся во всемирном идеологическом конфликте»⁶⁹.

Во время и после второй мировой войны США создали на территории Африки ряд военных баз, заключив соглашения с метрополиями и африканскими странами,

многие из которых были засекречены. Военные стратеги США считали Африку удобным плацдармом для нанесения воздушных ударов по СССР «вплоть до Урала» и создавали на территории континента коммуникации НАТО, отводя ему роль «непотопляемого авианосца» Пентагона. С прогрессом военной техники роль ранее созданных военных баз регулярно пересматривается. Одни из них теряют прежнее значение плацдармов агрессии (чем и была вызвана переоценка Р. Макнамарой роли зарубежных баз США), другие, наоборот, приобретают более важное значение при частичном пересмотре их функций (в Африке это относится прежде всего к базам США Уилус-филд в Ливии и Асмара в Эфиопии). Но главное заключается в том, что во всех военных планах США Африка фигурирует как важнейший узел взаимодействия основных театров военных действий в будущей «большой войне». Тем самым американский империализм перечеркивает на деле свой спекулятивный лозунг о признании африканского нейтралитета. Он заранее намерен распорядиться судьбами африканских народов, вовлечь их насильственно в войну со всеми ее ужасами и кровавыми последствиями.

Наконец, все более важной целью американского неокolonизма в Африке становится стремление закрепить капиталистическую эволюцию африканских стран путем развертывания широчайшего идеологического наступления, тщательная продуманность пропагандистского аспекта политики.

Как уже отмечалось, американские империалисты прилагают немало усилий, чтобы наделить свою политику внешними атрибутами прогрессивности. С этой целью они активно блокируются с соглашательскими, проимпериалистическими кругами африканских стран, выдавая этот блок за «союз» с африканскими народами. Даже осуществляя явное насилие над Конго, США прикрывались фикцией поддержки «законных» властей и «международной акции» под флагом ООН и сумели опереться на некоторых африканских союзников.

Вымысел о собственном «антиколониализме» правящие круги США дополняют вымыслом о «коммунистическом проникновении», объявляя его современным вариантом «империализма», в то время как с действительным империализмом Запада, дескать, давно покончено. Само американское вмешательство в африканские дела

выдается за необходимость «оградить» народы континента от «новой», «коммунистической опасности». Африканцам как бы внушается мысль, что они должны выступать против коммунизма, если хотят избавиться и от американского вмешательства. Идеологи империализма США с особым рвением распространяются о «естественности ассоциации» Африки с Западом (Ч. Боулс говорит об этом как фактически о единственной возможности прогресса африканских стран)⁷⁰, в то время как сотрудничество с социалистическими странами выдается за нарушение самого принципа независимости и неприсоединения.

Следует подчеркнуть широту фронта идеологического наступления США в Африке, его особенностью является использование многочисленных лазутчиков американского империализма — монополий, фондов, церковных миссий, университетов и колледжей, специализированных учреждений и т. д. Возрастающая активность этих «вольнонаемных» агентов — один из сильнейших козырей правительства и монополистического капитала США в Африке.

Для США характерно, что, не располагая в Африке собственными колониями, они уже давно имели здесь разветвленную сеть неофициальных орудий своего влияния и не отставали в этом смысле от метрополий. Так, в 1911 году США располагали в Африке 1717 церковными миссиями, тогда как английских миссий было 2308. Перед второй мировой войной в одном из районов Западной Африки на 8 английских церквей приходилось 16 американских⁷¹. С освобождением африканских колоний этот заранее подготовленный аппарат американского внедрения заработал на полную мощь. В 1960—1963 годах насчитывалось в общей сложности более 600 «частных организаций» США, действовавших в Африке⁷². Они значительно расширяют масштабы американской экспансии. Вынужденные отвечать на недоуменные вопросы африканцев о причинах нашествия столь огромной армии непрошенных «культуртрегеров» и опекунов, американские авторы ссылаются обычно на «плюрализм» американского общества⁷³. Но хорошо известно, что, прикрываясь вывеской «филантропии» и «независимости» от правительства, частные организации выполняют роль наиболее целеустремленных и глубоко проникающих миссионеров американского империализма.

Существенно важно понимание вопроса о месте Африки в борьбе американского империализма за консолидацию капитализма и за утверждение собственного мирового господства. Разумеется, сам этот вопрос не может быть неизменным. Его содержание определяется ростом значения Африки в мировых делах, соотношением интересов экспансии США и общеимпериалистических интересов, в роли защитника которых выступают правящие круги США.

Межимпериалистические противоречия в Африке — объективный фактор, проявления которого приобретают все более обостренный характер. На таких направлениях, как борьба монополий за рынки, сырье, сферы приложения капитала, империализм США неуступчив и беспощаден к конкурентам из Западной Европы. Динамика соотношения капиталовложений США и бывших метрополий в странах Африки свидетельствует об этом с полной очевидностью.

Но фактом является и то, что Африка пока не может рассматриваться как ведущее направление американской экспансии. Так, доля США в общей «помощи» развитых капиталистических стран странам континента год от года не превышает 10—12%. В 1965 году на Африку приходилось всего 8% от общей американской «помощи» развивающимся странам. Сами политические лидеры США заявляют, что их страна претендует в африканских государствах не более чем на «вторую роль» после бывшей метрополии. Они говорят об Африке как о «зоне главной ответственности Западной Европы», добавляя, что на себя «главную ответственность» они берут в Азии и Латинской Америке. «Подобно тому, — писал бывший советник президента Кеннеди А. Шлезингер, — как мы считаем Латинскую Америку в основном зоной нашей ответственности, точно так же мы считали Африку в основном зоной ответственности Западной Европы»⁷⁴.

Американские империалисты как бы сознательно берут в Африке курс на использование тактики «коллективного колониализма», призывают к координации политики западных стран в странах континента. Тому есть веские причины, только подчеркивающие сущность американского империализма как мирового жандарма и руководящего центра неоколониализма. Отчасти подобный

курс вытекает из самой логики межимпериалистической борьбы в условиях сужения сферы мирового капитализма.

Во-первых, США не стремятся подбирать все осколки бывших империй. Ряд стран, такие как Центральноафриканская Республика, Дагомея, не представляют для монополий США ценности как выгодные объекты эксплуатации, и, ограничиваясь предоставлением им минимальной «помощи», позволяющей поддерживать претензию на политическое влияние, США «великодушно» представляют той же Франции нести основное «бремя ответственности». В Африке наглядно проявляется та одиознейшая сторона американского империализма, которая сводится к использованию «долларовой дипломатии» лишь в целях подавления прогрессивных политических изменений или извлечения непосредственной выгоды для монополий.

Во-вторых, не так-то просто выбить западноевропейские монополии с их позиций в Африке, хорошо укрепленных за десятилетия господства. Опыт показал рыцарям доллара, что достигнуть этого лучше всего тактикой постепенного просачивания, в то время как прямые наскоки успеха не сулят и расшатывают «устой НАТО». Не случайно поэтому заявление сенатора А. Эллендера о необходимости вообще прекратить «помощь» странам Африки, поскольку все выгоды от нее, дескать, все равно достаются капиталистам из Западной Европы⁷⁵.

В-третьих, в условиях отпадения от капитализма гигантских мировых пространств конкурентная борьба обостряется. Однако как раз обострение этой борьбы в суженной сфере капитализма побуждает американские монополии не просто думать о захвате новых рынков, но и ограждать свои собственные сложившиеся рынки от конкурентов путем предоставления и им определенных рыночных гарантий и возможностей. В противном случае жестокость конкурентной борьбы похоронила бы западный союз. Экономически Африка для Западной Европы куда важнее, чем для США. И чрезмерный нажим монополий США на конкурентов в Африке побудил бы последних к усилению и без того настойчивого проникновения в... ту же Латинскую Америку, где покупательная способность выше и где США пока господствуют. Учитывая это, А. Эллендер предлагал даже «поощрять ЕЭС («общий рынок», — В. Ф.) к объединению в консорциум»,

экономически владеющий Африкой, в то время как Латинская Америка должна твердо оставаться американской вотчиной⁷⁶.

В-четвертых, слишком сильная экспансия и конкуренция США в Африке, ослабляя позиции стран Западной Европы, могли бы побудить их к более широкому развитию экономических связей с социалистическими странами, что было бы чревато ростом в Западной Европе нейтралистских тенденций, подрывающих НАТО.

В-пятых, основной интерес монополий США к Африке выражается в стремлении беспрепятственно получать ценное сырье, а сложившийся механизм империалистической эксплуатации стран Африки не создает в этом смысле особых затруднений. Кроме того, западноевропейские монополии, хотя и опасаются чрезмерного проникновения США в Африку, в то же время нередко прибегают к привлечению американского капитала как гарантии незыблемости неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИХ устоев, создавая недостаточность собственных сил для удержания Африки в империалистической орбите.

Важный мотив, толкающий США на действия в духе «коллективного колониализма» и западного «единства» в Африке, заключается в том, что на эксплуатации африканского континента в значительной степени зиждется экономическая и военная мощь западноевропейских стран, входящих в НАТО — главный из военно-политических блоков империализма. Соединенные Штаты Америки вынуждены следить за тем, чтобы межимпериалистические противоречия в Африке не подрывали «единства» НАТО.

Но главное, что определяет курс «коллективного колониализма» в африканской политике США, — это закономерность изменяющегося соотношения сил на мировой арене, необходимость напряжения всех сил империализма для отстаивания его позиций. Растяннутость и активность антиколониального, антиимпериалистического фронта в современную эпоху вынуждает империалистов рассредоточивать свои силы, прибегать к некоему «разделению труда» в подавлении национально-освободительных движений. Беря на себя в этом смысле «главную ответственность» в отношении Азии и Латинской Америки, американский империализм добивается, чтобы в Африке система империалистического засилья не только не ослабевала, но и укреплялась прежде всего на основе

весьма внушительных позиций западноевропейского неокolonизма, путем его ускоренной консолидации.

Эта общеимпериалистическая цель для правящих кругов США важнее всего. Отводя себе роль руководящей силы в выработке стратегии империализма в Африке, США тем не менее главную ставку делают на «атлантическое единство» как наиважнейшую гарантию управления эволюцией независимой Африки.

Конечно, конкретные проявления американской политики, динамика межимпериалистических противоречий не укладываются в какую-то строгую схему. В избранных ими областях экспансии монополии США сплошь и рядом не намерены считаться с какими-либо соображениями «высокой политики», бесцеремонно расталкивают и подавляют своих конкурентов. Надо также иметь в виду, что иногда США приобретают в той или иной африканской стране влияние большее, чем их союзники, не обязательно в силу настойчивого стремления «влезть» в эту страну, а в силу доминирующего положения американского империализма в капиталистическом мире. В других случаях, наоборот, США решительно взламывают укрепления своих конкурентов, стремясь стать хозяином положения в важнейших районах континента [Конго (Киншаса)].

Однако если в целом оценивать курс правящих кругов США в Африке, то надо сказать, что они придерживаются общей политической установки на обеспечение западного «единства» и координации западной политики в Африке. Американские политические деятели и специалисты-африкановеды часто выступают с соответствующими разъяснениями этой особенности политики США в Африке.

Так, Ч. Боулс отмечал, что западноевропейские страны уже не могут контролировать события в Африке, это под силу лишь всему западному альянсу, опирающемуся в первую очередь на мощь США. «Хотя мы, — говорил он, — тоже не можем контролировать Африку, разумная политика могла бы позволить нам влиять на развитие событий таким образом, чтобы удовлетворялись чаяния африканцев и защищались не только наши законные интересы, но и интересы наших союзников по НАТО»⁷⁷. «Стратегически, экономически, — писала Э. Хаксли, одна из ведущих экспертов США по африканским проблемам, — Африка представляет собой слишком большую

ставку, чтобы упустить ее. Если Африке суждено стать полем битвы в холодной войне, чем она уже является и чем будет все больше оставаться.., для западных держав было бы губительно действовать иначе, как в тесной гармонии друг с другом»⁷⁸.

США используют тактику «коллективного колониализма» как средство втягивания Африки в политику антикоммунизма, укрепления западного союза за счет африканских народов и сохранения в неизменном виде системы империалистического угнетения континента.

Следует, однако, ясно подчеркнуть крайне условный, преходящий характер подобной тактики. Принцип «сотрудничества» Запада, или «коллективного колониализма», в Африке несет в себе заряд острых империалистических противоречий, поскольку США выступают с претензией не просто примкнуть к числу «традиционных» угнетателей Африки в целях их поддержки, но и занять среди них доминирующее положение, фактически вести дело к сколачиванию из них коалиции, действующей под американским «руководством». США добиваются такого «сотрудничества» империалистов, которое вело бы постепенно к усилению американских позиций в Африке путем переориентации отдельных африканских проимпериалистических режимов на Вашингтон при сужении сферы влияния бывших метрополий. И весьма показательно, например, что В. Маккей, наиболее глубоко и всесторонне исследующий политику США в Африке, ставит на первое место стратегию «взаимозависимости», «продолжения традиционных уз», то есть согласованного давления Запада на Африку, но вместе с тем оговаривается, что в рамках этого генерального курса функция «направляющей руки» вовсе не обязательно должна принадлежать Западной Европе. Он подчеркивает, что в рамках политики коллективного неоколониализма необходимо усиливать борьбу за американскую гегемонию в Африке⁷⁹.

Политика США характеризуется стремлением сохранить экономические основы империализма после падения колониальных режимов, создать в масштабах всего континента прочную систему неоколониалистского засилья, не разрушая, а укрепляя механизм западноевропейского неоколониализма. Решая эту первоочередную задачу, направленную на подавление прогрессивных сил национально-освободительного движения, американский импе-

риализм действует совместно со своими союзниками по НАТО. Но как только задача относительной стабилизации неоколониализма решается, в политике США начинается второй этап, знаменующий более твердое наступление на позиции «старых» колонизаторов. Именно эта двойственность империалистической политики США доказана ярчайшим образом событиями в Конго. Выступая вместе с союзниками по НАТО и возглавляя их в борьбе против патриотических сил страны, США круто повернули руль политики и повели наступление на союзников, когда, по их мнению, вопрос об ориентации конголезского режима на Запад был решен и встал вопрос о том, какой из западных стран предстоит занять в Конго господствующее положение. Точно так же, исходя из главных общеимпериалистических целей и интересов, США поощряли политику «продолжения традиционных связей», проводившуюся бывшими французскими колониями, а вслед за тем приступили к усиленному проникновению в новые франкоязычные государства Африки, что и нашло выражение в франко-американском соперничестве, резко усилившемся вскоре после смерти Дж. Кеннеди.

К „новым рубежам“ и дальше

Нынешний курс США в отношении африканских, как и прочих, развивающихся стран в его основных направлениях, принципах и методах разработан правительством Дж. Кеннеди. Но он не возник на пустом месте. При весьма значительном, даже радикальном обновлении методов, внесенном Дж. Кеннеди в американскую политику, она органически вобрала в себя традиции длительной истории взаимоотношений США с Африкой. Практически с момента возникновения независимых США и вплоть до последних лет пребывания Д. Эйзенхауэра у власти эта история характеризовалась колониальным по своей сущности отношением к Африке как к объекту борьбы и соперничества великих держав. Полуторавековая история отношений между США и Африкой полностью подтверждает вывод, сделанный патриархом американской африканистики доктором У. Дюбуа, о том, что США «помогли миру ограбить этот континент, поработить его народ и извратить его историю»⁸⁰.

В этой истории есть все, чем «славен» капитализм, — и кровь, и выжженные селения, и бесчеловечная эксплуатация, и беспощадное финансовое закабаление, и на миллиарды долларов изъятые богатства.

Если попытаться обобщить наиболее важные и существенные моменты в отношениях между США и Африкой в прошлом, то напрашиваются следующие выводы, весьма разоблачительные для правящего класса Америки. Американский капитализм был причиной и стимулом работорговли — предтечи колониальных захватов и жесточайшей формы колониальной торговли, лишившей Африку 100 млн. человек⁸¹. Превращение Африки в «заповедное поле охоты на чернокожих»⁸² стало важнейшим элементом первоначального накопления в США. Крупнейшие состояния в Новой Англии и в Нью-Йорке, говорит В. Маккей, наживались на торговле «черной слоновой костью» — рабами⁸³. Как подчеркивал теоретический журнал компартии США, «Соединенные Штаты более чем любая другая страна были рождены и двигались вперед за счет опустошенного и ограбленного африканского континента»⁸⁴. И именно американские купцы, плантаторы и правительство были первыми противниками запрета работорговли: они выступали против предложения Англии о морском союзе для досмотра судов с невольниками, ибо «американские реалисты» наживались на этом гнусном бизнесе⁸⁵. Ныне система угнетения негров остается устойчивым явлением общественной жизни США, органически вписанным в структуру американского капитализма. Расовая дискриминация консервируется как элемент производственных и общественных отношений, как существенная черта капиталистической эксплуатации, дополнительно обогащающая американскую буржуазию. Именно это обстоятельство роднит негритянскую проблему в США с такой специфически колониальной проблемой, как апартеид в ЮАР. И именно так ее и понимают в Африке.

Колониальный грабеж, прежде всего в форме неэквивалентной торговли, — также неизменная черта отношений США с Африкой. С 1825 года и вплоть до открытия Суэцкого канала США первенствовали в торговле с Восточной Африкой, их купцы особенно наживались на скупке слоновой кости⁸⁶. В период второй мировой войны и в последующие годы в США из Африки в огромных количествах направляются за бесценок хром, медь, мар-

ганец, ванадий, кобальт, цинк, алмазы и другое сырье. Для овладения ресурсами континента США в годы войны строят в Африке дороги Дуала — Банги — Судан, Лагос — Форт-Лами — Хартум, Дакар — Форт-Лами — Хартум. «Никто, — пишет один из исследователей политики США в Африке, — не заблуждался насчет отдаленных целей подобной политики»: после войны США намеревались превратить эти дороги в «коммерческие пути, средство экономического проникновения»⁸⁷. Трудно выразить в цифрах результаты американской политики выкачки сырья, настойчиво проводимой в послевоенные годы. Но убедительна цифра, которую назвало правительство К. Нкрумы в Гане. Только в 1945—1955 годах из одного Конго (Киншаса) западные фирмы вывезли сырьевых товаров на сумму в 2 773 460 тыс. долл.⁸⁸ Если учесть, что до 70—80% отдельных видов сырьевого экспорта (кобальт, промышленные алмазы) направлялось в США, то можно представить себе роль американских монополий в ограблении континента.

Африке знакомы и вооруженные вторжения, войны, к которым прибегали американские захватчики. Они предпринимались ради защиты «торговых интересов»: в Африку сбывался ром в обмен на невольников, торговый и промышленный капитал США домогался исключительных прав. Такова история отношений США с феодально-теократическими государствами — деспотиями Северной Африки — Марокко, Алжиром, Тунисом, Триполи в 1776—1822 годах. Чтобы навязать им неравноправные торгово-политические договоры (начиная с договора с Марокко 1787 г. и кончая договором с Алжиром 1822 г.), США прибегали к открытым военным выступлениям. В частности, 7 августа 1803 г. американские корабли разрушили город Триполи⁸⁹. В продолжение XIX века имели место и другие американские вторжения на континент.

Уже в этих давних нападениях на африканские народы ярко проявилась неотъемлемая черта экспансионистского капитала, империализма Соединенных Штатов — насилие, угнетательская беспощадность. Эту пиратскую свирепость алчного, но еще не набравшего достаточных сил империализма отмечали даже в странах, колонизовавших Африку. Один из европейских критиков США писал: «Два американских гражданина похищены (эпизод 1904 г. — В. Ф.) каким-то „королем гор“ в Марокко.

Любая другая страна удовлетворилась бы переговорами о выкупе своих граждан. Но „орел с распростертыми крыльями” не терпит, когда ему не оказывают должного уважения: целая американская эскадра появляется на рейде Танжера, и не будь сдержанного вмешательства Франции, американские пушки заговорили бы»⁹⁰.

Вместе с европейскими колонизаторами финансовые короли Америки создавали систему колониально-капиталистической эксплуатации африканских народов. Горно-рудные империи Родсов и Оппенгеймеров сколачивались с помощью монополий Уолл-стрита. Гугенхаймы кредитовали бельгийских дельцов, «осваивавших» Конго. Родоначальник династии Оппенгеймеров в Южной Африке получил внушительный заем в 500 тыс. долл. от «Дж. П. Морган энд компани» и других банков США. С их помощью в 1917 году была создана гигантская компания «Англо — Америкэн корпорейшн оф Саус Африка» — главный эксплуататор обширных районов на юге Африки вплоть до наших дней. В южноафриканском бизнесе с самого начала заняли видное место Г. Форд-старший и концерн «Дженерал моторз». В Конго Гугенхаймы — Райаны (Т. Ф. Форчун и Д. Гугенхайм) финансировали монополию «ФОРМИНЬЕР» и получили четверть ее акций. «Файрстон тайр энд раббер» с 1926 года стала полновластным хозяином Либерии. После же второй мировой войны американский капитал — непременный участник грюндерского и предпринимательского бума, охватившего Африку. Его половинное участие в горнорудных компаниях стало обычным.

Добиваясь превращения Африки в сферу империалистической эксплуатации, США поддерживали важнейшие политические акты колониализма. Не вступая в открытую борьбу с колонизаторами Европы и стремясь обеспечить максимальные выгоды для своих монополий, США действовали в плане отстаивания «интересов» второстепенных европейских стран и ослабления позиций Англии, Франции, Германии путем игры на противоречиях между ними. Американская дипломатия содействовала процветанию «Международной африканской ассоциации» коронованного «деляги, финансиста, афериста»⁹¹ Леопольда II, а затем и созданию его личной вотчины — «Конголезского свободного государства». Политика США содействовала закабалению Эфиопии итальянским фашизмом в 1935—1936 годах, заслужив похвалу его главаря Б. Муссолини.

При активном содействии американских монополий и правительства английский колониализм создал в 1953 году «дьявольскую», как ее называли в Африке, Федерацию Родезии и Ньясаленда; новый план закабаления африканских народов вдохновлял Вашингтон тем, что сулил новые радужные перспективы наживы как за счет займовых операций, так и за счет прямых капиталовложений.

Когда американским империалистам удавалось стать хозяевами положения, они показывали себя куда более жестокими эксплуататорами, чем даже их европейские коллеги. Примером может служить история Либерии. Важным шагом в ее финансовом закабалении был заем 1909 года для уплаты долга Англии, организованный президентом США Т. Рузвельтом при участии «Дж. П. Морган энд компани», «Кун, Леб энд компани», «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» и ряда других компаний. Заем в 1,7 млн. долл. при 5% годовых повлек за собой навязанный Либерии договор 1912 года о финансовом контроле иностранных держав⁹². Иностраный контроль привел страну к банкротству, но в новых займах в 1922 году сенат США ей категорически отказал. Ей было предложено обратиться за «помощью» к компании «Файрстон», лихорадочно искавшей концессии для каучуковых плантаций. Не видя выхода, правительство Либерии пошло на кабальное соглашение с «Файрстон», согласно которому: а) принадлежавшая «Файрстон» «финансовая корпорация» давала Либерии займы 5 млн. долл. из 7% годовых; фактически же Либерия получила 2,5 млн. для уплаты долга 1912 года; б) «Файрстон» получала концессию в 1 млн. акров на 99 лет при уплате аренды каждый год по 6 центов за акр. Финансы страны и вся страна оказались в руках «Файрстон»⁹³.

Положение страны становилось все более катастрофичным, и даже специальные международные комиссии предлагали облегчить финансовые обязательства Либерии, списать с нее часть долга. Но этому неумолимо противились США! Этот традиционный «благодетель» Либерии пошел на разрыв отношений с ней из-за долга, многократно перекрытого прибылями «Файрстон». Лишь проект Ляги наций 1935 года о передаче Либерии под контроль Германии за согласие последней войти в Лигу заставил США согласиться на уменьшение процентов по займу «Файрстон» с 7 до 5%⁹⁴. Результаты хозяйни-

чанья американских империалистов говорят сами за себя: оставаясь все время формально независимой, Либерия значительно отстала в развитии даже в сравнении с колониями европейских держав.

США неизменно рассматривали Африку как область активной борьбы за расширение своего господства. В Африке, как и в других районах мира, американские империалисты вели наступление на сферы влияния и господства своих конкурентов под хорошо известным лозунгом «открытых дверей», впервые выдвинутым в ясной форме Торговой палатой Нью-Йорка с появлением первых сообщений Г. М. Стэнли о богатствах бассейна реки Конго. С особой активностью США домогались проникновения в колониальные владения Западной Европы, в частности в Африке, во время Парижской мирной конференции 1919 года на основе «14 пунктов» В. Вильсона. Американская позиция «отражала уже известное мнение США, согласно которому колониальная система должна существовать на социальной и экономической базе, исключая какие-либо соображения политического порядка»⁹⁵. Иными словами, США выступали за сохранение колониальной системы эксплуатации как таковой, стремясь при этом, чтобы «надстроечные» формы в лице «национальных» колониальных режимов не были помехой их экспансии. В ходе второй мировой войны США выдвигают требования «открытых дверей» конкретно в отношении Африки. Журнал «Форин афферс» писал о стремлении США «поддерживать „открытые двери“ в Эфиопии и повсюду на африканском континенте»⁹⁶.

История отношений США с Африкой отмечена и непосредственными притязаниями на африканские территории.

К Либерии США всегда относились как к своей колонии. В американской историографии бытует версия о том, что будто бы не американское правительство, а созданное в 1816 году «Колонизационное общество», осуществившее первую высадку американских негров на африканском берегу в 1822 году, положило начало созданию либерийского государства. Этот факт и отказ США от прямой опеки над Либерией выдаются за доказательство «антиколониального» подхода. Но «Колонизационное общество» действовало как агент американского правительства, вся последующая политика которого была на то и направлена, чтобы, не обременяя себя «забо-

тами», вытекающими из официального признания колониальной «ответственности», осуществлять на деле полный контроль над Либерией под флагом ее независимости. Но, отказываясь от колониальной «ответственности», США не отказывались от колониальных по существу притязаний и следовали практике отстаивания своих «исключительных прав» в отношении Либерии⁹⁷.

В 1871 году в споре Либерии с Англией о границах США потребовали безусловного американского арбитража. В 1880 году госдепартамент заявил об «особых отношениях» США с Либерией. В 1890 году США выразили «удивление» по поводу продажи Либерией части территории Франции без согласования с США и не признали сделку. Одновременно они опротестовали предоставление Либерией концессии английскому горнорудному синдикату. В 1899 году государственный секретарь Хэй подтвердил позицию, сформулированную госдепартаментом в 1880 году, и сделал предупреждения об «особой заинтересованности» США в Либерии, адресованные Берлину и Парижу. В 1900 году США вновь выступили с протестом в связи с претензиями одного из английских синдикатов на «освоение» недр Либерии. В 1908 году последовало еще одно разъяснение госдепартамент о «специальных интересах» США в этой стране. В марте 1942 года президент Ф. Рузвельт объявил о «жизненной важности» Либерии для США. Был заключен договор, устанавливающий контроль США над страной и дававший им право «защищать любую ее часть»⁹⁸.

Колониалистские притязания США дали себя знать во время выработки грабительского Версальского договора. Раздраженный поведением США, лорд Керзон на одном из заседаний английского кабинета в декабре 1918 года подчеркивал настойчивость этих притязаний и говорил, что позиция В. Вильсона выдает намерение стать единственным арбитром в решении вопроса о судьбе германских колоний⁹⁹. Вильсоновская система мандатов Лиги наций и появилась на свет как компромисс колониальных хищников, причем после ее принятия в принципе американская делегация в лице эксперта по колониальным вопросам Бира настаивала на выделении США территорий в Африке в форме предоставления им прав мандатария¹⁰⁰. И все это прикрывалось демагогической дипломатией В. Вильсона, спекулировавшего принципом самоопределения народов!

История отношений США с Африкой позволяет сделать вывод, что политика США в отношении этого континента была колониальной, империалистической по своему характеру. Раскрытие содержания этих отношений в прошлом необходимо и важно, потому что в США активно отстаивается версия о коренном якобы отличии политики США в Африке в прошлом и настоящем от политики колониальных держав Европы. Факты, однако, показывают, что никакого принципиального отличия политики США от политики европейских колонизаторов не было. Вступив в этап «холодной войны», эта традиционная политика стала компонентом генерального курса «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма, вылилась в практику фактического отстаивания колониализма. Вместе с тем она была нацелена — параллельно со стратегией «маршаллизации» Западной Европы — на постепенное обволакивание колониальных владений союзников США американским влиянием, на втягивание колониальных империй в «невидимую империю» американского империализма.

Как же формировались принципы африканской политики США в период особого подъема национально-освободительного движения в Африке в течение третьего этапа общего кризиса капитализма?

Американские империалисты не могли игнорировать решающие исторические сдвиги, предопределенные небывалым размахом освободительной борьбы народов в ходе и после второй мировой войны, возникновением и бурным развитием мировой системы социализма, начавшимся крушением колониальных режимов. По мере победоносного продвижения колониальных народов к национальному освобождению творцы политики в Вашингтоне все больше гальванизируют вильсоновскую доктрину самоопределения и развивают ее дальше. Они пытаются перестроить свою политику в соответствии с духом времени. Но что касается сущности политики США в Африке, то она долгое время остается пронизанной идеей империалистической борьбы за континент на базе и в рамках сложившейся системы колониального господства без серьезного поиска альтернативы самой этой системе.

Многие американские авторы, оценивая политику США в Африке в период «холодной войны», пытаются сейчас уверить нас в том, что в США чуть ли не с самого начала 50-х годов обозначилась борьба взглядов по вопросу о колониализме: дескать, уже тогда наблюдалась четкая тенденция к отходу от защиты официального статуса-кво. Это явно завышенная оценка исторической проницательности правящих кругов США, решительно опровергаемая трезво мыслящими политическими деятелями.

Для африканцев решающим критерием антиколониальной позиции является сама готовность (не словесная, а фактическая) признать их право на независимость и осудить колониализм. Но, не говоря уже о том, что влиятельная часть правящих кругов США остается убежденным защитником колониализма¹⁰¹, после второй мировой войны ориентация США на сохранение колониальных режимов усилилась в силу стремления оградить НАТО от «политических потрясений». Политика США была и остается политикой поддержки колонизаторов НАТО. Правда, «джентльмены из госдепартамента совершали быстрый поворот на 180 градусов и спешили обнять новых друзей»¹⁰², когда какая-либо колония в Африке добивалась независимости, но это по существу означало и очередной провал политики США, ее внезапную и лицемерную перестройку перед лицом бесспорного исторического факта. Вплоть до прихода к власти Дж. Кеннеди, которому пришлось иметь дело с Африкой, уже и вопреки усилиям колонизаторов почти освободившей себя, в политике США не было отхода от поддержки колониализма, несмотря на официальную игру в абстракцию самоопределения. Как справедливо отметил профессор социологии Колумбийского университета И. Валлерштейн, «за минувшие 10 лет (и, как опасаются, так будет в течение последующих 10 лет) всякий раз, когда африканские интересы вступали в конфликт с европейскими, США либо становились на сторону своих европейских союзников, либо погружались в неудобное молчание»¹⁰³.

В ходе второй мировой войны проблемы Африки на официальном уровне в США почти не рассматривались и в оценке политических перспектив континента правящие круги США исходили из незыблемости колониализма. Но любопытно появившееся в то время специальное исследование фонда Фелпс — Стокса, излагавшее принципы Атлантической хартии применительно к проблемам

Африки. Буржуазная литература называла авторов этого исследования «невиданно смелыми политическими филантропами», отстаивавшими, якобы, интересы африканских народов вопреки «политической реальности». Тем более имеет смысл полностью процитировать их руководящий принцип относительно политического будущего народов Африки: «Пробуждение политического сознания небелых народов мира — новое явление большого значения. Оно сулит большие надежды и вместе с тем опасности: надежды, если страны, ныне осуществляющие власть в Африке, будут достаточно разумны, содействуя подготовке африканских народов различных колоний к самоуправлению в рамках современного государства, и если последние *надлежащим образом* откликнутся на эти усилия; опасности, если эта цель будет отброшена или если полное самоуправление будет предоставлено до того, как народы, путем получения образования и приобретения опыта, *будут обладать качествами, необходимыми для разумного и эффективного использования самоуправления* (курсив мой. — В. Ф.)»¹⁰⁴.

Как видно, тут всего лишь изложение колонизаторской теории «подготовленности» колоний к независимости. В отношении чаяний африканских народов предлагается нечто крайне эфемерное и абстрактное; «самоуправление», в частности, связывается с получением африканцами образования, а именно об образовании-то колонизаторы думали в последнюю очередь. Зато в документе четко формулируются обычные требования империализма США о доступе в колонии Европы. Конкурентам США предлагалось не прибегать к «приращиванию» территорий или приобретению коммерческих интересов, и наряду с этим выдвигалась претензия на руководящую роль США в Африке после войны, поскольку они, дескать, «могут подходить к ее проблемам с большей беспристрастностью, хотя и с меньшими знаниями и опытом, чем европейские державы»¹⁰⁵.

Этот документ обращает на себя внимание тем, что в нем выражен максимум того, на что отваживались в дальнейшем политические деятели США в своих предложениях о перестройке африканской политики их страны в соответствии с духом времени. Мотив словесной, абстрактной «поддержки» самоуправления плюс мотив отказа в самоуправлении под предлогом «неподготовленности» к независимости; на практике оговорка перечерки-

вает посылку. «Самоуправление» получает признание США лишь как итог успешной борьбы колониальных народов. Это условное признание в политике США приобретает реальное значение только как инструмент или метод подрыва позиций европейских конкурентов. А в целом это «прагматическое» (Ф. Дютрю-Ампи) истолкование самоопределения означает политическое лавирование между крайними полюсами признания и непризнания независимости в целях передачи власти в колониях проимпериалистическим силам при подавлении сил подлинно национальных. Процесс образования суверенных государств мыслится как результат колонизаторской «подготовки к независимости», а не народного волеизъявления.

До последних дней правительства Д. Эйзенхауэра в политике США господствовал принцип формально-условного «признания» независимости при ее фактическом отрицании. В основе его лежала формула, выдвинутая еще К. Хэллом, согласно которой освобождение колоний должно проходить не иначе, как по «филиппинскому образцу». Иначе говоря, предоставление «самоуправления» зависело от того, в какой мере империализму допустимо, целесообразно и возможно превратить страну-колонию в страну-сателлита.

18 ноября 1953 г. Дж. Ф. Даллес, а 16 октября 1957 г. его помощник Дж. Палмер многозначительно подчеркнули необходимость «упорядочить» переход колоний к независимому статусу. Под этим понималось подавление прогрессивных национально-освободительных сил, содействие «ответственным, умеренным и позитивным элементам в противовес экстремизму, подрывному и негативному национализму, представляющему такую опасность для всех нас»¹⁰⁶.

Антиколониальная борьба поработенных народов заставила конгресс США 84-го созыва принять в 1955 году совместную 149-ю резолюцию о «поддержке» Соединенными Штатами этих народов «в их усилиях достичь самоуправления и независимости». Но на следующий год сенатор М. Мэнсфилд счел нужным выступить с заявлением относительно Африки, в котором подчеркивались «трудности» проведения в жизнь данной резолюции и аналогичных документов, включая Устав ООН¹⁰⁷. Дж. Аллен призывал африканцев к «терпеливому пониманию и высокому чувству ответственности» при оценке позиции США по колониальным вопросам, указав, что

она подчинена «основным интересам безопасности США»¹⁰⁸.

Для оправдания своей колонизаторской линии правящие круги США выдвинули «теорию» о необходимости для африканцев предварительно достичь уровня «ответственности», налагаемой, якобы, на самостоятельных членов «мирового сообщества». Подтекст этой «теории» сводился к мысли о пребывании африканцев в состоянии, слишком далеком от этого «уровня», определяемого их угнетателями. Призывами против «поспешного подталкивания африканцев к свободе» пронизаны доклады миссии члена палаты представителей конгресса Ф. Болтон и сенатора Т. Ф. Грина¹⁰⁹.

Незадолго до смены администраций в Белом доме в 1961 году правительство Эйзенхауэра уже не могло игнорировать «ветер перемен» в Африке, о котором заговорил даже Г. Макмиллан. С 1957 года США были вынуждены учитывать факт постоянного всеобщего осуждения в ООН внутренней политики ЮАР. С 1959 года заметно возрастает «помощь» США странам Африки. США молчаливо отказываются от даллесовского третирования нейтралитета как «аморальной» политики. В колониальных вопросах Вашингтон оказался вынужденным продемонстрировать некую неуклюжую претензию на гибкость. Так, помощник государственного секретаря по делам Африки Дж. Саттертуэйт решился на неслыханное ранее заявление об «академичности» проблемы «подготовленности к независимости», поскольку африканцы добивались свободы, никак не желая учитывать эту колонизаторскую «теорию».

Однако в целом правительство Д. Эйзенхауэра так и сохранило до конца не только колонизаторскую сущность, но и колонизаторское лицо своей политики. В 1957 году уже стала свободной Гана, а специальный помощник государственного секретаря Дж. Холмс, объехав Африку и лично убедившись в неодолимости национально-освободительного движения, повторяет тем не менее затверженную формулу: «Преждевременная независимость и недостаточное понимание взаимозависимости в лоне мирового сообщества могут быть так же опасны для Африки, как и отказ в независимости»¹¹⁰. 9 сентября 1960 г. государственный секретарь К. Гертер говорил об «опасностях преждевременного освобождения», цинично извратив причины трагедии Конго. Выступление

Д. Эйзенхауэра на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН африканцы расценили как новое свидетельство поддержки колониализма.

Точка зрения госдепартамента по колониальным вопросам до прихода к власти Дж. Кеннеди была сформулирована в ноябре 1953 года помощником государственного секретаря по делам Ближнего Востока, Южной Азии и Африки Байроудом. Что же он сказал? Он призывал «к откровенности... в признании нашей ставки на силу и стабильность определенных европейских стран., которые, возможно, на многие грядущие годы останутся основным источником оборонной мощи свободного мира, помимо нашей собственной. Мы не можем слепо игнорировать их позицию в колониальных вопросах, не нанося ущерба нашей собственной безопасности». Поясняя точку зрения США, он заявил, что «независимость не является всеобщей панацеей» и должна быть «результатом длительной эволюции», «упорядоченного прогресса», и т. д. ¹¹¹ Байроуд, стало быть, сформулировал курс отказа в «деколонизации», пока сами колонизаторы не соблаговолят к ней прибегнуть.

В чем же суть «новой, смелой программы» Дж. Кеннеди?

Дж. Кеннеди, действительно, сделал акцент на проблемах «третьего мира», оценив курс Д. Эйзенхауэра — Дж. Ф. Даллеса как банкротство. Кеннеди исходил из руководящей идеи о том, что одновременно с известной консолидацией капитализма в зоне Северной Атлантики на гигантских пространствах Азии, Африки и Латинской Америки разворачивается борьба за национальное освобождение, приобретающая антиимпериалистическую направленность, подмывающая мировую капиталистическую систему и угрожающая ее существованию. Эта борьба сопряжена с процессами коренной общественной перестройки, со стремлением к экономической независимости, с глубокими социально-экономическими сдвигами, определяемыми стремлением угнетенных народов сбросить вековое ярмо эксплуатации, преодолеть принесенное империализмом проклятье нищеты, голода, болезней.

Для воздействия на эту «революцию поднимающихся надежд» прежние методы были уже не только недоста-

точные, но и недействительны, вступали в противоречие с целями Вашингтона, поскольку они предусматривали насильственное подчинение требований «третьего мира» соображениям «холодной войны» и отвергали всякие изменения в системе империалистической эксплуатации народов. Чтобы не только сохранить позиции в «третьем мире», но и иметь результативный контакт с ним, США следовало проводить политику, хотя бы частично представляющую отклик на коренные нужды и чаяния борющихся народов, предусматривающую известные меры содействия экономическому и культурному развитию молодых государств. Ибо, считал Дж. Кеннеди, колоссальный разрыв в уровнях развития между Западом и «третьим миром» чреват революционным брожением последнего, грозит его отрывом, отходом от мирового капитализма на рельсах выбора иного — социалистического — пути прогресса. «Именно этот разрыв,— подчеркивал Дж. Кеннеди,— является наиболее критическим вызовом для нас сегодня», поскольку он «меняет лицо мира, нашу стратегию, нашу безопасность и наши союзы больше, чем любой текущий вызов военного характера. И именно на этот вызов мы отвечаем крайне спорадически, крайне неохотно и крайне недостаточно»¹¹². В выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1961 года Кеннеди подчеркнул, что «игра в социальную политику» (Дж. Т. Краун) — не простой маневр, а продуманная стратегия. «Политическая независимость,— говорил он,— только насмешка, если нет средств для преодоления нищеты, неграмотности и болезней»¹¹³.

Он наметил перестройку отношений с «третьим миром» на основе отказа от грубо диктаторского навязывания ему политической линии империализма. США, говорил он, должны показать, что они имеют «прочные долговременные интересы в продуктивном экономическом росте менее развитых стран» и действуют «не из узкого своекорыстия, которое направлено лишь на использование африканских стран в качестве жертв холодной войны»¹¹⁴. Во-первых, следовало признать очевидное: «Мы не можем больше позволять себе такую политику, которая отказывается признать неизбежную победу национализма в Африке — неизбежный конец колониализма»¹¹⁵. Кеннеди намеревался сделать «признание национализма», а не отстаивание узких интересов колониальных союзников отправной платформой своего курса, исходя при

этом из задачи обеспечения интересов империализма и из реальных возможностей их обеспечения.

Во-вторых, Кеннеди пришлось ясно заявить, что господствующая внешнеполитическая концепция развивающихся стран — неприсоединение или «позитивный нейтраллизм» — получит (поскольку не может не получить) открытое признание США. «Я думаю,— говорил он еще во время предвыборной кампании,— это неизбежно. Это великая тенденция. В течение ближайших лет в будущем она станет, вероятно, растущей тенденцией в Африке и, возможно, в Латинской Америке»¹¹⁶.

Кеннеди стремился убедить развивающиеся страны в том, что США являются «наследниками первой антиколониальной революции», и для них стремление к национальному освобождению близко и понятно. Он, следовательно, извращал антиимпериалистическую направленность национально-освободительных революций, представляя дело так, будто все сводится лишь к устранению колониальных режимов. В целом Кеннеди обещал помогать «третьему миру» независимо от хода «холодной войны» и его отношения к порождаемым ею проблемам. «Народам, живущим в хижинах и деревнях на половине земного шара и ведущим борьбу против тенет массовой нищеты, мы обещаем сделать все возможное, чтобы помочь им в самопомощи, какой бы период времени для этого ни потребовался, и не потому, что это могут сделать коммунисты, а потому, что это правильно»¹¹⁷.

Кеннеди призывал к «рабочему», деловому контакту с «третьим миром» для преодоления нищеты, которая, по его мнению, чуть ли не единственная причина подрывающих капитализм революционных процессов (точка зрения, прочно устоявшаяся сейчас в правящих кругах США). Согласно его замыслам, требовался поэтому не застарелый диктат военной и политической мощи, а реальное усилие по борьбе с нищетой — нечто даже более грандиозное, чем «план Маршалла»¹¹⁸, с тем чтобы «третий мир» — главное поле соревнования и борьбы с коммунизмом — признал «руководство» Запада. Последний же обязан продемонстрировать способность к «руководству», внося вклад в решение проблем развивающихся стран. «План Кеннеди не является просто операцией, в которой США должны действовать в одиночку. Он хочет, чтобы западноевропейские страны внесли свою долю»¹¹⁹.

Идея Кеннеди заключалась в выдвижении на передний план экономических и технических мероприятий, преподносимых как «сотрудничество» и осуществляемых в такой степени, в какой это необходимо империализму для перехвата инициативы, для воспрепятствования выходу «третьего мира» на путь настоящей независимости при расширении его связей с социалистическим содружеством. В значительной части обещания Кеннеди носили пропагандистский характер, но он действительно хотел заставить весь механизм империализма в его же собственных интересах работать над долговременной программой своеобразной «маршаллизации третьего мира». Он хотел, чтобы с помощью Запада развивающиеся страны смягчили наиболее вопиющие проблемы своей отсталости и превратились в действенный фактор глобальной консолидации капитализма. Вместе с тем в контексте своих даже самых «радикальных» заявлений Дж. Кеннеди формулирует причины, основания и цели нового курса таким образом, что не остается сомнений в его намерении всего лишь с другого конца и иными средствами добиваться осуществления неизменных замыслов империализма.

«Признание национализма», «отрицание колониализма» сопровождаются у него требованием «обсуждать в полном объеме все факты, относящиеся к данному вопросу», а это значит, что «прилив самоопределения» должен достичь «коммунистической империи»¹²⁰. Он добивается дезориентации антиколониальной борьбы и превращения реакционно-эксплуататорских сил национально-освободительного движения в союзника империализма. Обещая вынести «помощь» за рамки «холодной войны», Дж. Кеннеди в то же время напоминает о «надежде» США, что молодые государства будут «твердо поддерживать свою свободу», утратой которой считается как раз отход от неукоснительной прозападно-капиталистической ориентации¹²¹. В курсе «новых рубежей» Кеннеди видел средство спасения устоев капитализма наряду с господством и привилегированным положением монополистического капитала западных стран. «Если свободное общество,— говорил он,— не сможет помочь большинству тех, кто беден, оно не сможет спасти и тех немногих, которые богаты»¹²².

Это был замысел постепенного общего изменения соотношения сил в мире путем воздействия на самые глубокие социально-экономические процессы в «третьем

мире». Орудием достижения данной цели должна была служить «помощь», основанная на доктрине «косвенного влияния», которая путем «какого-то увеличения благосостояния» приводит к созданию «социальных, политических и психологических изменений», подталкивающих развивающиеся страны в сторону «демократии и свободы», то есть в сторону капитализма¹²³. Если Запад не может полностью определять будущее развивающихся стран, то он может и должен затормозить растущую в них социалистическую тенденцию и ввести социально-экономические преобразования в рамки, гарантирующие, что независимость никогда не будет чем-то большим, чем одна из форм капиталистической «взаимозависимости». Поясняя это на примере Индии, Д. Раск указывал на пределы могущества США, которые «не могут идти со своим частным предпринимательством так далеко, как они хотят», но тем не менее могут и должны добиться, чтобы Индия не была «полностью социалистической»¹²⁴. *«Борьба в перспективе концентрируется вокруг вопроса о такой „подгонке“ немощных наций мира к имущим, чтобы одновременно сохранялись основы и суть американского общества»* (курсив мой.— В. Ф.)¹²⁵.

В идеале программа Кеннеди означала буржуазный либерализм, широту подхода, максимально допустимые с точки зрения обеспечения неизменных целей империализма. Но нельзя забывать, что она, во-первых, никогда не была осуществлена на практике в полном объеме, а, во-вторых, предусматривала всего лишь существенную смену методов внешней политики американского империализма, не меняя ее сущности. В конечном счете «новые рубежи» вылились в новое прикрытие этой сущности. Установки и действия правительства Кеннеди исходили из стремления придать политике антикоммунизма наибольшую эффективность. Конечно, смена методов — уже изменение политики. Но это изменение изошренно тактического характера, имеющее целью навязать развивающимся странам органическую «взаимозависимость», то есть зависимость от империализма на базе подчинения его контролю всего их внутреннего развития. И элемент диктата отнюдь не исчез в политике американского империализма. Именно при Дж. Кеннеди оттачивается аппарат насилия для подавления национально-освободительных движений, для мобильного вмешательства США в «локальные» войны. Символом политики Кенне-

ди были не только доллар, но и Форт-Брагге — подготовительный центр «противопартизанских» соединений. Второй, а не первый, символ раскрывал подлинное отношение США к народам развивающихся стран. Сущность курса Кеннеди в том, чтобы достигать прежних целей США в первую очередь методами неокOLONиалистского внедрения, полностью сохраняя во внешней политике фактор насилия и прибегая к насилию в решающих случаях.

Важнейшим мероприятием Кеннеди в достижении целей неокOLONиалистской политики была реорганизация «помощи», сведение ее в основном в единую программу вновь созданного Управления международного развития (УМР). Военная «помощь» (осталась в ведении министерства обороны) была отделена от экономической при повышении удельного веса последней, а критериями «помощи» были объявлены долгосрочное планирование, потребности стран-получательниц и «социальная справедливость»; она, говорил Кеннеди, должна быть уже не просто взяткой за базы или подкупом политического сателлита, но и орудием устойчивого экономического прогресса новых стран.

Вне всякого сомнения, Кеннеди — весьма дальновидный представитель своего класса, лучше других понимавший глубину охвативших мир политических изменений. Не случайно ему стоило большого труда проводить свои новые программы через консервативный конгресс. Он пришел к власти с твердым убеждением в обреченности колониализма, в необходимости сделать политику США «конкурентоспособной» с политикой «мирового коммунизма», для которого, по его мнению, «третий мир» служит самым благоприятным полем активности. Еще в июне 1956 года Кеннеди тревожно напоминал о конфликте Запада с угнетенными народами, которых он часто «обескураживал», «препятствуя им в стремлении к самоопределению»¹²⁶. 2 июля 1957 г. Кеннеди произнес в сенате свою знаменитую «алжирскую речь», взбаламутившую все натовские столицы. Он заявил, что Алжир — не «французская проблема» и что необходимо решить ее с учетом требований национально-освободительного движения во имя самосохранения западного союза. Возглавляя в 1959—1960 годах подкомитет по Африке сенатского комитета по иностранным делам, он постоянно предрекал полную победу африканских народов и призывал

соответственно пересмотреть политику США. В речи 28 июня 1959 г. Кеннеди призывал учесть стремления африканских народов, если США хотят «сильной Африки к выгоде самой Африки и к выгоде Запада»¹²⁷. «Третий мир» постоянно занимал его воображение, он требовал, чтобы Азия, Африка и Латинская Америка рассматривались как одна из важнейших ставок во внешней политике США.

В этом смысле он не был новатором-одиночкой. Он солидаризировался с влиятельными политическими и университетскими деятелями, давно требовавшими пересмотра курса Д. Ачесона — Дж. Ф. Даллеса — курса колонизаторского в пору краха колониализма и пронизанного канонами «холодной войны» в пору пробуждения национального самосознания народов. К ним принадлежали, в частности, Ч. Боулс, Э. Стивенсон, профессора М. Милликэн и У. Росту, профессор истории Йэльского университета Г. Рудин, банкир Дж. Уорберг, бывший министр авиации Финлеттер и др. М. Милликэн и У. Росту требовали реорганизации «помощи» в духе доктрины «косвенного влияния»¹²⁸. Г. Рудин, едко высмеивая прежние «бумажные декларации» США, просил официальный Вашингтон учесть, что «простая статистика растущих капиталовложений США в Африке или статистика нашей торговли с этим континентом, как бы внушительны они ни были, даже в самой слабой степени не отражают значения Африки для США в данный момент мировой истории»¹²⁹. С особым рвением за смену курсов ратовал Ч. Боулс, посвятивший проблеме развивающихся стран ряд работ¹³⁰. Наконец, в 1959 году в числе 15 докладов по внешней политике, подготовленных по сенатскому заказу, появился и доклад Северо-Западного университета, рекомендовавший руководствоваться представлением о том, что колониализм в Африке уходит в прошлое и африканцы сами будут определять судьбу своего континента, следуя курсу неприсоединения. Авторы настаивали на полном признании этого исторического сдвига и на отношении к Африке как к району, не уступающему прочим по важности¹³¹.

Все это внешне критическое и шумное реформаторство было фактически поиском исторически жизнеспособных средств сохранения системы империалистического господства. «При тщательном рассмотрении этих громких принципов,— писал о работах Ч. Боулса журнал «Эфри-

кэн комьюнист», — вряд ли удивишься, обнаруживая, что они складываются в единый принцип капитализма и что единственной «свободой», которую действительно высоко оценил Боулс, является «свобода» эксплуатировать труд человека»¹³².

Разрабатывая свою политику, Кеннеди в основном воспринял взгляды этих критиков прежнего курса США. Он воспринял также многое из концепций ряда прежних либеральных политических деятелей США вроде Дж. Хаксли, У. Уилки, Г. Уоллеса, а также известного шведского экономиста Г. Мюрдаля.

Новый план завуалированного империалистического наступления казался Дж. Кеннеди приложимым прежде всего к Африке, где антиколониальная борьба развертывалась в острых, конкретно ощутимых формах. Он любил повторять слова английского экономиста Барбары Уорд о том, что «величайшей ставкой в Африке являются достоинство и дееспособность самого западного общества»; он призывал к «полностью работающему партнерству между странами Запада и странами Африки»¹³³. Характерно, что первым назначением в правительстве Кеннеди было приглашение губернатора штата Мичиган М. Уильямса на пост помощника государственного секретаря по делам Африки, причем Кеннеди заявил, что это будет «самый важный пост» в его правительстве¹³⁴. Кеннеди заявил также, что он считает крушение колониализма в Африке «естественным, неизбежным и полезным событием»¹³⁵.

Эти высказывания сопровождалось рядом практических мер, в частности принятием представителей Фронта национального освобождения Алжира в Вашингтоне и указанием делегации США в ООН впервые проголосовать за резолюцию, направленную против Португалии. Кеннеди расширил «помощь» странам Африки, направил в них специальные исследовательские группы для изучения их нужд и заявил о готовности США финансировать планы развития Туниса и Нигерии на долгосрочной основе. Он принял меры по увеличению числа африканских студентов в США («будущих африканских лидеров»), расширил продовольственные поставки для смягчения критических нужд ряда африканских стран и объявил о вступлении США в «союз с растущей волной африканского национализма».

Африканская политика правительства Кеннеди осно-

вывалась на рекомендациях, представленных в докладе специально подобранной группы экспертов, которая осталась затем чем-то вроде постоянной консультативной группы при госдепартаменте. В соответствии с точкой зрения самого Кеннеди эксперты рекомендовали не поддерживать идею «французского» Алжира, хотя в то же время не было предложено (и не было принято) никаких практических мер в поддержку борющегося Алжира, для изменения прежнего курса солидарности с Францией. Доклад предлагал также не поддерживать позицию Португалии в отношении Анголы и позицию Англии в отношении Южной Родезии, если курс Лондона будет исходить из интересов только белого меньшинства.

Но наряду с этим в докладе подчеркивалось значение Африки как источника стратегического сырья (назывались конкретно 20 видов). Выдвигалось также требование содействовать созданию в Африке «стабильных правительств»¹³⁶.

Из этого можно заключить, что предлагавшийся курс практических действий США далеко отставал от широко-вещательных прокламаций новой администрации. Вашингтон на деле намечал такую линию политики, которая сводилась к признанию новой политической реальности в Африке, заранее предусматривала признание таких дальнейших политических изменений, которые можно было предвидеть, и была нацелена на передачу власти в освобождающихся странах в руки проимпериалистических деятелей. Правящие круги США трезво учли бесперспективность политики сохранения колониальных режимов и на основе такой предпосылки наметили курс насаждения в Африке неоколониалистских порядков методом «коллективного колониализма», а также курс вытеснения своих конкурентов из бывших колоний.

Поэтому уже с самого начала в курсе Дж. Кеннеди обнаружилось противоречие теории с практикой.

Многие из обещаний Кеннеди остались обещаниями (особенно в области «помощи»), так что уже с 1962 года, замечает американский африканист А. Ривкин, африканские лидеры задавались вопросом, не были ли проекты Кеннеди политической рекламой¹³⁷. «Антиколониализм» не вышел за рамки согласия с новым положением на континенте, при котором невозможно было развивать отношения с новыми государствами, не поддерживая их стремления к полной ликвидации колониальных режи-

мов. Цена американского голосования по резолюции об Анголе была невелика в свете поддержки ее всеми странами — членами ООН, кроме горстки фашистско-колониальных режимов, но США по-прежнему не предпринимали шагов к ускорению освобождения оставшихся колоний либо солидаризировались с колониальными союзниками, либо облегчали их положение. Двойственность позиции США обнаружилась в стандартной оговорке о «неприменимости» самоопределения к коренному населению ЮАР.

«Поддержка африканского национализма», как подметил английский бюллетень «Форин рипорт», была ограничена «определенными, четко установленными рамками»¹³⁸, которые не только не означали безусловного выбора в пользу «национализма», но, наоборот, сохраняли приоритет союза с колониальными державами. Разъясняя этот момент, Ч. Боулс говорил, что принцип поддержки африканцев не должен создавать «трудностей для наших друзей в Европе», вместе с которыми США предстояло «работать над поисками реалистических и разумных решений в Африке». И вообще этот принцип в понимании Кеннеди — Боулса не шел дальше того, чтобы «не проявлять излишней возбужденности», когда африканские лидеры едут в СССР или «принимают у себя команду советских гимнастов»¹³⁹. Идеалом же «деколонизации» оставался «филиппинский образец», и сам Дж. Кеннеди пояснял, что укрепление связей с Африкой нужно для укрепления «атлантического союза». Так американский империализм следует своему плану «взаимозависимости» и забывает о собственных «принципах», едва африканцы выходят за рамки — столь узкие — отводимой им исторической инициативы.

Курс Кеннеди подвел итог длительной борьбе мнений в правящих кругах США, ознаменовал победу реформаторских тенденций. На фоне прежнего курса США обновление политики было немалым. Но империалистическая суть обновленной политики становится ясной, если проанализировать мотивировку, причинную обусловленность этой «смены курсов», если посмотреть, во имя чего требовали «реформаторы» «поворота к Африке».

Прежде всего, Вашингтон уже не мог избежать пересмотра своей политики. «Борьба африканских народов за независимость, свободу и экономическое развитие, — признавал М. Уильямс, — достигла такой точки, когда

она становится фактором мощи, абсолютно определяющим весь процесс становления Африки»¹⁴⁰. Вынужденность пересмотра политики — уже сам по себе разоблачительный момент.

Далее, на «признание национализма» правящие круги США побуждала озабоченность не судьбой африканцев, а все та же проблема доступа к африканскому сырью. Ч. Боулс, например, призывал в сущности учесть, что африканцы прекрасно сознают богатства своих недр, а поскольку они становятся независимыми, захотят распорядиться этими богатствами по-своему. И если США желают впредь иметь доступ к этим богатствам, они должны наладить политический контакт с независимой Африкой, предложить ей политику взаимного интереса¹⁴¹. Аналогичные соображения высказывались и в связи с проблемой частномонополистического инвестирования¹⁴².

Кроме того, «переоценка» прежнего курса обусловливалась и поиском новой политической основы для продолжения прежней практики сохранения и насаждения военных баз. С удивительным цинизмом говорил об этом тот же Г. Рудин, стоявший в первых рядах самых резких критиков прежнего курса США: «Базы, которыми мы сейчас располагаем в Марокко, Ливии и Либерии, будут малоценными в случае войны, если нам не удастся завоевать добрую волю и поддержку народов этих стран. Согласно нашим нынешним стратегическим планам, эти страны окажутся на передовой линии ядерной войны, если мир не удастся сохранить. Ужасающий риск, перед которым оказываются эти народы в результате использования нами их территорий, жертвы, согласия на которые от них могут потребовать в связи с нашим присутствием на их земле, — жертвы, которые и представить невозможно в случае войны, — все это предполагает наличие у этих союзников (?!) глубокой убежденности в том, что поставленные цели оправдывают ожидаемые от них жертвы»¹⁴³.

Наконец, расточая комплименты странам, уже завоевавшим политическую независимость, правительство Кеннеди имело в виду помешать дальнейшему росту национально-освободительной борьбы в целом на континенте, так чтобы не подвергались риску главные позиции империализма, в частности в Южной Африке. А лозунг содействия экономическому прогрессу стран Африки понимался не как удовлетворение чаяний их народов, а как

новый рычаг внешней политики США: «помощь», подчеркивал, например, Ч. Боулс, должна была стать «внутренним барьером» против «коммунизма», то есть средством предотвращения прогрессивных преобразований, направленных на достижение экономического освобождения.

Следует добавить, что «признание национализма» вообще стало одной из крупнейших ставок в международной игре американского империализма, направленной на разжигание антикоммунизма, на подкрепление политики подрыва мирового социализма и его сотрудничества с освобождающимися народами. Еще во времена правительства Д. Эйзенхауэра в США было подготовлено по сенатскому заказу исследование, подчеркивавшее, что «национализм в различных его вариантах может составить наиболее мощный источник сопротивления интернациональному коммунизму»¹⁴⁴. Это был намек на желательность сделать «союз с национализмом», то есть с буржуазно-эксплуататорскими элементами развивающихся стран, одним из важнейших активов империалистической внешней политики США. Данную мысль неоднократно подчеркивали Дж. Кеннеди, Ч. Боулс, М. Уильямс и прочие защитники «новых рубежей». Именно к этому, а не к солидарности с чаяниями освобождающихся народов сводилась суть «поворота к Африке», осуществленного правительством Дж. Кеннеди. «Солидарность с национализмом» все больше используется также правящими кругами США для подрыва сотрудничества между развивающимися странами на антиимпериалистической основе. Под маркой защиты «национализма» поддерживаются иногда сепаратистско-реакционные силы, выступающие против прогрессивных режимов. Эта тактика широко применяется американскими империалистами в Африке в первую очередь для преодоления тенденций к общеафриканскому единству во имя укрепления независимости молодых государств.

Отстаивание империалистического влияния под флагом «антиколониализма», сохранение унаследованных от колониализма факторов экономического и политического подчинения стран Африки, использование правящей эксплуататорской верхушки этих стран как союзников империализма, подтачивание прогрессивных режимов, передовых сил национально-освободительного движения, навязывание капиталистической направленности развития — такова сущность «нового» курса Дж. Кеннеди.

Принципиально при правительстве Л. Джонсона установки внешней политики США в Африке остались теми же, что и при правительстве Дж. Кеннеди. Но отчетливо дают себя знать и некоторые новые тенденции. Продолжая политику укрепления общеимпериалистического влияния в странах континента, США стремятся оказывать более непосредственное воздействие на африканские дела. Обстановка в Африке характеризуется возрастающей активностью американского империализма, усилением его прямого вмешательства в политическую жизнь африканских государств, ростом на этой почве межимпериалистических противоречий. Для действий США в Африке за период правительства Л. Джонсона в целом характерны возрастание идеологического наступления, «направленное вторжение» в ключевые области экономики стран континента, усиленная эксплуатация внешне пропагандистских аспектов «новых рубежей» при одновременном обнажении, разоблачении насильственной стороны американской политики.

Именно в это время М. Уильямс дал развернутое толкование африканской политики Соединенных Штатов. И если проанализировать сказанное им, то даже в его, несомненно, приукрашенной интерпретации явственно проявляется неприглядная сущность американской политики.

М. Уильямс обозначил «пять столпов» политики США: самоопределение и такое его последствие, как неприсоединение африканских стран к блокам; «поощрение решения африканских проблем самими африканцами»; повышение уровня жизни африканцев путем торговли и предоставления им «помощи»; «борьба против накопления оружия выше того количества, которое необходимо для обеспечения внутренней безопасности и законной самообороны»; поощрение метрополий «к продолжению их ответственности в Африке»¹⁴⁵.

Уже в самом этом перечне затрагиваются вопросы, которые должны решаться отнюдь не Соединенными Штатами (отношение к блокам, «накопление оружия», взаимоотношения с бывшими метрополиями и т. д.). Кроме того, названные М. Уильямсом принципы либо сами по себе начинены неокOLONиалистским содержанием, либо превращаются в пустые декларации в свете дейст-

вительной политики США, либо, наконец, сопровождаются оговорками, лишаящими их смысла.

Признание самоопределения приобретает двусмысленность из-за традиционной оговорки о поддержке независимости, «если африканцы действительно хотят ее» (как будто это неясно!), и о том, что переход к независимости должен быть «мирным», тянуться «на протяжении довольно большого периода времени», чтобы обеспечить «интересы обеих сторон», то есть дать колонизаторам время закрепить свое господство в новых формах. М. Уильямс отбрасывает принцип самоопределения применительно к ЮАР. Как бы не замечая иронии собственных слов, он советует африканцам «вступить в диалог» с расистами, хотя хорошо известно, сколько этот «диалог» длится и каковы его результаты ¹⁴⁶.

Неприсоединение толкуется М. Уильямсом только как формальное неприсоединение к блокам. Но, поскольку все политическое существование африканских государств мыслится только в рамках «взаимозависимости», данный принцип лишается реального значения. Трактовка проблемы «помощи» М. Уильямсом полностью подтверждает данный вывод. «Ключевой вопрос, — говорит он, — состоит в том, *у кого они* (африканцы, курсив мой. — В. Ф.) будут просить помощи» ¹⁴⁷. По М. Уильямсу, страны Африки должны придерживаться странного «неприсоединения», исключаящего обращение за помощью и сотрудничеством к странам социализма. «Помощь» предоставляется как раз для закрепления односторонности внешнеполитических связей стран Африки.

Заявление о «поощрении решения африканских проблем самими африканцами» — явная натяжка в свете практических действий США и особенно их поведения в отношении Конго в 1964 году, когда именно США выступили против решения конголезской проблемы африканцами в рамках Организации африканского единства. Формула М. Уильямса прикрывает политику маневров, направленных на блокирование с африканской реакцией, на создание марионеточных режимов.

Высказывание М. Уильямса о «накоплении оружия» может показаться проявлением заботы о благосостоянии стран Африки. Но и оно мотивируется политикой антикоммунизма, а также стремлением поставить под иностранный контроль как оборону африканских стран, так и антиколониальную борьбу на континенте. Американских

империалистов тревожит, что уровень оснащенности оружием отдельных стран Африки и национально-освободительных движений позволит им оказывать успешное сопротивление колонизаторам. Главное же стремление Вашингтона сводится к тому, чтобы Запад был единственным источником снабжения оружием и военными инструкторами стран Африки, определяя уровень их оборонспособности в соответствии с собственными интересами. М. Уильямс имеет в виду помешать африканцам в получении военной помощи от социалистических стран. Военная «помощь» США, откровенно поясняет он, предоставляется, чтобы «убедить» африканцев, что «не следует (!) обращаться к другим (читай: социалистическим.— В. Ф.) государствам» за военной помощью¹⁴⁸.

Это линия на охват Африки всесторонним империалистическим влиянием, политика насаждения неокOLONиалистских порядков.

При Л. Джонсоне возросло влияние на правительство США техасских и калифорнийских миллиардеров, известных прямыми связями с политической реакцией. Для них стала неприемлемой кеннедиевская «игра в социальную политику», обещавшая слишком отдаленную перспективу «усмирения» развивающихся стран, охваченных революционными процессами. За время правления Л. Джонсона агрессивность американского империализма заметно возросла. Правительство США предприняло интервенцию в Доминиканскую Республику, участвовало в нападении на Конго (Киншаса), усилило напряженность в Индокитае, развязало кровавую войну против вьетнамского народа, взяло на себя неприглядную роль адвоката израильских агрессоров в 1967 году. Усиливается подрывная деятельность США в Африке: в Конго (Браззавиль), Гане, Гвинее, Танзании, ОАР и т. д. В середине 1965 и в декабре 1966 года в Аддис-Абебе прошли совещания дипломатических представителей США в странах Африки, где тон задавали сотрудники ЦРУ. Подрывная активность США в странах Африки возрастала после каждого из этих совещаний.

Долларовый неокOLONиализм Кеннеди остается главным орудием американского империализма, но ему уже не придается столь всеобъемлющего значения. В 1965—1966 годах в политике США все отчетливее проступал курс на расширение политической, военной и идеологической экспансии. Мероприятия правительства США по под-

держке пошатнувшегося курса доллара и по восполнению золотых запасов привели к сокращению как «помощи», так и частных американских инвестиций в развивающихся странах, в том числе в странах Африки. Увеличение размеров «помощи» США странам Африки в 1966—1967 гг. (общие размеры программы — около 500 млн. долл.) произошло в основном за счет ассигнований на закупки странами Африки американского продовольствия и на покрытие ими кредитов Экспортно-Импортного банка (270 млн. долл.).

С начала 1966 года правительство США по инициативе Л. Джонсона разрабатывало мероприятия по изменению направлений американской «помощи», которые получили закрепление в законе о «помощи» 1967 года. Согласно новым установкам, «помощь» ориентирована в основном на развитие сельского хозяйства, образования и здравоохранения. Эти меры привели к соответствующему смещению акцентов и в американской «помощи» Африке. Она используется в узких целях сельскохозяйственного и инфраструктурного развития африканских стран в интересах местного и иностранного частного капитала, в целях овладения системой их образования, расширения торгово-экономической экспансии монополий. Американский империализм уклоняется от содействия промышленному развитию стран Африки, подчеркивая своими программами «помощи» намерение добиваться передачи их промышленности целиком в руки частного капитала.

Сводя к минимуму свои непосредственные внешнеполитические затраты в Африке, американский империализм в то же время стремится усовершенствовать методы собственной политики, добиться наиболее широко и эффективного охвата стран континента своим влиянием.

Политика США по-прежнему отмечена практикой широкого использования западноевропейских держав для насаждения неоколониалистских порядков в той мере, в какой это необходимо для усиления зависимости Африки от Запада, ее изоляции от мирового социализма. Прозрачное разъяснение сущности этой доктрины «присутствия» США в Африке в качестве «второй великой державы» давал М. Уильямс. По его словам, США стремятся обеспечить африканским странам «бóльшие политические возможности поддерживать связи с бывшими метро-

полями», «освобождая (!) их от необходимости обращаться к коммунистическим странам»¹⁴⁹.

С 1966 года важнейшим новшеством американской политики по отношению к Африке (как и по отношению к другим развивающимся странам) является внедрение курса, названного Л. Джонсоном «прагматическим регионализмом». Правящие круги США делают ставку на то, что расширение региональных связей между развивающимися странами частично решит их экономические проблемы, позволив уменьшить «помощь», и в то же время даст возможность вмешиваться в их дела широким фронтом, в рамках единых региональных механизмов, приводя к созданию и упрочению в этих странах однотипных политических и экономических режимов, устраивающих империалистов.

В послании конгрессу в марте 1967 года относительно «помощи» на очередной финансовый год Л. Джонсон подчеркнул, что сделан сдвиг на многосторонние проекты¹⁵⁰. В дальнейшем отмечалось, что «помощь» все больше переключается на отраслевое региональное сотрудничество в таких областях, как транспорт, телесвязь, сельское хозяйство, образование, здравоохранение и т. д.¹⁵¹

Курс «прагматического регионализма» в Африке получает особенно наглядное практическое применение. Так, из 163 млн. долл., испрошенных УМР у конгресса на региональные программы в 1968/69 финансовом году, для Африки предполагалось выделить 71,3 млн. долл.

Требование уделить первоочередное внимание региональному сотрудничеству в Африке было сформулировано лично президентом Л. Джонсоном в его речи 26 мая 1966 г. по случаю третьей годовщины Организации африканского единства (ОАЕ). Л. Джонсон заявил, что США «особенно ободрены быстрым продвижением к региональному сотрудничеству в Африке», и предложил, чтобы американские программы «помощи» «усиливали региональную экономическую деятельность»¹⁵². Конкретные рекомендации в развитие указаний Джонсона были разработаны в июне — июле 1966 года послом США в Эфиопии Э. Корди, и на их основании в закон о «помощи» 1967 года были внесены изменения в политику «помощи» Африке.

В организационно-техническом плане изменения сводятся к следующему: двусторонние программы «помощи» в конечном счете будут сохранены только для десяти

важнейших стран — Ганы, Кении, Либерии, Марокко, Нигерии, Танзании, Туниса, Уганды, Судана и Эфиопии; в других странах создаются «фонды самопомощи», располагающие не более 200 тыс. долл. каждый. Эти средства должны расходоваться на поддержку устраивающих США мероприятий в области сельского хозяйства и общинного развития, а также на операции «Корпуса мира». Число стран, получающих займы и субсидии УМР, в 1967 — 1968 годах сокращено с 31 до 29, в том числе получающих займы — с 19 до 14. В следующем финансовом году число стран, получающих займы и субсидии, сокращено до 24, в том числе получающих займы — до 10.

В 1967 — 1968 годах треть технической «помощи» УМР Африке выделялась на региональные программы. Они используются Соединенными Штатами для поддержки Центральноеафриканского таможенного и экономического союза, комиссий по развитию озера Чад, рек Сенегал и Нигер, для участия вместе с Францией и ЕЭС в финансировании железной дороги для доставки к морю железной руды в Габоне и для других мероприятий.

Эта немаловажная перестройка американской «помощи» в известной мере отражает настроения самих африканских руководителей, которые давно опасаются «балканизации» Африки и стремятся к межгосударственному сотрудничеству для ускорения своего прогресса. Но не интересами африканских народов определяется курс США, спекулирующих на популярном в Африке лозунге единства.

Американские империалисты добиваются упрочения таких «регионов», которые, вроде афро-малагасийской группы, занимают твердую прозападную позицию и принимают опеку иностранного капитала. Вашингтон стремится, чтобы подобные «регионы» поглотили и африканские страны прогрессивной ориентации, чтобы в рамках обширных африканских объединений под воздействием американской «помощи» насаждались унифицированные неокOLONиалистские порядки, а объединения эти превращались в достаточно емкие рынки, в привлекательные для монополий сферы приложения капиталов. Тактика США имеет целью подрыв революционизирующего влияния африканских государств, идущих по некапиталистическому пути.

Вместе с тем США хотят воспрепятствовать установлению широких межафриканских экономических связей

на общеконтинентальной основе. Дробя Африку на послушные империалистам «регионы», они рассчитывают подорвать подлинное африканское единство, в котором видят «опасность» превращения Африки в слишком влиятельную и независимую политическую силу. Они доби-ваются сколачивания неокOLONиалистских комплексов под видом регионального сотрудничества.

Как пояснил У. Росту, США органически связывают воедино регионализм и «мировой порядок»¹⁵³. Иначе говоря, сам процесс взаимного сотрудничества развивающихся стран американский империализм пытается использовать для насаждения угодных ему порядков в рамках возникающих региональных группировок.

Но «прагматический регионализм» Вашингтона означает и растущую угрозу позициям бывших метрополий. Он как раз отражает переход политики США к этапу активного утверждения американского влияния в странах Африки после совместного с бывшими метрополиями контроля над начальной стадией «деколониализации». Это, в частности, заметно по поведению США в странах, бывших ранее колониями Франции. Анализируя факты проникновения США в эти страны, директор Центра по изучению Африки при Калифорнийском университете П. Прозль отмечал в газете «Лос-Анджелес таймс» 24 марта 1968 г., что в Париже складывается впечатление о «растущей угрозе французским интересам в Африке», о «направленном вторжении» США в сферу влияния Франции. «Помощь» США таким странам, как Тунис, Сенегал, Берег Слоновой Кости, Дагомея, Того и др., определяется намерением постепенно вытеснить Францию с ее позиций. Не случайно, что с 1967 года США решили оказывать «помощь» афро-малагасийской группе преимущественно как группе в целом. Вашингтон ведет дело к тому, чтобы постепенно, опираясь на свое финансовое и техническое превосходство, «выводить» наиболее многочисленную группу африканских стран из-под влияния бывшей метрополии и втягивать ее в фарватер своей политики.

Стремление связать в единый узел все рычаги колониализма и неокOLONиализма, рассматривая собственную экспансию как решающий ресурс порабощения Африки силами международного империализма, и в то же время стремление заложить основы своего господствующего влияния — такова стратегия политики США в Африке на современном этапе.

Характеризуя внешнеполитическую стратегию американского империализма в Африке, следует в первую очередь учитывать ее прямую взаимосвязь с кардинальной проблемой борьбы двух мировых систем. Поэтому при всех обострениях межимпериалистических противоречий в политике США сохраняется приоритет принципа «взаимозависимости» Африки с «атлантическим сообществом», иначе говоря, использования всех сил империализма для решения главной для него проблемы — изоляции Африки от социалистического содружества, подавления социально-экономических сдвигов на континенте.

Африканский континент, как уже отмечалось выше, являет собой картину борьбы, размежевания и углубляющейся поляризации между национально-демократическими силами и силами явно проимпериалистическими. Несомненно, позиции неокOLONIALИЗМА в Африке сильные и в известном смысле укрепляются. В ряде случаев колонизаторам удался маневр, направленный на «продолгование колониального пакта» методом формальной «деколонизации» сверху, путем передачи власти своим ставленникам. В успехе этого маневра сыграли свою роль традиционная слабость и зависимость африканской национальной буржуазии, прислужничество феодально-племенной иерархии перед колонизаторами, особая прочность позиций иностранного капитала в промышленности, сельском хозяйстве и торговле стран Африки, крайне низкий уровень ее общего экономического и общественного развития. Сказываются и такие факторы, как общая неразвитость социально-политической структуры в странах Африки, отсталость и забитость масс, существование не более чем в зародыше, а то и отсутствие, пролетарского авангарда, длительное пребывание Африки в международной изоляции, в состоянии оторванности от мировых центров революционного движения.

Многим африканским странам предоставляется «помощь» со стороны бывших метрополий, о которой даже на Западе говорят как о субсидировании статус-кво. Им навязаны кодексы об иностранных капиталовложениях, выгодные монополиям, и система договорных отношений, устанавливающая зависимость в военной области, а также фиксирующая неравноправность торгово-экономических отношений.

Страны Африки находятся и под валютным контролем, принадлежа к валютным зонам франка, фунта стерлингов, португальского эскудо.

Такова одна сторона положения в Африке. Другая же связана с традициями самой ожесточенной борьбы против колониализма, с настойчивым стремлением избавиться от его наследия, с продвижением ряда стран Африки по пути глубоких социально-экономических преобразований, создающих предпосылки некапиталистического развития. В этом смысле опыт Алжира, ОАР, Гвинеи, Конго (Браззавиль) является новой исторической инициативой. Такая инициатива не теряет своего значения даже тогда, когда бывает удушена (Гана, Мали). Ширятся торговые связи и экономическое сотрудничество стран Африки со странами социализма, помогающими им избавиться от засилья монополий и колониальных держав путем закладки основ национальной экономики¹⁵⁴.

Для успеха национальных антиимпериалистических движений, отмечал В. И. Ленин, «требуется либо соединение усилий громадного числа жителей угнетенных стран (сотни миллионов в взятом нами примере Индии и Китая), либо *особо* благоприятное сочетание условий интернационального положения (например, парализованность вмешательства империалистских держав их обессилением, их войной, их антагонизмом и т. п.), либо *одновременное* восстание пролетариата одной из крупных держав против буржуазии (этот последний в нашем перечне случай является первым с точки зрения желательного и выгодного для победы пролетариата)»¹⁵⁵.

Антиколониальная борьба в Африке нарастала при наличии всех трех из перечисленных В. И. Лениным предпосылок ее успеха, когда — что особенно важно — «мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества» стали определять «главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человеческого общества»¹⁵⁶. Это заметно сказалось на политической ситуации в Африке.

Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин, говоря о будущей борьбе колониальных народов, предсказывал, что «в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного ша-

ра, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы ожидаем»¹⁵⁷. Политические процессы в Африке подтверждают справедливость данного предсказания. Логика антиколониальной борьбы привела здесь к неоспоримому росту антикапиталистических устремлений и тенденций. Антикапиталистические настроения овладевают умами некоторых выдающихся африканских руководителей и проникают в массы, требующие социальной справедливости¹⁵⁸.

Нельзя преуменьшать трудности борьбы за социализм в Африке или приравнивать различные формы социальной демагогии (многочисленные варианты «африканского социализма») к научному социализму. Но нельзя и нигилистически отвергать то, что говорят африканцы о социализме, недооценивать глубину преобразований, означающих в ряде стран несомненный сдвиг в сторону от капитализма, в направлении к социализму. Субъективные антикапиталистические настроения ряда африканских руководителей дополняются объективными возможностями (хотя и отнюдь не легкими) претворения их в жизнь в условиях современной эпохи.

В данной работе хотелось бы подчеркнуть одну, но главную, из конкретно-исторических причин как быстрого краха колониализма в Африке, так и нарастающей борьбы народов за коренные социально-экономические преобразования. Это — решающее изменение соотношения сил в мире после второй мировой войны, возникновение и развитие мировой социалистической системы, и особенно рост могущества СССР, его возрастающая всесторонняя помощь народам и государствам Африки. Значение этого фактора признают даже очень далекие от коммунизма лидеры Африки. Так, на приеме в советском представительстве при ООН 12 октября 1960 г. министр иностранных дел Камеруна Ш. Окала заявлял: «Мы благодарим вас за усилия, с которыми вы отстаиваете нашу свободу. Мы, в центре Африки, знаем, что если бы не Советский Союз, то мы разуверились бы даже в божестве... Даже не будучи коммунистами, мы благодарим коммунистов за их усилия»¹⁵⁹.

Уже один тот факт, что все свои действия в Африке империалисты, особенно американские, связывают с мифом об «отпоре коммунистическому проникновению», как

бы доказывает от противного великое освободительное и преобразующее воздействие Советского Союза, мирового социализма на положение дел в этом районе мира, способствующее росту здесь национально-демократических и социалистических тенденций.

Решающая фаза национально-освободительной борьбы в Африке связана с заметным усилением общего кризиса капитализма. Она совпала с периодом небывалой практической действенности союза между мировым социализмом и борющимися за освобождение народами. В этом — ключ к пониманию африканской действительности и особенностей политики империализма. Хотя в Африке были самые ожесточенные схватки с колониализмом и империализмом, в целом не оружие решило и решает исход борьбы ее народов. Роль главного освободительного фактора играет как раз та общая парализация сил империализма, на значение которой указывал В. И. Ленин, которую все больше обеспечивает рост влияния социализма в мире наших дней. В результате для освобождения большинства африканских народов оказалось достаточно относительно развитой политической борьбы. И это же предопределило радикализацию антиколониальной борьбы, очевидную вероятность перерастания ее в борьбу за социальное освобождение.

Идея сотрудничества со странами социализма крепнет в сознании африканских народов тем сильнее, чем больше шагов в сторону преодоления колониализма и неоколониализма им приходится делать. Потому-то коренная суть неоколониализма и сводится к действиям, направленным на изоляцию Африки от мирового социализма, на сковывание инициативы самих африканцев разными программами «помощи», влекущими государства континента на капиталистический путь.

Все сказанное позволяет лучше понять описанную выше главную особенность политики США на африканском континенте — стремление действовать совместно с западноевропейскими колонизаторами, не прибегать к прямому наступлению на их позиции. Как бы ни были сильны стремления американских империалистов захватить в свои руки богатства Африки, они не могут решиться на то, чтобы слишком форсированная американская экспансия вела к серьезному взрыву межимпериалистических противоречий и играла роль разрушительного фактора против уже сложившейся системы неоколониализма, ког-

да сама эта система находится еще в довольно шатком состоянии (не с точки зрения реальных факторов политического и экономического влияния Запада, а с точки зрения субъективных устремлений передовых сил африканских народов, которые без внешнего давления со стороны империализма, несомненно, могли бы получить значительное развитие). И как ни нарастают в Африке противоречия Вашингтона, скажем, с Парижем, США тем не менее не доводят их до явного и прямого столкновения, так как политика Франции обеспечивает пока главное: империалистическую «взаимозависимость» части Африки с Западом.

Как высказалась однажды «Уолл-стрит джорнэл», США «могут больше всего потерять», если народы Африки изберут социалистические методы развития; а возможность такого выбора — не гипотеза, но повседневная вероятность в освободившейся Африке. Поэтому, бросая свои силы против главных очагов освободительной, революционной борьбы народов в Африке, США придерживаются линии на согласование общеимпериалистической политики и решают дилемму, которую С. Поссоли, один из американских теоретиков колониализма, обрисовал так: сил отдельных колониальных держав для удержания господства уже недостаточно, и, следовательно, «старомодный колониализм должен уступить место новой форме международного сотрудничества правительств многих метрополий и объединенным действиям по развитию и защите колониальных районов». Главное, говорит С. Поссоли, — «обеспечение интересов всего свободного мира»¹⁶⁰.

Но обремененность самого этого принципа «коллективного колониализма» межимпериалистическими противоречиями вытекает хотя бы уже из того факта, что США стремятся отнюдь не просто к контакту с бывшими метрополиями. В их понимании данный принцип должен в полную меру отражать американскую претензию на «руководство» колониалистской коалицией при передаче, уступке ее западноевропейскими участниками части своих «интересов» Соединенным Штатам.

Так раскрывается глубокая внутренняя противоречивость неоколониалистской стратегии американского империализма: с одной стороны, стремление найти какой-то «новый подход», влиять на развивающиеся страны методом «реального вклада» в их общественно-экономическое

развитие, а с другой — насилие, неизменно прорывающееся сквозь эту оболочку официального курса; с одной стороны, стремление мобилизовать ресурсы «атлантического сообщества» для коллективного империалистического дирижирования эволюцией «третьего мира», а с другой — неизменная претензия играть роль «руководителя» капиталистического мира, мирового жандарма, подрывающая стратегию «коллективного колониализма» в самой ее основе.

ПАУТИНА ДОЛЛАРА

Монополии: курс на „добычу“

«Финансовый капитал, — писал В. И. Ленин, — такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью»¹.

Американские империалисты прямо-таки фетишизируют эту «силу». В их политической философии вера в «силу капитала» — доминирующий абсолют.

Мотивы американского частномонополистического инвестирования в Африке разнообразны. Мощный поток инвестиций в ЮАР объясняется, например, возможностью получения здесь высокоприбыльной отдачи на капиталовложения благодаря относительно высокому уровню общего экономического развития страны, наличию в ней самых разнообразных естественных богатств, а также специфически колониальной системе эксплуатации дешевой рабочей силы. Поток американских капиталов в другие страны Африки регулируется соображениями захвата источников сырья и расширения рынков, а также ключевых позиций в их экономике, находящейся в стадии становления.

Но в любом случае американский капиталозэкспорт связан с общеполитической стратегией империализма, рассматривается как первооснова сохранения и упрочения его господства. Правящие круги США полагают, что соответственно программируемый капиталозэкспорт, тщательно дозируемые и в целевом отношении строго контролируемые инъекции капитала в уже сложившуюся, унаследованную от колониализма экономическую систему стран Африки могут служить надежным регулятором со-

циально-экономического и политического развития африканских, как и прочих, развивающихся стран в соответствии с интересами империализма.

Основной — и циничный — расчет строится при этом на объективной нехватке капиталов, испытываемой всеми африканскими странами, у части которых национальное капиталообразование недостаточно даже для простого, не говоря уж о расширенном, воспроизводства. Потребности развивающихся стран не могут также пока полностью удовлетворяться в рамках сотрудничества с социалистическим содружеством. Поскольку, таким образом, «сотрудничество» с монополистическим капиталом и с представляющими его органами «помощи» в известной мере неизбежно, он, считают в Вашингтоне, внедряясь в структуру слабо развитой экономики на определенных условиях, рано или поздно придаст капиталистической ориентации развивающихся стран необратимый характер, переборов и смяв всякого рода «социалистические эксперименты». Таково главное направление мышления и действий американских неоколониалистов.

Показательны в этом смысле взгляды американского профессора Т. Адама, который в экспорте капитала видит магическое средство, могущее «сыграть решающую роль в определении будущего» целых районов Африки, навязать некоторым странам континента (Конго) нужные Западу нормы государственности, самортизировать «расовую проблему» (т. е. укрепить власть белых расистов) в Южной Родезии, сохранить «нынешнюю систему» в ЮАР и т. д.²

В такой оценке капиталоз экспорта единодушны и круги бизнеса и особенно правительство США. Если монополии часто следуют выжидательной тактике, настаивая на дополнительных гарантиях «политической стабильности» (упрочения неоколониалистских порядков) в странах Африки, то правительство США, исходя из стратегических интересов представляемого им класса, наоборот, уговаривает монополии «смелее идти на риск», перекрывает этот «риск» солидными гарантиями, а с другой стороны — настаивает, чтобы государства Африки откликнулись на требования монополий. М. Уильямс, десятки раз призывавший бизнесменов к «походу в Африку», разъяснял, что именно компании США должны принести в Африку «образец частного предпринимательства», играть в ней роль экономического ментора³.

Растущие инвестиции монополий воплощают угрозу американской экспансии для «старых» колонизаторов. Но в какой-то мере официальный Вашингтон пытается сочетать ее с общеимпериалистической задачей утверждения в Африке системы «взаимозависимости». Еще в 1957 году специальный сенатский комитет, проанализировав западные программы «помощи», рекомендовал придерживаться «концепций» и «типа отношений», характеризующих «план Коломбо» и предусматривающих координацию «помощи» всех стран НАТО⁴. Правящие круги США постоянно подчеркивают наличие в Африке «широких возможностей для всех», призывают координировать капиталозэкспорт в Африку. Содействуя экспансии монополий, правительство США считает ее важнейшей политической функцией неокOLONИализма, ведущей к реализации доктрины «взаимозависимости». Все подобные планы, конечно, далеки от бескорыстия: как раз в рамках координации капиталозэкспорта и технической «помощи» западных стран правящие круги США видят эффективный путь усиления своих позиций в Африке.

В 1961—1962 годах насчитывалось уже более 220 компаний США, имеющих вложения в Африке⁵. К 1967 году количество американских фирм, обосновавшихся в Африке, поднялось до 300; американскими монополистами была создана специальная Африкано-американская тор-

Таблица 2

Прямые частные инвестиции США в Африке
(в млн. долл.)

Годы	Суммы	Годы	Суммы
1929	100	1960	925
Конец 30-х годов	120	1961	1070
1950	287	1962	1246
1955	572	1963	1426
1957	664	1964	1685
1958	746	1965	1918
1959	833	1966	2078

Источники: Д. И. Костюхин, *Внешнеэкономическая политика США*, М., 1963, стр. 53; S. H. Frankel, *Capital Investment in Africa*, Johannesburg, 1938, p. 205; «Department of State Bulletin», Oct. 22, 1962, p. 614; «Survey of Current Business», Aug. 1959, p. 30; Aug. 1961, p. 22; Aug. 1963, p. 18; Sept. 1965, p. 24; Sept. 1966, p. 34; Sept. 1967, p. 39.

говая палата⁶. Таблица 2 отражает динамику американских прямых частных вложений в Африке⁷.

В общей сумме заграничных прямых частных инвестиций США (54 562 млн. долл. в 1966 г.⁸) это немного, но темпы роста вложений говорят сами за себя. Темпы экспансии монополий США в Африке в отдельные годы не уступают темпам и масштабам их экспансии в других экономически слаборазвитых районах: так, в 1964 году они вложили в Африке 259 млн. долл. новых капиталов в сравнении с 270 млн., вложенными в Латинской Америке⁹. Но назначение инвестиций не исчерпывается их общей суммой: если, например, при относительно небольших затратах монополии США подбираются к контролю над литиевым рудником в Южной Родезии, то это практически означает, что они «недорого» платят за позицию мирового значения.

Позиции монополий США куда внушительнее, чем об этом говорят приведенные официальные цифры. В них не входят вложения в суда, плавающие под либерийским флагом (минимум 400 млн. долл.), многие реинвестиции¹⁰. Кроме того, официальная статистика указывает лишь бухгалтерскую стоимость вложений, которая, по официальным же признаниям, вдвое меньше рыночной. Учитывая все это, можно смело сказать, что капиталовложения монополий США в Африке превышают 4 млрд. долл.¹¹

Обращает на себя внимание быстрый рост капиталовложений американских монополий. По подсчетам советского профессора А. Ю. Шпирта, в 1962 году общие частные капиталовложения всех западных стран в Африке равнялись 17 млрд. долл., из которых на США приходилось 2,5 млрд.¹² Если до войны инвестиции монополий США в Африке составляли сумму, в 40 раз меньшую, чем английские инвестиции, то в 1960 году они уже составляли 40% от суммы английских инвестиций. «Темпы проникновения капитала поистине бешеные. Американский бизнес как будто открыл для себя в Африке новое Эльдorado»¹³.

Главный результат вторжения монополий США — усиление их контроля над источниками стратегического сырья. По подсчетам советского экономиста А. А. Санталова, уже в 1951—1952 годах компании США контролировали в Африке 14,7% добычи марганца, 11,5 — хромовой руды, 6,8 — ванадия, 17,1 — кобальта, 32,0 —

меди, 27,1—свинца, 21,0—цинка, 10,2%—бокситов. В порядке сравнения можно сказать, что до войны они контролировали 8,1% добычи меди и 5,6% добычи бокситов¹⁴. В 1960 году А. Гарриман смело утверждал, что многие рудники в Конго наполовину принадлежат американцам¹⁵. Известно, что американцы контролируют добычу хрома в Южной Родезии, золота на ряде рудников ЮАР. В целом по континенту американские компании занимают доминирующее положение в добыче и разведке нефти.

Американские капиталовложения в основном концентрируются в трех географических районах: Южная Африка (601 млн. долл. в 1966 г.¹⁶; фактически эта сумма вдвое больше¹⁷), Конго (здесь инвестиции США оценивались до последнего времени в 600 млн. долл.¹⁸) и Северная Африка — один из новых важных районов добычи нефти (только в Ливии в 1965 г. вложения компаний США равнялись 428 млн. долл.¹⁹). Направленность частных инвестиций США раскрывается в их поотраслевом распределении.

Таблица 3

Поотраслевое распределение прямых частных капиталовложений США в Африке
(в млн. долл.)

Годы	Всего	Добыча и производство сырья	Нефтяная промышл.	Обрабатывающая промышл.	Торговля
1963	1426	349	702	177	80
1964	1685	356	830	225	93
1965	1918	354	1029	292	115
1966	2078	369	1108	331	136

Источник: «Survey of Current Business», Sept. 1965, p. 24; Sept. 1967, p. 42.

Картина весьма показательная. «Беглый взгляд на распределение американских частных инвестиций, — признавалось в одном из исследований, подготовленных по заказу сенатского комитета по изучению проблем «помощи», — показывает, что основная их часть вложена в промышленность по извлечению сырья и только незначительная часть — во вспомогательные отрасли американского промышленного и торгового предпринимательства

для нужд других стран»²⁰. В 1950—1959 годах из общей суммы заграничных инвестиций США в 2251 млн. долл., вложенных в общее и электротехническое машиностроение и в производство электроэнергии, на Африку приходился всего 1%²¹. Очевиден факт, что американский бизнес в Африке обладал всеми чертами «традиционного» колониального предпринимательства.

Но в последнее время возрастает и удельный вес американских вложений в обрабатывающую промышленность стран Африки:

Таблица 4

Размеры прямых частных инвестиций США в обрабатывающую промышленность стран Африки
(в млн. долл.)

Годы	Сумма	Годы	Сумма
1950	55	1963	177
1957	106	1964	225
1961	122	1965	292
1962	144	1966	331

Источник: «Survey of Current Business», Sept. 1965, p. 27; Sept. 1967, p. 42.

Это — закономерное явление. Империализм может затормозить, исказить процесс становления независимой экономики молодых государств, но полностью предотвратить его не может, особенно при развитии их сотрудничества со странами социализма. Подстраиваясь к новым экономическим требованиям стран Африки, монополии США стремятся подчинить наиболее перспективные отрасли их зарождающейся промышленности, навязав им в то же время лжеиндустриализацию («расчески и кастрюли», напоминает М. Уильямс), исключаящую прежде всего производство средств производства. Приходится считаться и с настроениями нарождающейся африканской буржуазии, не согласной оставлять свои страны сырьевыми придатками Запада. «Они, — признает А. Гарриман, — относятся к нам с некоторым подозрением, когда мы приходим только для того, чтобы извлечь полезные ископаемые. Но они согласны *мириться с этим* (курсив мой. — В. Ф.) при условии, что мы будем одновременно содейст-

воват развитию сельского хозяйства и промышленности, обеспечивая занятость и принося пользу самим этим странам»²². Вложения в обрабатывающую промышленность напоминают откуп за право еще больше расхищать богатства Африки.

Монополии США вторгаются в Африку широким фронтом, открывая для себя, по словам М. Уильямса, «диапазон возможностей» в сфере страхования, банковского дела, займовых операций, строительства отелей и жилищ, торговли, финансов, промышленности, экспортно-импортных операций, транспорта и т. д.²³ Выделяются активностью банки США, особенно рокфеллеровский «Чейз Манхэттэн» и в последнее время калифорнийский «Бэнк оф Америка» (группа Джаннини). У них прочные «рабочие контакты» с «европейскими финансовыми центрами»²⁴. Как отмечал госдепартамент, банки США успешно создают свои филиалы и стремятся проникать в Африку на основе слияния с уже имеющимся там европейским и местным банковским капиталом²⁵. Понятно, что это облегчает им задачу проникновения на уже занятые другими позиции.

Создание смешанных компаний, блокирование с западноевропейским и местным африканским капиталом — существенная черта американской тактики проникновения. И не только в Африке. «Американские компании, — писал «Бизнес уик», — более чем когда-либо твердо намерены превратиться в многонациональные и осуществлять поистине всемирные операции»²⁶. Таким путем они обеспечивают для себя дополнительные позиции без лишних юридических и политических осложнений и вместе с тем превращаются во все более важный компонент системы империалистической эксплуатации Африки.

География вторжения

В 1956 году в своем известном «Африканском обзоре» лорд У. Хэйли о послевоенной Африке писал: «Все большую популярность приобретало мнение об Африке как о грандиозном резервуаре сырья, для извлечения которого в интересах индустриальных держав Европы нужны были только соответствующие капиталовложения»²⁷. По ту сторону Атлантического океана подобное мнение стало не менее популярным, чем в Западной Европе. 31 октября 1953 г. журнал «Бизнес уик» мечтательно размышлял о

грядущих 25 годах, в течение которых США будут получать сырья по 20 млрд. долл. на каждые 5 млрд. долл. капиталовложений. Африке в этих мечтах отводилось заметное место: журнал предсказывал, что в США, «как о чем-то привычном», будут говорить «о меди из Энтеббе и Муфулиры, о марганце Амалы и Аккры, о цинке Перта, Бибао и Мотеррея, о вольфраме из О'Окипа и Оуро...»²⁸.

Монополии США не теряли времени, чтобы воплотить свою мечту в жизнь. В течение всего послевоенного периода экспансия монополий США в Африке захватывала все новые области экономики.

Нефтяная экспансия — визитная карточка американского империализма. «Когда встает вопрос о нефти, — заявлял конгрессмен Хэлперн, — отчетливо видно, что США не могут быть строго нейтральными»²⁹. Сказано скромно, но достаточно ясно. Нефтяные корпорации и компании США выделяются размахом и темпами экспансии (на их долю приходится более половины прямых частных вложений США в Африке), подбираясь к важнейшему стратегическому сырью — африканской нефти.

Главная база монополий США — Ливия, где добыча нефти с нуля в 1960 году подскочила до 72,7 млн. т в 1966 году. Страна уже является третьим экспортером нефти после Венесуэлы и Кувейта³⁰. Помощник государственного секретаря по делам Африки Дж. Палмер подчеркивал «главенствующую роль американского предпринимательства в нефтяном буме Ливии»³¹.

6 американских компаний проникли в Ливию к середине 50-х годов. В 1965 году под нефтяными концессиями находилось 40% территории страны, ими владели 25 компаний, из которых 15 были американскими. Коммерческое же производство нефти было в руках 5 компаний, все они американские: 1) «Эссо» (филиал «Стандард ойл компани оф Нью Джерси» владеет нефтепроводами Зельтен — Марса-Брега и Рагуба — Марса-Брега); 2) «Оазис» (два нефтепровода от Дахры до побережья Сирта); 3) «Мобил интернэшнл» (25% участия западногерманского капитала и 75% — «Сокони мобил ойл», нефтепровод от Хофры до Рас Лануфа на побережье Сирта); 4) «Амосис» (концессия в Беда подключена к нефтепроводу «Мобил»); 5) «Лиамко» (транспортирует нефть совместно с «Амосис»). Помимо прибылей от экспорта нефти, отличающейся низкой себестоимостью, компании США

снимают с нее как бы второй урожай, перерабатывая на собственных заводах в Европе.

Концессии в Ливии типичны для американских предприятий в Африке. Это чужеродные образования в структуре слабо развитой экономики, ориентированные на вывоз и сырья, и получаемых от него прибылей, не меняющие общей картины экономической отсталости страны. Как писала газета «Аль-Хакыка», при чистых прибылях нефтяных компаний в 100 млн. ливийских фунтов в 1963 году Ливии досталось всего 32 млн. ливийских фунтов. Правительство Ливии неоднократно пыталось изменить договоры о нефти, добиваясь больших отчислений от прибылей компаний в ливийскую казну, с трудом преодолевая их сопротивление, доходящее до прямого саботажа.

В соседнем Алжире к моменту получения страной независимости монополии США вынуждены были уступить пальму первенства французскому капиталу, который функционирует на условиях, определяемых договоренностью с алжирским государством. Эвианские соглашения 1962 года включали положения колонизаторского нефтяного кодекса от 22 ноября 1958 г. Они закрепляли приоритет французских компаний в Сахаре, предоставляя алжирскому государству 40,51% акций крупнейшей французской полугосударственной компании «Сосьете насьональ пур ла решерш э эксплуатасьон дю петроль д'Альжери» («СН РЭПАЛ»), определенный процент капитала других компаний и право на 50% от прибылей компаний, в которых оно участвовало.

Освобождение Алжира от пут Эвианских соглашений зафиксировано в соглашении от 29 июля 1965 г. Париж в конце концов проявил известную трезвость и реализм в отношении законных требований Алжира, но об оказанном им сопротивлении свидетельствуют длительность и сложность имевших место переговоров. Сопротивление требованиям Алжира, и даже более упорное, было оказано также со стороны американских компаний.

С 1953 года в Сахару усиленно проникали «Калифорния Тексас ойл» («Калтекс»), «Галф ойл», «Филипс петролеум», «Канадиэн Дели», «Пан-Америкэн», «Ситиз сервис», «Трансуорлд» и другие компании США. Моргановская «Ньюмонт майнинг» и «Синклер ойл» были держателями 45% капитала в группе из 5 американских и французских компаний. Рокфеллеровская «Стандард ойл

оф Нью Джерси» по соглашению с французским правительством от 4 июня 1959 г. получила концессию у границы Туниса и создала «Эссо саарьен»³². Затем в Сахаре появились «Стандард ойл оф Калифорния», «Сокони мобил ойл», «Эль Пасо», «Пюр ойл», «Эстейтс петролеум» и др.

Поведение компаний США было отмечено явным двурушничеством: с одной стороны, они поддерживали планы колонизаторов по отсечению Сахары от Алжира, а с другой — заигрывали с национально-освободительным движением, предчувствуя его победу. Правительство Кеннеди, например, разрешило пребывание на территории США Комитета по жидкому топливу Фронта национального освобождения Алжира и даже предоставляло стипендии для подготовки алжирских нефтяников³³. А монополии США в 1961—1962 годах выступили перед Временным правительством Алжирской Республики с проектом создания комплекса нефтеочистительных и нефтехимических заводов стоимостью в несколько сот миллионов долларов³⁴. Это были реверансы в расчете на покладаемость будущего независимого Алжира как типичного нефтяного государства, услужливо принимающего предложения монополий.

В дальнейшей борьбе Алжира за свою нефть ему пришлось преодолевать саботаж именно со стороны монополий США. Алжиру было трудно добиться принятия условия о его половинном участии в других компаниях, помимо «СН РЭПАЛ», потому что в них крупными акционерами выступали компании США³⁵. «Синклер ойл» и другие американские вкладчики саботировали алжирское требование относительно обозначения места назначения и места платежа при транспортировке нефти за пределы зоны франка. После израильской агрессии в июне 1967 года между правительством Алжира и монополиями США возник открытый конфликт, результатом которого была национализация Алжиром распределительной сети компаний США.

Тем не менее независимый Алжир не прервал контакты с американским капиталом, видя в них возможность избавиться от односторонней зависимости в сложном деле освоения недр страны, а также возможность добиваться улучшения условий соглашений с Францией от июля 1965 года. С февраля 1966 по октябрь 1968 года правительство Х. Бумедьена заключило четыре соглашения с

«Саут Истерн дриллинг» из Далласа (создано общество «Альфор» для бурения скважин), с «Индепендекс» (создана геофизическая компания «Альжео»), с «Варел» из Далласа (образуется компания на паях с алжирской «Сонатраш») и с «Гетти ойл». Все соглашения однотипны: предусматривают предоставление алжирской стороне 51% акций при 40-процентном американском участии. Последнее из соглашений было заключено в тот момент, когда официальные алжирские круги открыто заявляли о необходимости пересмотра соглашений с Францией от июля 1965 года, в связи с чем предполагалось начать новые франко-алжирские переговоры³⁶.

В ОАР «Стандард ойл оф Нью Джерси», «Сокони вакуум ойл» (совместное владение «Стандард ойл оф Нью Джерси» и «Сокони мобил ойл»), «Конорадо петролеум», «Ситиз сервис», «Континентэл ойл», «Ричфилд ойл корпорейшн», «Сазерн Калифорния петролеум» с 1938 года вели наступление на англо-голландскую «Ройял датч-Шелл» и ее филиал — «Англо-Иджипшн ойл филдз». С началом социально-экономических преобразований в Египте, после 1962 года, экспансии монополий в духе «традиционного» соперничества был положен конец. Правительство ОАР не отказалось от услуг иностранного капитала, но обязывало его вступать в соглашения, строго оговаривающие национальные интересы страны. ОАР возглавила также борьбу нефтепроизводящих арабских государств за пересмотр соглашений с иностранными монополиями. В рамках этой общей политики ОАР с конца 1963 года заключила концессионные соглашения о разведке нефти с «Филипс петролеум», а также с «Пан-америкэн интернэшнл ойл компани» — филиалом «Америкэн интернэшнл ойл компани», которая в свою очередь примыкает к «Стандард ойл компани оф Индиана»³⁷. С началом израильской агрессии 1967 года прежние соглашения ОАР с компаниями США поставлены под вопрос.

В Тунисе с 1949 года развернула операции «Галф ойл», а в Марокко американские промышленники финансировали строительство нефтепроводов. В Марокко «Эссо стандарт» вместе с французскими банками («Лазар фрер», «Банк де Пари э де Пэи-ба») контролирует сбыт нефтепродуктов, а «Америкэн ойл компани» ведет разведку вблизи «испанской» Сахары. В самой «испанской» Сахаре 13 американских компаний располагают более чем двадцатью концессионными участками.

В Нигерии, ведущем производителе нефти в Черной Африке (25 млн. т в 1966 г.), «Сокони вакуум» и «Мобил ойл» пробили в 1955 году брешь в монопольном до этого господстве английской «Шелл-БП». В апреле 1965 года «Филипс» стала восьмой по счету иностранной компанией, получившей лицензию на разведку и добычу. Важнейшим этапом в проникновении США было соглашение правительства Нигерии о разведке и эксплуатации нефтяных ресурсов «на земле и под водой», заключенное 1 декабря 1961 г. с пятью иностранными компаниями, из которых все, кроме «Шелл-БП», были американскими: «Найджириа Галф ойл», «Калифорния эйшиэтик ойл компани», «Мобил эксплорэйшн Найджириа инкорпорейтед» и «Теннеси Найджириа инкорпорейтед». Компании заявили о «благоприятных условиях», предложенных им в соглашении³⁸. «Мобил ойл», «Тексако» и «Эссо» владеют бензозаправочными станциями по всей стране³⁹. Бывшее федеральное правительство Нигерии и его преемники попустительствовали иностранному капиталу: для нефтяных компаний действовало положение 1959 года о половинном дележе прибылей между правительством и компаниями, причем в долю правительства зачисляются аренда за земельные участки, таможенные сборы, рента и т. д.⁴⁰ Это попустительство привело к тому, что нефтяные компании оказались замешанными в гражданскую войну в Нигерии, стимулировали сепаратизм Восточной провинции (Биафра), где расположены основные месторождения, снабжали сепаратистов.

В Сомали еще в колониальный период орудовали «Стандард вакуум», «Конорадо петролеум», «Синклер ойл». Филиал «Синклера» — «Синклер Сомали корпорейшн» создал собственное подразделение «Амерада петролеум корпорейшн оф Сомали» — «Континентэл ойл компани оф Сомали». С этими двумя компаниями, а также с «Сомали Галф ойл» правительство Сомали заключило в 1961—1962 годах соглашения, дающие право искать нефть в течение 7 лет и получить 40-летнюю концессию в случае обнаружения месторождений. Эфиопия в 1963 году с «Мобил ойл», а в январе 1964 года с «Галф ойл компани оф Эфиопия» заключила соглашения о концессиях на разведку нефти вдоль побережья Эритреи⁴¹.

В Либерии «Мобил ойл», «Тексако», «Афран транспорт компани» (филиал «Галф ойл») монополизировали импорт, сбыт и перевозки нефтепродуктов⁴². «Хант ин-

тернэшнл петролеум» из Далласа (штат Техас) построила нефтеперерабатывающий завод, получив монопольное право на переработку нефти при установлении правительством 100% защитительного тарифа на импорт нефтепродуктов.

Компании США действуют в Габоне («Сокони мобил ойл»), в Мозамбике («Мозамбик Галф ойл»), в Анголе («Стандард ойл оф Нью Джерси»). В Юго-Западной Африке (Намибии) подвизается компания миллиардера П. Гетти «Гетти ойл компани» (через свой филиал «Видол минералз»), там же располагают огромными концессиями «Артнелл майнинг энд эксплорейшн», «Этоша петролеум» (дочернее предприятие «Тексас истерн трансмишн корпорейшн») и «Трансамерикэн майнинг корпорейшн»⁴³. Даже в маленькой Сьерра-Леоне действует «Теннесси Сьерра-Леоне инкорпорейтед», дочерняя компания «Теннесси оверсиз компани»⁴⁴.

Капитал США настойчиво стремится прибрать к рукам быстро развивающуюся нефтеперерабатывающую промышленность африканских стран. Он приобрел акции многих из 12 нефтеперерабатывающих заводов, строившихся в Африке в 1963 году⁴⁵. На этой почве возникали эпизоды жестокой конкурентной борьбы, в частности «Стандард ойл оф Нью Джерси», «Мобил ойл» и «Тексако» вели настоящую войну против итальянского треста «ЭНИ», которому был передан подряд на строительство завода в Киншасе (Конго). В эту войну лично включался заместитель государственного секретаря Дж. Болл. «Американская политика в Конго любопытным образом напоминает дипломатию колониальной эпохи», — писал по этому поводу французский еженедельник «Франс обсерватор»⁴⁶.

Трудно до конца распутать клубок, сплетенный американскими нефтяными спрутами в Африке. Дело в том, что часто они скрываются за вывесками «независимых» иностранных компаний. Так, «Галф ойл» владеет 22,5% акций компании «Юнайтед петролеум секьюритиз корпорейшн», которая в свою очередь контролирует (83,6% акций) одну французскую компанию, занимающуюся очисткой и продажей нефти во Франции и в ее бывших колониях⁴⁷.

В погоне за нефтью наиболее полно раскрываются масштабы проникновения американского империализма в Африку. Но и другие источники сырья влекут к себе мо-

нополии США. Так, со времен второй мировой войны, широко используя государственно-монополистические методы, США ведут охоту за африканским ураном. Вначале главным объектом наступления было Конго (Киншаса).

В 1941 году Вашингтон заключил с президентом «Юньон миньер дю О'Катанга» («ЮМОК») Э. Санжье и с правительством Бельгии соглашение о предоставлении в распоряжение США всей урановой руды, добываемой на руднике Шинколобве в Катанге. Именно из конголезского урана были изготовлены бомбы, уничтожившие Хиросиму и Нагасаки⁴⁸. Переработка уранового сырья сказочно обогатила такие монополии, как «Юнион карбайд энд карбон», «Дженерал электрик», «Дюпон де Немур»⁴⁹. С тех пор урановое производство в Шинколобве осталось глубоко запрятанным секретом. В 1944 году вместе с Англией и Канадой США создали государственно-монополистическое объединение «Комбайнд дивелопмент эйдженси», финансировавшее производство урана повсюду в мире и скупавшее его в основном для США. В 1950 году поставки уранового сырья из Конго в США достигли 14 тыс. т в год. США заставили Бельгию поставлять сырье только в США без публикации стоимости поставок.

В том же году к делам «ЮМОК» (уран, медь, кобальт) приобщился и монополистический капитал США. Английский банк продал имевшиеся у него 19% акций «Танганьика консешнс» («Танкс» — главный акционер «ЮМОК») некоей «англо-бельгийской группе»⁵⁰. Из скупленных 1 667 961 акции данная группа в свою очередь перепродала 600 тыс. «американской группе», в которой главенствовали Д. Рокфеллер («Чейз Манхэттэн») и корпорация Рокфеллеров «Интернэшнл бэйсик экономи корпорейшн», поддержанные банкирскими домами «Лэденбург, Тальман энд компани» и «Лазар бразерс энд К^о оф Нью Йорк»⁵¹. С 1959 года Рокфеллеры приобретают в «ЮМОК» уже «непосредственные интересы». С ростом борьбы народа Конго и падением акций «ЮМОК» администрация компании обменяла рокфеллеровские акции на акции одной из финансовых компаний Конго, превратив их тем самым в портфельные инвестиции в «ЮМОК», не подлежащие контролю. Это поддержало курс акций «ЮМОК», а Рокфеллерам открыло путь к новым вложениям в Катанге (чем и объясняется неизменная поддержка с их стороны катангского сепаратизма). В июле

1960 года Рокфеллеры приобрели пакет акций «Компани дю Конго пур ле коммерс э л'эндюстри» из группы «Сосьете женераль», контролировавшей «ЮМОК»⁵².

Американский капитал был организатором и распорядителем уранового производства и в ЮАС (с 1961 г. — ЮАР). В 1950 году с помощью США и Англии ЮАС приступил к добыче урановых руд на ряде золотодобывающих шахт и обязался $\frac{3}{4}$ концентратов направлять «Комбайнд дивелопмент эйдженси». Объем поставок был определен в 6200 т урановых оксидов в год⁵³. Бурный взлет урановой промышленности ЮАР обеспечили американские займы: Экспортно-Импортный банк США выделил 130,1 млн. долл. южноафриканским компаниям и еще 19,6 млн. долл. для электростанций, обслуживающих урановое производство; МБРР предоставил ЮАС 132,5 млн. долл. для расширения инфраструктуры, обслуживающей урановую промышленность⁵⁴.

Обогащение южноафриканских компаний было неслыханным. Экспорт уранового сырья в 1956—1961 годах обеспечил ЮАР поступления в 559 млн. рандов (в фунтах стерлингов — половина этой суммы)⁵⁵. Но вместе с ними обогащались и американские монополии, в частности гигантская корпорация «Кеннекот коппер», широко развернувшая операции в ЮАР с 1948 года, и «Ньюмонт майнинг». Обе они были совладельцами ряда урано- и золотодобывающих рудников и шахт.

Притягивают монополии США в Африку и месторождения железной руды. В данном случае их главная база — Либерия. В 1946 году «Лайбириа майнинг компани», созданная крупным нью-йоркским дельцом Л. К. Кристи, заключила контракт с правительством Табмена, обязавшись уплачивать всего 5% стоимости каждой тонны вывозимой руды. Эти грабительские условия компания пересмотрела только в 1960 году, столкнувшись со шведскими и западногерманскими конкурентами и убедившись в редкостно низкой себестоимости руды на ее концессии в Боми-Хилл. С 1949 года контрольный пакет акций «Лайбириа майнинг» оказался в руках огромной монополии «Рипаблик стил», которая быстро наладила производство с помощью займа Экспортно-Импортного банка. Начав экспорт в 1951 году со 181 тыс. т, концессионеры в 1963 году вывозили уже 3 млн. т. А прибыль в первый же год составила 3,5 млн. долл., или 35% от инвестированного капитала!⁵⁶

В районе Мано Ривер в Либерии действует «Нэшнл айрон ор компани» — типичная фиктивно-национальная компания, фактически принадлежащая той же «Лайбириа майнинг» и «Фёрст нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», действующему через Банк Монровии (этот формально государственный банк Либерии сам до 1955 г. принадлежал «Файрстон», а затем — «Фёрст нэшнл сити бэнк»). Добыча руды в Мано Ривер в 1964 году достигла внушительной цифры — 5 млн. т⁵⁷.

Крупнейшее предприятие по добыче железной руды в Либерии — рудник у горы Нимба, связанный с новым портом вывоза руды Бьюкенен и принадлежащий концерну «Лайбириэн-Америкэн-Свидиш минералз компани» («ЛАМКО»). 25% его капитала — в руках американского стального гиганта «Бетлехэм стил». Его акционером является и канадская «Лайбириэн айрон ор лимитед», частично принадлежащая американской «Интернэшнл Африкэн-Америкэн корпорейшн». «ЛАМКО» управляется шведской компанией «Гренгесберг», но жизнь ему дали американские займы: около 30 млн. долл. от Экспортно-Импортного банка и около 6 млн. долл. от «Фёрст нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк». И это не случайно. «ЛАМКО» — один из важнейших каналов проникновения монополий США в общеафриканском масштабе, средоточие сложнейших личных уний «братства бизнеса», включая высших чиновников аппарата ООН, чем воспользовался капитал США, проникая в Конго.

В Габоне, в районе Мекамбо, находятся одни из крупнейших в мире залежей железа с запасами руды до 1 млрд. т. Для разработки этих залежей в 1959 году была создана «Мекамбо айрон майнз компани» или «Сосьете де мин де фер дю Габон» («СОМИФЕР»), в которой американский капитал («Бетлехэм стил») располагает половиной акций. Добыча и вывоз руды начнутся в 1970 году, причем «Бетлехэм стил» намерена снабжать этой рудой свои предприятия в США в течение 10 лет⁵⁸.

В первые же годы после второй мировой войны правительство и монополии США стремились овладеть сырьем для производства алюминия или организовать производство алюминия непосредственно в Африке для его последующего вывоза в США. Концессии в Гвинее на острове Касса и в районе Боке давно принадлежали «Сосьете де боксит дю миди» — французскому филиалу «Алюминум лимитед» («Альтед»). «Альтед» — заграничный филиал

гигантского меллоновского треста «Алюминум компани оф Америка» («Алкоа») и его основного филиала «Алюминум компани оф Канада» («Алкан»). В Гане (Золотой Берег) «Альтед» в 1953 году купила акции английской фирмы «Уэст Африкэн алюминум».

В независимой Гвинее «Боксит дю миди» прибегла к саботажу, опираясь на блок ведущих монополий США «Рейнольдс метал компани», «Алкоа», «Кайзер алюминум энд кемикэл компани» и «Олин Мэтисон кемикэл корпорейшн», а также на МБРР⁵⁹. В ответ Гвинея национализировала месторождения и лишила «Боксит дю миди» концессионных прав. 1 октября 1963 г. Гвинея подписала соглашение с американской компанией «Харвей алюминум», передававшее ей право на разработку месторождений в Боке, а 23 июня 1964 г. была создана смешанная компания «Боксит де Гине» с участием «Харвей» и гвинейского правительства. Для разработки месторождения нужны не только глиноземный завод, но также железная дорога и порт вывоза. Первоначальный проект «Харвей» предусматривал строительство всех трех объектов за счет компании, но при условии, что они будут ее собственностью. Гвинейское правительство сочло, что это не отвечает интересам страны, и решило строить дорогу и порт собственными силами. Но строительство дороги и порта в три раза дороже, чем строительство глиноземного завода, в то время как использоваться они будут главным образом в интересах компании. Это значит, что Гвинее приходится изыскивать займы для создания этих объектов. Правда, соглашение предусматривает, что 65% прибылей смешанной компании получает гвинейское правительство, однако подсчитано, что «Харвей» быстро и с лихвой покроет расходы за счет низкой себестоимости глинозема.

С 1957 года в Гвинее в районе Фриа действует «Международная компания по производству алюминия», в которой корпорации Меллонов и Рокфеллеров «Олин Мэтисон» принадлежат 48,5% акций. В 1960 году компанией построен глиноземный завод мощностью в 480 тыс.т в год и стоимостью в 150 млн. долл. В 1961 году экспорт глинозема составил 47,4% гвинейского экспорта⁶⁰.

Крупнейший акт проникновения монополий США связан со строительством плотины и гидроэлектростанции на реке Вольта в Гане наряду с алюминиевоплавильным заводом, принадлежащим «Кайзер алюминум энд кеми-

кэл компани» — второй по величине алюминиевой компании США из калифорнийской группы капитала. Для правительства и народа Ганы плотина была лозунгом национального прогресса, но молодая страна тщетно искала кредиты. Проблеск надежды появился только в 1959 году: США выразили готовность финансировать строительство, если одновременно будет построен завод для компании «Кайзер». Окончательное решение правительства Кеннеди в 1961 году предоставить Гане кредиты подсказывалось соображениями «холодной войны»: США опасались, что СССР, уже предложивший Гане помощь в создании плотины на реке Черная Вольта, возьмется и за строительство основной плотины на Вольте у Акомбо (боязнь «асуанского варианта»).

В 1959 году была образована «Вольта алюминум компани лимитед» («ВАЛКО») — консорциум «Кайзер алюминум» и «Рейнольдс метал». «ВАЛКО» выступала как заказчик построенного алюминиевого завода, который является главным потребителем энергии созданной электростанции. Завод стоимостью в 129 млн. долл. рассчитан на производство 120 тыс. т алюминия в год, его строительство на $\frac{3}{4}$ финансировалось за счет займа Экспортно-Импортного банка США.

Вот ярчайший пример прямой связи «помощи» с интересами монополий! Плотину стоимостью в 196 млн. долл. Гана наполовину финансировала из собственных средств и наполовину — за счет займов США (56 млн. долл.) и МБРР (47 млн. долл.). Как неоднократно подчеркивал К. Нкрума, это даже не помощь, а обычные коммерческие займы весьма жесткого характера. И, кроме того, США обусловили, что энергия электростанции будет в основном потребляться заводом фирмы «Кайзер», которая освобождается от налогов в течение первых 10 лет, а в последующие 30 лет будет вывозить алюминий по льготному тарифу⁶¹. Плотину, нужную Гане, США под маркой «помощи» как бы «привязали» к заводу, нужному компании «Кайзер».

Производители меди в США: «Ньюмонт майнинг», «Кеннекот коппер» (Морганы), «Анаконда компани» («Фёрст нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк»), «Америкэн смелтинг энд рифайнинг» (Гугенхеймы), «Америкэн метал клаймикс» (Хохчайльды — Морганы) давно помогают контролю над выплавкой меди и добычей медной руды в Африке. Район их активности — «медный пояс»

Замбии, на который вместе с Катангой приходится от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ добычи меди в капиталистическом мире.

Из четырех основных рудников этого района — «Роан антилоп», «Муфулира», «Нчанга» и «Рокана» — первые два принадлежали группе «Родезиэн селекшн траст» («РСТ»), а вторые — «Родезиэн Англо-Америкэн корпорейшн» («РОАНГЛО»). Американский капитал был особенно сильно представлен в первой группе («Америкэн метал» владела до 65% акций «РСТ» и 41% акций «Роан антилоп»⁶²) и несколько слабее во второй («Ньюмонт майнинг»⁶³).

В независимой Замбии на месте «РСТ» появляется «Роан селекшн траст». «Америкэн метал» владеет 46,12% капитала данной группы, которой принадлежали, в свою очередь, «Чибулума майнз», «Муфулира коппер майнз», «Балуба майнз» и «Чамбиши майнз». Мощность предприятий этих компаний составляла около 250 тыс. т меди в год, они приносили ежегодную прибыль в десятки миллионов долларов⁶⁴. В августе 1969 года правительство Замбии решило ликвидировать концессии и возратить стране все права на разработку полезных ископаемых, захваченные иностранными компаниями.

В соседней Юго-Западной Африке огромная корпорация «Цумеб» принадлежит «Ньюмонт майнинг» и «Америкэн метал клаймикс». Она владеет рядом медных рудников и простирает свою власть над всей страной. Под американским контролем оказались и залежи меди в районе Акджуджты в Мавритании. 27 июня 1964 года правительство страны подписало с компанией «Хоумстейк майнинг компани», крупнейшим производителем золота на территории США, соглашение о создании «Со-сьете де кюивр де Моритани» («СОКЮМА»), в которой американцам принадлежат 55% акций⁶⁵. Правда, в ближайшее время промышленное производство меди Акджуджты не ожидается, производятся лишь разведки и проба залежей⁶⁶.

Щупальца Уолл-стрита протянулись также к крупнейшим залежам марганцевой руды в районе Моанды в Габоне. Для их эксплуатации в 1953 году была создана «Компани миньер де л'Огоуэ» («КОМИЛОГ»), в которой ведущему производителю стали в США — корпорации «Юнайтед стейтс стил» и ее филиалу «Нэвиджен компани» принадлежат 49% акционерного капитала, а 22 и 29% приходятся соответственно на долю французского

правительства и пяти частных французских компаний. «КОМИЛОГ» в 1959 году получила от МБРР заем в 35 млн. долл. (общие вложения в рудник и инфраструктуру — 99 млн. долл.) и приступила к освоению месторождения. По условиям соглашения о «КОМИЛОГ», 50% добываемой руды направляются в США, добыча началась в 1962 году, проектная мощность рудника — 1 млн. т руды в год⁶⁷.

Перечисленные факты дают представление о позициях американского монополистического капитала в области производства некоторых важнейших видов африканского минерального сырья. Со времен существования колониальных режимов компании США активно подкапывались под богатейшие недра африканского континента. С освобождением африканских стран монополии США не просто приобщаются к важнейшим звеньям системы империалистической эксплуатации Африки, созданной колониальными державами; они сами активно формируют и укрепляют эту систему. Возрастающее проникновение американских монополий в Африку становится все более важным устоем неокOLONиализма, фактором усиления экономической зависимости африканских стран.

Приведенными примерами далеко не завершается картина американской монополистической экспансии в Африке. Американский бизнес представлен во многих сферах африканской экономики и действует во всех странах Африки.

Экономика Марокко — в руках 16 акционерных обществ, находящихся под французским контролем. Но еще в 1921 году «Ньюмонт майнинг» совместно с «Сент-Джозеф лед компани» овладели наполовину свинцово-цинковыми рудниками на границе Марокко с Алжиром. В настоящее время шахты по добыче свинца и цинка (Зеллиджа, Аули) контролируются группой Ротшильдов, «Банк де Пари э де Пэи-ба» и космополитической компанией «Вальтер Пенарройя». Эта последняя подчиняется моргановской группе капитала и контролирует в Марокко 41% добычи свинца и 85% добычи цинка⁶⁸. Проникают сюда и другие компании США: «Дженерал тайр» владеет заводом по производству шин в Касабланке, «Компани марокэн С. А.» принадлежит американской компании шахтного оборудования «Джой мэнюфэкчуринг». «Оксидентал петролеум корпорейшн» занимается производством кислот, «Копперс компани» занята в металлургии.

В Судане монополии США проникают в текстильную промышленность, а в Сьерра-Леоне — в рыбоконсервную. В Береге Слоновой Кости компания «Уастом» получила право вести разведку алмазов на льготных условиях в течение 25 лет. Здесь дает себя знать скрытое проникновение банковского капитала, создающее основу для широкого влияния на экономику страны: «Морган гэранти интернэшнл бэнк» — крупный акционер в банках БСК, а Банк промышленного развития БСК использует в качестве основного капитала займовые средства американских банков. Аналогично положение в денежно-кредитных органах других стран Африки. «Бэнк оф Америка» имеет крупный пакет акций в государственном банке Сенегала, «Морган гэранти» — в государственном банке Габона, «Фёрст нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» и «Аллен энд компани» — в Банке Западной Африки⁶⁹. В Сенегале «Интернэшнл минералз энд кемикэл» вырвала 12% акций «Компани сенегалез де фосфат де Тайба», которой монопольно владели французы⁷⁰.

Либерия — вотчина американских монополий. «Файрстон тайр энд раббер» помимо каучуковых плантаций владеет плантациями масличных пальм, американо-либерийской радиокорпорацией, американо-либерийской торговой компанией (40% импорта страны), диктует цены на товары широкого потребления, включая рис — основной продукт питания⁷¹. Прочные позиции занимают здесь компания Д. Рокфеллера «Гудрич тайр энд раббер» (каучуковые плантации), «Тексако», «Лимпекс палмойл»; «Коламбия Сазерн Лайбириэн корпорейшн» и др. В 1960 году в Либерии из 150 млн. долл. иностранных инвестиций 125 млн. приходилось на американские компании.

Нигерия, крупнейшая страна Африки, считается в США потенциально важнейшей сферой приложения капитала, и около полутора сотен американских компаний осаждали эту страну после получения ею независимости в 1960 году. Еще в начале 50-х годов «Америкэн смелтинг энд рифайнинг» и «Кеннекот коппер» заняли прочные позиции в добыче свинцовых, цинковых, оловянных и серебряных руд. На «Кеннекот коппер» приходилось 15% экспорта ниобиевых концентратов⁷². В независимой Нигерии разворачивают деятельность новые фирмы США: вездесущая «Пепси-кола» построила заводы в Лагосе, Кано, Онитше и Ибадане, «Арктурус инвестмент энд ди-

велопмент» (филиал рокфеллеровского «Чейз Манхэт-тэн бэнк») широко проникла в текстильную промышленность, крупнейшая торговая фирма «Сирс, Робак» развернула операции по всей стране⁷³. Открыли свои отделения банки США, особенно «Чейз Манхэттэн».

В Уганде канадская «Фробишер лимитед оф Канада» (американский капитал) вложила 70% из 14 млн. долл. первоначальных вложений в медно-кобальтовые рудники Килембе. Сейчас разрабатывающая их «Килембе майнз лимитед» на 70% принадлежит компании «Венчур оф Канада». «Фробишер» вместе с «Олин Мэтисон» принимает участие в разработке фосфатов в Сукулу⁷⁴.

Один из важнейших районов операций американского бизнеса — территория бывшей Федерации Родезии и Ньясаленда, нынешних Замбии, Малави и Южной Родезии. Каналами американского проникновения служили специально созданная инвестиционная компания «Америкэн-Англо-Трансвааль инвестмент корпорейшн» и «Англо-Америкэн корпорейшн оф Саут Африка», которая контролировала в этом районе множество фирм с американским участием: «Англо-Америкэн инвестмент траст», «Англо-Америкэн-Родезиэн дивелопмент корпорейшн», «Родезиэн Англо-Америкэн лимитед», «Англо-Америкэн проспектинг компани», «Англо-Америкэн-Родезиэн минерал эксплорейшн», «Англо-Америкэн-Родезиэн сервисес лимитед» и др.

Здесь ярко прослеживается любопытная «вертикальная взаимосвязь» местных компаний с ведущими монополиями США при высокой концентрации контроля в руках последних. Так, «Америкэн метал клаймикс» и «Америкэн поташ энд кемикл корпорейшн» на паях с английскими партнерами контролируют компанию «Бикита минералз», владеющую важными литиево-бериллиевыми месторождениями в Южной Родезии⁷⁵. «Бикита минералз» в свою очередь располагает 49,19% голосов в «Америкэн литиум кемиклз инк.», а эта последняя держит в своих руках 49,9% акций «Сан Антонио кемиклз инк.» — компании, созданной для переработки жидких отходов «Америкэн литиум кемиклз»⁷⁶. Аналогичный случай — «Родезиэн ванадиум корпорейшн» (хром в Южной Родезии), акционерный капитал которой давно захвачен компанией «Ванадиум корпорейшн оф Америка» и примыкающей к ней «Металлург инкорпорейтед оф Нью-Йорк», а они в свою очередь входят в систему ги-

гантского меллоновского треста «Юнион карбайд энд карбон»⁷⁷. В Южной Родезии имеют «интересы» также «Джон Мэнвилл» (асбест), «Америкэн кемикэл корпорейшн» (минеральные удобрения), «Гудийр» (автошины), «Америкэн метал клаймикс» (медь и фосфаты), «Юниверсал лийф тобэко компани» (табак) и т. д.

В ЮАР по объему частных инвестиций США занимают второе место после Англии, а в последние годы новые инвестиции США даже превышают английские. Так, в 1959—1962 годах компании Англии вкладывали в ЮАР в среднем по 36 млн. долл. в год, а компании США вложили здесь в 1963 году 55 млн. долл. Апартеид, сочетающий полицейское принуждение трудящихся с особыми привилегиями для крупного капитала, создает для американских бизнесменов «идеальный инвестиционный климат». В ЮАР давно подвизаются такие известные монополии США, как «Интернэшнл харвестер компани» (сельскохозяйственные машины), «Смит-Корона» (пишущие машинки и канцелярское оборудование), «Кока-кола» и ее филиал «Майньют мэйд» (напитки), «Дженерал моторз», «Крайслер», «Форд мотор» (автомобили и моторы), «Кимберли-Кларк корпорейшн оф Америка» (бумага) и др. Автомобильные компании США — ведущие инвесторы в соответствующую отрасль промышленности ЮАР. «Крайслер», например, построила близ Йоганнесбурга завод производительностью в 200 машин в день и открыто афиширует сотрудничество с правительством Претории⁷⁸. «Трансуорлд эйрлайнз» и другие авиакомпании США обеспечивают связь ЮАР с внешним миром. В горнорудной промышленности ЮАР капитал США занял прочные позиции наравне с Оппенгеймерами, Ротшильдами и «Бритиш Саут Африка». Моргановская «Кеннекот коппер» проникла в заповедную отрасль золотодобычи. «Ньюмонт майнинг» и «Америкэн метал» установили контроль над компанией «О'Окип коппер» (цветные металлы). Они же через «Цумеб корпорейшн» ведут в Юго-Западной Африке добычу меди, свинца (крупнейший свинцовый рудник в Африке), олова, серебра, кадмия, ванадия и германия⁷⁹.

Все «закоулки» американского бизнеса в Африке раскрыть трудно. Нередко его вторжение в Африку является побочным результатом наплыва в Западную Европу. Например, свои конторы в независимых странах континента открыли европейские филиалы американских хими-

ческих и фармацевтических фирм («Чарлз Пфайцер энд компани» и др.). Кроме того, американский капитал часто скрывается за обезличенным совладением акциями и за вывесками «независимых» европейских компаний.

Но именно связь с ведущими международными монополиями, с крупнейшими американскими компаниями и их банковскими союзниками является отличительной чертой бизнеса в Африке. И эта связь с финансово-промышленными центрами империализма — главный козырь иностранных инвесторов в попытках сохранить систему эксплуатации африканских народов. А что касается ведущих американских монополий, то они при относительной ограниченности прямых инвестиций завоевывают все более прочные позиции в Африке, опираясь на исключительную разветвленность своих международных связей и на высокую концентрацию капиталовложений.

Фермент колониальной эксплуатации

Всестороннее проникновение монополий США в Африку усиливает общее засилье иностранного капитала на континенте и становится одним из факторов подмены национального независимого развития молодых государств захватом их ресурсов и рынков иностранными капиталистами. Рост инвестиций американских монополий означает, что рост производства в странах Африки осуществляется в форме децентрализации развитой капиталистической экономики Запада, в форме закрепления их экономической зависимости. При этом конечным итогом частномонополистического инвестирования является изъятие из стран Африки средств и ресурсов, перекрывающих капиталовложения. Вывоз американского капитала в Африку — это лишь начальная точка циклического процесса гораздо большего вывоза прибылей из Африки. Американский бизнес является одним из главных угнетателей и эксплуататоров Африки, одним из каналов обирания континента.

За послевоенный период до 1960 года прибыли компаний США в Африке составили 1234 млн. долл. — намного больше общей суммы вывезенных ими капиталов плюс так называемой «помощи»⁸⁰. Показательно, например, что «Файрстон» до 1951 года вывезла из Либерии каучука на 160 млн. долл., уплатив правительству страны

всего 8 млн. долл. В 1957 году прибыль этой компании составила 50 млн. долл., в три раза превысив годовой бюджет Либерии⁸¹. В колониальный период дивиденды компаний достигали 100%, а иногда и 200% на вложенный капитал, и компании США получали в Африке прибыли, в среднем на 30% превышавшие их прибыли в любом другом районе мира⁸².

Нефтяные компании США вложили в Ливии в 1964 году 78 млн. долл., а вывезли из страны прибылей в тот же год 100 млн. долл.⁸³ В 1966 году их новые вложения в Ливии составили 79 млн. долл., а полученные прибыли — более 200 млн. долл.⁸⁴

Пример Либерии как нельзя лучше свидетельствует о плачевных результатах хозяйничанья американских монополий. В 1963 году страна столкнулась с тяжелейшим финансовым кризисом из-за оттока капиталов за границу. В этом году Либерия должна была выплачивать займы с процентами на общую сумму в 120 млн. долл., чего она, разумеется, сделать не могла. В 1965 году Либерия до 26% бюджета, составлявшего 46 млн. долл., была вынуждена затратить на уплату долгов.

Освобождение Африки вносит изменения в прежнюю систему безудержной колониальной эксплуатации: монополиям приходится считаться с рядом ограничений для иностранного капитала и отчислять больше средств в казну стран Африки. Но качественно во многих случаях колониальная экономическая система не изменилась, и монополии сохраняют свои сверхприбыли, используя все тот же дешевый труд африканца и минимально переоснащая свои предприятия. Инвестиции США — по-прежнему фактор не столько накопления, сколько изъятия средств из экономики стран Африки.

Если в 1964 году чистый приток нового капитала США в Африку составил 141 млн. долл., то дивиденды, проценты и прибыли, полученные американскими компаниями в Африке в тот же год и вывезенные в США, составили сумму в 301 млн. долл.⁸⁵ В 1965 году чистый приток новых американских капиталов в Африку составил 170 млн. долл., а в 1966 году — 89 млн. долл. Проценты и дивиденды, полученные и вывезенные американскими вкладчиками, равнялись соответственно суммам в 327 млн. и 338 млн. долл.⁸⁶

По подсчетам советского ученого-африкановеда Л. Гончарова, за 15 лет, с 1952 по 1966 год, общие дохо-

ды США от прямых частных инвестиций в Африке составили 2140 млн. долл., из которых на переведенную в США прибыль приходится 1464 млн. долл., а на нераспределенную прибыль — 677 млн. долл. Приток же нового капитала из США за это время составил 1093 млн. долл. Таким образом, переведенные прибыли превысили на 371 млн. долл. приток нового капитала за 15 лет, и сумма этого притока составляет всего 51% от общей суммы прибылей в 2140 млн. долл., полученных за это время американскими вкладчиками⁸⁷.

Существует прямая связь между «интересами» проникающих в Африку монополий США и политикой завуалированного отстаивания колониализма или попыток «продолгования» его, проводимой официальным Вашингтоном. И чем прочнее становились позиции монополий США на континенте, тем больше затруднялась борьба его народов за освобождение, тем больше политика США мотивировалась стремлением сохранить нетронутыми колониальные порядки.

У американского африканиста Дж. Маркума мы находим удивительно откровенное признание этой прямой связи: «Последние сообщения о том, что „Галф ойл компани“ затратит 7,5 млн. долл. на разведку нефти в тропической Рио Муни (Испанская Гвинея) и что западные компании конкурируют в борьбе за права на разведку нефти в Рио-де-Оро (Испанская Сахара)..., *могут служить признаками возникновения новых препятствий на пути к деколонизации*» (курсив мой. — В. Ф.)⁸⁸. Незадолго до освобождения Замбии индийская «Хиндустан таймс» считала такое освобождение «почти невозможным» именно потому, что оно затрагивало интересы американских и английских монополий во всей Южной Африке — почти на четверти территории континента⁸⁹. Настаивая на сохранении колониализма, монополии хотят обезопасить уже вложенные капиталы от политических превратностей.

Образчик колонизаторства, прикрытого абстракциями о человеческой свободе, — политика Вашингтона в отношении ЮАР, где процветает специфическая колониальная эксплуатация, вписанная в рамки независимого расистского государства. Американская политика за-

щиты расистского режима вытекает из требований монополий, вложивших здесь к началу 60-х годов больше капиталов, чем на Филиппинах или в Италии, Бельгии и Турции, вместе взятых⁹⁰. Бывший министр иностранных дел ЮАР Э. Лоу имел все основания для уверенности в неосуществимости санкций против ЮАР, предложенных в ООН. Он прямо заявил, что страны вроде США и Англии никогда не поддержат санкции, ибо ставят на первое место прибыли от своих инвестиций в ЮАР и выгоды от торговли с ней⁹¹.

Столь же самоуверенно выступил 5 марта 1965 г. в одном из клубов Сан-Франциско посол ЮАР в США Х. Тасвелл. Он говорил о «естественных узах дружбы» между ЮАР и США, не испытывая и тени сомнения относительно причин и основ такой «дружбы»: это, во-первых, выгодная для США торговля с ЮАР; во-вторых, огромные капиталовложения США и, наконец, это золото, которого в ЮАР добывается на 1 млрд. долл. каждый год. Самое главное, подчеркивал Х. Тасвелл, заключается в том, что ЮАР выглядит для компаний США «образцом здорового предпринимательства». «Есть ли в мире страна, — спрашивал он свою аудиторию, — где вы могли бы получать большую прибыль?»⁹² Этот аргумент, разумеется, неотразим для американских монополистов, а стало быть, и для творцов политики в Вашингтоне. И поскольку мнение 175 американских монополий, орудующих в ЮАР, ясно, власти ЮАР спокойно кладут под сукно резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН против апартеида, которых только в 1964 году было принято четыре.

Монополистический капитал — оплот колониальных порядков и инициатор политики, направленной на их сохранение. Такова его роль, угрожающая будущему Африки. Как обстоятельно доказывал в одной из своих статей обозреватель американской «Газетт энд дейли» Ч. Говард, именно «сохранение финансового колониализма» является причиной реакционных государственных переворотов в Африке, в частности и переворота 24 февраля 1966 г., приведшего к падению правительства К. Нкрумы в Гане. Он писал, что после этого переворота на инструктаже работников печати в госдепартаменте официальные лица не скрывали свою радость по поводу того, что после ганских событий «климат для американских вкладчиков капитала в Африке стал лучше»⁹³.

Стремление проложить путь инвестициям частного капитала, а затем использовать их как рычаг закабаления развивающихся стран — ось неоколониалистской стратегии США. Американские империалисты добиваются того, чтобы неизбежный процесс промышленного подъема развивающихся стран приобретал характер расползания частномонополистического предпринимательства по зоне бывшей колониальной периферии, определяя тем самым ее политическое будущее, ее неизменную экономическую зависимость от монополий. Правящие круги США тратят массу усилий на убеждение партнеров в «третьем мире» в «благотворительности» частномонополистического инвестирования. Им свойственна прямо-таки абсолютизация идеи «развития», подобно сдаче в аренду монополиям целых государств. Данная экономическая версия весьма активно используется в качестве орудия внешней политики.

Империалисты США очень расчетливо используют тяжелое экономическое положение развивающихся стран. Унаследованная от колониализма экономическая база дает развивающимся странам крайне ничтожные внутренние накопления при резком возрастании потребности в капиталах. Развивающиеся страны, естественно, ищут внешние источники финансирования экономики, и когда они выдвигают соответствующие просьбы, Вашингтон стереотипно отвечает, что они не получают средств, пока не сделают все для привлечения иностранного частного капитала.

Получение «помощи» со стороны США, как правило, зависит от предварительных уступок, облегчающих проникновение частномонополистического капитала. Даже страны некапиталистической ориентации, стремясь покрыть нехватки в национальном капиталобразовании, делают серьезную ставку на привлечение иностранного частного капитала. В Африке немало и таких стран, где даже «планы развития» составляются на основе привлечения иностранных инвестиций. Таким был, например, провалившийся 6-летний план развития Нигерии (1961—1966 гг.).

Жизнь, однако, показывает иллюзорность попыток экономического развития путем «планирования» притока частных инвестиций. Монополистический капитал был

творцом колониальной политики и остается ее носителем. Расчеты обрести в нем стимул экономического роста в перспективе оказываются просчетами. Почему?

1. Каковы бы ни были частные последствия инвестирования иностранного капитала, в целом оно не ведет к гармоничному и всестороннему подъему экономики развивающихся стран не только в силу крайней ненадежности подобного источника финансирования, но и в силу того, что оно никогда не будет достаточным для такого подъема.

По подсчетам Экономического института Нидерландов, для увеличения производства развивающихся стран всего на 2% в год им требуется 7—8 млрд. долл. дополнительных инвестиций ежегодно⁹⁴. Достаточно сопоставить эту сумму с реальными ежегодными вложениями частного капитала, чтобы понять: самые оптимистические надежды на развитие с его помощью суть утопия, если говорить о «третьем мире» в целом. В чем тут дело?

Для монополий не существует развития отсталых стран как самостоятельной цели. Оно может быть лишь случайным результатом их деятельности, что признают сами американские авторы. «Частные инвесторы не занимаются экономическим развитием самим по себе. Развитие — это только побочный продукт их деятельности», — говорится в одном из американских исследований⁹⁵. Прибыль, захват сырья и «организация» рынков — вот те цели монополий, которые, собственно, определяют и объем частных инвестиций. Многостороннее развитие, планируемая индустриализация молодых государств противоречат расчетам монополий.

Поскольку монополии уже создали систему изъятия сырьевых ресурсов из «третьего мира», обеспечили свой главный «интерес», новые вложения в данную сферу не могут быть значительными. Что же касается остальных отраслей промышленности, то монополии, невзирая на высокую норму прибыли в развивающихся странах, производят ограниченные вложения, поскольку для их прибыльного функционирования требуются крупные предварительные «нерентабельные» вложения в инфраструктуру (порты, дороги, электростанции и т. д.). Частный капитал растекается по зоне развитого капитализма, где возможны быстрая отдача на капиталовложения и быстрое наверстывание затрат на массу прибыли.

Но в последнее время очевиден значительный рост американских и других частных капиталовложений в обрабатывающую промышленность ряда развивающихся стран, особенно крупных стран Латинской Америки. Однако при ближайшем рассмотрении легко обнаружить в этом процессе лжендустриализацию, которую никак нельзя назвать подъемом национальной экономики, а тем более предпосылкой ее самостоятельности.

Дело в том, что довольно-таки ограниченное число крупнейших монополий, учитывая конъюнктурное перенасыщение рынков капитала в Западной Европе, захватывает в свои руки целый ряд отраслей промышленности некоторых развивающихся стран, расширяет свои глобальные империи и в корне подсекает возможность становления национальной обрабатывающей промышленности в данных странах. При этом монополии приходят «на готовенькое», обосновываются в тех районах, где предварительно национальными усилиями уже была создана инфраструктура, обеспечивающая прибыльность капиталовложений. Вложения монополий осуществляются не иначе как после создания инфраструктурных комплексов за счет государственных займов, отягочающих финансы развивающихся стран. На эти-то цели, собственно, и выделяется развивающимся странам «помощь» как «довесок» к «самопомощи», как средство создания предпосылок частномонополистического инвестирования.

Когда же почва для вложения капиталов подготовлена, монополии обуславливают свое «участие в прогрессе» требованиями, равносильными политической капитуляции развивающихся стран, и выдвигают особо жесткие условия относительно перевода прибылей. В результате сам процесс роста иностранной обрабатывающей промышленности в странах Латинской Америки сопровождается такой губительной утечкой валюты за границу, что ее уже не выдерживают национальные бюджеты.

Наконец, вложения монополий в обрабатывающую промышленность, определяемые мотивом прибыли и захвата рынка, не ведут к экономической самообеспеченности стран приложения капиталов, не создают целостной, всесторонне развитой экономики. Нужно иметь в виду самое главное соображение: при любых его количественных параметрах и итогах частномонополистическое инвестирование противоречит принципу создания нацио-

нально независимой экономики, цели экономического освобождения.

2. Если взять конкретно пример Африки, то частномонополистические инвестиции в целом сохраняют односторонне сырьевую направленность ее экономики. В Либерии за ряд последних лет из 75 млн. долл. ежегодных иностранных вложений 60 млн. долл. приходилось на горнорудную промышленность⁹⁶. Созданные в Мавритании, Гвинее, Габоне, Либерии, Камеруне, Конго и других странах Африки горнорудные комплексы — это типичные «сырьевые пулы» или, по словам начальника отдела исследований и геологии в министерстве промышленности Франции Мареля, «коммерческий акт», преследующий выгоду промышленников⁹⁷ и оставляющий в стороне собственно индустриализацию стран Африки. Трудно назвать развитием опустошение недр Африки для переработки их богатств в Европе!

В результате африканские страны остаются бесправными экспортерами сырья, обесценивающегося на мировом рынке при возрастании цен на промышленные изделия, падает их экспортная выручка, растут их займовые и прочие долги. Страны Африки физически лишаются своих богатств, а монополии продолжают колониальную практику использования континента. Скажем, железная руда Либерии и Сьерра-Леоне могла бы стать базой индустриализации всей Западной Африки, но она целыми горами вывозится в Европу и США. Однако что делать, когда сырьевые источники истощатся? Этот вопрос остается без ответа.

Горнорудная промышленность, ориентированная лишь на вывоз сырья, всего только оазис лжепроцветания в пустыне примитивной аграрной экономики. Пример — Замбия, где на медь приходится 90% экспорта и где самые современные предприятия по ее добыче и первичной очистке ничего не изменили в общей картине отсталости, обеспечив занятость всего 3% населения, способного работать. Еще однознее результаты нефтяного бума в Ливии. Он подорвал основу экономики — сельское хозяйство, а работу дал всего 5% трудоспособного населения, вызвал инфляцию и не продвинул ни на шаг промышленное развитие страны.

3. Если инвестиции монополий и попадают в обрабатывающую промышленность, это еще не значит, что производится вклад в индустриализацию. Частный капитал

так и не создал нигде в развивающихся странах настоящей фабрично-заводской промышленности как целостного комплекса отраслей, обеспечивающих самостоятельный промышленный подъем. Он направляется в основном в производство потребительских товаров, монополизируя местный рынок. Когда М. Уильямс предлагал «индустриализировать» Африку, создавая предприятия по производству расчесок и кастрюль, журнал «Нью Африка» выступил с вопросом: «А как, спрашивают африканские лидеры, обстоит дело с национальными предприятиями, производящими тракторы и удобрения?»⁹⁸. Разумеется, люди Уолл-стрита на подобные вопросы не отвечают.

4. Операции американского капитала в Африке ведут к изъятию средств из экономики стран континента, и это — частный случай общего финансового обескровливания развивающихся стран в результате деятельности иностранных монополий⁹⁹.

5. Каковы бы ни были абсолютные цифры инвестиций, в условиях слаборазвитой экономики иностранные вложения занимают слишком большой удельный вес, подчиняют себе национальное производство, а репатриация прибылей от них — всегда болезненное изъятие средств для данной страны. Иностранный капитал оказывает давление на все сферы ее жизни. Как констатируется в одном из документов французского правительства, иностранное предприятие в слаборазвитой стране становится «центром социальной жизни, вездесущим и всемогущим»¹⁰⁰. Оно создает невыносимую конкуренцию для национальной буржуазии. Недаром обогатившиеся на нефтяном буме ливийские купцы так и не могут проникнуть в производственную сферу экономики, монополизированную иностранцами. В Нигерии не прекращались требования оградить местных дельцов от дельцов иностранных. Но «правительство так и не может ввести законодательство, защищающее нигерийских бизнесменов от более сильных иностранных фирм... Годами раздавались требования ввести закон, запрещающий розничную торговлю для иностранных фирм. Но правительство так и не может на это решиться»¹⁰¹.

Частномонополистическое инвестирование смахивает на «реколонизацию» по экономическим каналам, усугубляет трудности экономического освобождения. Американская экономическая версия не выдерживает испыта-

ния на состоятельность. Она нужна американским и прочим империалистам для обоснования экономических методов и расширения экономической основы империализма в условиях политического освобождения колоний. Как показывают факты и итоги обсуждения данной проблемы на международных форумах (ЭКА, ЭКАДВ и т. д.), безусловная ставка на привлечение частного капитала извне не может быть надежным рычагом роста, а тем более экономического освобождения развивающихся стран. Они располагают возможностями использования иных резервов социально-экономического прогресса, среди которых наиболее важными являются проведение демократических аграрных реформ, расширение государственного сектора экономики, последовательное внедрение принципов планирования и т. д. Привлечение иностранного частного капитала объективно еще необходимо, если говорить о «третьем мире» в целом, но, очевидно, оно должно подчиняться целям независимого национального развития, причем в этом плане вполне возможно региональное сотрудничество развивающихся стран.

„Делать деньги!“

Энергично добиваясь широкого внедрения частного капитала в экономику стран Африки, монополистические и правительственные круги США видят в нем средство, позволяющее, по словам бывшего заместителя государственного секретаря по экономическим вопросам Блументаля, «найти решение, совместимое с ростом свободы в мире и уменьшающее искушения непромышленных стран поддаваться иллюзии якобы простого коммунистического пути быстрого экономического развития»¹⁰². Американские империалисты исходят из перспективы непрерывного роста своих инвестиций в Африке (что пока и наблюдается), полагая, что они станут решающим фактором политической стабилизации, то есть утверждения неокOLONIALИСТСКИХ порядков. Они уверены также, что бывшие метрополии так или иначе будут вынуждены ориентироваться на сотрудничество с монополиями США в той мере, в какой это нужно для дальнейшего империалистического «освоения» Африки. В 1958 году Дж. Палмер говорил: «Вполне вероятно, что спрос на капиталы для Черной Африки в будущем возрастет в

глобальном масштабе. Этот спрос наверняка превысит возможности всех европейских наций... Соединенные Штаты уже выразили намерение всеми своими средствами участвовать в выполнении этой задачи...»¹⁰³.

В деловых кругах США реклама «африканских возможностей» стала обычным явлением. Этим заняты журналы бизнеса, крупные дельцы вроде Ч. Энгельхарда, фирмы и банки. «В американских промышленных кругах, — отмечал «Джорнэл оф коммерс», — берет верх точка зрения, что усиление внимания к оказанию помощи в развитии экономики на африканских территориях и к созданию основы для будущего оживления рынка могут принести награду в будущем»¹⁰⁴.

К началу 60-х годов монополии США поставили на широкую ногу изучение «инвестиционных возможностей» в Африке. Выделялся своей активностью фонд братьев Рокфеллеров, тративший на эти цели 250 тыс. долл. ежегодно. К октябрю 1961 года он провел изучение 23 инвестиционных проектов. В 1961 году большая группа американских промышленников организовала Ассоциацию афро-американской торговли и развития в целях инвестирования в Африке. В подчинении у монополий находится университетская африканистика.

Большое значение имеют поездки американских дельцов в Африку, поддерживаемые министерством торговли, госдепартаментом, УМР, торговыми представителями посольств и консульств США в Африке. На Африку обратили взоры такие капитаны бизнеса, как Д. Рокфеллер, Э. Джонстон и др. Видным толкачом американских монополий является сын бывшего губернатора «бельгийского» Конго американский гражданин Джон Гансхоф ван дер Мерш, связанный с Диллонами и возглавлявший компанию «Америкэн Еврафрика дивелопмент корпорейшн», специально созданную для продвижения капитала Соединенных Штатов в Африку. Американские дельцы широко практикуют групповые поездки по нескольким странам сразу.

Американский бизнес в Африке характеризуют методичность и напористость, погоня за наживой под маской радателя прогресса. Доказательством может служить тщательно оберегавшаяся от огласки конференция по африканским ресурсам, проведенная в Нью-Йорке в марте 1961 года формально под эгидой так называемой некоммерческой организации «Африкэн фэйр инкорпорей-

тед». На самом деле в ее организации участвовали 87 банков, компаний и связанных с монополиями учреждений, среди которых фигурировали «Гэранти траст компани», «Алкоа», «Кока-кола компани», «Металлург, инкорпорейтед» и др. Председательствовал на конференции Э. Джонстон, глава «Моушн пикчюр ассошиэйшн оф Америка» (национальная ассоциация кинопромышленности), а ее душой был А. Гарриман, проведший в октябре 1960 года предварительные переговоры с представителями 14 стран Африки относительно программы американских капиталовложений. В конференции участвовали 140 представителей монополий США и представители 35 стран Африки. Как разъяснял А. Гарриман, устроители конференции имели в виду «по типу Либерии» (курсив мой.— В. Ф.) вкладывать капиталы в Африке и разрабатывать пути создания инфраструктуры, обеспечивающей прибыльность вложений монополий¹⁰⁵.

Монополии США вынашивали проекты «общафриканского банка», «общафриканской авиакомпани», «общафриканской мореходной компани» и т. д. В полном объеме эти замыслы оказались неосуществимыми. В ряде стран Африки проводятся социально-экономические преобразования или вводятся отпугивающие инвесторов ограничения на иностранный капитал. Часто молодые государства, приглашая иностранный капитал, выдвигают встречные условия, отражающие потребности национального развития. Наконец, африканцы не без выгоды для себя используют конкуренцию компаний разных стран.

Американский бизнес приспосабливается к новым условиям, совмещая эксплуатацию с показной филантропией, позволяющей прочнее закрепляться на африканской земле. Так, «Интернэшнл бизнес машинз» открыла в Ибадане (Нигерия) центр общего и технического обучения «в целях подготовки будущих руководителей промышленности и администраторов в Африке», «Лайбириэн майнинг» сочла за благо по собственной инициативе увеличить отчисления правительству Либерии. «Олин Мэтисон» снабжала гвинейцев лекарствами, удобрениями и оказывала им кое-какую техническую «помощь» после демонстративного ухода французов из страны. «Америкэн метал» финансировала учебные заведения в Африке и т. д.

Новый лозунг американского бизнеса — «партнерство» с местным капиталом, вернее, фикция партнерства для прикрытия американского засилья. Та же «Лайбри-эн майнинг», например, ввела либерийцев в состав правления, субсидирует образовательные учреждения, продает акции либерийцам путем их дополнительных выпусков. Ее положение хозяина от этого не только не страдает, но и укрепляется. Цель подобных мероприятий ясна. «Чем больше, — говорит многозначительно В. Маккей, — иностранные предприятия будут африканизированы, тем меньше вероятностей, что они будут национализированы»¹⁰⁶. «Конференция по африканским ресурсам» рекомендовала превратить правительственную «помощь» в средство стимулирования «партнерства» (и... освободить компании-инвесторы от налогов!)¹⁰⁷. А «Джорнэл оф коммерс» предлагал универсализировать «партнерство» как самый верный путь внедрения капитала США («почти в любом количестве») в развивающиеся страны. При умелом ведении дела, подчеркивал журнал, американскому инвестору будет достаточно вкладывать всего 15% от стоимости проекта и тем не менее оставаться хозяином положения. Организацией «партнерства» специально занимается отдел развития, финансирования и частного предпринимательства в УМР¹⁰⁸.

Вариант «партнерства» — план создания «корпуса капиталистов» или план «бизнесмен бизнесмену», выдвинутый первоначально С. Пейзером, бывшим помощником директора УМР по финансированию развития и частного предпринимательства. Имелось в виду создать объединение американских капиталистов-«менторов», помогающих местным капиталистам налаживать бизнес. Цель преследовалась двоякая: в развивающихся странах будет расти нужная США классовая опора и в то же время местный бизнес, взятый под контроль монополий США, не превратится в их конкурента¹⁰⁹.

Правительство США еще энергичнее, чем сами монополии, добивается их экспансии и прямо призывает их к походу на африканский континент. Специальным механизмом проталкивания частных инвестиций являются правительственные гарантии от политического риска, от национализации и относительно конвертируемости и вывоза получаемых прибылей, облакаемые в специальные соглашения между правительствами США и стран Аф-

рики¹¹⁰. С помощью таких соглашений монополии США получают большие возможности пробираться к источникам сырья и на рынки стран Африки.

Правительственные органы и должностные лица призывают бизнесменов смелее проникать в Африку, положившись на систему гарантий. М. Уильямс убеждал их в том, что правительство США «может поощрять крупные капиталовложения». Раскрывая подоплеку этих призывов, он подчеркивал, что капитал США должен стать «руководящей силой африканского развития», «техническим организатором движения вперед», — разумеется, по капиталистическому пути¹¹¹.

25 сентября 1962 г. на конференции по торговле и капиталовложениям в тропической Африке, устроенной Торгово-промышленной ассоциацией Нью-Йорка, М. Уильямс призывал промышленников проявлять «больше духа предприимчивости», подключаться к европейским фирмам, ибо «в Африке для каждого открывается масса возможностей, и мы не заинтересованы в ломке существующих коммерческих связей». Руководитель африканской политики США заклинал бизнесменов не сидеть «в офисах, расположенных в Нью-Йорке, Чикаго или Сан-Франциско», а отправляться в Африку, чтобы «делать деньги» (!). И он заверял их в том, что «США, используя систему американской дипломатической службы за границей, осуществляют широкую деятельность, направленную на содействие американским бизнесменам и на создание климата, благоприятного для частных капиталовложений»¹¹².

Не ограничиваясь пропагандой, правительство США осуществляет «исследования инвестиционных возможностей» в Африке, посылает на континент свои миссии. Одна из таких миссий, посетившая в 1960 году Либерию, Гану, Нигерию и Сьерра-Леоне, рекомендовала использовать Либерию как базу для проникновения монополий во все страны континента.

Из вышеизложенного можно видеть, что проникновение американского капитала в Африку не сводится к стихии, определяемой погоней за прибылью. Правящие круги США, поскольку это касается правительственных сфер, принимают меры к тому, чтобы ввести в рамки известной организованности и стимулировать это проникновение, процесс закладки экономических основ неокониалистской политики в Африке.

Лабиринт торгового диктата

В отношениях между США и странами Африки все более важное место занимают вопросы торговли, тесно связанные с проблемой оздоровления мировой торговли в целом. Причину этого понять нетрудно. Колониализм крепко связал экономику стран Африки с мировым капиталистическим рынком. Экспорт остается для них единственным источником получения валюты, и, стало быть, возможности их развития зависят от гарантированной экспортной выручки. Если взять все развивающиеся страны в целом, то, несмотря на известную модернизацию их экономики за последнее время, 85—90% получаемых ими поступлений от экспорта приходится на экспортируемое сырье. Подобное положение особенно характерно для стран Африки, экономическая жизнеспособность которых зачастую определяется сбытом одного-двух видов сырья. Так, сбыт кофе имеет решающее значение для 19 стран в Африке южнее Сахары. Экспорт кофе дает 57% валютных поступлений в Уганде, 77 — в Бурунди, 56 — в Руанде, 56 — в Эфиопии, 40 — в Береге Слоновой Кости, 49 — в Анголе, 30% — в Кении¹¹³.

Хотя на Африку приходится около 3—4% от общего товарооборота США с внешним миром (в 1965 г. от общего экспорта США в 27 346,2 млн. долл. на Африку, включая ЮАР, пришлось 1224,1 млн. долл. и от общего импорта в 21 366,4 млн. долл. — 875,1 млн. долл.)¹¹⁴, не вызывает сомнений важность торговли с Африкой для монополий США, ибо речь идет о быстро растущем рынке для сбыта американских товаров, а главное — об источнике снабжения их дефицитным сырьем. Что же касается стран Африки, то и для них самый емкий в капиталистическом мире рынок имеет огромное значение, хотя их торговля и ориентирована в основном на Западную Европу, а на США приходится пока всего около 8% их совокупного экспорта. Но облегчает ли торговая политика США положение стран Африки?

Как видно из таблицы 5, растут общий объем и удельный вес американско-африканской торговли в торговом обороте стран Африки. Рост торговли Африки с США более значителен, чем с остальными районами мира: с 1938 по 1964 год общий экспорт Африки вырос приблизительно в 8 раз, а экспорт Африки в США — в 22 раза. О темпах роста торговли между США и Африкой свиде-

тельствует хотя бы такой пример: только в первую половину 1962 года американские закупки в Африке возросли на 12,7%, а американские продажи в Африке — на 16,7% в сравнении с соответствующим периодом 1961 года ¹¹⁵.

Таблица 5

Торговля США с Африкой
(в млн. долл.)

Годы	Общий импорт Африки	Экспорт США в Африку	Общий экспорт Африки	Импорт США из Африки
1939	1290	115	1010	37
1948	4280	780	3550	260
1953	5250	500	4660	490
1956	6630	665	5610	560
1957	7350	670	5670	575
1958	7340	610	5580	575
1959	7200	670	5840	590
1960	7860	750	6350	565
1961	7790	810	6540	620
1962	7510	970	6730	680
1963	8370	980	7480	710
1964	9250	1200	8470	810
1965		1224		875
1966		1228,9		877,6

Источники: «Yearbook of International Trade Statistics, 1964», U. N., N. Y., 1966, pp. 21, 26; «Survey of Current Business», Sept. 1966, pp. S-21, S-22; Sept. 1967, pp. S-21, S-22.

Таблица выявляет картину, характерную для торговли США с развивающимися странами: значительное превышение экспорта над импортом, наличие у контрагентов крупного пассива в торговом балансе, покрываемого внешними займами и кредитами. Эти займы и кредиты в свою очередь становятся средством расширения торговой экспансии монополий, своего рода экспортной гарантией, покрывающей направляемый ими поток товаров.

Имеют место случаи и обратного порядка. Например, в 1964 году США вывезли из Берега Слоновой Кости товаров на 60 373 тыс. долл., а ввезли туда на 23 100 тыс. долл. В тот же год экспорт США в Анголу составил 14 276 тыс. долл., а импорт из Анголы — 52 642 тыс. долл. В 1963 году США экспортировали в Конго (Киншаса)

на сумму в 17344 тыс. долл., а импортировали оттуда на сумму в 98 592 млн. долл.¹¹⁶ Каждый такой случай является конкретным результатом проводимой монополиями политики крупных закупок специфических видов сырья (ценные сорта кофе и какао, кобальт, алмазы и т. д.) и не меняет общей картины несбалансированной торговли США с развивающимися странами. Что касается торговли США с Анголой, то здесь американские закупки все время значительно превышают ввоз американских товаров. Таким образом, значительная долларовая выручка, получаемая португальским фашистским режимом от торговли Анголы с США, становится одним из источников финансирования войны против народа Анголы.

Правительство и монополии США предпринимали согласованные усилия по расширению торговли со странами Африки. С этой целью страны Африки посещали специальные американские миссии, возглавлявшиеся крупными вашингтонскими чиновниками вроде директора отдела по делам Ближнего Востока и Африки в бюро внешней торговли министерства торговли США Г. Каммингса и представителя министерства торговли Б. Бланкенхеймера. Одна из крупных торговых миссий, посетившая в 1962 году 5 стран Африки и уделившая основное внимание Нигерии, везла с собой 300 конкретных предложений американских фирм «по развитию деловых связей» между США и странами Африки¹¹⁷.

В торговле ряда стран Африки США заняли прочные, если не доминирующие, позиции. Монополии США контролируют торговлю Либерии, удерживают первое место в импорте Ливии. В 1963 году на долю США приходилось 20% ганского (какао) и 12% нигерийского (какао, пальмовое масло) экспорта¹¹⁸. В отдельные годы США занимали третье место во внешней торговле Конго (Браззавиль), Сьерра-Леоне и ряда других стран. США выступают как ведущий покупатель ряда особо ценных и редких полуфабрикатов или готовых изделий, производимых в странах Африки. Так, в основном в США направляется фанера, производимая в Габоне из ценного тропического дерева окумэ¹¹⁹.

Для ряда стран Африки США становятся важным торговым контрагентом. Так, на долю США в 1966 году приходилось: в экспорте Анголы — 53,6 млн. долл. от общего экспорта в 221 млн., в экспорте Бурунди — 7,9 млн. от 11 млн., в экспорте Эфиопии — 48,8 млн. от 111 млн.,

в экспорте Габона — 21 млн. от 101 млн., в экспорте Гвинеи — 12 млн. от 52 млн., в экспорте Либерии — 49,9 млн. от 135 млн., в экспорте Уганды — 47,7 млн. от 217 млн. долл.

Немалое место занимают США и в импорте отдельных африканских стран. На долю США в 1966 году в импорте некоторых стран пришлось: Ганы — 59 млн. долл. от общего импорта в 351 млн., Гвинеи — 18,8 млн. из 49 млн., Либерии — 49,5 млн. от 105 млн., Мавритании — 4,9 млн. от 23 млн., Нигерии — 116 млн. от 718 млн., Туниса — 41 млн. от 250 млн., Конго (Киншаса — 1965 г.) — 77,1 млн. от 259 млн. долл.

Торговая политика США, один из главных рычагов неокOLONИализма, тесно связана с общими целями внешней политики американского империализма. Не нуждается в комментариях трактовка внешнеторговых целей США в отношении развивающихся стран, которая давалась в 1960 году в одном из официальных американских исследований: «Внешнеторговая политика США в отношении слаборазвитых стран должна отвечать трем основным целям: во-первых, она должна обеспечивать для США долю на расширяющихся рынках слаборазвитых стран; во-вторых, она должна обеспечивать источники сырья, необходимого для обеспечения безопасности и индустриального развития США; в-третьих, торговая политика должна не только не противостоять, а стимулировать и поддерживать, где это возможно, цели внешней политики США в слаборазвитых странах»¹²⁰. Как видно, вопрос об учете торговых интересов развивающихся стран даже в плане общей постановки не волнует авторов данной формулировки.

Эти цели торговой политики американского империализма остаются неизменными. Но Вашингтон уже не может высказывать их с прежней откровенностью, совершенно отвлекаясь от интересов развивающихся стран прежде всего потому, что развивающиеся страны прошли немалый путь борьбы за свои торговые и внешнеэкономические интересы, оказав решающее воздействие на подход к проблемам торговли и развития в рамках ООН. Под нажимом со стороны большинства в ООН США и прочим развитым странам капитализма приходится частично менять свои позиции, соглашаться на ряд уступок развивающимся странам, хотя такие уступки и не вносят коренных изменений в практику мировой торговли.

Кроме того, США уже не могут игнорировать торговые требования развивающихся стран и с точки зрения главных на сегодня целей неокOLONиалистской стратегии. Именно в этом смысле Д. Раск говорил, что торговая политика в отношении развивающихся стран становится для США «главной проблемой». Если целью США, давал понять Д. Раск, является капиталистическая «стабилизация третьего мира», то всякие ограничительные действия США в области мировой торговли могут отрицательно сказаться на сотне развивающихся стран, подрывая саму «стабилизацию»¹²¹. Поэтому в настоящее время в США постоянно говорят о необходимости улучшить положение развивающихся стран на мировом рынке, решить ключевую для них проблему экспортной выручки. За этими разговорами, однако, не скрывается ничего, кроме попыток отыскать паллиативы, несколько смягчающие бедственное положение развивающихся стран и в то же время полностью сохраняющие механизм мировой торговли, рассчитанный на обогащение империалистических монополий. Как пояснял помощник государственного секретаря А. Соломон, любые соглашения внешнеторгового характера, заключаемые Вашингтоном, рассчитаны прежде всего на обеспечение торговых интересов США; на любое частичное решение проблем развивающихся стран США могут пойти лишь в той мере, в какой оно содействует американским выгодам¹²².

Цифры таблицы 5 скрывают динамику ограбления Африки через механизм неэквивалентной торговли. В суммах африканского импорта «заложена» в скрытом виде тенденция к росту цен на промышленные изделия (и это означает отставание американского физического экспорта в Африку от его стоимостного выражения), а в суммах африканского экспорта тоже в скрытом виде отражен процесс обесценивания сырья (и это означает, что физический экспорт Африки в США возрастал быстрее, нежели его стоимостное выражение). Не случайно хроническое превышение импорта Африки над ее экспортом: страны континента не могут покрыть импортные потребности постоянно обесцениваемым экспортом. Трудно назвать точные суммы потерь Африки от неравноправной торговли с США. Но если исходить из общей суммы доходов США от неэквивалентного обмена в 4,7 млрд. долл. в 1956 году¹²³ и взять от нее 3—4% (доля Африки в общем внешнеторговом обороте США — подсчет, ко-

нечно, весьма приблизительный), то получается по самым скромным прикидкам, что США в том году обошла страны Африки по торговым каналам минимум на 150—200 млн. долл. Это дает представление об ущербе, наносимом странам Африки неравноправной торговлей с США.

Мировая капиталистическая торговля остается запоедной областью колониальной эксплуатации. Ухудшение условий торговли (ножницы в ценах на промышленные изделия и сырье) для развивающихся стран — устойчивое явление, регулярно фиксируемое в справочниках ООН. За 1954—1962 годы условия торговли для развитых капиталистических стран улучшились на 9%, а для развивающихся стран ухудшились на 13% ¹²⁴. За этими цифрами кроются потери развивающихся стран, исчисляемые миллиардами долларов. За 1961—1966 годы чистые потери развивающихся стран от неэквивалентной торговли составили 13 383 млн. долл. — более 2,2 млрд. долл. в год ¹²⁵. И хотя развивающиеся страны прилагают большие усилия для расширения экспорта и их экспорт растет не только в физическом, но и в стоимостном выражении, имеет место такое явление, как падение удельного веса развивающихся стран в мировой торговле. Экспорт развивающихся стран в 1953 году составлял 21 млрд. долл., в 1960 году — 27,3 млрд., в 1965 году — 36,5 млрд. долл., но доля развивающихся стран в мировом экспорте уменьшилась, составив в соответствующие годы 27, 22 и 20% ¹²⁶. Страны «третьего мира» лишаются средств, необходимых для их развития. Это приводит к общему замедлению темпов их экономического роста. В 1955—1960 годах производство на душу населения в развивающихся странах росло на 2,2% в год, а в 1960—1965 годах и в 1966 году — уже только на 2% ¹²⁷.

«Многие из стран, производящих промышленное сырье, — писала «Нью-Йорк таймс», — не нуждались бы в иностранной помощи, если бы цены на сырье, экспортируемое ими, можно было бы повысить на мировом рынке хотя бы на несколько процентов и стабилизировать их на этом уровне» ¹²⁸. Но политика монополистических союзов и правительств развитых капиталистических стран в том и заключается, чтобы ничего не менять в структуре мировой капиталистической торговли, предоставляя развивающимся странам в крайних случаях пресловутую «помощь», приобретающую, таким образом, характер

специфического капиталовложения, функцией которого является поддержание сложившихся на мировом рынке порядков. Монополии предпочитают «отпускать» часть награбленных средств в виде «помощи» и сохранять в мировой торговле те условия, которые позволяют перекрывать «помощь» наживой за счет неэквивалентной торговли.

Кроме того, как подчеркивал А. Соломон, на мировом капиталистическом рынке складывается вообще такое положение, когда вся выручка развивающихся стран от экспорта в развитые капиталистические страны в конечном счете снова возвращается в развитые капиталистические страны в виде затрат на капитальное оборудование и прочие промышленные изделия. Экономическое развитие бедных, говорит А. Соломон, становится основой расширяющегося процветания богатых ¹²⁹. На какие-либо послабления дискриминационного торгового режима, на учет нужд развивающихся стран американские империалисты фактически идут лишь в рамках этой формулы закрепления торгово-промышленного диктата империалистических монополий на мировом рынке. Частичное «открытие» собственного рынка для развивающихся стран правящие круги США в конечном счете превращают в один из рычагов усиления своей торговой экспансии, подчиняя рынки развивающихся стран.

В области торговли положение Африки даже худшее, чем положение остальных экономически слаборазвитых районов. Если среди развивающихся стран в целом появились страны, вывозящие готовые изделия и полуфабрикаты (текстиль), то в Тропической Африке таких стран нет ¹³⁰. В 1950—1960 годах африканский экспорт в физическом выражении почти удвоился, но в 1960 году дефицит сводного торгового баланса стран Африки оказался на 100% выше, чем в 1950 году ¹³¹. В торговле многих африканских стран ярко выражены монокультура и «мономинерализм», они подвержены превратности неэквивалентного обмена в наибольшей степени. «Мы вынуждены,— отмечала однажды либерийская газета «Лайбирэн эйдж»,— покупать импортируемые товары по ценам, произвольно устанавливаемым иностранцами, и соглашаться с ними же установленными ценами на нашу продукцию. Мы ни в чем не имеем права голоса».

Американские монополии превращают торговлю с Африкой прежде всего в средство выкачки нужного им

сырья, в результате чего страны Африки навсегда лишаются огромного количества своих естественных богатств. Например, с 1950 по 1958 год в США из Африки было вывезено на 5,3 млрд. долл. сырьевых товаров, главным образом железной руды, меди, кобальта, урановых концентратов, колумбита, тантала, марганца.

Нередко торговля, если это можно назвать торговлей, становится чем-то вроде отрицания самого принципа товарообмена, ибо акты закупки сырья выступают часто как формальный эпилог целой серии государственно-монополистических мероприятий, заранее направленных на присвоение сырья в соответствии со стратегическими (экономическими, политическими и военными) целями американского империализма. Недаром профессор Стэндфордского университета Д. Ноймарк говорил, что Африке зачастую навязывается производство «предписанных» видов сырья. После второй мировой войны такие «предписания» в немалой степени исходили из Вашингтона путем соответствующей кредитно-торговой политики, правительственных закупок, субсидирования горнорудных компаний и т. д. «План Маршалла», в частности, был использован американскими империалистами для того, чтобы придать организованный характер выкачке африканского сырья в интересах монополий Соединенных Штатов Америки.

В закупках дешевого сырья США руководствуются исключительно собственными интересами, не учитывая последствий своей торговой политики для африканских стран. Если сегодня, форсируя накопление стратегического сырья, США могут стимулировать его производство в Африке, то завтра обрекают на бездействие ими же финансировавшиеся предприятия. Например, с 1946 года в добыче колумбита в Нигерии наблюдался бум благодаря 100% надбавке к цене на это сырье, установленной правительством США в целях ускоренного накопления стратегических запасов колумбита. Но в 1956 году, выполнив намеченную программу, правительство США отменило надбавку, и добыча резко упала¹³². США практикуют также распродажу накопленного сырья в период благоприятной конъюнктуры, нанося ощутимые удары по странам — производителям сырья. Так, стратегические запасы олова США создавали в 1944—1945 годах, когда цены на олово были в два-три раза ниже, чем в 1964 году. А в 1964 году они выбросили на рынок 32 тыс. т олова.

Это привело к неблагоприятным последствиям для Боливии, Малайзии и Нигерии.

Проблемой для развивающихся стран является искусственный протекционизм в промышленно развитых странах капитализма. Вводимые ими тарифы и пошлины препятствуют обработке в развивающихся странах экспортируемых ими видов сырья, диверсификации их экспорта, которая могла бы значительно повысить их экспортную выручку. Так, тарифы на масло из бобов какао препятствуют выработке и вывозу такого масла из ряда африканских стран — Ганы, Берега Слоновой Кости, Камеруна, Того, Нигерии. К тому же повышается и фрахт на перевозки обработанных продуктов.

Послевоенная торговая политика США не облегчала, а усложняла данную проблему для развивающихся стран. Будучи главным творцом Генерального соглашения о торговле и тарифах (ГАТТ), настаивая на решении всех проблем международной торговли не иначе, как в рамках данной организации, США в то же время произвольно использовали ГАТТ в собственных интересах. Так, в виде исключений для себя Вашингтон навязывал ГАТТ количественные ограничения импорта в США таких товаров, как хлопок, арахис и арахисовое масло, тунговое масло, молочный порошок и т. д. США произвольно ограничивали импорт свинца, цинка, нефти и другого сырья. По самым осторожным подсчетам аргентинского экономиста Р. Пребиша, при проведении Соединенными Штатами «более либеральной политики в деле импорта сырья» развивающиеся страны могли бы продавать на рынке США на 800 млн. долл. больше товаров, чем это им удастся¹³³. Не взимая пошлин на многие виды минерального сырья и на тропические продукты, вроде кофе, какао, чая, бананов в необработанном виде (что отвечает интересам американских компаний-импортеров), США повышают тарифы для тех же продуктов в обработанном виде, препятствуют становлению в развивающихся странах зачатков обрабатывающей промышленности. Наряду с протекционизмом США практиковали государственно-монополистическое стимулирование своего сельскохозяйственного экспорта, увеличивая хаос на мировом рынке и усугубляя нередко тяготы развивающихся стран. Как отмечал сенатор П. Буш, продовольственная «помощь» США является по сути дела субсидированием сельскохозяйственного экспорта¹³⁴.

При образовании у африканских стран активного баланса в торговле с США Вашингтон нередко использовал это обстоятельство в политических целях. Массовые закупки какао в Гане при правительстве К. Нкрумы США рассматривали как рычаг для сталкивания страны на путь капиталистической ориентации. Выступая в Аккре 4 июня 1962 г., временный поверенный в делах США Грин связывал воедино «развитие инвестиций и торговли», ратовал за развитие частного сектора и привлечение иностранного капитала¹³⁵.

После второй мировой войны американский империализм как ведущая экономическая сила капиталистического мира добивался под демагогическим лозунгом «свободы торговли» таможенного разоружения своих главных конкурентов (в последние годы в основном стран ЕЭС — компромисс между США и ЕЭС достигнут на «раунде Кеннеди» в 1968 г.), сохранения таких тарифных пропорций при уменьшении тарифов, которые по-прежнему обеспечивали бы американский протекционизм, раскрывая перед США иностранные рынки. Проблемы торговой политики, связанные с развивающимися странами, неизменно рассматривались в США как подчиненные этой главной задаче. США стремились, не меняя в корне дискриминационного для развивающихся стран торгового режима, предусмотреть ряд мер по улучшению их торговых позиций и ввести их торговлю в русло «интегрированного сотрудничества» с «атлантическим сообществом». Эта линия политики США раскрылась со всей полнотой во время международных конференций ООН по торговле и развитию, проведенных в 1964 году в Женеве и в 1968 году в Дели (ЮНКТАД-I и ЮНКТАД-II).

ГАТТ — инструмент как проявления, так и регулирования межимпериалистических противоречий. Что же касается экономически слаборазвитых стран, то для них ГАТТ означает закрепление их неравноправного положения в мировой капиталистической торговле. Саму возможность уступок развивающимся странам в ГАТТ американские империалисты обуславливают предварительным созданием ультраимпериалистического торгово-тарифного альянса в рамках «атлантического сообщества», к которому должны быть «прикреплены» развивающиеся страны. Решение проблемы развивающихся стран мыслится как производное от «атлантической интеграции». ГАТТ воплощает доминирование промышленного Запа-

да, а также политику сохранения выгодного промышленным странам капитализма беспошлинного ввоза сырья в обмен на встречные уступки развивающихся стран в отношении промышленных товаров.

Поэтому для развивающихся стран проблема реорганизации торговли никогда не сводилась к тарифным манипуляциям в рамках ГАТТ, как уверяют в Вашингтоне. В полную меру дает себя знать высказанное В. И. Лениным положение о том, что «никакая таможенная политика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми»¹³⁶. Это положение признают и субъективные исследователи на Западе. «Тарифная политика,— пишет профессор университета Майами Г. Старк,— выгодная полностью развитой стране, как США, и промышленным странам Западной Европы, в современном мире может оказаться не лучшей политикой для страны, находящейся на ранней стадии экономического развития»¹³⁷.

Вот почему советская идея созыва всемирной конференции по проблемам торговли была встречена развивающимися странами с неподдельным энтузиазмом. Главной задачей конференции Советский Союз считал «создание постоянно действующей международной торговой организации, охватывающей все районы и страны мира без какой-либо дискриминации»¹³⁸. Это отвечало желаниям развивающихся стран добиться устранения всех ненормальностей и препятствий, мешавших использованию мировой торговли как рычага развития всех стран.

Советские предложения включали меры по устранению проявлений колониализма в экономическом развитии и внешней торговле, заключение международных стабилизационных соглашений по отдельным видам товаров, облегчение условий предоставления кредитов развивающимся странам, максимальное использование средств, получаемых от развивающихся стран в счет погашения предоставляемых им кредитов, на закупки товаров в этих странах. СССР обязался увеличить закупки в развивающихся странах сырья, готовых изделий и полуфабрикатов, следовать принципу специализации и кооперирования с ними в производстве отдельных видов продукции, содействовать расширению торговли между самими развивающимися странами даже за счет сокращения своего экспорта в них таких товаров, которые они

могут производить сами¹³⁹. СССР и другие социалистические страны выступали за льготы для развивающихся стран без ответных обязательств с их стороны. Советский Союз выразил согласие не облагать пошлинами товары, ввозимые из развивающихся стран. Советские предложения во многом совпадали с платформой развивающихся стран¹⁴⁰.

Но американские империалисты встретили эту платформу в штыки. Они настаивали на приоритете «стран, несущих основную ответственность», то есть стран Запада, и саму конференцию понимали как придаток ГАТТ. Требования американских монополий отчетливо сформулировал бюллетень «Фёрст нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк». Нападая на позицию развивающихся стран, бюллетень писал: «Печально, что столь экстремистские взгляды на торговые отношения... становятся чем-то вроде полуофициальной доктрины ООН». Замалчивая монополистическую практику торгового грабежа, бюллетень высокомерно предлагал развивающимся странам учесть «фундаментальную истину», что «торговый обмен неизбежно (?!) взаимовыгоден, ибо в противном случае торговые сделки никогда не имели бы места» (в то время как развивающимся странам приходится существовать по принципу «не продашь — не выживешь!»). Выдавая заветные желания монополий, бюллетень требовал связать проблемы торговли с проблемами инвестиций и заставить развивающиеся страны признать, что импорт иностранного капитала — «уникальный и жизненно важный вклад в их прогресс»¹⁴¹.

В этом духе и прозвучало на конференции выступление американского представителя Дж. Болла, который призвал развивающиеся страны «полагаться в основном на собственные силы» и заняться созданием «благоприятного климата для частных капиталовложений», то есть использовать причину болезни в качестве средства ее лечения¹⁴². В целом позицию США на конференции можно выразить следующим образом: или сотрудничество в рамках ГАТТ, или не может быть сотрудничества. Конференция приняла принципы торгового и экономического сотрудничества, отстаиваемые социалистическими и развивающимися странами, но США и их союзники сорвали создание международной торговой организации.

Из 25 принципов, принятых конференцией, США под писали только 7. Они либо отвечали американским целям

ослабления конкурентной борьбы стран ЕЭС, либо соответствовали целям политики «прагматического регионализма», либо ни в какой мере не затрагивали американских интересов. Но американская делегация проголосовала против важнейших принципов, касавшихся уважения суверенного равенства государств, самоопределения народов и невмешательства во внутренние дела других стран. Она выступала против принципов, запрещавших «дискриминацию, основанную на различии социально-экономических систем» и предусматривавших свободное распоряжение государств своими природными ресурсами. США отказались поддержать принцип, требовавший проводить внутреннюю и внешнюю политику содействия экономическому росту во всем мире. США оказались единственной страной, выступившей против предложения о создании условий международной торговли, способствующих быстрому росту экспортных доходов развивающихся стран.

На ЮНКТАД-II США пришли с той же платформой, что и на ЮНКТАД-I, только основательно приглаженной. За время между двумя этими конференциями состоялась важная конференция развивающихся стран в Алжире, которая потребовала устранения дискриминационных тарифов и количественных ограничений, гарантированного роста потребления продукции развивающихся стран в промышленно развитых странах, улучшения и стабилизации цен и т. д.

С рядом требований развивающихся стран США в принципе были вынуждены согласиться. В то же время они выдвинули предложение, чтобы прочие развитые страны капитализма последовали их примеру и отменили все пошлины на тропические продукты (кофе, чай, какао, бананы). Истинная подоплека данного предложения заключается, однако, в том, чтобы улучшить на мировом рынке положение американских трестов, производящих тропические продукты в Латинской Америке, и в то же время ликвидировать замкнутые сферы влияния конкурентов США вроде «ассоциации ЕЭС — Африка». Наряду с этим, став участником соглашения по кофе и ряда других товарных соглашений, США отрицательно относятся к более широкому применению практики заключения таких соглашений, не хотят брать на себя дополнительные обязательства по стабилизации цен на экспортные товары развивающихся стран.

Суть позиции США была выражена в выступлении их представителя на ЮНКТАД-II, заместителя государственного секретаря Ю. Росту. Он, в частности, предложил создание общей системы тарифных преференций в развитых странах для развивающихся стран без ответных мер со стороны последних. Но, как показывает практика ЕЭС (полностью подтверждающая ленинское положение о недейственности тарифных мер при чудовищном экономическом неравенстве богатых и бедных стран), введение такого установления ни в коей мере не облегчает убийственную конкуренцию для развивающихся стран. Кроме того, выдвигая подобное предложение, США исходили в первую очередь из задачи ослабления и ликвидации механизма локализованных преференций в рамках ЕЭС — своего конкурента. Ю. Росту было предложено также организовать региональное экономическое сотрудничество развивающихся стран для производства таких товаров, которые выдержат конкуренцию в рамках данных регионов, хотя не смогут выдержать мировой конкуренции. Это, конечно, крайне половинчатое решение, поскольку проблема внешнеторговых связей самих таких регионов за их пределами полностью остается.

Но все это является как бы внешним обрамлением существа дела, раскрывшегося в двух предложениях Ю. Росту.

Во-первых, его устами США заявили, что развивающиеся страны должны воспользоваться «лучшим доступом к рынкам», открывающимся якобы в результате «раунда Кеннеди», после которого тарифы в развитых капиталистических странах снижаются в среднем на 37%, так что средний тариф устанавливается на уровне менее 9%. США выдвинули идею создания «совместного торгового центра ГАТТ—ЮНКТАД», занимающегося тем, как использовать возможности «раунда Кеннеди» для развивающихся стран. Не затрагивая здесь специально вопрос о сомнительности самой возможности проникновения изделий развивающихся стран на рынки стран «раунда Кеннеди» при любом изменении их тарифов, следует указать на совершенно отчетливое намерение США по-прежнему подчинить развивающиеся страны режиму ГАТТ, поставить решение их торговых проблем в полную зависимость от того, о чем договорятся между собой империалистические державы.

Во-вторых, Ю. Росту с исключительной настойчи-

востью потребовал, чтобы развивающиеся страны основывали все свои национальные планы на привлечении частных инвестиций. Он обрушился на «некоторых экспертов» (весьма, как видно, влиятельных в развивающихся странах), которые пытаются изыскать средства для развития в правительственных источниках, не желая иметь дело с частным капиталом. Задача конференции, восклицал Ю. Ростоу, должна заключаться в том, чтобы начать изучение юридических и политических рамок, в которых частные инвестиции и предпринимательство могут быть «вовлечены в процессе развития»¹⁴³. Иначе говоря, США добивались решения проблем торговли и развития «третьего мира» только в такой форме, которая ведет к усилению всевластия монополий и в результате не дает окончательного решения этой проблемы.

Использование торговли в качестве эффективного рычага развития «третьего мира» невозможно лишь с помощью половинчатых мер, предпринимаемых на базе неизменности существующего торгового режима. Это возможно лишь при радикальном оздоровлении мировой торговли, при устранении всех имеющихся здесь барьеров и дискриминаций наряду с существенной и ускоренной перестройкой унаследованной от колониализма экономики в развивающихся странах. Только сочетание тех и других мероприятий может дать эффект. А отстаиваемая американским империализмом программа отрывает одну задачу за другой, исходит из принципа неизменности торгового режима и практики, закрепляющих господство империалистических монополий, и направлена на усиление непосредственного контроля этих монополий над экономикой развивающихся стран. Кроме того, в самом подходе правящих кругов США к данной проблеме господствует категорический исходный принцип, согласно которому развивающиеся страны обречены будто бы оставаться в рамках капитализма, следовать по одному пути. А это противоречит фактам истории.

Позолоченный гнет

Большое место в политике закабаления развивающихся стран, в том числе африканских, американский империализм отводит так называемой «помощи». Как отмечал Г. Моргентгау, подчас это средство становится единствен-

ным способом поддержания целей внешней политики США ¹⁴⁴.

«Помощь» — долговременная, стратегическая операция империализма. Это один из аспектов его агрессивно-колонизаторской политики, отражающий новый этап привнесения государственно-монополистических методов и форм в сферу межгосударственных отношений. Государство класса монополистической буржуазии становится, в частности, механизмом мобилизации средств налогоплательщиков для проведения в зоне национально-освободительной борьбы мероприятий, определяемых нуждами монополий и общей империалистической политикой. Политика колониализма и неоколониализма, сопряженная с антикоммунизмом и агрессией, финансируется на регулярной бюджетной основе.

«Помощь» сводится к широкому комплексу мер финансово-экономического воздействия на страны-получательницы, чтобы продиктовать в интересах империализма их общественное устройство и их политический курс. Придавая соответствующую направленность всему внутреннему социально-экономическому развитию получающих «помощь» стран, империализм стремится установить свое политическое господство. Согласно одному циничному американскому признанию, «помощь» является «практикой подкупа» в политических целях «под видом вкладов в экономическое развитие» ¹⁴⁵.

Весьма характерную обобщающую оценку «помощи» дает американский автор Дж. Монтгомери. «Помощь, — пишет он, — комплексный инструмент внешней и внутренней политики», который «выполняет много различных функций в американской дипломатии». «Помощь» служит тому, «чтобы создавать или подчеркивать символическое национальное «присутствие» за границей; она используется в обмен на международные выгоды, и в самое последнее время была сделана попытка, опираясь на нее, вызывать или влиять на изменения в других странах». Часто она приобретает «форму взятки»: «права» на использование военных баз или воздушного пространства других стран, втягивание их в военные союзы — все это «покупается внушительной экономической или военной помощью вместо уплаты деньгами». В стратегическом плане «помощь» призвана «улучшить мировой порядок» в соответствии с желаниями американского империализма, что «требует некоторого вмешательства во внутренние дела

других стран». Наконец, «помощь» является средством «создания институтов», насаждения неокOLONиалистских порядков в самой общественной и экономической структуре развивающихся стран, для чего она «тесно увязывается с социальным, политическим, культурным и вообще экономическим контекстом, в котором она действует». «Иностранная помощь предполагает, что инъекция ресурсов извне в развивающееся общество может использоваться для стабилизации, ускорения изменений или влияния на изменения». И в этом плане она прежде всего предназначена для «поддержки сил порядка» — местной армейской реакции, полиции, бюрократических правительственных институтов, политических элементов «твердых консервативных убеждений», для защиты иностранных инвестиций и т. д.¹⁴⁶

Поскольку в «помощи» воплощена цель сохранения сферы империалистического господства, возникает тенденция, толкающая разные национальные группы империалистов к объединению усилий в попытках воздействовать на эволюцию «третьего мира». Но, с другой стороны, в политике предоставления «помощи» находят резкое проявление межимпериалистические противоречия: так, Франция и Англия в основном используют ее для закрепления за собой «традиционных» сфер влияния. «Помощь» США, как наиболее значительная и применяемая в глобальном масштабе, играет роль орудия борьбы за перераспределение данных сфер в пользу США.

С крахом колониализма в Африке усилились призывы расширить «помощь» развивающимся странам. Они мотивировались тем, что противоречие между развитыми и развивающимися странами, увеличивающийся разрыв между ними в уровнях благосостояния приобретают характер основного противоречия мировой капиталистической системы, саморазвитие которого грозит взрывом возмущения огромных человеческих масс против горстки империалистических стран-эксплуататоров, революциями, откалывающими молодые государства от капитализма. «Помощь» объявлялась гарантией против подобных «потрясений». С нею связывалась надежда в минимально необходимой степени сдержать тенденцию к дальнейшему обнищанию развивающихся стран и предотвратить борьбу их народов за социально-экономические преобразования. «Так называемый свободный мир,— пишет профессор Массачусетского университета

Б. Моррис,— убеждает другие страны предпочесть коммунизму некоторые формы демократической свободы и верит в то, что вновь возникающие государственные образования с меньшей вероятностью станут демократическими, если они останутся бедными, чем если они будут расти экономически»¹⁴⁷. Этот взгляд утвердился при Дж. Кеннеди как один из важнейших внешнеполитических постулатов.

Подобными заявлениями империалисты фактически признают губительные последствия колониального господства вопреки версиям о его «цивилизаторской» миссии, как и вину Запада за тяжелое положение «третьего мира». Они как бы признают также невозможность добиться прогресса развивающихся стран в рамках капитализма без специальных международных мер государственно-монополистического характера. Это звучит даже как признание невозможности удержать развивающиеся страны в капиталистической системе без обруча «помощи». Наконец, это невольное признание вынужденности «помощи», а также и того, что за этим словом, окрашенным в филантропические тона, скрывается политика консервации послеколониального статус-кво.

Именно поэтому в «помощи» заложена угроза будущему народов развивающихся стран. Противопоставляя лозунг «помощи» лозунгу многих развивающихся стран «торговля, а не помощь», империализм превращает ее в специфическое и регулярное капиталовложение, поддерживающее неизменность торгово-экономической системы капитализма со всеми элементами колониальной и неоколониалистской эксплуатации. Это строго дозируемое капиталовложение выгодно империализму: едва-едва спасая страны-получательницы от банкротства и тем самым всю капиталистическую систему от потрясений, оно спасает механизм обогащения монополий, служит громом от революционных бурь. Фактически это признал Э. Стивенсон: «Истинный вопрос в связи с иностранной помощью, как мне представляется, заключается не в том, можем ли мы ее себе позволить, а в том, можем ли мы позволить себе отказываться от ее предоставления»¹⁴⁸.

Будучи своеобразным вкладом в существование мировой капиталистической системы, «помощь» становится включением средств в оборот, итогом которого является получение страной-«донором» выгод, перекрывающих затраты на «помощь». Как стратегия усугубления финансо-

во-экономической и политической зависимости развивающихся стран на основе частичного, показного, мнимого развития под эгидой западного капитализма «помощь» суть тормоз их действительного развития. Тут нет парадокса, и прав французский исследователь Фоссар, утверждающий, что для обретения экономической самостоятельности развивающиеся страны еще должны преодолеть воздействие западной «помощи».

Парализующее воздействие «помощи» заключается в сознательном уводе развивающихся стран от столбовой дороги индустриализации. Начисто отрицать необходимость индустриализации уже нельзя. Но от констатации такой необходимости империалисты переходят к организации «помощи» таким образом, чтобы блокировать действительную индустриализацию, заставляя страны-получательницы расплывать усилия на второстепенные проекты и к тому же скрупулезно резервируя производственную сферу их экономики за иностранными монополиями. По признанию бывшего директора МБРР Ю. Блэка, из 100 млрд долл., выделенных Соединенными Штатами на «помощь» по 1963 год включительно, только 7 млрд. долл. были потрачены на экономическую «помощь» развивающимся странам¹⁴⁹. Но и из них ни цента не пошло на создание национальной фабрично-заводской промышленности стран-клиентов.

И, разумеется, американская «помощь» не может выглядеть иначе, ибо ее руководящим принципом является не подъем «третьего мира», а «национальная безопасность» США, обеспечение империалистических целей проводимой ими внешней политики. «Ни один из расходов,— говорил президент Л. Джонсон,— не вносил большой вклад в безопасность США..., чем доллары, израсходованные на помощь иностранным государствам»¹⁵⁰. Дело не меняется от того, что после провалов милитаризованных программ, откровенно рассчитанных на вербовку политической реакции, американские империалисты с конца 50-х годов делают упор на использование «помощи» для воздействия на глубинные социально-экономические процессы в развивающихся странах. Сама смена акцентов выростала из идеи упрочения зависимости «третьего мира» по отношению к империализму, закрепления ее в соответствующей ориентации всего внутреннего развития стран Азии, Африки и Латинской Америки. Смена методов не влекла смены целей «помощи», как и не ус-

траняла ее пороков, а стимулом «обновленных» программ остается все та же, только «широко понимаемая», «национальная безопасность» или навязывание развивающимся странам империалистического господства в рамках «взаимозависимости», в русле капиталистической направленности их эволюции.

По определению Г. Моргентау, в отношении развивающихся стран «помощи» является «главным инструментом» внешней политики¹⁵¹.

Этим пониманием неосуществимости неизменных целей империалистической политики без специального государственного инвестирования определяется ежегодное принятие программ «помощи» американским конгрессом. Но это понимание отсутствия внешнеполитической альтернативы («альтернатива была бы равноценна нашему национальному бедствию», — говорит профессор Гарвардского университета Э. Бэнфилд¹⁵²), необходимости «помощи» вызывает и величайшее раздражение у американских империалистов. В самом деле, сама идея предоставления «помощи» противоречит всей исторической практике и политической философии крупного капитала: вместо традиционного империалистического инвестирования, охраняемого «дипломатией канонеров», империалистам приходится перегружать арсенал внешней политики чуждыми им принципами какого-то «развития» тех, кто, по их логике, должен быть просто объектом эксплуатации.

Поэтому принятие каждой очередной программы сопровождается повторением одной и той же скандальной картины: после многомесячных дебатов и сетований о «неэффективности помощи» (в смысле несоответствия результатов расчетам на прямой подкуп) конгресс сокращает первоначально испрашиваемые суммы минимум на 10%. На политику предоставления «помощи» империализм США вынуждается самым ходом истории, растущим экономическим сотрудничеством развивающихся и социалистических стран (аргумент о «противостоянии коммунизму» — главный при проталкивании программ через конгресс), необходимостью прикрыть неблагоприятные цели демагогическим откликом на вопиющую нищету народов «третьего мира» и обуздать их револю-

ционную энергию. Классовое нутро американского государства наглядно проявляется в этой скарредной калькуляции соответствия «помощи» поставленным целям, в ежегодных воплях о ее «неэффективности». Не случайно, что активная оппозиция политике «помощи» существует в правящих кругах США ровно столько, сколько существует она сама. Здесь зримо проявляется полное несоответствие природы империализма США тем «обновленным» внешнеполитическим методам, к которым на данном этапе истории он вынужден прибегать.

Он тяготится своими затянувшимися внешнеполитическими затратами. «Помощь», собственно, была задумана как кратковременные специфические вложения, расширяющие масштабы «традиционного» частномонополистического капиталозэкспорта. В развивающихся странах, отмечалось в США, возникла ситуация, не позволяющая надеяться на увеличение притока частных инвестиций. Главными «сдерживающими моментами» являются «национализм» (т. е. стремление народов к независимости), «отождествление иностранного инвестора с эксплуататором» и «угроза коммунистической революции»¹⁵³. «Помощь» и должна была устранить эти «сдерживающие моменты», утвердить реакционные режимы, создать предпосылки для экспансии монополий. Четвертый пункт «программы Трумэна», очевидно, основывался на идее незначительных ассигнований для чисто «технической» подготовки частномонополистического инвестирования при таких «предынвестиционных» расходах, которые сводились бы к обычным займовым операциям МБРР.

Но из этой вдохновляющей империалистов схемы ничего не получилось. «Помощь» оказалась не эпизодом, империалистам приходится год за годом прибегать к этой финансово-экономической подпорке своей политики, а с расширением сотрудничества между странами социализма и развивающимися странами «помощь» превратилась, по собственному определению империалистов, в проблему «коммунистического вызова», от которой невозможно уклониться.

Империализм США все настойчивее стремится вернуть «помощь» к исходной идее, к обычному частномонополистическому капиталозэкспорту. Сама операция «помощи», хотя она и ориентирована на эту задачу, не дает ожидаемого эффекта, и Вашингтон все более стремится

заставить страны-получательницы удовлетворить все требования монополий. Парадокс «помощи» как орудия частного инвестирования заключается в том, что ее выдают уже как своего рода премию за готовность открыть двери перед частным капиталом.

Американская «помощь» начала формироваться после закона конгресса от 3 апреля 1948 г. о предоставлении «помощи» иностранным государствам. Акт ее институирования раскрывал и ее истинный характер: страны-получательницы обязывались устранять не угодные США барьеры в торговле, предоставлять нужные им ресурсы¹⁵⁴. 20 января 1949 г. Г. Трумэн провозгласил «4-й пункт» своей программы, призывавший «поощрять капиталовложения в районы, которые нужно развивать»¹⁵⁵. 6 сентября 1949 г. он подписал «акт о взаимной помощи в обороне», а 10 октября 1951 г. появилась первая (ежегодно обновляемая) «программа взаимного обеспечения безопасности», положения которой проходят красной нитью через все законы о «помощи»: США заявляли о готовности «развивать ресурсы» других стран, чтобы «содействовать осуществлению внешней политики США» и обеспечивать «национальные интересы Соединенных Штатов».

Законы о «помощи» были реакцией империалистов США на процессы революционного обновления мира: победоносные социалистические революции в Европе и Азии, формирование и бурное развитие стран социалистической системы, провал планов «отбрасывания коммунизма», освобождение крупнейших колоний и начало распада колониальной системы.

В своем настоящем виде американская «помощь» включает: 1) ядро «помощи» — «программу развития», осуществляемую УМР, которая разбивается на «программы технического сотрудничества», «займы развития», «поддержку обороны», «специальную помощь» и ряд других; 2) незначительные программы, осуществляемые госдепартаментом (например, вклады в международные организации); 3) прочую экономическую «помощь» (поставки излишков продовольствия, в том числе поставки частных организаций, долгосрочные займы Экспортно-Импортного банка и т. д.); 4) военную «помощь», которой ведает министерство обороны и которая включает «военную программу взаимного обеспечения безопасности» (субсидии в форме военных поставок, приобретае-

мых страной-получательницей на выделяемые ей фонды) и «прочую военную помощь» (специальные программы для Греции, Турции, чанкайшистов, Филиппин и т. д.).

Менялись формы, конкретное содержание годовых программ, но милитаризованность в большей или меньшей пропорции была и остается важнейшей чертой «помощи» США. Все программы, включая новейшие варианты, вроде «Союза ради прогресса», имеют конечной целью, как это кратко выразил сенатор В. Хартке, «выиграть холодную войну»¹⁵⁶.

С середины 50-х годов правящие круги США были вынуждены пересмотреть свои прежние, откровенно милитаристские, оторванные от экономических нужд развивающихся стран и нацеленные на вербовку спутников программы. «Третий мир» был охвачен порывом борьбы с нищетой и отсталостью, а «помощь» США оставалась антикварным клеем «холодной войны». Она стала объектом повсеместной критики, даже проклятий, и подвергалась полной дискредитации с развитием сотрудничества молодых государств с Советским Союзом и другими странами социализма. Проблема совместимости «помощи» и, стало быть, неизменных целей американского империализма с чаяниями народов стала для него неотложной. Переход к более гибкой политике предоставления «помощи» был от начала и до конца вынужденный, изменения в программах «помощи», по признанию бывшего директора УМР Ф. Гамильтона, определялись изменениями мировой обстановки и «изменениями в действиях коммунистов» (!)¹⁵⁷. Неоспоримо справедлива — и признаваема также в США — та истина, что даже за послабление условий империалистической «помощи» «третий мир» должен прежде всего благодарить СССР.

После 1957 года реформаторство вокруг «помощи» сводится к реализации идеи У. Ростоу и М. Милликэна, суть которой в том, чтобы вместо прямого подкупа соответствующих правительств сделать «помощь» рычагом ощутимого воздействия на социально-экономические процессы в развивающихся странах, добиваясь упрочения империалистического контроля над ними не путем натиска извне, а путем как бы подкупа изнутри, закладывая в самих общественно-экономических структурах стран-получательниц базу капиталистической ориентации и империалистического влияния. Это была, по словам

Э. Бэнфила, доктрина «косвенного влияния» взамен прежней доктрины «прямого влияния»¹⁵⁸. Именно она обсуждалась в восьми правительственных комитетах, возглавлявшихся последовательно Г. Грэм, Н. Рокфеллером, К. Рэндоллом, Б. Фэрлессом, Э. Джонстоном, У. Дрейпером, Л. Клеем и Дж. Боллом. Заняты они были тем, по каким каналам и как направлять «помощь», чтобы при минимальных затратах получать максимальную «эффективность».

Горячим восприимчивником доктрины «косвенного влияния» был Дж. Кеннеди. Его генеральная идея сводилась к «попытке спланировать жизнеспособный плюралистический мир» капитализма, охватив развивающиеся страны обручем всепроникающей «помощи»¹⁵⁹. Но идея осталась только идеей. В конечном счете возобладало неизменное кредо правящих кругов США, воспринимающих, по словам Ю. Блэка, «в качестве аргументов для увеличения или поддержания уровня помощи» только «обещания немедленных экономических или политических выгод»¹⁶⁰.

Внешне Кеннеди подверг прежние программы такой критике, которая была равносильна их дезавуированию. Его собственная «новая смелая программа» воплотилась в создание УМР; планирование «помощи» по странам, а не по проектам; повышение удельного веса займов с 10 до 60%; введение практики возврата займов в долларах («условия, — свидетельствует видный чиновник УМР К. Роп, — ухудшились для ряда стран»¹⁶¹); увеличение закупок в США на средства «помощи» с 40 до 80%. Тяжелым для стран-получательниц было условие проводить по требованию США реформы, взбадривающие частнокапиталистическую стихию. Это явно подрывало национальные планы развития многих из них. «Помощь» и «холодная война» остались синонимами. Первый же кеннедиевский закон «о помощи иностранным государствам от 4 сентября 1961 г.» гласил, что США дают только те средства, которые «считают целесообразными и которые могли бы быть эффективно использованы свободными странами и народами для поддержания их свободы», то есть для углубления капиталистической, проамериканской ориентации¹⁶².

Свежие ветры дули в Вашингтоне недолго: робкое продвижение на «новые рубежи» в области «помощи» сменилось стремительным отступлением в окопы «холод-

ной войны». Уже назначенный Дж. Кеннеди «комитет Л. Клея» (декабрь 1962 — март 1963 г.) перечеркнул критерий потребностей стран-получательниц, назвав «помощь» исключительно «вопросом нашего просвещенного эгоизма», «необходимым и существенным орудием для достижения внешнеполитических целей»¹⁶³. А в конце 1963 года «комитет Дж. Болла» потребовал резко сократить программы и в политическом плане совершил «полный отход от концепций, разработанных в основном при правительстве Кеннеди, в соответствии с которыми помощь... рассматривалась как долгосрочное обязательство, содействующее росту слаборазвитых стран в качестве самоцели»¹⁶⁴. «Помощь» целиком возвращается к своей прежней сущности «долларовой дипломатии». На выборах 1968 года в программе республиканской партии, например, обнаженно выдвигается требование предоставлять «помощь» лишь тем странам, которые поддерживают внешнеполитический курс США. Итак, американской «помощи» с точки зрения ее общих целей и социально-политических функций можно дать следующую характеристику:

1. В любом своем виде — «традиционном» или «обновленном» — она является дипломатическим средством «холодной войны», облаченным в одеяние «экономического развития». «Ни Управление международного развития, ни сам госдепартамент, — писал сенатор Ф. Чёрч, — никогда и ни за что не признают, что в осуществлении нашей помощи иностранным государствам применяется подобный дипломатический шантаж. Но я в этом не сомневаюсь».

Официально утверждается, что «помощь» имеет целью показ развивающимся странам «третьей альтернативы между полуфеодальным статус-кво и тоталитарной революцией» (под последней понимаются преобразования в интересах народных масс)¹⁶⁵. Если даже согласиться с этим утверждением (что далеко не так), то оно все равно означает признание реакционной сущности «помощи» как орудия предотвращения радикальных преобразований, открывающих путь к подлинной независимости. По циничному определению сотрудника центра по изучению американской внешней и военной политики Дж. Лиски, «долларовая дипломатия» служит тому, чтобы «при помощи шантажа влиять на изменение в желательном направлении поведения действительного или потенциально-

го получателя», «принимая во внимание только свои собственные интересы»¹⁶⁶.

Хотя считается, что доля экономической «помощи» в американских программах в 1964—1965 годах возросла до 70% в сравнении с 40% в 1954 году, именно военная «помощь» остается их костяком с примыкающими к ней программами «поддержки обороны», «специальной помощи», «чрезвычайной помощи» и т. д. Как заявил 11 мая 1966 г. бывший министр обороны США Р. Макнамара, США «не предоставили бы никакой помощи ни одной стране, если бы это не отвечало нашим национальным интересам»¹⁶⁷. Милитаризация «помощи» — постоянный фактор¹⁶⁸.

2. Независимо от господствующей интерпретации «помощи» она не увязывается в должной мере с самим принципом развития стран-получательниц.

Формулируя цели «помощи», американский автор Э. С. Мэйсон утверждает, что в любой форме она так или иначе сводится к валютной «помощи». «В этом случае, — пишет он, — почти безразлично, принимает ли помощь форму содействия осуществлению отдельных проектов или целей экономической программы либо содействия внутренней денежной системе или валютным операциям... По сути дела весь смысл помощи заключается в расширении возможностей импорта».

Но получателям не безразлично, в какой форме предоставляется «помощь». Она имеет смысл только тогда, когда направлена именно на «отдельные проекты» и «цели экономической программы». Индустриализация и подъем сельского хозяйства требуют осуществления определенных проектов создания заводов, фабрик, шахт, электростанций, ферм и т. д. Если все сводить к расширению импорта, то это «помощь» не стране-получательнице, а монополиям страны, предоставляющей «помощь».

Такой подход не случаен. Вашингтон под видом помощи срывает индустриализацию развивающихся стран. Недаром бывший директор УМР Д. Белл делал упор на слове «развитие», а не на слове «финансирование», подчеркивал роль «помощи» как орудия обеспечения в развивающихся странах «необходимых административных и юридических рамок», нужных США «институциональных изменений», включая контроль над их бюджетами, валютными ресурсами и т. д.¹⁶⁹ США не хотят конкретно развивать экономику стран-получательниц, но хотят

стать у ее кормила и вместе с тем расширить каналы экспансии монополий, создать, по словам Ю. Блэка, «рынки для прибыльной торговли в будущем»¹⁷⁰.

3. «Помощь» подчинена центральной задаче неоколонниалистской стратегии — задаче подталкивания, культивирования, «прививки» капитализма. Открыто заявляется об абсолютной враждебности американской «помощи» всяким попыткам выйти за рамки «чистого» капитализма, развивать государственный сектор экономики. «Критерием для принятия решения,—говорил Л. Клей,— может быть то, пытается ли всерьез та или иная страна содействовать системе частного предпринимательства или же она сознательно стремится установить нечто отличное от системы частного предпринимательства»¹⁷¹.

Неоколонниалистская стратегия США исходит из того, что «частные капиталовложения США должны играть главную роль в международном развитии»¹⁷². И практически «помощь» слита с частными инвестициями в единый поток капиталэкспорта. Об этом, касаясь «помощи» США и стран ОЭСР, ясно говорит один из документов ООН: «Приток правительственного капитала в слаборазвитые страны во многих различных формах настолько смешивался с притоком частного капитала, что их трудно различить статистически, тем более что политика поощрения соответствующего притока частного капитала идет рука об руку с политикой предоставления правительственного капитала»¹⁷³.

Примечательно, что именно реклама «новых рубежей» сопровождалась особо настойчивыми попытками превратить «помощь» в орудие экспансии частного капитала США. В законе о «помощи» 1962 г. конгресс потребовал привлекать, когда возможно, к реализации программ частные институты и частных лиц и принял поправку Хикенлупера о введении санкций за покушения на собственность и права американских компаний. В 1963 году появляется поправка Адэра, требовавшая от развивающихся стран принятия программ полного страхования частных инвестиций США. В законе о «помощи» на 1963 год упор был сделан на принцип «самопомощи» стран-получательниц, который «означает необходимость сделать то, что может быть практически сделано для поощрения притока частных инвестиций из-за границы»¹⁷⁴. Для практического претворения в жизнь данного принципа в 1967 году в США создан «Национальный кон-

сультативный комитет по самопомощи»¹⁷⁵. При президенте США создан также специальный «Консультативный комитет по частному предпринимательству» в связи с осуществлением программ «помощи»¹⁷⁶.

«Помощь» непосредственно расширяет путь монополиям. Так, в 1964 году правительством США было предоставлено 302 специфические гарантии от риска на сумму 597 млн. долл., а в 1965 году — 623 на сумму 803 млн. долл.¹⁷⁷ Кроме того, УМР, например, предоставляет «потенциальным инвесторам» всю необходимую информацию; несет половину расходов на подготовительную работу по инвестированию в том или ином районе; предоставляет займы в местных валютах или в долларах американским инвесторам¹⁷⁸. Программы УМР все больше перепоручаются частным организациям и монополиям. К началу 1964 года УМР привлекло частные организации к осуществлению программ в 69 странах, заключив с ними 995 контрактов на 391 млн. долл.¹⁷⁹

Другая сторона «помощи» — содействие местному капитализму в его единоборстве с государственным сектором. УМР финансирует и создает институты, способствующие росту частного предпринимательства: банки развития, корпорации промышленного развития, центры содействия капиталовложениям, центры по вопросам производительности, институты кредитования и накоплений, кредитные союзы, кооперативы на базе частнособственнических отношений и т. д. С ноября 1961 по 31 декабря 1963 г., например, УМР предоставило долларовые займы на 416 млн. долл. 54 банкам и другим институтам частного бизнеса. Машинное оборудование, запасные части, детали и т. д. предоставляются только частному сектору, если они предоставляются вообще¹⁸⁰.

«Помощь» США коверкает и ломает прогрессивные планы и начинания в развивающихся странах. В концепциях и практике «помощи» США вопрос о развитии подменен вопросом о направленности эволюции этих стран. Поэтому она, по признанию профессора Иллинойского университета Дж. Эллиота, в отличие от помощи социалистических стран становится средством, действующим вразрез с естественными процессами и объективными нуждами развивающихся стран¹⁸¹.

4. «Помощь» все больше становится орудием торговой экспансии и обогащения монополий. В 1963 году обязательства затратить в США выделяемые в порядке «по-

мощи» средства покрывали 78% ассигнований УМР, в 1964 — 82% и в 1965 году — 83%¹⁸². «Это называется «помощью иностранным государствам», — писал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». — Но посмотрите, на что тратятся деньги, и вы поймете, почему конгресс продолжает голосовать за нее, несмотря на речи критиков... Истинное положение с помощью заключается в том, что она становится своего рода субсидированием экономики США»¹⁸³.

5. Стратегия американской «помощи» все больше увязывается с планами широкого использования международных финансово-экономических органов вроде МБРР, Ассоциации международного развития (АМР) и т. д. В программе на 1969 год ассигнования, направленные в порядке «помощи» через международные организации, увеличились по сравнению с 1962 годом вдвое и составили 500 млн. долл. В этой же программе на «помощь» по линии ООН США затратили 154 млн. долл.¹⁸⁴ «Общая экономическая стратегия, — говорилось в одном из сенатских докладов, — так же существенна, как и общая военная стратегия... Такой подход определит цели, масштабы, направленность, характер и распределение экономической помощи»¹⁸⁵. В этой установке воплощено стремление связать в единый узел унифицированную политику империализма в «третьем мире» и планы мировой гегемонии США. С одной стороны, Вашингтон пытается поставить под контроль активность своих союзников в развивающихся странах, а с другой — практически претворить в жизнь принцип «коллективного колониализма»¹⁸⁶.

6. В последнее время США выделяют основную часть ассигнований для относительно небольшого числа стран, а также руководствуются принципом регионализма при оказании «помощи». Так, в 1969 году «помощь» по линии УМР на 90% распределена в 15 странах, 80% «займов развития» предоставлены 8 странам и 95% «помощи в целях поддержки» — всего 4 странам¹⁸⁷.

Концентрированное применение «долларовой дипломатии» в ключевых, наиболее крупных или стратегически важнейших странах «третьего мира» отражает известный расчет американских империалистов. Стремясь ускоренными темпами навязать нужную империализму линию развития в важнейших странах Азии, Африки и Латинской Америки, Вашингтон рассчитывает использо-

вать их затем как опорные пункты для общего поворота «третьего мира» в нужную ему сторону в соответствии с целями неоколониалистской стратегии.

Той же цели служит и перевод «помощи» в региональные рамки. В данном случае экономическое развитие является прикрытием попыток США загнать различные страны в устраиваемые США «регионы», подлаживаясь иногда к объективным объединительным тенденциям в «третьем мире», с тем чтобы связать страны нейтралистской, прогрессивной ориентации с реакционными, проимпериалистическими режимами, подчиняя постепенно первые последним. США думают также превратить постепенно «регионы» в широкие экономические и политические союзы, придерживающиеся выгодных монополиям валютно-таможенных режимов и облегчающие экспансию крупного капитала.

Как видно, стратегия американской «помощи» имеет мало общего с чаяниями поднимающихся народов, она — лишь часть общей военно-политической стратегии американского империализма. Ч. Вильсон, бывший министр обороны США и один из заправил «Дженерал моторз», заявил однажды: «Оказывая помощь слаборазвитым странам, мы как бы осуществляем колониализм наизнанку»¹⁸⁸. К этим словам нечего добавить.

„Колониализм наизнанку“

Высоко котироваться африканские акции на политической бирже американской «помощи» начинают в 1959—1960 годах, когда обозначилась цепная реакция освобождения африканских народов. В 1947 году конгресс «отвалил» странам Африки всего 7 млн. долл., а программа 1959 года выражалась уже в сумме около 194 млн. долл.¹⁸⁹ В 1962 году, году наиболее бурных политических событий на континенте, «помощь» по линии УМР достигла 315 млн. долл., а вся «помощь» США Африке подскочила до 519,3 млн. долл.¹⁹⁰ Затем, с наступлением относительной «стабилизации» неоколониализма в Африке, ассигнования по линии «помощи» резко пошли на снижение, составив в 1965 году около 200 млн. долл., а на «помощь» по линии УМР пришлось 163,9 млн. долл.¹⁹¹

Эти изменения в масштабах «помощи» отражают политически рассчитанное манипулирование ею в строгом

соответствии с общей линией «холодной войны», антикоммунизма, монополистической экспансии и неокOLONИАЛИСТСКОЙ стратегии империализма. Масштабы «помощи» Африке целиком определялись тем, насколько Африка казалась правящим кругам США районом «кризисной ситуации» и насколько монополии нуждались в этом инструменте их экспансии.

Используя свою «помощь» как дополнительный, иногда решающий, резерв политического маневра империализма в Африке, правящие круги США сокращают свои программы или вообще отстраняются от предоставления «помощи» в той мере, в какой, по их мнению, Западная Европа оказывает «помощь», достаточную для ответа на «коммунистический вызов» и для обеспечения империалистического влияния на континенте. «Поскольку интерес других западных стран к оказанию помощи Африке не ослабевает,— говорил помощник руководителя бюро по делам Африки в УМР Э. Хатчинсон,— создательное положение, при котором Соединенные Штаты, выступая в роли активного партнера не играют доминирующей роли в деле помощи району в целом». Придерживаясь концепции «минимальных затрат», Вашингтон до 60% своей «помощи» распределяет в пяти странах Африки, наиболее «подающих надежды» с точки зрения вероятности превращения их в неокOLONИАЛИСТСКУЮ витрину: Либерии, Нигерии, Тунисе, Марокко и Конго (Киншаса)¹⁹².

Предоставляя африканским странам «помощь», США сосредоточиваются на области «технического руководства», стремятся дирижировать общим настроением экономики, не прибегая к серьезным вложениям в хозяйственные объекты. Как пояснял сенатор Ф. Мосс, упор делается на «техническую помощь», способствующую «созданию стабильных правительств», а не на материальные факторы развития¹⁹³. Целью «помощи» является, следовательно, не экономическое развитие, как таковое, а конструирование институциональных основ неокOLONИАЛИЗМА.

Именно в Африке эта направленность американской «помощи» проявляется с наибольшей наглядностью. Как заявлял сенатор Ф. Чёрч, при предоставлении «помощи» учитываются не нужды (!), а «возможности развития африканских стран». За этой формулой скрывается фактическое отрицание планомерного промышленного развития стран континента. Действительно, как разъяснял Э. Хатчинсон, «помощь» направлена лишь на создание «инсти-

тутов» в области образования, технического обучения, планирования, исследования вопросов управления, улучшения государственных учреждений и т. д. Она охватывает также область инфраструктуры — строительство дорог, энергетических объектов, дамб, систем водоснабжения, портов. Под предлогом «расширения внутреннего рынка» она используется для создания «эффективной системы распределения», под чем имеются в виду местный кредит, склады, рыночные кооперативы, оптовые и розничные институты. Но, кроме производства простых местных потребительских товаров, о каком-либо конкретном промышленном развитии не говорится ни слова¹⁹⁴. Картина вырисовывается достаточно ясная: «помощь» направлена на овладение ключевыми позициями, рычагами внутреннего развития стран-получательниц, на улучшение условий эксплуатации африканских стран иностранным капиталом и на подгонку рынков к нуждам монополий.

Программы «помощи» Африке имеют также своей непосредственной задачей усилить экспансию американских монополий. Любопытно в этом смысле прямое заявление бывшего президента Л. Джонсона, в котором указывалось, что программа УМР для Африки на 1967/68 финансовый год должна была, в частности, обеспечить «новые прорывы» в частном инвестировании, содействуя в особенности экспансии американских банков¹⁹⁵.

Вместе с тем в американской «помощи» странам Африки с наибольшей полнотой воплощается описанный выше «принцип регионализма»: 40% затрат по программе УМР для Африки на 1969 финансовый год предназначались для региональных проектов. Соответственно, количество двусторонних программ УМР для Африки сокращается с 35 в 1968 финансовом году до 21 в 1969 и до 12 (наметки) в 1970 финансовых годах¹⁹⁶. Американские империалисты пытаются также связать свою «помощь» со стратегией «коллективного колониализма» таким образом, чтобы, обходясь минимумом затрат, обеспечивать свое лидерство в Африке через механизм НАТО, путем выработки единого подхода в рамках этого агрессивного блока. По поводу этих замыслов Э. Хаксли писала: «У нас есть НАТО для согласования наших военных усилий во имя сдерживания сил коммунизма. Нам нужен теперь новый гражданский механизм для согласования усилий свободного мира в деле оказания помощи Африке надле-

жащим и продуктивным образом...». Привязать Африку к военному блоку — это и есть «продуктивность» «помощи» по-американски! Э. Хаксли многозначительно добавляет: «Никто не хочет, чтобы долларový дождь падал в одинаковой степени на оправданные и неоправданные проекты». Понимать это надо так, что для империалистов речь не идет о собственно экономическом подъеме Африки, им важна лишь «координация на высшем уровне политических курсов заинтересованных стран с определением роли каждой из них в общей кампании (!)»¹⁹⁷.

Вот к этому-то и сводится «помощь» — к «кампании» неоколониалистского нажима, к «кампании» насаждения империалистического влияния! Американский империализм намерен проводить эту «кампанию» по всем правилам военного искусства, отводя в ней определенную роль каждому из своих союзников и сохраняя за собой прерогативы главнокомандующего.

За 1945—1967 годы общая экономическая «помощь» США странам Африки составила 3779,2 млн. долл. (с учетом выплат, сделанных африканскими странами, — 3399,9 млн. долл.), в том числе займы — 1660,6 млн. долл. (с выплатами — 1281,3 млн. долл.) и субсидии — 2118,6 млн. долл. В эту сумму входят следующие статьи: «помощь» по линии УМР и его предшественников — 2036,5 млн. долл. (займы — 917,9 млн. долл., субсидии — 1118,6 млн. долл.); продовольственная «помощь» («продовольствие для свободы») — 1114,5 млн. долл.; долгосрочные займы Экспортно-Импортного банка — 433,4 млн. долл. (из них африканские страны выплатили 250 млн. долл.); прочая экономическая «помощь» — 194,8 млн. долл. Военная «помощь» странам Африки за тот же период составила 258,1 млн. долл.

Крупнейшими получателями американской «помощи» за указанный период были: Алжир — 191,7 млн. долл., Конго (Киншаса) — 393,5 млн., Гана — 204,2 млн., Либерия — 213,4 млн., Ливия — 216,6 млн., Марокко — 589,1 млн., Нигерия — 204,1 млн., Судан — 128,6 млн., Тунис — 531,4 млн. долл.¹⁹⁸

В последние годы главным каналом поступления «помощи» в Африку является УМР. Ассигнования по этой линии составили: в 1962 году — 315 млн. долл., в

1963—239,1 млн., в 1964—189,0 млн., в 1965—149,7 млн., в 1966—169,5 млн., в 1967 г.—184,1 млн. долл. Они состоят из «займов развития» и из средств, предназначенных на «техническое сотрудничество». В 1965 и 1966 годах, например, на «займы развития» соответственно пришлось по 46 100 тыс. и 70 530 тыс. долл., а на «техническое сотрудничество» — по 80 655 тыс. и 80 938 тыс. долл.¹⁹⁹ На 1969 финансовый год для Африки по линии УМР выделялось 179 млн. долл.²⁰⁰

Американский капитал поступает также в Африку через МБРР и его филиал — АМР. По 8 февраля 1962 г. МБРР предоставил странам Африки 41 заем на 929 млн. долл.²⁰¹ В течение 1962 года МБРР ассигновал странам Африки 78 млн. долл. займов. В списке клиентов АМР страны Африки в этом году не фигурировали, в предыдущем же, 1961 году, она предоставила заем в 11 млн. долл. Судану. В 1963/64 финансовом году МБРР дал странам Африки 6 займов на 91,25 млн. долл., а АМР — 3 займа на 20,10 млн. долл.²⁰²

Статьи «помощи» разные, но всем им присуща прежде всего одна главная черта — обусловленность военно-политическими расчетами американского империализма. До 1961—1962 годов эта черта американской «помощи» проявлялась открыто, вслед за тем — в скрытом виде.

Так, например, в 1958 году субсидии Марокко, Тунису и Ливии (странам «североафриканского яруса», где располагались главные военные объекты США) составили 60 млн. долл., а на все страны, расположенные южнее, пришлось 11 млн. долл. «технической помощи», да и из них половина пошла все-таки в Северную Африку²⁰³. Нередко «помощь» Марокко равнялась половине всей «помощи» Африке, и это было связано «с надеждой на сохранение американских баз в Марокко как можно дольше»²⁰⁴. Пользы же для Марокко от этой «помощи» было немного. И это понятно. Как точно подметил У. Хантон, «программа экономической помощи, которая по существу лишь дополняет военную программу, хуже, чем отсутствие всякой помощи»²⁰⁵.

И вот характерная судьба Марокко! До начала 1964 года, пока там находились пять крупных военных баз Пентагона, страна получала по «программам взаимного обеспечения безопасности» до 60 млн. долл. в год. А в 1965 году в казне Вашингтона для нее нашлось всего 10 млн. долл., причем, как отмечала газета «Аль-Алям»,

это был заем в форме поставок потребительских товаров и оплаты американских специалистов, после чего у марокканского правительства не оставалось ни доллара.

Диктат, облаченный в демагогию новых рубежей, остался диктатом. После «мучительных размышлений» над неизбежностью нейтралистского курса нового Алжира Вашингтон нехотя решил предоставлять ему ограниченную, в основном продовольственную «помощь». Но «помощь» сопровождалась выражением надежды, что «страна будет играть благоразумную и умеренную роль в афро-азиатском блоке»²⁰⁶. И стоило бывшему президенту Бен Белле появиться на Кубе, как УМР было приказано прервать переговоры о «помощи» на «неопределенный срок»²⁰⁷. Настоящий долларовый шантаж достиг апогея после заключения Алжиром торгового соглашения с СССР 4 ноября 1963 г. Только провал шантажа и боязнь полной дискредитации политики «новых рубежей» заставили американских империалистов выделять ограниченные суммы на «помощь» Алжиру в качестве «доказательства неизменного интереса»²⁰⁸. Точно так же «помощь» США Гане, Гвинее, Мали, ОАР носила ярко выраженный политический характер: использовалась то как приманка, то как средство шантажа и угроз, то как вынужденная затрата, связанная с расчетом получить со временем какие-то выгоды.

В целом сущность «помощи» США сводится к обеспечению условий для иностранного влияния и эксплуатации в политически освободившихся странах Африки, к предоставлению им тех необходимых крох, без которых они рискуют стать нежизнеспособными даже в качестве объектов такой эксплуатации. Между коренными интересами африканских народов и содержанием статей американской «помощи» мало общего.

1. Не только расходится с этими интересами, но и противоречит им военная «помощь» США (ее основные получатели — Эфиопия и Ливия). Р. Макнамара без обиняков говорил, что она предоставляется в связи с «тревогой» США за те районы Африки, которые «охраняют южный фланг НАТО» и «стоят на подступах к Красному морю»²⁰⁹. Он же говорил, что программы для Северной Африки «увязываются с поддержанием военных баз США», а что касается прочих стран Африки, то «США обеспечивают небольшие программы вооружения, чтобы помочь отобранным (!) странам в поддержании внутренен-

ней стабильности» (речь идет о «стабильности» угодных США порядков.— В. Ф.). Ф. Гамильтон добавлял, что такая «помощь» «обеспечивает силы для противодействия коммунистическим агитаторам, инфильтрации коммунистических агентов и партизан»²¹⁰.

Итак, военная «помощь» — деталь агрессивных планов американского империализма. Она имеет целью сохранение военных баз США в Африке, которые, по словам директора отдела Ближнего Востока, Южной Азии и Африки в министерстве обороны С. Фукуа, «являются жизненно важными звеньями в нашей мировой стратегической позиции»²¹¹. Она означает также контроль над вооруженными силами стран Африки и подавление прогрессивных сил в национально-освободительном движении под предлогом отпора «коммунистической инфильтрации».

С военной «помощью» тесно смыкается и деятельность УМР по так называемым «программам обучения полицейских сил», то есть сил, способных оберегать реакционные внутренние порядки в странах Африки. К 1966 году по этим программам 12,4 млн. долл. было затрачено на обучение 175 офицеров-африканцев в Международной полицейской академии и на работу американских «специалистов по общественной безопасности» в Африке. Программы США имеют целью «содействовать появлению военного сообщества, ориентирующегося на свободный мир», то есть реакционного офицерства, стража неокOLONIALИСТСКИХ порядков²¹².

И важно вот что: ставя страны Африки в положение военной зависимости, «помощь» США не только не содействует — мешает усилению их обороноспособности в смысле способности противостоять империалистическим интригам на континенте. В 1962 году на специальных «слушаниях» в сенате Ф. Чёрч задал вопрос: «Что касается национализма.., то не создаем ли мы военную силу африканских государств таким образом, чтобы это увеличило опасность прихода их к внезапному решению о совместных акциях против Южной Африки (потенциальный агрессор против свободной Африки.— В. Ф.) или Анголы?». И сотрудник госдепартамента Г. Таска уверенно ответил: «Я не думаю, чтобы это было так. Я бы сказал, что объем помощи... никак не может позволить что-либо подобное»²¹³. Издающийся в США бюллетень «Африка сегодня» писал, что «неафриканские державы

решают, какие военные силы должны иметь африканские государства»²¹⁴.

С военной «помощью» смыкаются такие ее «смягченные» варианты, как «специальная» и «поддерживающая помощь». «Специальная помощь» в отдельные годы намного превышала половину суммарной стоимости программ, а судить о ее характере можно по тому, что она предназначалась для поддержки авантюр, вроде «доктрины Эйзенхауэра» на Ближнем Востоке. На «поддерживающую помощь» в разные годы приходилось от 40 (1965 г.) до почти 200 млн. долл. (1961 г.)²¹⁵. Но ее истинное назначение станет ясно, если учесть, что в значительной части она тратилась в Конго (Киншаса) для подавления национально-патриотических сил. Не только военная, но и немалая часть американской «помощи» вообще сводится к операции по обеспечению военно-политических и стратегических целей США. Для Африки, для жаждущих вырваться из нищеты народов она бесполезна.

2. Займы Экспортно-Импортного банка следует считать не помощью Африке в точном смысле этого слова, а помощью монополиям США. Они были выгодной, ментальной оплатой сделок тех монополий, которые осуществляли поставки в страны-заемщики²¹⁶. Нужно учесть также, что страны Африки выплатили эти займы более чем наполовину. Потрачены же займы почти целиком на обслуживание горнорудных компаний, на разработки сырья с целью его последующего вывоза²¹⁷.

3. То же в принципе нужно сказать и о займах МБРР. Мало того, что банк берет за них 5,5%, а то и 7% годовых, получая ежегодно прибыль почти в полтора раза миллионов долларов, среди этих займов нет ни одного, который вышел бы за рамки империалистической стратегии установления контроля над экономикой развивающихся стран. Они направлялись большей частью в районы операций компаний, занятых добычей сырья, и львиная их часть приходится на южноафриканский комплекс колониального бизнеса. Красноречива картина целевого предназначения займов МБРР.

За каждой этой рубрикой прячется одно слово — монополия. Займы давались там и тогда, где и когда они были нужны монополиям, в той форме, на те цели, какие их устраивали. В одном из обзоров МБРР отмечалось, что его кредитная политика направлена именно на раз-

Таблица 6

Целевое назначение «займов развития», предоставленных МБРР Африке по 30 июня 1961 г.

(в млн. долл.)

Целевое назначение	Сумма
Электроэнергетика	186,4
Транспорт	418,2
Связь, коммуникации	1,5
Сельское и лесное хозяйство	50,7
Промышленность (включая горное дело)	103,0
Общее развитие	40,0

Источник: «The Capital Development Needs of the Less Developed Countries», U. N., N. Y., 1962, p. 34.

витие сети электроснабжения, дорог, портов и т. д., без чего не могут функционировать иностранные капиталовложения²¹⁸. Банк обеспечивает монополиям рентабельную эксплуатацию африканских недр.

С начала 60-х годов МБРР вынужден был объявить о «либерализации» своей кредитной политики. Но это — декларация. Достаточно вспомнить описанный выше заем Гане. Неизменно содержание займов МБРР как стимулов частномонополистического инвестирования. Типичен заем в 20,5 млн. долл. от 14 мая 1964 г. для «Компани альжержьенн дю метан ликвид» с целью строительства завода по сжижению природного газа в Арзеве (Алжир). Заем был дан потому, что газ предполагалось транспортировать в Англию и Францию, и потому, что 40% акций предприятия принадлежат международной компании «Конч интернэшнл метан». В том же году МБРР выделил заем эфиопскому управлению электричества для проекта с участием банковского капитала США: «Ирвинг траст компани», «Чейз Манхэттэн бэнк», «Бэнк оф Америка нэшнл траст энд сэйвингз ассошиэйшн» и «Фёрст Пенсилвания бэнкинг энд траст компани»²¹⁹.

В Африке МБРР используется империалистами как механизм «технического руководства» в области экономического планирования, чтобы навязать странам континента свой контроль над их экономикой. Кении, например, рекомендовано «ограничить масштабы и характер

программы государственных капиталовложений», привлечь иностранный капитал. Уганде дан совет заняться сельским хозяйством и не направлять средства в «импортируемую индустрию»²²⁰. То же рекомендовано Танзании. При банке действует финансируемый фондами Форда и Рокфеллера институт экономического развития, разрабатывающий империалистические доктрины «прогресса» развивающихся стран²²¹. Аналогичную роль играют в Африке АМР и Международный валютный фонд.

4. Как видно из приводившихся выше цифр, немалая доля в «помощи» США Африке приходится на продовольственные поставки. Такие поставки занимают большой удельный вес и в программах американской «помощи» вообще. В известном смысле это действительно следует считать помощью, которая в условиях слаборазвитой экономики содействует прежде всего высвобождению рабочей силы из сельского хозяйства для осуществления ряда проектов развития.

Было бы неправильно не отметить и то, что, направляемая в районы острого голода, она имеет в таких случаях гуманный характер. Такова, например, роль американской продовольственной «помощи» в специфических условиях гражданской войны в Нигерии. Здесь продовольственная «помощь» США к сентябрю 1968 года достигла 11 444 тыс. долл. (8758 тыс. долл. от правительства и 2686 тыс. долл. от частных организаций) и предназначалась для затронутых войной районов, то есть в основном для отколовшейся Восточной провинции (Биафры), где свирепствует ужасающий голод.

Но даже эти специфические обстоятельства позволяют уловить связь продовольственной «помощи» с политическими расчетами, ее далеко не бескорыстный характер. Не говоря уже о том, что само отделение Биафры связано с интригами нефтяных (в том числе американских) компаний, следует подчеркнуть, что США в самой процедуре передачи «помощи» изыскивают пути усиления влияния в Нигерии различных частных организаций, прежде всего миссионеров. В руки всемирных церковных служб была передана основная масса продовольствия (45 тыс. т)²²².

Но указанные выше положительные стороны продовольственной «помощи» Вашингтона не меняют в целом ее характера. Во-первых, потому что она остается проявлением «пшеничной дипломатии», влекущей за собой

опасность политического подчинения империализму США. Бывший специальный помощник президента США и директора программы «Продовольствие для мира» Р. Рейтер прямо говорил, что продовольственная «помощь» — «мощный инструмент внешней политики»²²³. Зачастую реальную помощь в улучшении экономики развивающихся стран США подменяют ничего не решающими, увековечивающими зависимость продовольственными поставками, сопровождая их политическими условиями. В последнее время на долю сельскохозяйственных излишков приходилось до 40% американской «помощи»²²⁴. Продовольственная «помощь» своеобразно воплощает аморальность американской «помощи» в целом.

Во-вторых, сами условия предоставления продовольственной «помощи» в политическом и финансовом плане были тяжелы для стран-получательниц. 63% американских поставок оплачивались в национальных валютах стран-получательниц, и выручка от продажи продовольствия заносилась на особые счета под контролем американских посольств. Формально авуарами владели страны-получательницы, но их расходование было возможно только по специальным соглашениям с США. Они могли также переводиться на американские счета для оплаты нужд США в данной стране²²⁵. В ряде стран фактически в руки США перешел контроль над значительной частью их национального денежного обращения.

До 45% указанных авуаров могли пойти на займы для нужд экономического развития стран-получательниц. Мало того, что займы подлежали возврату с 4% годовых²²⁶, — они еще выдавались на американских условиях и расходовались на расширение секторов, связанных с американским частным капиталом, а также на нужды фирм, использующих американское оборудование и сырье²²⁷.

В-третьих, неприглядны истинные мотивы «пшеничной дипломатии». Это — регулируемый государством сельскохозяйственный экспорт, организуемый министерством сельского хозяйства и государственно-монополистической Торгово-кредитной корпорацией США в интересах крупнейших монополий. Только в 1963 году сбыт по каналам «помощи» составил треть общего сельскохозяйственного экспорта США, обеспечив выход на рынок продукции с 19 млн. акров площадей и принеся США вы-

ручку в 1,6 млрд. долл. (наполовину покрывает программу «помощи» в целом)²²⁸. По словам Р. Рейтера, это — «способ избавиться от сельскохозяйственных излишков», способ открыть «новые заморские рынки»²²⁹.

Под маркой «помощи» США фактически избавились от залежалых сельскохозяйственных излишков и в 1966 году перешли к программе «Продовольствие для свободы», которая уже сводится к коммерческому сбыту продовольствия при оплате его в долларах.

12—18 августа 1967 г. на международной конференции по пшенице в Риме было выработано новое международное соглашение по зерну, заменившее соглашение 1962 года. Данное соглашение в значительной мере явилось итогом работы американской дипломатии. В нем участвуют 52 страны и ЕЭС как единая группа. Соглашение состоит из двух частей: торговой конвенции о пшенице и конвенции о продовольственной помощи.

Согласно конвенции о продовольственной помощи, осуществляется ежегодная программа объемом в 4,5 млн. т продовольствия общей стоимостью в 300 млн. долл. США обеспечивают поставки в размере 42% этой программы (1,9 млн. т продовольствия). Эта международная программа является дополнением к национальным программам продовольственной «помощи», осуществляемым развитыми капиталистическими странами. В рамках ее продовольственные поставки развивающимся странам будут осуществляться как за местную валюту, так и в форме прямых субсидий.

Казалось бы, речь идет о дополнительных выгодах для развивающихся стран. Но это слишком поспешный вывод. Истинный замысел соглашения сводится к улучшению рыночных возможностей для стран-экспортеров. Положения о продовольственной «помощи» впервые включены в международное товарное соглашение, и именно это обстоятельство позволяет по достоинству оценить конвенцию о продовольственной «помощи» как по сути дела постоянную гарантию сельскохозяйственного экспорта ряда стран, и прежде всего Соединенных Штатов. Как отмечал директор управления продовольственной политики и программ в бюро госдепартамента по экономическим делам Сэндерсон, конвенция в рамках нового товарного соглашения по зерну повышает уровень потребления зерна и помогает стабилизировать и укреплять рынки (!). Сэндерсон подчеркивал, что в той

мере, в какой излишки продукции будут выделяться для продовольственной «помощи», «программа будет проявлять тенденцию к расширению коммерческого импорта или уменьшать давление на экспортные рынки»²³⁰. Вся программа в целом амортизирует колебания в рыночной конъюнктуре для монополий-экспортеров западных стран. Кроме того, соглашение, по словам того же Сэндersona, обеспечивает хорошие конкурентные позиции для США и дает странам-«донорам» право определять, кто должен получать от них «помощь». Таким образом, первое международное соглашение о продовольственной «помощи» увеличивает возможности согласованного вмешательства империалистических держав в дела «третьего мира», предоставляя в этом смысле особенно широкие «права» американскому империализму.

«Пшеничная дипломатия» США всегда служила орудием грубейшего политического шантажа, что ярко видно на примере ОАР. Решившись в 1960 году начать поставки продовольствия в ОАР, США, как отмечал журнал «Ньюсуик», связывали их с надеждой на то, что ОАР пойдет на сделку с реакционными силами арабского Востока, замедлит «движение к социализму» и пойдет на примирение с экстремистами Израиля²³¹. В 1965 году последовало прекращение продовольственной «помощи» в качестве репрессивной меры против ОАР, отвергнувшей попытку США вмешаться в ее национальную программу вооружений.

5. В анализе американской «помощи» странам Африки остается рассмотреть главную ее часть — программы УМР. По словам Л. Джонсона, в них — «зародыши завтрашнего мирового сообщества»²³². Эти слова свидетельствуют о том, что «помощь» УМР рассматривается не как инструмент для экономического развития молодых государств, а как рычаг укоренения диктуемых американским империализмом порядков.

«Помощь» УМР сводится прежде всего к охвату иностранным контролем всех сфер внутренней жизни стран-получательниц, к подмене их государственного аппарата аппаратом «технических советников». Бросается в глаза следующий факт: хотя программы УМР для Африки меньше, чем для других географических районов, именно в Африке УМР осуществляет наиболее значительную «техническую помощь», посылает в Африку армии плановиков и специалистов,

Это не случайно. Приоритет отдается «технической помощи» потому, что она прокладывает дорогу частному капиталу благодаря целенаправленной работе аппарата советников²³³. В ее сферу захватываются финансово-бюджетные и плановые органы африканских государств, чтобы навязывать им капиталистический путь развития и в рамках такого пути ориентировать их на максимальное «сотрудничество» с монополистическим капиталом. Раскрывая, как надо понимать «помощь» в «идеале», сенатор А. Эллендер пишет, что она «должна быть не более чем катализатором, стимулирующим заинтересованность частного предпринимательства»²³⁴.

Вторая функция «технической помощи» США — «развитие человеческих ресурсов», подготовка национальных кадров африканских государств, «их будущих просветителей, их ученых, их технических специалистов и, по всей вероятности, их лидеров (!)»²³⁵ как проводников политики неокOLONиализма.

Для обоснования подобной «технической помощи» Африке в США выдвигают концепцию «неоправданности» капитальных затрат в силу слаборазвитости ее экономики, нехватки технических кадров, квалифицированной рабочей силы и т. д. Из этой правильной посылки следовало бы сделать вывод о необходимости планомерного развития промышленного и сельскохозяйственного потенциала параллельно с подготовкой кадров в самом ходе хозяйственного строительства. Но в США эта посылка рассматривается лишь как аргумент для обоснования «теории», согласно которой всю хозяйственную сферу стран Африки следует передать в руки монополий как единственных организаторов «экономического прогресса», обладающих и капиталами, и техническими знаниями. Эта «помощь» органически враждебна принципу создания государственной, национальной экономики, направлена на полное подчинение экономических функций государства частному предпринимательству. Как говорил У. Ростоу, «усилия и инициатива государства» должны быть направлены не более чем на создание «рамки», обеспечивающих рост частного предпринимательства²³⁶. «Помощь» США при такой установке бесполезна для реального, а тем более ускоренного развития Африки, да она и не преследует такой цели. Ее цель — воплощение в жизнь доктрины «взаимозависимости» путем укрепления позиций иностранного капитала в африканских стра-

нах. Она создает также «руководящую элиту», социальную опору неокOLONиализма, а также «крепких хозяйчиков» типа кулачества. К тому же «техническая помощь» США все больше через УМР передается в руки частных организаций и монополий. Она ведет к заполнению государственного аппарата африканских стран американскими советниками, начинающими командовать экономикой. Отмечая настоящую «американизацию» правительственных учреждений Эфиопии, римская газета «Паэзе сера» писала: «Американские монополии до такой степени проникли в правительственный аппарат, что могут управлять им»²³⁷.

Вторая часть «помощи» по линии УМР — «займы развития». Предоставлялись они в отдельные годы в следующих количествах:

Таблица 7

«Займы развития», предоставленные УМР странам Африки
(в тыс. долл.)

Годы	Сумма	Годы	Сумма
1960	46.450	1964	77.218
1961	53.294	1965	46.100
1962	85.598	1966	70.530
1963	95.188		

Источники: «Statistical Abstract of the United States, 1965», p. 868; «Proposed Mutual... Programs FY 1965...», p. 139; «The Foreign Assistance Program. Annual Report to the Congress, Fiscal Year 1965...», p. 17; «Africa Report», Dec. 1964, p. 9; «Agency for International Development Information Staff. For Release to Papers of Sunday, August 28, 1966...».

Название займов обманчиво. Если «техническая помощь» означает косвенное руководство экономикой развивающихся стран в целях подчинения ее иностранному капиталу, то «займы развития» УМР предназначены для конкретного претворения этой задачи в жизнь.

Они ориентированы на чисто инфраструктурное развитие, означающее подготовку условий для массированного вторжения монополий. Так, из предоставленных Африке в 1963 году «займов развития» 4,6% предназначались для финансовых учреждений, 0,3 — для промышленности и добычи полезных ископаемых, 22,4 — для раз-

вития электроэнергетики и связи, 19,1 — для транспорта, 21,8 — для нужд образования, 4,6 — для развития сельского хозяйства и естественных ресурсов, 0,3 — для развития сельских районов, 11,9% — для здравоохранения и санитарии. «Предынвестиционное» содержание «займов развития» неоспоримо, они имеют целью превратить отдельные районы Африки в плацдармы частного инвестирования, в районы, «готовые» к «рентабельной» эксплуатации со стороны монополий.

К тому же «займы развития» являются орудием жесткого политического давления. Бывший советник президента Кеннеди А. Шлезингер открыто пишет, например, что заем Гане для создания плотины на реке Вольта рассматривался как средство завоевания «крупного плацдарма Запада в Гане»²³⁸, как средство беззащитной политической игры. УМР осуществляет вмешательство во внутренние дела стран-получательниц. Примером может служить Либерия, где существует совместная либерийско-американская комиссия экономического развития, созданная как неотъемлемая часть программы УМР. На деле заседавшие в ней чиновники УМР командуют экономикой страны и по собственному усмотрению распределяют ассигнованные Либерии средства²³⁹.

Империалистическое своекорыстие американской «помощи» очевидно. Недаром А. Гарриман называл ее «фондом помощи самой Америке»²⁴⁰.

«Помощь» — ни в коей мере не жертва для империалистов. По своей сути она такое же капиталовложение в целях извлечения прибыли, как и частное инвестирование. Разница лишь в том, что в данном случае инвестирование осуществляется в совокупных интересах класса монополистической буржуазии, а основной «дивиденд» заключается в сохранении и упрочнении условий господства данного класса в масштабах мировой капиталистической системы.

«Я думаю, — говорил конгрессмен Б. О'Хара, — что все деньги, направляемые нами в Африку, возвратятся к нам — возвратятся сторицей», ибо, «инвестируя в Африке, мы инвестируем в будущее Соединенных Штатов»²⁴¹. Неоколониалистская сущность «помощи», ее роль орудия «взаимозависимости», перечеркивающей национальную

независимость, остаются неизменными при любых организационно-технических изменениях в самой машине предоставления «помощи». Красноречива констатация редактора одного из крупнейших американских издательств П. Ритнера. США, говорит он, всегда руководствовались исключительно «исторической формой, характером и интересами нашей собственной экономической системы». «Никогда, — добавляет он, — не считалось, что эти деньги предназначены для „экономического развития“, которое само по себе оправдало бы программы помощи. Если благодаря данным затратам и приобретает что-то, то это что-то отвечает целям нашей национальной политической стратегии»²⁴².

Этим, пожалуй, сказано все.

„Развитие“ как отрицание развития

При ознакомлении с работами американских буржуазных экономистов, социологов, журналистов, посвященных проблематике развивающихся стран, складывается впечатление, что они совершают некий акт саморазоблачения, когда пытаются нарисовать будущее «третьего мира», «вершины прогресса» на основе империалистических концепций развития.

Казалось бы, предлагая свой рецепт (частное предпринимательство + иностранные инвестиции + «помощь»), творцы вашингтонской политики должны были бы предсказать такие его последствия, которые были бы привлекательны для тех, кому он прописывается. Ведь этот рецепт повсюду рекламируется ими как лучший, если не единственный, метод экономического прогресса. Но когда затрагивается вопрос о том, куда он может привести, его защитники после многих нарочитых недомолвок не могут предложить ничего, кроме весьма отдаленной и неверной перспективы слабого, относительного, поверхностного экономического роста, никак не решающего проблему экономической независимости развивающихся стран. В конечном счете выясняется, что авторы и защитники данного рецепта «развития» и не имеют в виду действительного развития своих «пациентов». Они имеют в виду лишь некоторое сглаживание наиболее вопиющих проявлений нищеты африканских стран при сохранении всего фундамента зависимой экономики.

Американские империалисты предлагают такие меры развития, которые ограничиваются стимулированием частнокапиталистических тенденций в африканских странах (и, стало быть, ведут к усилению их зависимости от иностранного капитала). Но в их предложениях нет ни количественных прикидок роста, ни указаний на те качественные сдвиги, которые следует произвести в экономике, чтобы избавить ее от уродливого наследия колониализма.

В 1958 году проф. Д. Ноймарк, оценивая перспективы развития Африки, утверждал, что они целиком зависят от возможностей удовлетворять потребности «современного мира» в минеральных и тропических продуктах. Такова, собственно, суть американского подхода к развитию Африки — экскавация недр континента на потребу иностранных монополий. От этой «идеальной» схемы американские империалисты отступают лишь в той мере, в какой становится политически опасно противиться требованиям освободившихся народов Африки и в какой сама экспансия монополий требует внесения корректив в данную схему.

В 1955 году специальная комиссия под руководством Э. Гувера представила конгрессу доклад, один из выводов которого гласил: «В странах азиатско-африканской дуги, возможно, за исключением Японии, не должны осуществляться крупные промышленные проекты и не должны сооружаться крупные промышленные предприятия... Вся промышленная помощь этим странам должна быть ограничена мелкой промышленностью»²⁴³. «Помощь», следовательно, стратегически предназначена как раз сковать и дезорганизовать подлинный промышленный рост стран Африки. Влиятельный журнал «Рипортер», отражающий настроения «либеральных» правящих кругов США, требовал «удержать африканских руководителей правительственного ранга... от экономических глупостей» вроде создания металлургических заводов; пусть займутся «индустриализацией», вершиной которой является «создание фабрик электрических фонариков»²⁴⁴.

Некую квинтэссенцию американских империалистических идей «развития» излагает тот же П. Ритнер. Чтобы доходчивее показать, как следует это «развитие» понимать, он рисует следующую преднамеренно примитивную картинку: «Пылкий молодой человек появляется в

каком-то спящем районе и открывает там страховую контору. Проходит несколько месяцев, и там же появляется его брат, плотник. Затем какой-то нью-йоркский банк учреждает здесь свой филиал. Кто-то другой создает городскую прачечную. Струю оживления вносят клубы и прессы. Сюда начинают стекаться люди, на добровольной основе возникает школьное обучение, и через 15 лет район становится «развитым» (и все дела вершатся средним классом предпринимателей, который сделал из района то, чем он стал)²⁴⁵. Как видно, само представление о развитии не идет дальше насаждения муравейников мелкого предпринимательства; это «развитие» в масштабах прачечной и обязательно под контролем какого-то «нью-йоркского банка» (!); это не капитализм в современных формах, а капитализм мелких хозяйчиков, расширяющий базу иностранного империалистического господства.

О промышленном развитии стран Африки в США говорят постоянно. Но в конечном счете там имеют в виду именно это ущербное псевдоразвитие, ведущее лишь к соответствующему повышению покупательной способности развивающихся стран в том объеме, какой нужен монополиям для усиления их торгово-промышленной экспансии, как об этом твердили Ю. Блэк, видный дипломат США А. Джонсон, директор Спецфонда ООН П. Гофман и др. Американские империалисты не мыслят, чтобы страны Африки из покупателей товаров монополий превратились в их производителей. Порой американские авторы ратуют за создание в развивающихся странах таких отраслей промышленности, как, например, текстильная. Почему? Потому, разъясняют они, что это увеличит их покупательную способность, а главное — заставит их увеличить импорт из США оборудования для текстильной промышленности²⁴⁶. Вынужденные считаться с объективным фактом индустриального роста ряда афро-азиатских стран, например, Индии, американские правящие круги тем не менее никогда не выступают в защиту целесообразности полнокровной индустриализации данных стран, особенно в форме развития государственного сектора экономики. Они отстаивают такую ограниченную индустриализацию, которая целиком оставалась бы делом иностранных монополий и закрепила бы их глобальную промышленную автократию.

Все американские схемы «индустриализации» Африки вращаются вокруг двух ее «фокусов»: с одной стороны,

производство потребительских товаров (текстиль, мебель, продовольствие, обувь и т. д.), с другой — переработка местного сельскохозяйственного сырья. Схемы не предусматривают полнокровной индустриализации крупных стран вроде Конго или в рамках межгосударственных региональных связей.

Чтобы понять, в каком направлении работает мысль американских «опекунов» Африки в кардинальном вопросе экономического развития стран континента (имеющем смысл только при постановке задачи экономического освобождения), проанализируем проект, предлагаемый видным американским африкановедом А. Ривкиным (этот проект стал в дальнейшем известен на Западе как «план Ривкина») ²⁴⁷. Он избегает всяких конкретных наметок роста, не говорит об объеме и содержании соответствующей помощи, не выдвигает план практических мероприятий. Единственная цель плана — связать в один узел все механизмы политического и экономического влияния империализма в Африке (подключив к ним даже ЭКА ООН), организационно координируя их деятельность через Организацию экономического сотрудничества и развития и обеспечивая таким образом согласованную деятельность бывших метрополий, а также США, Британского содружества, Австралии, Японии, Израиля, Швеции и Швейцарии для закрепления неизменности сложившейся системы эксплуатации африканских стран и оставшихся колоний. А. Ривкин предлагает включить их в ОЭСР «в такой форме отношений, которая *вырабатывается вместе с метрополиями* (курсив мой.— В. Ф.)» ²⁴⁸.

По А. Ривкину, ОЭСР должна в довольно рыхлой форме вобрать в себя комитет по заморским территориям бывшей Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), Европейское управление производительности ОЕЭС, группу «помощи на цели развития» (10 стран), установить органическую связь с ЕЭС и его «фондом развития», а также с ЕАСТ, включить в свою систему Комиссию технического сотрудничества в Африке к югу от Сахары, специальную программу помощи Африке Британского содружества наций и т. д. Вся эта громоздкая машина должна работать под контролем США (она, говорит автор, «облегчит» для США вторжение в Африку под видом «помощи») в духе «плана Колombo» или, еще лучше, в духе ОЕЭС периода «плана Маршалла». Координация нужна для обеспечения «вза-

имозависимости», для усиления империалистического влияния в Африке, а никак не для реальной помощи ее странам. Сам Ривкин не избегает вполне ясных намеков на это. «Фактически это (его схема. — В. Ф.), — заявляет он, — дает возможность *продолжать без серьезных нарушений* большей частью, если не целиком, плодотворные экономические связи, *уже установившиеся между европейскими и африканскими районами*. Эти отношения включают значительный поток капиталов — государственных и частных — из метрополий в африканские страны, как и *обратный поток дивидендов и прибылей от частных инвестиций* (курсив мой. — В. Ф.)»²⁴⁹. Итак, суть дела сводится к такому «развитию» Африки, которое совершенствует механизм ее эксплуатации и превращает «помощь» в предпосылку новых дивидендов и прибылей монополий!

«Развитие» по-американски предполагает превращение африканских стран не более чем в экономические единицы, достаточно «развитые» с точки зрения современных требований империалистической эксплуатации. И закономерен отпор американским концепциям даже в африканских странах прозападной ориентации. В отчетах ЭКА ООН зафиксировано, например, единодушное мнение стран Африки, которое гласит: «Было бы в высшей степени неправильно понимать индустриализацию как исключительно создание маломасштабных отраслей мелкой промышленности. С самого начала Африка должна стремиться к созданию хорошо оснащенных стратегических отраслей индустрии»²⁵⁰. Программы «ущербного», «дозированного» капитализма должны, по мнению Вашингтона, органически подчинить Африку «атлантическому сообществу», американскому империализму.

ГОСДЕПАРТАМЕНТ ДЕЙСТВУЕТ

Новая дипломатическая орбита

После освобождения Африки американскому империализму пришлось существенно перестроить свой внешнеполитический аппарат. Появление новых африканских стран, заявляет госдепартамент, «потребовало исключительных усилий, чтобы приспособить политику и действия США к новым условиям»¹.

До середины 50-х годов США «никогда не имели позитивной, динамичной политики для Африки»². Колониальный статус-кво расценивался ими как нечто раз навсегда данное, благодаря чему решались вопросы и об империалистическом грабеже континента, и о втягивании его в сферу «холодной войны». Внешнеполитическая установка в отношении Африки негласно основывалась на принципе: «Африка не участвует непосредственно в большой международной политике, она не более чем ее объект»³.

С освобождением Африки африканское направление во внешней политике США становится весьма активным. Если в 1939 году США располагали в Африке 15 дипломатическими точками, в 1959 году — 26, то в июле 1961 года они имели на континенте 28 посольств, 11 генконсульств, 9 консульств, одно отделение посольства и одно консульское агентство в 37 странах. Общее число дипломатов США в Африке в это время составляло 1359 человек против 500 в 1959 году. К 1967 году дипломатический корпус США в Африке насчитывал 1500 человек⁴. Ряд посольств США в Африке стали мощными бюрократическими машинами: так, посольство в Лагосе вместе с представителями УМР и ЮСИА насчитывало 300 сотрудников.

Африканские службы в системе госдепартамента возникли во время второй мировой войны, но активная разработка рекомендаций в этом направлении проводится в 1955—1960 годах Ф. Болтон, У. Раунтри, Р. Никсоном, А. Гарриманом, Л. Гендерсоном и др. Суть их, по словам Р. Никсона, сводилась к тому, чтобы «обеспечить самое сильное дипломатическое и консульское представительство США в странах Африки»⁵. В 1958 году появляется самостоятельное бюро по делам Африки во главе с назначаемым президентом помощником государственного секретаря (пост этот занимали последовательно Дж. Саттертуэйт, М. Уильямс, Дж. Палмер). В 1964 году был учрежден пост заместителя помощника государственного секретаря, ведающего экономическими проблемами Африки. В госдепартаменте имеется также управление исследования и анализа африканских проблем, входящее в состав бюро разведки и исследований, с задачей «изучения последствий политических альтернатив». Важнейшие проблемы выносятся на созданный в 1947 году Национальный совет безопасности во главе с президентом США.

При Дж. Кеннеди активизация дипломатии США в Африке приобрела черты форсируемой кампании, проводимой при опоре на специальную группу «таск форс», состоящую из 40 африкановедов. Эта группа стала консультативным советом неправительственных специалистов, постоянно участвующих на совещаниях в госдепартаменте. Дипломаты-африкановеды подготавливаются на специальных годовых курсах.

С середины 50-х годов отделы, бюро и секции по африканским делам создаются в министерствах обороны, труда, торговли, здравоохранения, сельского хозяйства и в других правительственных ведомствах. Бурную активность в области африканской проблематики развил конгресс США, особенно африканские подкомитеты комитетов по иностранным делам как сената, так и палаты представителей. Сенат прославился, в частности, как центр колонизаторского лоббизма («катангские лоббисты», «португальские лоббисты»). Конгресс направил на африканский континент специальные миссии, результатом деятельности которых были рекомендательные доклады относительно политики США в Африке, выдержанные в духе «холодной войны», антикоммунизма и описанного выше «сближения с национализмом»⁶. Для уточнения различных аспектов политики США в Африке проводят-

ся региональные совещания глав миссий, аккредитованных в странах Африки.

Подъем национально-освободительного движения в Африке послужил одним из толчков для такой общей реорганизации внешнеполитического аппарата США, которая определялась целями установления прочного контроля над «третьим миром» вообще. Цели эти с неподражаемым цинизмом раскрыл руководитель отдела международных организаций в госдепартаменте Х. Кливленд. Он призвал использовать «нашу проникающую повсюду секретную разведывательную службу», чтобы «создать среди 1,25 млрд. жителей слаборазвитых стран такие оплоты мощи, которые могут прямо быть преобразованы в правительственные ведомства». Это откровенная квалификация дипломатии как орудия насаждения режимов-сателлитов агентурными методами.

Диверсионная дипломатия облеклась в организационные формы при Л. Джонсоне. 4 марта 1966 г. он издал директиву, основанную на рекомендациях четырех межведомственных комиссий, изучавших под руководством генерала М. Тэйлора методы борьбы против национально-освободительных движений в 90 странах. Директива поручала государственному секретарю добиваться создания в развивающихся странах «эффективных систем правления», отвечающих требованиям американского империализма.

Для осуществления новой координирующей функции государственный секретарь опирается на Высшую межведомственную группу, которая руководит деятельностью региональных межведомственных групп во главе с «директорами по делам стран». В группе Африки учреждены посты директоров по делам: Алжира — Ливии — Марокко — «испанской» Сахары — Туниса; Эфиопии — Сомали — Судана; Конго (Киншаса) — Конго (Браззавиль) — Руанды — Бурунди — Малагасийской Республики — острова Маврикий; Кении — Танзании — Сейшельских островов — Уганды; Южной Родезии — Малави — Замбии — Анголы — Мозамбика; Южной Африки — Юго-Западной Африки — Басутоленда — Бечуаналенда — Свазиланда; Гвинеи — Гамбии — Мали — Мавритании — Сенегала — «португальской» Гвинеи; Ганы — Либерии — Нигерии — Сьерра-Леоне; Берега Слоновой Кости — Нигера — Верхней Вольты — Дагомеи — Того — Центральноафриканской Республики — Камеруна — Чада — Габон

на. Предназначение этой громоздкой машины, тесно связанной с Пентагоном, — разработка и применение новейших методов подавления национально-освободительных движений во всех пунктах земного шара, во всех его формах, на всех этапах его зарождения и развития. Американская дипломатия открыто призвана, таким образом, решать задачу лишения народов подлинной независимости.

Стиль и методы дипломатии США характеризуются крайним лицемерием и фарисейством, противоречивостью официальных деклараций реальным делам. Устоявшийся метод американской дипломатии в Африке — засылка на континент большого числа государственно-правительственных миссий. Что примечательно, все они называются «инспекционными», «осведомительными», направляемыми в страны Африки для «расследования вопросов коммунистического проникновения», для «инспектирования программ американской помощи», для «выяснения взглядов африканских руководителей на мировые дела», для «ознакомления с прогрессом африканских стран», а то и просто для «проверки способностей африканцев к прогрессу», как если бы африканские страны были не суверенными государствами, а штатами США. Важнейшими были миссии сенаторов Ф. Чёрча, Г. Макги и Ф. Мосса (16 стран в 1960 г.); конгрессменов Б. О'Хара, А. Карнагана, Ч. Диггса, У. Мэрфи и М. Фейгана (8 стран в 1960 г.); сенаторов А. Гора, Ф. Харта и М. Нойбергер (16 стран в 1961 г.); А. Гарримана (8 стран в 1960 г.), дипломата-разведчика Л. Гендерсона (20 стран в 1960 г.); 14 поездок М. Уильямса в 1961—1966 годах. А. Гарриман, например, «изучал вопрос о проникновении коммунизма в Африку», а Л. Гендерсон решал вопросы расширения дипломатического представительства и принятия мер, предотвращающих «опасность» (!) выбора странами Африки нейтралистского курса.

Получила развитие и «личная президентская дипломатия», начавшаяся грандиозным приемом 14 декабря 1960 г. в Белом доме в честь 15 глав африканских стран. С 1961 по 1967 год президенты США лично приняли 40 президентов и премьер-министров африканских государств⁷. Правительство Л. Джонсона попыталось оживить «личную дипломатию» с 1966 года.

Вся политика США в Африке облекается в защитный покров антикоммунизма. По определению А. Ривкина, «политика сдерживания коммунизма» является «основной причиной сохранения хотя бы второстепенного интереса США к Африке»; она направлена на «заполнение опасного вакуума», возникающего при ослаблении влияния колониальных держав⁸. В этой трафаретной трактовке — двойная утонченная ложь: на самом деле под флагом антикоммунизма проводится курс США на укрепление в Африке в первую очередь неоколониалистской системы империализма в целом, а вместе с тем защитная доктрина «второстепенного интереса» используется для обеспечения собственных экспансионистских вожделений США, для вытеснения союзников-конкурентов под предлогом «спасения» их позиций от «коммунистического наступления».

Колониализм под забралом

Исходная позиция США в африканских проблемах — отстаивание колониализма, и это не только не противоречит общему определению их политики как неоколониалистской, но и полностью отвечает ее сущности. Важнейшим фактором сохранения выгодного ему баланса сил империализм считает максимальное притормаживание и ограничение самих актов «деколонизации», укрепление важнейших плацдармов колониализма как постоянного орудия «сдерживания» независимой Африки.

В стратегии США принцип «признания национализма» является данью исторической неизбежности освобождения колониальных народов, но само это освобождение мыслится лишь как всемерно оттягиваемое последствие такого предварительного сопротивления колониализма, которое достаточно длительно, чтобы осуществить «деколонизацию» без устранения колониальных порядков, преодолев революционную энергию народов различными маневрами.

С середины 50-х годов, а точнее с начала 60-х годов, принцип африканского самоопределения начинает фигурировать во внешнеполитическом активе США, потому что отныне вне признания данного принципа уже невозможно подобрать ключ к результативной политике на освобождавшемся континенте. Но отстаивание колониали-

лизма при максимальном использовании «теории неподготовленности» колониальных народов к независимости осталось в арсенале американской внешней политики.

В ноябре 1961 года на XVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН представитель США Дж. Бингхэм дал следующую формулу американского понимания «деколонизации»: «Мы предпочли бы видеть лидеров и народы Африки постигшими реальности независимости со всем напряжением, которого она требует, и со всеми задачами создания институтов, которых она требует, нежели удовлетворенными пустым и стерильным представлением о независимости без понимания этих реальностей... Чтобы быть свободной, нации требуются две вещи: она должна иметь в своих, а не в чужих, руках право принимать решения. И, что не менее важно, ее народ и ее лидеры должны располагать знаниями и опытом, которые единственно приводят к способности принимать решения»⁹. Взятая без дипломатического шифра, эта формула означает, что лишь готовность к неоколониалистскому компромиссу свидетельствует о «способности принимать решения» и что следует отказываться в независимости народам, которые в этом смысле проявляют «строптивость». Когда народы вырывают свободу из рук угнетателей, остается, конечно, признать этот факт. Но тогда вместе с колонизаторами США делают все, чтобы помешать им обрести подлинную независимость.

История отношений США с Африкой была нараставшим по наглядности выявлением колонизаторской сущности их политики, особенно на сессиях Генеральной Ассамблеи, сыгравших, по признанию В. Маккея, «важную роль в создании картины, изображающей США поборником колониализма»¹⁰.

Подлинный суд над колониализмом состоялся в 1960 году на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 14 декабря 1960 г. была принята историческая Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, инициатором которой был Советский Союз: советский проект послужил основой окончательного проекта 43 стран. Отметая колонизаторскую «теорию неподготовленности» к независимости, Декларация требовала передачи всей власти народам колониальных территорий «в соответствии со свободно выраженными ими волей и желанием, без каких бы то ни было условий или оговорок»¹¹.

Против этой новой хартии свободы открыто не решилось выступить ни одно государство. Но США ясно выразили отрицательное отношение к Декларации, воздержавшись от голосования вместе с семью колониальными державами и марионеточным правительством Доминиканской Республики. Соучастие США в колониалистской коалиции было продемонстрировано наглядно, поскольку позицию США по Декларации определил лично президент Д. Эйзенхауэр в ответ на соответствующую просьбу Г. Макмиллана¹².

Взаимодействие афро-азиатских и социалистических стран на сессии в вопросе о ликвидации колониализма вызвало заметное раздражение в правящих кругах США. «Уолл-стрит джорнэл» с тревогой отмечала, что позиции двух групп стран в этом вопросе совпадают «почти пункт за пунктом»¹³, а реакция официального Вашингтона свелась к предостерегающим упрекам по адресу стран Африки. Специальный помощник президента США М. Банди позволил себе намекнуть на «безответственность» африканцев и на то, что для них «цена безответственного голосования может оказаться высокой»¹⁴.

На XVI сессии Генеральной Ассамблеи в конце 1961 года представитель США Дж. Бингхэм попытался создать впечатление, будто США учли дух времени и «присоединились к принципам исторической Декларации». Но выдвинутые им оговорки сводили на нет данное заявление. Из его разъяснений вытекало, что «деколонизация» должна быть «самоликвидирующимся процессом», в который ООН не имеет права вмешиваться, предоставив проблему освобождения колоний на усмотрение колонизаторов.

На последующих сессиях Генеральной Ассамблеи США не поддерживали в полном объеме требования африканцев при решении колониальных проблем. Не рискуя открыто выставлять себя адвокатом колониализма, США почти всегда воздерживались от голосования по резолюциям, осуждавшим колониализм и требовавшим принятия решительных мер против колонизаторов, призывая фактически к колониальным державам. В отношении резолюций, которые особенно больно били по колониализму (требование расследования деятельности монополий на колониальных территориях, принятие экономических санкций против колонизаторов и т. д.), США занимали открыто отрицательную позицию.

Болезненные для Запада колониальные вопросы США пытались утопить в разного рода антисоветских кляузах. Потеряв чувство равновесия под огнем критики американской политики отстаивания колониализма и агрессии во Вьетнаме, американский представитель А. Голдберг на XX сессии Генеральной Ассамблеи не нашел ничего лучшего как обрушиться на национально-освободительные движения вообще, квалифицируя их как «подрывную деятельность», «главное средство вмешательства» и «угрозу миру». После этого дипломатия США потерпела одно из своих самых серьезных поражений. Ассамблея признала законной и справедливой борьбу народов за свободу и независимость, а политику колониализма и расовой дискриминации — незаконной и преступной. Она предложила оказывать материальную помощь национально-освободительным движениям и осудила деятельность международных монополий, потребовав прекращения этой деятельности.

Особенно в ООН спекулировали США игрой на фальшивом «антиколониализме». Но именно материалы ООН и позволяют обнаружить полное расхождение американской пропаганды с колонизаторской сущностью их политики.

Пробным камнем политики США были две крупные колониальные проблемы: алжирская, разрешившаяся в 1962 году победой народа после семи с половиной лет войны, и южнородезийская, превратившаяся в «раковую опухоль» Африки с распадом Федерации Родезии и Ньясаленда 31 декабря 1963 г. При решении этих проблем Вашингтон продемонстрировал верх лицемерия.

Авторы доклада Северо-западного университета об Африке отмечали: «Случай с Алжиром ставит перед нами нашу классическую дилемму в наиболее острых очертаниях»¹⁵. Они хотели сказать, будто США в принципе за независимый Алжир, но были связаны обязательствами с колониальным союзником. Это — искажение существа дела. Верна лишь ссылка на особую трудность этой обычной «дилеммы» — уловки в случае с Алжиром. Здесь волеизъявление колониального народа вылилось в суровую освободительную войну, и Соединенные Штаты потеряли почву для обычной игры в абстракцию са-

моопределения, а разговоры о «сочувствии национализму» заглушались американским оружием, уничтожавшим алжирцев.

На деле «дилеммы» не было: США оставались солидарными с колониальной державой, пока Алжир не завоевал свободу вопреки усилиям не только Франции, но и НАТО. Не говорит о наличии «дилеммы» и то, что на завершающей стадии войны Вашингтон пошел на скрываемые от общественности контакты с Национальным фронтом освобождения и Временным правительством Алжирской Республики. Причиной контактов было то, что победа алжирского народа вырисовывалась все более ясно. Своими запоздалыми жестами США надеялись побудить Алжир занять прозападные позиции после освобождения, потеснить Францию в нефтеносной Сахаре и избежать полного падения своего престижа, запятнанного военной поддержкой колонизаторов. Kontakтами с алжирским руководством США хотели побудить его на неокOLONиалистский компромисс, который привел бы к усилению американского влияния в Алжире. Это доказывает первая же встреча посла США в Тунисе У. Уолмсли с представителями ВПАР Бусуфом и Язидом. Посол убеждал их «спокойно» сесть за стол переговоров, когда Франция думала ввести в игру проколониалистское националистическое движение во главе с М. Хаджем. Выступая в Тунисе 18 октября 1961 г., М. Уильямс ратовал за урегулирование на основе «уважения законных прав всех заинтересованных сторон»¹⁶, то есть принятия французских требований. США добивались такого эпилога алжирской драмы, который бы четко ограничивал независимость Алжира принципом «взаимозависимости».

Этой дипломатической возне предшествовала и затем параллельно с ней продолжалась военная поддержка колониальной армии Франции в Алжире, включавшая поставки самолетов, вертолетов, горючего, прикомандирование американских военных инструкторов, предоставление займов и т. д. При обсуждении алжирского вопроса в ООН США зарекомендовали себя «верным союзником» Франции¹⁷.

Показательно и сопротивление США любым решительным мерам, направленным на прекращение узурпаторской власти эксплуататорского белого меньшинства в Южной Родезии, власти, которая является специфической формой колониализма.

Здесь, как и в отношении ЮАР, исходной позицией политики США послужил расистский в своей сущности принцип «партнерства рас», выдвинутый ранее местными расистами. Разъясняя идею «партнерства», они заявляли, что в очень отдаленном будущем африканцам будет пожаловано «равенство» — не каждому из них, а как общине в целом. Правящие круги США не возражали против такой постановки вопроса; они лишь говорили, что было бы желательно «ускорить» реализацию идеи партнерства. Все это резко противоречило лозунгу африканского большинства: «Один человек — один голос». В конце концов Вашингтону пришлось признать справедливость африканских требований. Но это признание отнюдь не воплотилось в практические действия против расистов.

В ЮАР и в Южной Родезии колониальная эксплуатация находит концентрированное выражение и закрепляется в различных формах абсолютизированного расового неравенства и подчинения. Условием ее ликвидации является установление власти африканского большинства, и ничто иное. Но в Вашингтоне призывали лишь к достижению несбыточной «отлаженности» расовых отношений на базе такого «урегулирования», которое не задевало бы интересов, богатства и привилегий белой общины, а вместе с тем и всей системы колониально-капиталистической эксплуатации, покоящейся на режиме расизма и апартеида.

Правящие круги США хотели бы сохранить неизменными основы функционирования международных монополий в главном районе их капиталовложений — в Африке. Они фактически потакали расистским порядкам в Южной Родезии, прикрываясь «новым политическим аргументом», или «аргументом в пользу «градуализма» (постепенности изменений.— В. Ф.), который отстаивается на том основании, что возникновение беспорядков отпугнет капиталовложения из-за границы»¹⁸. Под «беспорядками» понималось национально-освободительное движение, а под «порядком» — его свертывание и бесконечно покорное ожидание африканцами «просвещенной эволюции» расистских режимов. В позиции США чувствуется не столько желание покончить с расистской властью, сколько раздражение «самоуправством» расистов, их «выходом из повиновения», их отказом от верховного суверенитета Англии над Южной Родезией. Дескать, если бы они по-прежнему соглашались прикрываться английской

коронай, существующие в Южной Родезии порядки не предстали бы перед всем миром в столь обнаженном виде и все было бы хорошо...

В данном случае, как и вообще, империализм США претендует на роль некоей «третьей силы», заигрывая с националистами и доводя дело до самых резких показных стычек с веленскими и смиртами. Бывший представитель США в ООН А. Голдберг и его заместитель У. Баффэм дали, можно сказать, образцы ораторского красноречия, осуждая режим Яна Смита с трибуны ООН. Так, например, в связи с одной из казней африканских патриотов в Южной Родезии У. Баффэм произнес поистине гневную речь, клеймившую «драконовскую власть» Смита в крайне резких выражениях¹⁹. Но от подобных словесных осуждений мало проку, поскольку они расходятся с фактической политикой США.

Еще в 1962 году М. Уильямс разъяснял, что «надеждой» США является создание «многорасовых сообществ», не затрагивающих социально-экономическую структуру колониальной эксплуатации. По его словам, «как африканцам (!), так и европейцам» следует «проделать работу, которая должна быть проделана... Наша политика должна содействовать достижению гармонии среди всех народов континента любым путем, каким этого можно достигнуть»²⁰. Здесь не имелась в виду та «работа», которую африканцы «проделывали», поднимаясь на борьбу и выдвигая свои требования в ООН. Имелась в виду их отказ от активной борьбы, принятие неоколониалистского «градуализма».

Преемник М. Уильямса на посту помощника государственного секретаря по делам Африки Дж. Палмер заявлял, что в отношении Южной Родезии США всегда оставались в рамках того, что «ясно санкционируется американским правом и Уставом ООН»²¹. В такой именно форме он был вынужден признать очевидное расхождение позиции США с позицией большинства стран — членов ООН, требующих решительных коллективных мер против режима Яна Смита.

Монополии США продолжают торговлю с Южной Родезией, и это одно перечеркивает американские речи в ООН. В формальном запрете министерства торговли США на свободную торговлю с Солсбери от 18 марта 1966 г., по меткому замечанию В. Перло, было столько же дыр, сколько в швейцарском сыре. Любая американская

компания в Южной Родезии могла приобретать все, что ей нужно, а большего, собственно, и не требуется²².

Англо-американская тактика заключается в том, чтобы заставить мировое общественное мнение свыкнуться с положением в Южной Родезии, а затем воспрепятствовать всякому обсуждению этой «устоявшейся» проблемы. Поэтому в США раздувалась версия об «эффективности» и «достаточности» английских «санкций» против Южной Родезии, объявленных вскоре после провозглашения независимости Южной Родезии 11 ноября 1965 г. Между тем английские «санкции» — это куцые, ничего не значащие меры, принимавшиеся для срыва более эффективных санкций ООН. Фарс с «санкциями» понадобился Англии и США, чтобы прикрыть пособничество расистам и заблокировать инициативу африканцев в ООН. Недостойная ложь о них была разоблачена самим Яном Смитом, заявлявшим, что южнородезийцы «смеются над английскими санкциями»²³.

16 декабря 1966 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию об ограниченных санкциях в отношении Южной Родезии, которая предусматривала, в частности, запрет импорта из этой страны. Однако в результате действий международных финансовых кругов, выступающих в поддержку расизма и колониализма, эти санкции не дают никакого эффекта (попросту обходятся), и через полтора года не кто иной, как У. Баффэм, вынужден был констатировать с трибуны ООН, что они «не достигли желаемой цели»²⁴. Тем не менее он предложил «продолжать выполнять» указанную резолюцию Совета Безопасности и... поддержать английские предложения о «консультациях» с Солсбери, которые сами по себе были нарушением обещания со стороны Англии не иметь никакого дела с расистами как с «мятежниками».

Резолюция, принятая Советом Безопасности 29 мая 1968 г., требовала уже прекращения всякой торговли с Южной Родезией. Это была первая резолюция Совета по данному вопросу, получившая всеобщее одобрение: Англии и США уже невозможно противиться законным требованиям африканцев. Но западные монополии обходят и эту резолюцию. Они всемерно поддерживают Южную Родезию, которая, в частности, развивает текстильную промышленность с помощью современных машин, полученных из США²⁵.

Устами А. Голдберга США определили свою позицию

в южнородезийском вопросе следующим образом: «Мы оказывали и будем оказывать нашу полную поддержку усилиям Соединенного Королевства...»²⁶. Но Англия, как известно, проделала путь явного предательства африканских интересов, следуя которому она пришла от категорических обещаний в ноябре 1965 года не иметь дела с расистами и наказывать их к постыдным переговорам со Смитом в октябре и ноябре 1968 года. Целью этих переговоров, как указывалось в Заявлении ТАСС от 6 декабря 1968 г., была «легализация власти расистского белого меньшинства за счет интересов четырехмиллионного народа Зимбабве, составляющего коренное население страны... Речь идет о завершении той политики, которую Англия проводила в отношении этого режима за последние три года, добиваясь его узаконения»²⁷.

За пределами небоскреба на Ист-ривер расисты ощущали и непосредственную политическую поддержку Вашингтона. В декабре 1965 года США признали новое правление Резервного банка Южной Родезии, а в феврале 1966 года разрешили ей открыть информационное бюро в Вашингтоне.

По отношению же к освободительному движению народа Зимбабве США занимают уклончивую позицию, подталкивая его на неоколониалистский компромисс с расистами. Дж. Палмер заявил: «Африканское сообщество в Родезии должно найти средства для преодоления расхождений в своих рядах и образовать сильное и мудрое руководство, которое будет сотрудничать в обеспечении интересов страны»²⁸. Из этого заявления правящих кругов США ясно, что они используют факт разногласий в национально-освободительном движении Зимбабве для отказа ему в прямой поддержке, недовольны тем, что лидеры абсолютного большинства сил освобождения вступили в активную борьбу против расистского режима, добиваются такой реорганизации руководства национально-освободительным движением, когда в нем возобладает соглашательское крыло, способное на «сотрудничество» с силами расизма и колониализма. Дж. Палмер подчеркивал также, что США вовсе не требуют (!) немедленного установления власти большинства в Южной Родезии²⁹.

Словом, позиция правительства США, весьма «антиколониальная» в своем официальном словесном выражении, на деле резко расходится с требованиями народа

Зимбабве и африканских стран. Это дало основание президенту Кении Джомо Кениате заявить в ноябре 1968 года, что «американское правительство недавно отказалось поддержать доводы африканских стран в ООН, что независимость Зимбабве может быть провозглашена лишь на основе правления большинства».

Подлинную сущность тактики как Англии, так и США уже давно и точно раскрыла газета «Файнэншл таймс». «Если Англия и ее друзья,— писала газета,— не смогут или не пожелают (!) привести Смита в чувство за полгода или за год, Южная Родезия может быть признана де-факто, как была признана Катанга»³⁰. Вот как несложно открывается ларчик колониальной политики!

Доказательством безусловности американского выбора в пользу колониальной державы независимо от официальной внешнеполитической позиции были события, связанные с нападением Франции в июле 1961 года на Тунис в ответ на требования этой страны эвакуировать французскую базу из Бизерты. Это было экстраординарное испытание для политики США, а также и для слепой веры в их «антиколониализм».

Неспровоцированному нападению подверглось государство, суверенитет которого не только недвусмысленно был признан Соединенными Штатами, но и считался ими образцом для «третьего мира». Следуя линии «бургибизма», Тунис не делал секрета из своей неукоснительно прозападной позиции и рассчитывал на признательность США как «лидера свободного мира» в решающий час защиты своих национальных интересов. Всем буржуазно-националистическим лидерам антиколониальной борьбы в Африке Бизерта должна была дать ответ на вопрос о том, можно ли, занимая прозападные позиции, надеяться на сочувствие США при посягательстве стран НАТО на национальные интересы их стран.

Ответ был ясным: нельзя. Тунисский официоз «Ас-Сабах» фактически признал крах «бургибизма» как политического рецепта для «третьего мира»: «То, что произошло в Бизерте и после Бизерты, показало сущность трагедии..., нанесло нам тяжелый моральный удар, убедив в вероломстве Запада и заставив серьезно подумать о новом курсе в интересах защиты себя и будущих поко-

лений от зла и заговоров Запада. Президент верил в провозглашенные Западом принципы, но теперь, когда стало ясно, что эти принципы существуют лишь на бумаге и служат для того, чтобы пускать пыль в глаза, это действительно является трагедией, если не катастрофой». Принципы американского «антиколониализма» раскрылись как допустимость лишь такой «независимости», которая сочетается с подчинением диктату колонизаторов НАТО.

США почти не колебались в том, чтобы принести в жертву данным «принципам» даже «бургибизм». В письме, направленном Хабибу Бургибе, Дж. Кеннеди писал: «...Я не нашел возможным публично занять по данному вопросу позицию, которая удовлетворила бы Вас. Я весьма сожалею об этом, но я надеюсь, что Вы поймете наши трудности, как и трудности Вашей собственной страны, в эти дни»³¹. Позднее Кеннеди разъяснял тунисскому эмиссару Б. Ладхаму, что западная солидарность должна быть безусловной и превалировать над всем, а Д. Раск заявлял сыну президента Туниса Х. Бургибе-младшему: «Не может быть и речи о том, чтобы мы публично заняли враждебную Франции позицию»³². Тунисцев призывали к «терпению» и «умеренности», игнорируя ту неумеренность, с которой Франция пролила тунисскую кровь на улицах Бизерты.

США удалось сорвать принятие Советом Безопасности ООН резолюции, требовавшей прекращения агрессии и немедленного вывода французских войск из Туниса. Их собственная контррезолюция требовала одинаково оценить действия агрессора и его жертвы. Затем США попытались сорвать созыв чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи по требованию 37 государств. Когда же в августе 1961 года эта сессия собралась, Э. Стивенсон проникновенно убеждал всех в том, что США — «старейшая антиколониальная держава», не сумев в то же время найти ни одного слова в осуждение колониальной агрессии. США требовали лишь, чтобы жертва агрессии была оставлена один на один с агрессором.

Особым коварством отличается курс США в отношении португальских колоний, где португальский фашизм ведет многолетнюю войну-геноцид.

Поддержка колониализма Англии и Франции Вашингтоном выражалась обычно в совпадении официальных курсов этих стран и США. Что же касается Португалии, то в марте 1961 года делегация США в ООН по указанию Дж. Кеннеди впервые проголосовала за резолюцию о применении к португальским колониям Декларации от 14 декабря 1960 г. и о расследовании событий на этих территориях. США заявили о признании принципа самоопределения для народов этих колоний, в то время как Португалия такой принцип полностью отрицает. Получается, что США «расходятся» со своим колониальным союзником. Но эта хорошо рассчитанная «верность принципу» только подчеркивает лицемерие американской политики.

Дело в том, что Португалия в отличие от более гибких английских и французских колонизаторов отказывается хотя бы обещать в отдаленном будущем независимость своим колониям и тем самым не дает США основания для действий в унисон с Лиссабоном. Кроме того, для доказательства мифа об «американском антиколониализме» правящие круги США решили «отыграться» на второстепенной союзной колониальной державе, не играющей самостоятельной роли в НАТО. В условиях освобождения Африки открытая солидарность с португальским колониализмом становилась просто невозможной в силу его особой дикости, закоснелости в средневековом варварстве.

При этом США заранее проверили реакцию Португалии на их пропагандистский трюк и заранее знают, что их поведение в ООН в духе словесного «антиколониализма» при противодействии всяким решительным мерам борьбы против Португалии и при фактической помощи португальским колонизаторам не будет содействовать падению кровавого владычества Португалии.

В американском «признании» самоопределения народов португальских колоний есть элемент, его перечеркивающий. Это — требование «мирного перехода», «эволюции в сторону самоуправления» по усмотрению самих колонизаторов. Когда же народы поднимаются на восстание, остающееся единственным средством освобождения, американская «теория» приходит в вопиющее противоречие с практикой.

Суть проблемы в том, что США и страны НАТО исходят из стратегической установки на сохранение колони-

альных режимов в Анголе и Мозамбике как барьера против африканского «ветра перемен», охраняющего от надвигающегося с Севера национально-освободительного движения основную вотчину колониальных монополий в Центральной и Южной Африке. Немалую роль играют и соображения монополистического капитала в отношении собственно португальских колоний, где он давно стал подлинным хозяином положения.

Номинально владея колониями, Португалия сама является колонией крупного иностранного капитала НАТО. Наряду с монополиями Англии, ФРГ и других стран здесь хозяйничают такие американские компании, как «Вестингауз электрик», «Дженерал тайр энд раббер», «Файрстон», «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Бетлехэм стил», «Юнайтед стейтс стил», «Армстронг корк компани» (контролирует торговлю пробкой — одним из основных экспортных продуктов) и др.

Еще больше засилье иностранного капитала в колониях Португалии. Сплетаясь в один узел с капиталом других стран НАТО, в них орудуют монополии США: «Стандард ойл» (Гвинея), «Галф ойл» (Ангола, Мозамбик, особенно анклав Кабинда), банк «Чейз нэшнл бэнк» (Ангола), банк «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» (Ангола), «Америкэн метал клаймикс» (Ангола и Мозамбик), «Дженерал моторз» (Ангола), «Юнайтед стейтс стил» (Ангола), «Пан-Америкэн ойл компани» (Мозамбик), «Чейз Манхэттэн бэнк» (Ангола) и др. Монополии США овладели большим числом акций железных дорог, ведущих к портам Лобиту, Бейра и Лоуренсу-Маркиш. Рокфеллеры являются совладельцами Бенгельской железной дороги, соединяющей медные копи Катанги с Лобиту. Подлинным владыкой Анголы является алмазная империя «ДИАМАНГ», а в ней американским акционерам (в основном банку Моргана и «Гэранти траст компани») принадлежат до 40% акций³³.

В колониях Португалии царит режим самой зверской, ничем не ограниченной (граничащей с рабством) эксплуатации местного населения. В 1957 году, например, основные колониальные компании в «португальской» Африке получили прибыли в среднем (!) по 49% на вложенный капитал³⁴. «ДИАМАНГ» при основном капитале 3587 тыс. ф. ст. в 1962 году получила общую прибыль 3111 тыс. ф. ст.³⁵ Прибыли, приносимые ничем не ограниченной эксплуатацией африканцев, побуждают пра-

вящие круги Вашингтона защищать на деле португальский колониализм с энергией, адекватной пылкости «антиколониальных» речей их представителей в ООН. «Какой шепетильностью ни обладали бы эти «любители свободы», — иронизировал негритянский журнал «Фридомуэйз», — она в значительной мере сводится на нет самой внушительностью прибылей»³⁶.

Для монополий почти всех стран НАТО защита португальского колониализма равносильна защите их собственных привилегий и владений. И такая защита — общий, скоординированный, неизменный курс правительств большинства стран НАТО. И наиболее существенна для португальских колонизаторов поддержка США.

Прежде всего это поддержка в форме прямой военной помощи. Одни поставки оружия из США в Португалию выразились за 1951—1961 годы в сумме 500 млн. долл.³⁷ После 1961 года США формально объявили о запрете поставок оружия Португалии без особых гарантий, что оно не будет использовано в «заморских территориях». Но поставки продолжают под видом «выполнения обязательств по линии НАТО», и, само собой разумеется, ничто не мешает Португалии использовать это оружие в колониальных войнах. Разоблачая неуклюжую уловку США, представитель Танзании в ООН в 1966 году говорил: «Кто поверит в невинность торговца, который заявляет, что он продает бандитам оружие только потому, что они поклялись не использовать его?» 31 июля 1965 г. Народное движение за освобождение Анголы опубликовало документ, изобличающий факт использования Лиссабонном оружия, полученного из США, ФРГ, Англии, Франции и Бельгии. Без помощи США Португалия, беднейшее государство Европы, не смогла бы вести войну, обходящуюся ей в 350 тыс. долл. в день.

Помимо поставок оружия Португалию выручают займы. Займы и кредиты предоставляются Португалии 60 банками Западной Европы и Северной Америки³⁸. Бизнес организует Португалии получение и государственных займов. В декабре 1963 года банки США дали ей 35 млн. долл. В 1963—1964 годах Португалией были получены 12,5 млн. долл. от МБРР. «Диллон-Рид инвестимент компани», давно известная как агент ЮАР на Уолл-стрите, «активно изучала» возможности изыскания займа для Португалии и «нашла» ей 20 млн. долл. Только в 1962 году Португалия получила в порядке помощи от

США 37 млн. долл., а в январе 1964 года — еще 20 млн. долл. ³⁹

Сохранение португальского колониализма как буфера против национально-освободительного движения, как фактора консервации системы колониальной эксплуатации в основных районах добычи сырья — один из составных элементов общей неоколониалистской стратегии США в Африке. Мнимое «расхождение» США с Португалией в данном случае приобретает характер целеустремленного маневра, рассчитанного на особую эффективность политики отстаивания колониальных режимов под маркой «антиколониализма».

„Осуждение“ апартеида и что за ним кроется

Во внешнем выражении политика США далеко ушла от тех (не столь уж давних) времен, когда американские дипломаты открыто поддерживали расистский режим в ЮАР. Но в существе своем эта политика поддержки расизма не изменилась.

Неизменная, хотя и маскируемая под воздействием национально-освободительной борьбы, поддержка расистов создает самое непримиримое и потенциально взрывное противоречие между США и независимой Африкой. В ЮАР все более зловещие очертания приобретает система апартеида — оголтелой расовой сегрегации и дискриминации, уникального в своем проявлении колониального фашизма, упрятанного за фасад независимого государства.

В Южной Африке возник узел противоречий, характеризующих политическую жизнь континента. Речь идет о планомерной подготовке вооруженного конфликта между независимой Африкой и расистским режимом Претории, осуществляющим при поддержке большинства стран НАТО интенсивную программу вооружений для контрнаступления на молодые африканские государства.

Заявляя под давлением мирового общественного мнения о «неодобрении» апартеида, империалисты США на деле играют роль одного из главных его оплотов.

Оказав в свое время всестороннюю поддержку расистской диктатуре Х. Фервурда по линии межправительственных связей, правящие круги США в настоящее время, с появлением независимых африканских стран, находя-

щихся в открытом конфликте с ЮАР, перешли от прежнего прямого содействия Претории к показному «осуждению» апартеида, переключив свои связи с ЮАР на каналы частных организаций и на финансирование ее по линии монополий. Но именно такая поддержка расистского режима является для него не просто достаточной, но и наиболее эффективной. Режим апартеида — один из важных узлов мирового империализма, порождение и неотъемлемое звено в системе международного финансового капитала, прежде всего английского и американского. Будучи с его помощью поставлен на ноги, вооружен, а также опираясь на относительно развитую промышленность, он нуждается в постоянном притоке капитала, возможности беспрепятственного экспорта сырьевых товаров и импорте нефти, промышленного оборудования и ряда других товаров, необходимых для военного производства и оснащения вооруженных сил. На предоставление ему таких возможностей и направлена политика США. И нет сомнения в том, что США перешли бы от нынешнего «умеренного» пособничества расистам, позволяющего играть в «антиколониализм», к более действенной поддержке южноафриканского колониального оплота, если бы конфликт стран Африки с ЮАР принял более острые формы. Вашингтон неоднократно давал понять, что не допустит «насилия» в отношении ЮАР, крушения этой цитадели расизма. В частности, бывший заместитель помощника министра обороны США У. Лэнг прямо намекал, что в случае возникновения в Южной Африке «расовой войны» «имеется реальная возможность вовлечения Соединенных Штатов».

В Соединенных Штатах ЮАР рассматривается как «фактор силы», на котором в той или иной мере держится вся конструкция колониализма и неоколониализма в Африке. «Крайне лицемеря и как бы пуская пыль в глаза пробужденному миру,— писала ганская газета «Ивнинг ньюс»,— те же самые Соединенные Штаты являются одними из первых союзников Южной Африки в торговле и в сделках по продаже оружия, с помощью которого подавляются законные чаяния африканцев»⁴⁰.

Главная причина подспудной солидарности Вашингтона с Преторией кроется в разветвленных связях международного бизнеса, в выгодах, которые апартеид приносит монополиям США, будучи проклятием для коренного населения Южной Африки. Извлекаемые из юж-

ноафриканских шахт богатства, прежде всего золото, являются одним из факторов процветания ведущих капиталистических стран, и в известной мере можно сказать, что их благополучие связано с эксплуатацией южноафриканского рабочего. Белое меньшинство ЮАР и международные монополии создали «дьявольский союз», использующий до предела дешевый труд африканского народа. Созданная апартеидом система невероятной эксплуатации труда, система, «загоняющая африканца в шахту», приносит монополиям Запада невероятные прибыли.

Эти прибыли, сам «климат» колониально-капиталистической эксплуатации объясняют, почему Южная Африка стала объектом экспансии буквально всех ведущих монополий США, о чем уже говорилось выше. На английских и американских инвесторов приходится $\frac{1}{4}$ капитала 7 ведущих горнорудно-финансовых корпораций-гигантов Южной Африки. 35% дивидендов только от золотых приисков отправляются за границу⁴¹. Правящие круги ЮАР, стремясь к собственному обогащению за счет изнурительного труда африканского рабочего на паях с международным капиталом, предоставляют иностранным инвесторам райские условия: полная собственность инвестора на любое предприятие, отсутствие каких-либо ограничений его «прав» и размеров его капитала, отсутствие двойного налогообложения, крайне низкие налоги и т. д.

Не удивительно, что в глазах американских монополистов страна апартеида выглядит идеалом «здоровой системы частного предпринимательства». Их взгляды бесстрастным языком дельца выразил вице-президент «Ньюмонт майнинг» Бэнгхарт, заявивший, что «экономические преимущества в Южной Африке гораздо значительнее возможного риска» и что монополии США выколачивают здесь в среднем прибыли в 27% от вложенного капитала — куда больше, чем в США, да практически и в остальных районах мира⁴². В последние годы американские монополисты получают от своих капиталовложений в ЮАР прибыли до 150 млн. долл. в год, а английские — до 400 млн. долл.⁴³

Специальный комитет ООН по вопросам колониализма записал в своих протоколах в 1965 году, что «политика апартеида дает иностранным компаниям все возможности для эксплуатации местного населения» и что все

южноафриканские компании контролируются «финансовыми интересами» в Англии и в США, которым ежегодно выплачивается в среднем до 36% стоимости национального продукта ЮАР⁴⁴. «Мы знаем нашу ценность для Запада», — надменно провозглашал Х. Фервурд, когда ЮАР подверглась настоящему остракизму в ООН. И ни он, ни его преемник Б. Форстер не говорят этих слов впустую. «Нет ошибки», отмечал один из американских журналов, в напоминаниях Х. Фервурда о необходимости для США и Англии «гарантировать безопасность белых в Южной Африке»⁴⁵. Поскольку американские монополии «обладают интересами почти во всех областях экономической жизни ЮАР»⁴⁶, ООН, считают расисты, может говорить по их адресу все, что угодно.

Дельцы из США знают цену двуличию, демонстрируемому их правительством на трибуне ООН. И они спокойно «делают бизнес» в Южной Африке. Примером такого дельца является уже упоминавшийся Ч. Энгельхард, владеющий контрольным пакетом акций «Рэнд майнз групп» со 100 тыс. рабочих и заседающий в советах директоров многочисленных опенгеймеровских компаний, связанных с такими монополиями США, как «Диллон, Рид энд компани», а также с такими видными (живыми и усопшими) политическими фигурами США, как Дж. Ф. Даллес, Дж. Бирнс, Д. Диллон, А. Дин и др. Ч. Энгельхард в 1957 году резко увеличил свои вложения в ЮАР как раз в момент принятия ООН очередной резолюции против апартеида, а в 1966 году, когда к власти пришел новый премьер — отъявленный расист Б. Форстер, заявил: «Что касается политики ЮАР в том ее виде, в каком она изложена новым премьер-министром, то, хотя я и не гражданин ЮАР, я не мог бы в этом смысле сделать чего-либо лучшего или действовать по-другому».

Компании США не раз приходили на выручку расистам. В 1962 году вместе с английскими «коллегами» они спасли режим Фервурда от финансового краха, отвалив ему 222 млн. ф. ст. В ответ на требования ООН о введении санкций против ЮАР они отвечают демонстративным экспортом капиталов в Южную Африку, как это сделала, например, «Форд мотор компани» в 1963 году.

Политика правительства США в отношении ЮАР идентична позиции монополий. Основы сотрудничества США с ЮАР были заложены соглашениями об «урановой сделке» в 1950—1952 годах, которые сразу же при-

няли форму настоящего военного союза. Американская военная помощь стала существенным фактором укрепления расистского режима⁴⁷. Соглашение об условиях поставок американского военного снаряжения от 17 октября 1952 г. специально предусматривало использование американского оружия как для «коллективной безопасности», так и для «внутренней безопасности», то есть для подавления коренного населения ЮАР (тогда — ЮАС) и для упрочения диктатуры расистов⁴⁸. Вашингтон щедрой рукой финансировал правительство Фервурда и горнорудные компании: по 1959 год включительно из 78 займов Экспортно-Импортного банка, предоставленных Африке, 53 пришлись на ЮАР⁴⁹.

С помощью Англии, США, ФРГ и других стран НАТО ЮАР вооружалась до уровня, позволяющего ее правителям прочно сидеть в седле и угрожать всей Африке. В ЮАР развернута гонка вооружений, носящая характер подготовки ударных сил против независимой Африки. Расисты производят самые различные виды оружия, включая ракеты и ядовитые газы, с помощью английских, американских, западногерманских, итальянских, японских, швейцарских и шведских фирм.

Только в августе 1963 года США объявили о намерении прекратить к концу года поставки оружия в ЮАР, убедившись в опасности и дальше игнорировать требования молодых государств Африки. Но еще раньше, в июле того же года, стало известно о намерении США выступить против общего бойкота поставок оружия и нефти в ЮАР. США согласились на эмбарго лишь при условии «выполнения существующих контрактов» и при сохранении за собой «права толковать эту политику с учетом потребностей в обеспечении международного мира и безопасности». Это практически означало, что если США сочтут необходимым, то ЮАР и впредь будет получать «тяжелое» и «сложное» оружие под предлогом его предназначения для «коллективной обороны», располагая в то же время всеми возможностями вооружать свою армию обычным оружием.

Как отмечал американский бюллетень «Африка ту-дэй», западные державы еще до введения эмбарго ООН поставили Южной Африке огромное количество оружия. Поставки эти не прекращаются и поныне. Наряду с этим имеет место «все более увеличивающееся самообеспечение Южной Африки продукцией оборонного значения».

Это дало огромный перевес сил ЮАР над силами других стран Африки, и «итоговый результат существующего эмбарго на поставки оружия Южной Африке свелся лишь к стабилизации этого положения неравновесия»⁵⁰.

Поэтому орган правящей Националистической партии ЮАР, газета «Трансвалер», имела все основания заявить 3 августа 1963 г., что решение США прекратить поставки оружия ЮАР отнюдь не так серьезно, как может показаться. Поддержка предложений об экономических санкциях в отношении ЮАР, отмечала газета, имела бы куда большее значение.

К этому и сводится суть вопроса. На нынешнем этапе не показной и условный отказ от поставок оружия ЮАР, а присоединение к всесторонним экономическим санкциям, которых требует большинство стран — членов ООН, было бы реальным средством борьбы против расистского режима. Африканские государства, поддерживаемые социалистическими странами, давно придерживаются курса на международную изоляцию ЮАР, но на них приходится всего 2,5% объема внешней торговли ЮАР, в то время как на Англию и США — 40% экспорта и 50% импорта ЮАР (на страны Запада в целом и на Японию — 79,6% экспорта и 63,7% импорта ЮАР). Отказ Англии и США примкнуть к санкциям делает их беспредметными.

«Расовая проблема» в ЮАР фигурирует в повестках работы ООН с первой сессии Генеральной Ассамблеи в 1946 году. Число резолюций с осуждением расистов рекордно в анналах ООН. В конце 1964 года по рекомендации специального комитета по апартеиду от 30 ноября 1964 г. ООН приняла развернутую программу «всесторонних экономических санкций». Она, в частности, требовала непоощрения инвестирования в ЮАР и содержала важный пункт об эмбарго на поставки нефти.

И если после всего расисты могут игнорировать решения ООН, то за это несут ответственность в первую очередь американские империалисты. «Нам не нравится апартеид, но нам нужны союзники», — писала «Нью-Йорк геральд трибюн», комментируя личное выступление Дж. Кеннеди против призыва исключить ЮАР из ООН, сделанное 17 июля 1963 г.⁵¹ Учитывая подлинную позицию стран НАТО, Х. Фервурд говорил, что, хотя решения ООН с осуждением ЮАР принимаются большинством в $\frac{2}{3}$ голосов, «голосование не заслуживает внимания»,

поскольку «важные» (!) страны, то есть западные покровители расистов, его не поддерживают⁵².

Что касается проблемы Юго-Западной Африки (Намибии), аннексированной ЮАР, то наступление против расистов Претории, развернутое по инициативе стран Африки, завершилось принятием 28 октября 1966 г. резолюции о лишении ее мандата на эту территорию. Но и в данном случае Вашингтон всячески срывает выполнение требований большинства ООН.

Болтая о «союзе с национализмом», с независимыми странами Африки, американские империалисты в действительности делают ставку на союз с расистским режимом ЮАР. «Слова Генеральной Ассамблеи не могут повредить Южно-Африканской Республике», — подчеркивала «Нью-Йорк таймс», — это могли бы сделать только «камни и палки Совета Безопасности»⁵³. США как раз и не допускают того, чтобы эффективные средства воздействия на расистов были пущены в ход от имени ООН. Добиваясь утверждения неоколониалистских порядков в новых государствах Африки, США делают ставку на ЮАР как на главный плацдарм империализма и базу ведущих монополий, действующих в масштабах всего континента.

Неоколониализм во всю ширь

В авантюрах США, направленных на порабощение Африки, особое место заняло Конго (Киншаса), ставшее областью их развернутой империалистической экспансии.

В отношении Конго правящие круги США испытывали особые вожделения. В 1959 году один из американских бюллетеней отмечал: «Если есть какое-либо слово, которое символизирует для американцев Африку., то таким словом является «Конго». Этому нечего удивляться, ибо достаточно бросить взгляд на физическую или экономическую карту Африки, чтобы увидеть, что Конго — сердце Африки»⁵⁴. Установление контроля над Конго правящие круги США рассматривали как краеугольный камень всей своей неоколониалистской стратегии в Африке. Еще в 1948 году по соглашению с Бельгией от 2 июля американские империалисты распространили на Конго действие «плана Маршалла» и обязали Брюссель развивать в Конго добычу тех видов сырья, которые необ-

ходимы для военной промышленности⁵⁵. По словам сенатора Т. Додда, Конго считалось в США «центром того, что может быть обозначено как пояс политической уязвимости, пересекающий южную часть африканского континента», «ключом к контролю на африканском континенте — в экономическом, политическом и военном смысле»⁵⁶.

Первая цель США заключалась в ослаблении и ликвидации национально-патриотических сил, доминировавших в политической жизни страны. Для этого США стремились захватить в Конго преимущественные позиции, опираясь на «миссию ООН» и «помощь», обзаводясь собственными марионетками, заключая соглашения с англо-бельгийскими союзниками американских монополий.

Вторая цель США сводилась к тому, чтобы, превратив Конго в главный бастион неокOLONиализма, поставить препопу всему национально-освободительному движению в Африке. Факты показывают, что этот расчет в немалой степени оправдался. Наблюдается известное совпадение по времени между удушением национально-патриотических сил в Конго и усилением наступления сил реакции и колониализма в остальной Африке. Как справедливо отмечал «Африкэн коммьюнист», маневры и наглость реакционных сил в Конго были сигналом к последующим событиям в остальной части Африки⁵⁷.

И третья цель США состояла в том, чтобы захватить природные ресурсы Конго или по крайней мере обеспечить преимущественный доступ к этим ресурсам на основе укрепления империалистического контроля над сырьевыми источниками. Овладение ресурсами, сохранение во что бы то ни стало в основных чертах системы колониального изъятия этих ресурсов были давним стремлением и неизменным требованием монополий США. Природные богатства Конго непосредственно интересуют такие производящие вооружение монополии США, как «Дженерал моторз», «Дженерал дайнэмикс», «Боинг», «Локхид эйркрафт», «Юнион карбайд энд карбон» и др.

Роль американского империализма в агрессии против Конго была решающей и злодейской. Эта была поистине американская агрессия, которой удалось придать такой специфический характер, как использование «миссии ООН» в качестве инструмента госдепартамента для подрыва независимости страны и установления над ней американской опеки. «Операция ООН» рассматривалась в

Вашингтоне как эквивалент его собственной интервенции. Не случайно «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» проводил прямую аналогию между данной «операцией» и войной в Корее, намекая на то, что в Конго США без посылки войск и с помощью «миссии ООН» делают то же, что они делали в Корее в качестве главной силы интервенции⁵⁸. США неизменно стремились полностью подавить национальные силы страны, захватить позиции конкурентов и создать в стране такую обстановку, когда ее судьба определялась бы ходом межимпериалистической борьбы. Хотя этим планам не суждено было сбыться, известные круги в Вашингтоне от них не отказались. По оценке «Нью-Йорк таймс», США оказывают в Конго влияние «большее, чем любая другая страна, и даже Бельгия»⁵⁹. США пытаются оказывать исключительное влияние на нынешний режим в Конго, а через Бельгию действовать «как через посредника»⁶⁰.

В Конго империализм продемонстрировал самое широкое использование объективных трудностей молодых государств для достижения своих целей. Всесилие иностранных монополий в экономике, очевидная племенная разобщенность страны, отсутствие национальных кадров управления и вообще образованных людей, кастовая обособленность так называемых «национальных» вооруженных сил, полнейшая зависимость страны от иностранного технического персонала и т. д. — все это было пущено в ход, обращено против национально-патриотических сил, едва только обозначилось намерение правительства П. Лумумбы добиваться реальной, а не формальной независимости своей страны. От хладнокровно спровоцированного мятежа конголезской армии, послужившего поводом для открытой вооруженной интервенции, империалисты перешли к всесторонним политическим и экономическим махинациям под прикрытием ООН, направленным на утверждение неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИХ порядков.

В Конго с наибольшим размахом проявился такой аспект неокOLONИАЛИЗМА, как использование национальных предателей из числа правящей элиты, отличавшихся друг от друга только тем, какой группе монополий они служили. Цинизм и беспринципность этих людей особенно ярко воплотились в зловещей фигуре М. Чомбе. «Чомбизм» стал наиболее одиозным синонимом неокOLONИАЛИЗМА. Как справедливо пишет прогрессивный бельгийский ученый Ж. Терф, «черные слуги» неокOLONИАЛИЗМА принад-

лежали к более или менее подготовленной африканской касте, не представлявшей развитого класса национальной буржуазии, из которой вышли руководители движения за независимость 1958—1960 годов, поделившие между собой административные и правительственные посты. «Эта каста, лишенная социальных связей и ясных идеологических воззрений, оказавшись во главе политических партий, еще не оформившихся структурно, или во главе профсоюзов, еще пребывавших в эмбриональном состоянии, неизбежно должна была стать подверженной всем сделкам коррупции. Чомбе — один из наиболее типичных представителей этой касты. Вот почему анализ его деятельности представляет интерес, превращаясь из анекдота в социологический этюд»⁶¹.

Конго — крупный узел империалистических противоречий. Пружина трагедии Конго — закулисная возня монополий, то принимавшая форму временного «союза» для вытравливания «лумумбизма», то выливавшаяся в ожесточенные схватки между собой.

«Фактически в Конго, — отмечалось в Заявлении Советского правительства от 7 декабря 1960 г., — идет передел влияния и акционерных капиталов между крупными колониальными державами — США, Бельгией, Англией, Францией. Расхищение богатств Конго — вот основа насилия и преступлений, совершаемых сейчас колонизаторами и их агентурой в Конго. Главные виновники и организаторы конголезской трагедии — это крупные бельгийские, американские, английские и французские монополии, рыцари денежного мешка и банковских сейфов. Все остальное — фасад и ложная декорация»⁶². «Никакого нет сомнения в том, — подчеркивала американская газета «Газетт энд дейли», — что, пока инвесторы из разных стран могут грызться друг с другом за долю в обладании богатствами или за долю в контроле над ними, все они в основном заинтересованы в поддержании любыми средствами любой такой системы, которая способствует изъятию богатств из Конго»⁶³.

В числе монополий США, домогавшихся богатств Конго, выступали непосредственные производители вооружений, некоторые ведущие сталелитейные и металлургические компании и корпорации: «Юнайтед стейтс стил»

(Морганы), «Бетлехэм стил» (Меллоны и Морганы), «Рипаблик стил» (Кливлендская группа), «Армко стил» (Пэйн—Уитни). Они использовали ранее созданные базы в Африке, особенно в Либерии, и действовали через концерн «ЛАМКО». Это, далее,— монополии, занятые добычей и обработкой меднокобальтовых руд. Среди них есть давние соучастники колониального ограбления Африки: «Ньюмонт майнинг», «Кеннекот коппер» (Морганы), «Америкэн смелтинг энд рифайнинг» (Гугенхеймы), «Америкэн метал» (Хохчайлды—Морганы). Система личных уний и совмещения директорских постов превращает эти компании в мощную монополистическую группу. Через «Ньюмонт майнинг» и банкирский дом «Диллон, Рид энд компани» Морганы и Гугенхеймы тесно связаны с группой Диллона и Гарримана. К Диллонам примыкает «Дж. Х. Уитни», которая личной унией связана с гугенхеймовской «Америкэн смелтинг энд рифайнинг». И все эти компании через Гарриманов связаны с крупнейшей в капиталистическом мире медедобывающей монополией «Анаконда», а также с концерном «ЛАМКО». Д. Диллон, А. Гарриман, Дж. Уитни обеспечивали этой группе особенно сильное влияние на правительство США.

Еще в период колониального владычества в Конго крупнейшие монополистические группы США—Морганы, Рокфеллеры, Дюпоны, Меллоны— сумели осуществить широкое проникновение в экономику страны, в систему «Сосьете женераль», «Банк де Брюссель» и других бельгийско-международных монополий. Особую роль играли инвестиции американских, прежде всего нью-йоркских, банков. Но результаты усилий монополий США далеко не соответствовали их замыслам. К моменту получения Конго независимости перечисленные группы основательно окопались в Африке, вплотную подступив к границам Конго, но так и не сумели осуществить замышлявшийся прорыв в эту богатейшую колонию. В Конго царствовали в основном четыре бельгийские группы — «Сосьете женераль», «Ампэн», Лонуа, «Коминьер» — и гигантский англо-голландский трест «Юнилевер».

Исключением было успешное проникновение Рокфеллеров в систему «Сосьете женераль» — «ЮМОК» через английскую «Танкс», которой принадлежало 14,5% акций и 21% голосов в «ЮМОК». В июне 1960 года группа Д. Рокфеллера приобрела 8% акций «Компани дю Конго пур ле коммерс э л'эндюстри» («КККИ»), холдинга «Со-

«сьете женераль» для управления ее конголезскими предприятиями. «КККИ» принадлежали 13,2% капиталов «Компани дю О'Катанга», другого холдинга «Сосьете» и основного держателя акций «ЮМОК». Произошел сложный обмен рокфеллеровских акций в «ЮМОК» на акции этого холдинга. «Компани дю О'Катанга» участвовала в созданной в 1900 году по соглашению с нею государственно-монополистической организации «Комите спесьяль дю Катанга» («КСК»), вовлекшей государство в дела монополий для охраны их привилегий. Из участия государства в делах монополий сложился так называемый «конголезский портфель акций» — совокупность прав собственности и прав на прибыли (от 20 до 50% собственности и прибылей ведущих монополий). Портфель должен был стать собственностью правительства независимого Конго с 30 июня 1960 г., но он был заморожен в Брюсселе колонизаторами, а доходы, которые правительство Конго должно было получать по праву наследования доли «КСК» в «ЮМОК», выплачивались марионетке — сепаратисту Чомбе. Борьба вокруг портфеля стала одной из главных сюжетных линий конголезской драмы.

Влияние бывшей колониальной администрации в частных компаниях поддерживалось главным образом через механизм «КСК». Поэтому бельгийские колонизаторы за три дня до предоставления Конго независимости прибегли к коварному маневру: 27 июня 1960 г. они распустили «КСК», ослабив тем самым позиции правительства Конго, преемника колониальной администрации, в «ЮМОК» и других компаниях.

Рокфеллеры имели иные «интересы» в Конго. Их компания «Интернэшнл бэйсик экономи» проникла в различные отрасли экономики: они участвовали в обществе «ФИЛЬТИСАФ» (лесопромышленный филиал «Сосьете женераль»), в «АНАКОНГО» (ананасы), в «АФРИ-ДЭКС» (филиал «Сосьете женераль» по производству взрывчатки) и т. д. Но для них, как и для «Сосьете женераль», основной вотчиной была Катанга, в связи с чем они поддержали ее «отделение» от Конго 11 июля 1960 г.

Напряженную борьбу за Конго вели монополии других стран — Бельгии, Англии, Франции. Господствующее положение в колонии еще со времен Леопольда II захватила «Сосьете женераль», среди сотен предприятий которой главными были «ЮМОК» (медь и кобальт Катанги), «ФОРМИНЬЕР» (промышленные алмазы Касаи) и

«ЖЕОМИН» (свинец, цинк)⁶⁴. «Сосьете женераль» тесно сотрудничала с бельгийской финансовой группой «Компани д'Анвер» и с банковской группой Ламбера. Через эту последнюю она была связана с могущественными английскими монополиями, возглавляемыми Ротшильдами, Оппенгеймерами, Уотерхаузом и целым сонмом английских лордов. После лишения правительства Лумумбы его прав в «ЮМОК» роль данной группы в «ЮМОК» резко возросла — «Танкс» с ее 21% голосов сразу стала самым влиятельным акционером.

В системе «Сосьете женераль» — «ЮМОК» были широко представлены также французские Ротшильды и многочисленные французские держатели акций, группирующиеся в основном вокруг «Банк де л'Юньон паризьен». По некоторым оценкам, французским вкладчикам принадлежало до 25% акций «ЮМОК»⁶⁵.

В сравнении с «Сосьете женераль» обделенными чувствовали себя остальные проникшие в Конго бельгийские финансово-промышленные группы: «Ампэн», могущественные Лонуа, «Коминьер». Последняя из них была связана с самыми мощными в метрополии группами Нагельмакерса и Аллара. Для них, как и для «Юнилевер», общим было то, что основная сфера их интересов лежала за пределами Катанги. Противниками «Сосьете женераль» выступали такие бельгийские группы, как Лонуа, Сольвей, Нагельмакерс, Аллар, Ампэн, которые превосходили в целом «Сосьете» по силе капитала, но не могли пробить брешь в ее монопольном владычестве.

Накануне завоевания Конго независимости сложились, грубо говоря, две коалиции монополий: «Сосьете женераль» — «Банк де л'Юньон паризьен» — Оппенгеймеры — Ротшильды — Ламберы, для которых главным было сохранение их катангской твердыни, и «Банк де Пари э де Пэи — ба» — Лонуа — Нагельмакерс — Аллар — Сольвей — «Ампэн» — «Юнилевер», которые, напротив, стремились сокрушить твердыню «Сосьете» в Катанге. Эти коалиции не были застывшими и неизменными. Члены каждой из них руководствовались только своими интересами. Так, в «Сосьете женераль» многочисленной была группа акционеров, интересы которых лежали за сферой «ЮМОК» в Катанге, в связи с чем они со временем пошли на широкие сделки с монополиями США, предопределившие в немалой степени ликвидацию сепаратизма.

Во взаимной борьбе обе коалиции искали наиболее могущественных американских союзников. Для первой из них «естественным» союзником были Рокфеллеры. «Сосьете женераль» установила также связи с крупнейшей в капиталистическом мире банковской группой «Бэнк оф Америка». Рокфеллеры и калифорнийцы активно поддерживали катангских сепаратистов, которым только по декабрь 1962 года из кассы «ЮМОК» было выплачено более 150 млн. долл.⁶⁶ После поездки в США в мае 1960 года М. Чомбе получил баснословный по масштабам американских операций в Африке заем в 50 млн. долл. от «Трумэн нэшнл бэнк», входящего в банковское объединение «Фёрст нэшнл бэнк оф Лос-Анджелес», которое в свою очередь является одним из звеньев «Бэнк оф Америка». Под режиссурой Рокфеллеров в США оформилось влиятельное «катангское лобби», публичным представителем которого был «Комитет помощи борцам за свободу Катанги». Комитет поддерживали бывший президент США Г. Гувер, бывший вице-президент Р. Никсон, сенаторы Б. Голдуотер, Т. Додд, Т. Мортон, Э. Дирксен, Д. Истленд, Дж. Термонд, Р. Рассел, конгрессмены Д. Брюс, У. Миллер и др. В его составе были 11 видных членов «Общества Джона Бэрча», представители чанкайшистских лоббистов, один из бывших руководителей Американского легиона, промышленники, генералы и адмиралы в отставке. Представителем комитета был М. Ерган — платный дезорганизатор негритянского движения в США и поклонник апартеида.

Вторая коалиция вступила в блок с американскими Морганами, Гугенхеймами, Диллонами, Кливлендской группой. Блок был скреплен совместным участием данных групп с бельгийскими Нагельмакерсами, Сольвеями и Алларами в ряде компаний, действующих в США и в Западной Европе⁶⁷. В 1960 году «Диллон, Рид энд компани» совместно с «Дж. Х. Уитни» создали новое общество «Америкэн-Еврафрикэн дивелоппмент корпорейшн» во главе с адмиралом А. Кэрком, которое сыграло большую роль в закулисных сделках с бельгийскими монополиями. Эта группа монополий была тесно связана с трестом «ЛАМКО», и видную роль в качестве политического представителя ее интересов сыграл бывший заместитель государственного секретаря Дж. Болл.

Размежевание между ведущими монополистическими союзами объясняет, почему правительства Англии и

Франции до конца оставались упорными защитниками катангского сепаратизма⁶⁸. Что же касается политического курса правительств Бельгии и США, то он определялся тем, представители какой из двух коалиций оказывали на них преобладающее влияние.

В правительстве Эйзенхауэра влияние калифорнийско-рокфеллеровского крыла преобладало, и последние шесть месяцев его пребывания у власти были отмечены явным стремлением взять под защиту катангских сепаратистов. При Дж. Кеннеди происходит некоторое смещение влияния в пользу монополий США, противостоявших возглавляемой «Сосьете женераль» коалиции, и это, в частности, сказалось на курсе Кеннеди, предусматривавшем ликвидацию сепаратизма в рамках решительной поддержки «операции ООН» и попытки подчинения Соединенным Штатам единого Конго путем сколачивания соответствующего режима в Леопольдвиле (Киншасе). При Л. Джонсоне влияние противостоящих группировок уравновесилось. С ликвидацией катангского сепаратизма и с временным устранением такого фактора, как активное национально-освободительное движение в Конго, для правительства Л. Джонсона международные связи монополистических коалиций утратили прежнее значение. Оно стремилось к общему перераспределению сфер влияния в Конго в пользу США, используя такой метод, как «советническое» воздействие на центральное правительство страны, а также пытаясь направлять начавшийся процесс «конголизации» предприятий монополий и подключить американский капитал к этому процессу.

Высказанные соображения не дают оснований для прямолинейных выводов. Американские правительства не находились целиком под влиянием одной группы, подвергались давлению с обеих сторон. Поэтому правительство Д. Эйзенхауэра, поддерживая М. Чомбе, поддержало и «операцию ООН», признавало как президента Касавубу, так и правительство Илео-Бомбоко. А правительство Кеннеди решилось на поглощение Катанги только после долгих колебаний и маневров, после двухкратного отступления перед нажимом сил, стоящих за коалицией Рокфеллеров — «Сосьете женераль». Кроме того, для монополий-гигантов США в каждой из коалиций блокирование с остальными участниками было всегда лишь вопросом тактики. По мере развития событий, как справедливо отметил Дж. Уоддис, главное расхождение

все больше вырисовывалось как расхождение между США и англо-бельгийским блоком⁶⁹.

Но колонизаторы любого клана были едины, когда речь шла о ликвидации сил национальной независимости Конго, об устранении этого «осложняющего момента» из их междоусобной борьбы.

Свою главную цель империалисты видели в устранении правительства П. Лумумбы, национальных партий и «лумумбизма», которые опрокинули планы Брюсселя о сведении независимости Конго к чистой формальности. Отказавшись по политическим соображениям от собственной интервенции (хотя такая «идея» в Вашингтоне обсуждалась), США направили усилия на поддержку подготовленной и хладнокровно спровоцированной интервенции бельгийских колонизаторов. После обращения правительства Лумумбы в Совет Безопасности за помощью и защитой от агрессии и после принятия резолюции Совета от 14 июля 1960 г. о посылке войск ООН в Конго в соответствии с просьбой конголезского правительства США и их союзники действовали согласно плану превращения этих войск в еще одно средство подрыва независимости страны, опираясь на подконтрольный США исполнительный аппарат ООН, и прежде всего на тогдашнего генерального секретаря ООН Д. Хаммаршельда, связанного родственными узами с заправилками «ЛАМКО».

Состоялось совещание НАТО, о котором министр иностранных дел Бельгии П. Виньи 19 июля сказал следующее: «Мы информировали наших союзников., и они единодушно согласились с нашим (!) анализом положения». НАТО решила, что Катанга и другие районы «должны сами определить, чего они хотят» (!). «Решение, принятое ООН,— добавил П. Виньи,— должно быть осуществлено в соответствии с тем, как мы его поняли (!) и как его поняли все государства, проявляющие добросовестность». Это был замысел прикрытия агрессии Бельгии «операцией ООН» и затем продолжения агрессии под флагом ООН. И в дальнейшем во всех документах Д. Хаммаршельда «операция ООН» трактовалась не как защита Конго от агрессии, а как действие для «устранения мотивов, приведенных в защиту (!) военной интервенции Бельгии».

Обеспечивая основную долю снабжения войск ООН и «помощи» Конго по каналам ООН, США превратили «операцию» в важнейшее орудие своей дипломатии. 16 августа 1960 г. конгресс без возражений ассигновал на эти цели 100 млн. долл. Раскрывая цели США, «Уолл-стрит джорнэл» писала, что только «полное поражение» Лумумбы устраивало госдепартамент⁷⁰. Американские замыслы лишения Конго национального суверенитета и установления опеки над страной лаконично выразил «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт»: «Конго должно оставаться по сути дела колонией (!), управляемой либо Организацией Объединенных Наций с помощью Бельгии, либо Соединенными Штатами»⁷¹.

12 августа 1960 г. Д. Хаммаршельд раскрыл замыслы колонизаторов, выдвинув «план административно-технической помощи» Конго, суть которого сводилась к передаче группе советников руководства всеми министерствами страны. Появляется составленный в США проект созданного позднее Валютного совета, который должен был под флагом ООН прибрать к рукам всю экономику страны. В соответствии с общей линией своей неокOLONIALИСТСКОЙ стратегии правящие круги США замыслили «интеграцию» конголезской экономики в сферу влияния своих монополий на основе соответствующей всесторонней переориентации.

США активно используют против П. Лумумбы предателя Чомбе, контакты с которым поддерживали А. Гарриман, Р. Мэрфи и другие видные американские дипломаты. В июле 1960 года в Элизабетвиль был направлен американский эксперт для реорганизации денежной системы Катанги⁷², а в августе в США была принята экономическая миссия «правительства» Катанги. В сентябре Катангу посетил президент связанного с группой Диллона — Уитни американского Общества технической и финансовой помощи Д. Гансхоф ван дер Мерш. В США развернула деятельность «информационная миссия» Чомбе во главе с бельгийцем М. Стрюэленсом, для контактов с которым был выделен сотрудник госдепартамента Ж. Лавале. М. Стрюэленс имел прямые связи с Г. Гувейром и рядом сенаторов. В Элизабетвиле консул США Л. Хоффакер постоянно общался с Чомбе, а посол США в Конго К. Тимберлейк первым из иностранных представителей нанес визит в Элизабетвиль. По указке госдепартамента Хаммаршельд в августе договорился с Чомбе

в обход законного правительства о невмешательстве ООН в «дела Катанги» и в «реорганизацию ее вооруженных сил». Чтобы помешать борьбе правительства Лумумбы против сепаратистов, войска ООН пошли на прямую агрессию, блокировав столицу и отрезав правительство от его армии. Ж. Касаубу по прямому требованию К. Тимберлейка объявил 5 сентября о «смещении правительства Лумумбы».

Но все попытки выбить Лумумбу из седла «конституционными» маневрами провалились: парламент дважды подтверждал его полномочия. Тогда «миссия ООН» насильственно разоружила конголезскую армию, и под режиссурой К. Тимберлейка 14 сентября 1960 г. развернулся решающий акт — военный переворот. Сами руководители переворота не скрыли, что ими были получены деньги из американского посольства. США использовали террор для принятия мер, направленных на подчинение экономики страны: 3 октября был создан Валютный совет, ставший важнейшим каналом утверждения американского влияния.

Последовали события, завершившиеся арестом Лумумбы 2 декабря 1960 г. и его убийством бельгийскими наемниками Чомбе в январе 1961 года. Лицемерная скорбь Вашингтона по этому поводу маскировала его плохо скрываемую радость. «Наконец-то,— восклицала «Уолл-стрит джорнэл»,— устранено одно из важных препятствий для окончательного урегулирования!.. Вашингтон усматривает теперь некоторые основания для оптимизма»⁷³.

Развернулась длительная борьба национально-патриотических сил под руководством законного правительства в Стэнливиле во главе с А. Гизенгой против соединенного фронта колонизаторской коалиции и внутренней реакции. Неуклонно нарастала поддержка этих сил со стороны СССР и других социалистических и афро-азиатских стран. На их стороне выступила Касабланкская конференция государств Африки в январе 1961 года.

Для американского империализма последовавший период был заполнен сложным маневрированием во имя достижения двуединой цели: сокрушения национально-освободительного движения и конкурентов равных в Конго монополий США. Причудливые изломы в политической линии Вашингтона и «миссии ООН» определялись динамикой развертывавшейся в Конго борьбы нацио-

нально-патриотических сил, а также противодействием заговору колонизаторов в ООН прежде всего со стороны Советского Союза. Немалый отпечаток на политическую ситуацию наложила смена правительства в Бельгии в 1961 году, давшая перевес во влиянии монополиям, противостоящим «Сосьете женераль».

Первоначально США планировали при помощи «миссии ООН» покончить с властью законного правительства в Восточной провинции и подавить катангский сепаратизм, охранявший вотчину «ЮМОК». Но в рамках общей политики подавления национально-освободительного движения, проводимой НАТО, на какой-то период возобладала франко-бельгийская дипломатия. Совещание марионеток в Тананариве в марте 1961 года приняло решения о «федерализации» Конго, отразившие претензию Чомбе на лидерство в ущерб ставленникам США в Леопольдвиле. Хотя США частично восстановили позиции после нового совещания марионеток в Кокийавиле в апреле — мае 1961 года, им потребовалось время на обработку и укрепление позиций их леопольдвильской креатуры в лице «группы Бинзы» (Мобуту, Нендака и др.), а также на расширение власти «миссии ООН» над государственными структурами Конго, с тем чтобы перейти затем к формированию общеконголезского центрального режима, который находился бы под преобладающим влиянием США. Кроме того, США должны были считаться с Чомбе и его хозяевами, пока существовало правительство А. Гизенги.

Американские империалисты, не сумев прямо сокрушить это правительство, вынуждены были пойти на принятие его предложения о созыве парламента, которому надлежало создать новое правительство страны. Но этот конструктивный компромисс США использовали, чтобы уничтожить оплот лумумбизма в Стэнливиле под маркой «борьбы за единое Конго» и «поддержки центрального правительства», во главе которого им удалось поставить свою креатуру из «группы Бинзы» — С. Адулу, профсоюзного лидера, давно связанного с Международной конфедерацией свободных профсоюзов (МКСП).

Замысел Вашингтона сводился к тому, чтобы, начав руками войск ООН отвлекающую операцию в Катанге, нанести действительный удар по Стэнливилю. Соответственно, вместе с колонизаторами Англии, Франции и Бельгии США выступили против первой «операции ООН» в

Катанге в сентябре 1961 года, которую тогдашний представитель ООН в Катанге К. О'Брайен начал проводить всерьез, спутав карты империалистов. На «решение» вопроса о Катанге путем прямого свержения Чомбе силами ООН США пошли лишь в конце 1962 года, когда достаточно далеко продвинулся, по их мнению, процесс «вытравливания лумумбовщины» и когда соотношение сил в Конго в целом изменилось в пользу США настолько ощутимо, чтобы они могли решиться на прямое выступление против своих конкурентов в Катанге.

Одновременно правительство и монополии США использовали «миссию ООН» для проникновения в Конго и для создания системы американского господства над экономикой страны. Развертывалась борьба между ООН и «ЮМОК», схватка монополий за богатства Конго. Опорой США был аппарат ООН, прибивавший к рукам министерства страны по программе «гражданских операций» от 1 марта 1962 г. 29 декабря 1962 г. американские эксперты фактически захватили Национальный банк Катанги, а в январе 1963 года навязанное ими соглашение обязывало «ЮМОК» передавать все инвалютные поступления в послушный США Валютный совет. Представители монополий США взяли в свои руки внешнеторговые каналы Конго и запретили выдачу лицензий иностранным фирмам в Катанге, вызвав падение курса их акций, после чего катангские акции стали усиленно скупаться американскими монополистами, особенно Морганями. В октябре 1963 года на совещании в Вашингтоне с участием США, Конго, Бельгии и МВФ американская сторона навязала решение о девальвации конголезского франка, резко усилившей экспансию американских монополий.

Вместе с тем, стремясь сгладить противоречия с монополиями Бельгии, а также нуждаясь во «взаимопонимании» с разветвленным аппаратом бельгийского влияния (в Конго оставалось до 85 тыс. бельгийцев), США побудили правительство Адулы заключить 20 марта 1964 г. соглашение с Бельгией, частично пересматривавшее вопрос о «конголезском портфеле» и навязавшее Конго кабальные условия погашения долгов бывшей колониальной администрации. Эти долги в сумме 46 млрд. бельг. франков составлялись из 20 млрд. бельг. франков «внутреннего долга» (займы Бельгии бывшей колониальной администрации) и из 26 млрд. бельг. франков «внеш-

него долга» (образованного из предоставленных Бельгии внешних займов). Конго заставили уплачивать весь «внутренний долг» и негарантированную часть «внешнего долга» в сумме 12 млрд. бельг. франков (240 млн. долл.), которая конвертировалась в 40-летний заем из 3,5% годовых, подлежащий регулированию со стороны специального бельгийско-конголезского органа. Бельгия передавала Конго часть акций «портфеля», в том числе 19% акций «ЮМОК», но совершенно неурегулированным остался вопрос о преобладающей части акций в руках частных компаний, организованных на основе правительственных концессий⁷⁴. К тому же Бельгия заручилась правом вообще удерживать часть экспортных прибылей всех компаний в иностранной валюте для погашения своей части «внешнего долга».

Правительство Адулы оказалось битой ставкой США. Ни попытки создать ему новую политическую опору (заново сколоченная партия «Демократическое объединение Конго»), ни резко возросшая военная «помощь» США не помогли укрепить позиции Адулы и избежать правительственного кризиса, в основе которого лежала обострившаяся борьба монополий. Главное же заключалось в том, что в Конго вновь поднималась волна патриотического движения, принявшего форму повстанческой войны. Правительство Адулы отвергалось народом. Но оно не годилось и для сплочения вокруг себя сил реакции.

США вместе с Бельгией в июле 1964 года вновь выталкивают на арену политической борьбы М. Чомбе — «того человека, который нужен при создавшемся положении»⁷⁵. С приходом к власти Чомбе США связывали задачу расправы не только с национальными силами Конго, но и с соседними африканскими государствами, как о том свидетельствовало заключенное им в июле 1964 года соглашение с послом США Годли⁷⁶.

Выдвижение низкопробного предателя возмутило Африку. Поэтому Чомбе заставили начать отвлекающие «переговоры» с повстанцами и просить помощи у стран Африки под маркой «законности» его «правительства» (в Нигерии и в странах афро-мальгашской группы нашлись охотники поддержать эту ложь!). А тем временем из США в Конго шли новые партии оружия; прибывали

толпы наемников для кровавой расправы над повстанцами.

Чтобы поднять престиж марионетки, ему позволили также разыграть «кризис» финансово-экономических отношений с Бельгией. В ноябре 1964 года Чомбе с помпой объявил о передаче правительству Конго всей доли «Комите спесьяль дю Катанга» в «ЮМОК» без компенсации. Но реально сделка свелась лишь к некоторому уменьшению «долга» Конго, причем Бельгия получала возможность дополнительно удержать 450 млн. долл., которые ей следовало бы вернуть Конго. Сделку дополняли выгодные бельгийским компаниям соглашения, категорически отвергавшие национализацию бельгийской собственности и учреждавшие инвестиционный банк под контролем бельгийцев, которому надлежало распоряжаться всеми паями правительства Конго. После этого фарса Чомбе продолжал поддерживать атмосферу «кризиса» в отношениях с Бельгией, но всем было ясно, что на деле он служит прежним хозяевам.

В сентябре 1964 года Организация африканского единства приняла ряд резолюций, требовавших удаления наемников, прекращения иностранного вмешательства и примирения враждующих группировок. США предоставлялась прекрасная возможность действовать в духе этих резолюций и доказать верность принципу «решения африканских дел самими африканцами». Но в Вашингтоне даже не пожелали выслушать посланную туда делегацию ОАЕ. Там вынашивались иные планы: в ноябре состоялась молниеносная американо-англо-бельгийская интервенция, залившая кровью Стэнливилль и Паулис — оплоты повстанцев.

На этой крови власть Чомбе, как и его преемника Э. Кимбы, не могла удержаться. Не помогло и то, что под нажимом западной дипломатии конференция Афро-Мальгашской общей организации в Нуакшоте в феврале 1965 года признала Чомбе. Авантюра колонизаторов подверглась небывалой критике в ООН. Как это стало обычно для Конго, с очередным актом подавления национальных сил обострились противоречия между империалистами. Чомбе, виражировавший в сторону стран ЭЭС, становился все менее приемлемым для США.

Поиски новой комбинации в Леопольдивиле внезапно завершились переворотом Ж. Мобуту 25 ноября 1965 г. По своему характеру этот переворот отличался от преж-

них политических потрясений в Конго. Это уже не империалистическая комбинация. Вставшее у власти правительство Ж. Мобуту поняло, что без хотя бы частичного претворения в жизнь требований национальных сил нельзя вывести страну из тупика колониальных интриг. За минувшие четыре года приняты определенные меры по укреплению национальной экономики и финансов, расширилась социальная опора нового режима. Правительство установило твердый контроль над Катангой, создало национальную компанию по управлению предприятиями «ЮМОК», ослабило зависимость страны от иностранных монополий, заявляет о намерении и дальше укреплять национальную экономику. Но с засильем иностранного капитала в Конго еще далеко не покончено. Этого можно достигнуть только серьезной борьбой, успех которой зависит от сплочения национальных сил в рамках общего курса на укрепление политической независимости страны.

Что же касается американских империалистов, то они исходили из заметно возросшего влияния США в Конго и связывали переворот с надеждой на дальнейшее усиление своего влияния. Переворот 25 ноября привел к подрыву прежде всего бельгийских позиций. И пресса США пестрела почти открытыми намеками на стремление правящих кругов Вашингтона расширить свое влияние в Конго, направив переворот только в антибельгийское русло.

Отмечая растущие закулисные интриги США, «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» цинично писал, что Конго остается колонией с той лишь разницей, что «вместо прежнего правления бельгийцев сейчас контроль держат в своих руках американцы совместно с бельгийцами»⁷⁷. США взяли курс на то, чтобы вести дело к «сотрудничеству» с Бельгией «на техническом уровне», захватывая доминирующие позиции. США, в частности, поддержали Мобуту в борьбе с мятежом наемников, возглавляемых Р. Денаром и Ж. Шраммом, поскольку не хотели допустить, чтобы их «прежние капиталовложения в устойчивость» были поставлены под удар⁷⁸ и поскольку они не видели, какая иная комбинация власти в Киншасе позволяла бы лучше сочетать эту «устойчивость» с ориентацией на США. Бельгия же была встревожена явным преобладанием США и не отмежевывалась от мятежников, поскольку полагала, что у этого мятежа имелось «неоколониалистское будущее» иного плана — антиамериканское и пробельгийское⁷⁹. Гордиев узел империали-

стических противоречий в Конго остался неразрубленным.

Эти противоречия сказались и в тяжбе правительства Мобуту с «ЮМОК» в мае 1966 года, когда Киншаса выдвинула требование о переводе штаб-квартиры компании в Конго. Как подчеркивала южноафриканская газета «Рэнд дейли мейл», Мобуту повел наступление на «ЮМОК» при «осторожной поддержке» США и заставил компанию признать ограниченный суверенитет Конго над горнорудными операциями.

Правительство Мобуту учредило собственную компанию — «Сосьете конголез де минерэ» («СОКОМИН»), которой надлежало взять на себя функции «ЮМОК» и в которой правительству Конго должно было принадлежать 55% акций при первоначальном капитале в 150 млн. долл. Но этот план был сорван «ЮМОК» и ее союзниками, прежде всего «Танкс». Контрплан «ЮМОК» гласил: одна компания разбивается на две с резиденциями в Конго и в Бельгии, причем на долю правительства Конго должно приходиться 50% акций компании с резиденцией в Конго и 18% акций компании с резиденцией в Бельгии. Но Мобуту требовал передачи Конго большинства акций второй компании. Возник конфликт, и «ЮМОК» угрожала свернуть все операции в Конго⁸⁰. В ответ последовала угроза Мобуту конфисковать ее имущество.

Компромисс был достигнут 18 февраля 1967 г.: в Киншасе создавалась компания «Сосьете женераль конголез де минерэ» («ЖЕКОМИН»), получавшая контроль над предприятиями «ЮМОК». Особое соглашение «ЖЕКОМИН» с «Сосьете женераль де минерэ» («СЖМ» — дочернее предприятие «ЮМОК») и с «Сосьете женераль де Бельжик» предусматривало получение правительством Конго услуг от «СЖМ» в течение пяти лет, в том числе в области переработки и сбыта продукции. В обмен правительство Конго выплачивало «ЮМОК» солидную компенсацию. Финансирование «ЖЕКОМИН» со стороны «СЖМ» не предусматривалось, и при наличии у правительства Конго 60% акций данной компании оно должно было 40% акций предоставить в распоряжение частного капитала. На эту последнюю долю в первую очередь покушался капитал США. Не случайно в борьбе Ж. Мобуту с «ЮМОК» юридическим советником конголезского правительства выступал бывший советник президента Кеннеди Т. Соренсен.

Правительство Конго стремится усилить позиции «ЖЕКОМИН» как национальной компании. Что же касается правящих кругов США, то они, учитывая новую обстановку после периода непосредственной борьбы метрополий разных стран за богатства Конго, взяли курс на расширение своего общеполитического влияния в стране, что должно, по их расчетам, открыть двери Конго и для американского капитала. Американские империалисты намерены постепенно овладевать ключевыми позициями в государственном управлении Конго на базе своих прежних «вложений в устойчивость».

«Американская политика, американская война», — определяла суть трагедии Конго одна из изданных в Африке брошюр. «В экспансионистских планах США, — говорилось в брошюре, — фигурирует весь африканский континент. Но суть вопроса в том, что Конго — не только сокровищница Африки, а и ключ к ней. Направив главные усилия на проникновение в Конго, американский империализм надеется получить жирный кусок для себя и контролировать весь континент»⁸¹.

Конго дало наиболее объемную проекцию американского неокOLONиализма. Направляя свою политику по рельсам «коллективного колониализма» для подчинения Африки «западному союзу», США концентрируют усилия на овладении важнейшими источниками сырья и прочими ключевыми позициями, которые позволят им играть руководящую роль в управлении механизмом неокOLONиалистского засилья.

Покушения на голубой флаг

Авантюра в Конго вдохновила творцов политики в США на усиленную разработку далеко идущих планов применения «конголезского опыта» в масштабах всей Африки. Речь идет об обанкротившихся в целом, но выдвигаемых в новых вариантах планах использования ООН, особенно ее специализированных органов, в качестве орудия неокOLONиалистского обуздания стран Африки, ограничения их самостоятельности. Чины госдепартамента но-

сились с проектами превращения «операции ООН» в Конго в универсальную модель неокOLONИализма, «уза-конивающую» вмешательство во внутренние дела стран Африки от имени ООН. «Операция в Конго,— спешил со своими выводами Х. Кливленд,— помогла развитию права, традиции и практики, согласно которым возрастает значение взаимного вмешательства во внутренние дела (!) в менее развитых районах»⁸².

В идеале Вашингтон хотел бы наделить ООН функциями «сверхгосударства», которое предписывало бы странам Африки линию подчинения западному альянсу под предлогом «дисциплины мирового сообщества» и осуществляло бы руками чиновников ООН часть их суверенных функций. Привлекательность колониализма под флагом ООН Вашингтон видел и в том, что он позволял добиваться намеченных целей «при очень скромных издержках», обеспечивая прикрытия их фикцией «международного сообщества», «беспристрастности ООН». Дж. Бингхэм цинично резюмировал: «В Конго ООН сделала то, что не смогли бы сделать собственными усилиями ни США, ни НАТО (!)»⁸³.

В США хотели придать ООН не свойственные ей функции по обузданию национально-освободительных процессов, по охране отвергаемых народами неокOLONИалистских порядков под маркой «поддержки мирового правопорядка», устанавливаемого империалистами и прикрываемого авторитетом ООН как «наднациональной» и «универсальной» организации. По мысли правящих кругов США, само членство молодых государств в ООН должно означать не изменение в структуре и характере этой организации в соответствии с духом времени, а некое автоматическое подчинение их бытовавшим ранее в ООН традициям империалистического диктата.

Неприглядна сущность политики США в Африке, как ее ни прикрывают. И именно поэтому американские империалисты в поисках средств закабаления Африки обратили внимание на ООН, аппарат которой действует как «нейтральное» международное чиновничество, хотя сплошь и рядом выполняет задания атлантических столиц. «Международная организация,— говорил Д. Раск,— часто политически более приемлема, чем любой из ее членов, действующий индивидуально. Флаг ООН — эмблема мирового сообщества. Он может развеяться в таких местах, где флаг любой суверенной нации рассмат-

ривался бы как вызов»⁸⁴. Оказывая наибольшее воздействие на исполнительный аппарат ООН, США помимо всего прочего рассчитывают под прикрытием голубого флага добиться наибольшего эффекта собственной империалистической экспансии.

Вашингтон активно насаждает иллюзии относительно «международной беспристрастности» чиновничества ООН. Многие руководители стран Африки видят в ООН гарантию от порабощения со стороны отдельных держав Запада. На этом и играют правящие круги США, признающие, что, независимо от исхода любых дебатов в Совете Безопасности или Генеральной Ассамблее, им удастся «проворачивать» через аппарат ООН именно свою, а не общеооновскую политику. Заместитель постоянного представителя США в ООН Ч. Йост признавал, что США играют на противопоставлениях Совета Безопасности Генеральной Ассамблее; помимо этого в руках послушного им «старого большинства» остается «хорошо налаженный механизм» исполнительных органов, с помощью которого США попирают волю других стран и добиваются своего⁸⁵.

Новая Африка поколебала старое механическое большинство в ООН. В изданном в США сборнике «Африка и мировой порядок» звучал тревожный для империалистов вопрос: «Какой будет ООН с наплывом в нее африканских членов, конца которому не видно? ... Африканский контингент может перевешивать все прочие группировки в ООН. А если он объединится в блок с азиатскими государствами, то эта комбинация сил может составить почти большинство среди всех стран — членов данного мирового организма. Те, кто подписал хартию Сан-Франциско, никогда не принимали в расчет подобную революцию как вероятность середины XX века»⁸⁶. Но после освобождения Африки резко изменился состав Генеральной Ассамблеи, изменился и Совет Безопасности, общее число членов которого в 1966 году было увеличено с 11 до 15 по требованию африканских государств, поддержанных социалистическими странами. Антиимпериалистические выступления афро-азиатских стран, их солидарность с социалистическими странами по ряду международных вопросов осложнили маневры США в ООН. «Время, когда можно было выкручивать руки, — писала одна из американских газет, — миновало, сейчас нужно вести серьезные переговоры»⁸⁷.

Вместе с Англией и рядом других стран НАТО США выступили с программой не выкручивания, а скручивания рук — ограничения самостоятельности стран Африки доктриной ооновской «дисциплины» и опеки. США добиваются, чтобы страны Африки самоустранились от участия в решении крупнейших политических вопросов современности, сведя свою деятельность в ООН к проблеме получения технической помощи.

На XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН США предложили программу экономического «развития» Африки под эгидой ООН, крайне расплывчатую и специально обходящую политические вопросы. В США предлагалось взять в ведение ООН вопросы внешней политики стран Африки под предлогом предотвращения вмешательства «неафриканских сил» в ее дела. Таким образом, предполагалось утвердить западную опеку над Африкой в рамках ООН, через ООН, под прикрытием ООН.

Под аккомпанемент подобного шантажа вынашивались планы «голубого» неокOLONиализма, сущность которых полнее всего раскрывается в «концепции резко расширенного участия ООН», выдвинутой Ч. Боулсом⁸⁸. Он, в частности, предлагал передать в ведение ООН «не только (!) область внутренней и внешней безопасности, но также дело экономического развития и упорядоченного политического перехода» в странах Африки. ООН, МБРР и АМР, говорил Ч. Боулс, должны взять в свои руки любую помощь, оказываемую Африке, ООН же следует поручить подбор всех кадров для стран Африки, руководствуясь их «политической приемлемостью». Предлагал Ч. Боулс создать и специальные полицейские силы для Африки «примерно по образцу, вырисовывающемуся сейчас в Конго», иначе говоря, для агрессий, направленных против национальной независимости народов Африки. В целом это был план подлинного растворения независимости стран Африки в системе всепроникающей опеки ООН.

Подобные прожекты имели мало общего с пониманием роли ООН странами Африки. Для многих из них, как и для социалистических стран, речь шла об устранении коренных несовершенств в структуре и традициях ООН, мешавших ее конструктивному использованию в роли форума международной политики. Наиболее последовательная программа коренных улучшений механизма ООН была предложена Советским Союзом на XV сессии

Генеральной Ассамблеи. Это была программа переукомплектования исполнительного аппарата на основе справедливого учета интересов социалистических, нейтралитских и западных стран при устранении единоличной власти Генерального секретаря, используемой, как показал опыт в Конго, по указке узкой группы стран Запада. Принципиальные положения советской программы чем дальше, тем больше встречали сочувственное понимание стран Африки.

США и их союзникам удалось сорвать принятие советских предложений, оказывая давление на афро-азиатские страны. Но провалились и планы США, нацеленные на превращение ООН в простого распорядителя судеб Африки. Африканские страны разрушили проамериканское большинство в ООН. В дальнейшем советские предложения по ряду политических проблем, в том числе и в отношении реорганизации ООН, стали стержнем в ее работе. 11 декабря 1963 г. Генеральная Ассамблея на своей XVIII сессии приняла резолюцию, рекомендующую Генеральному секретарю уделить внимание справедливому распределению должностей в ООН, особенно высших.

ООН не стала и не могла стать самодовлеющим фактором мировой политики, стоящим над составляющими ее странами-членами. Ее практическая роль определяется расстановкой сил между этими странами. И как раз благодаря новой расстановке сил выявилась возможность для ООН играть роль полезного инструмента в борьбе за всеобщий мир и безопасность народов.

Провал расчетов на превращение ООН в орудие неокOLONиализма вызвал в Вашингтоне раздраженные комментарии. Афро-азиатские страны подверглись упрекам за «чрезмерный антиколониализм»⁸⁹, который «нарушал дух сотрудничества и ослаблял ООН». Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» возмущался по поводу того, что страны Африки, «эти кусочки пустыни или джунглей», «внося в ООН только 2,5% того, что она тратит», осмеливались занимать собственные позиции в крупных международных вопросах⁹⁰. Дин Раск требовал «дисциплинировать» ООН, то есть запретить странам, не располагающим «ни обязанностями, ни средствами», предлагать ООН какой-то курс действий⁹¹.

Стремясь превратить ООН в механизм, «который мог бы взять на себя частично ответственность, лежащую на

США»⁹², американские империалисты добивались этого двумя путями. Во-первых, путем произвольного истолкования и ревизии уставных положений, незаконного повышения роли исполнительного аппарата, попыток изменить систему голосования по образцу акционерного общества, где большинством голосов обладают те, кто платит больше взносов, и т. д. Во-вторых, путем методического приспособления специализированных органов ООН и многочисленного штата чиновников и экспертов ООН к нуждам и задачам своей неоколониалистской политики.

Стремясь ограничить право голоса молодых государств, США выдвинули предложение: создать некий «финансовый комитет», в котором страны, платящие более крупные взносы, имели бы пропорционально большее представительство, чем на Генеральной Ассамблее. Смысл этого предложения сводился к тому, чтобы Генеральная Ассамблея решала в дальнейшем вопросы об операциях ООН, основываясь на рекомендациях данного комитета.

Самая серьезная попытка переломить новые тенденции в ООН, заставить афро-азиатские государства подчиниться империалистическому диктату, шантажируя их угрозами «кризиса» и «неминуемого краха» ООН, была предпринята Вашингтоном в связи с вопросом о финансировании «операций ООН» в Конго и на Ближнем Востоке. США требовали, чтобы СССР, прочие социалистические и некоторые другие страны оплатили по счетам Генерального секретаря агрессивные авантюры империализма. В противном случае США требовали применить к СССР ст. 19 Устава ООН о лишении права голоса за неуплату регулярных взносов в бюджет ООН. Они настаивали также на передаче, вопреки Уставу, всех таких вопросов в ведение Генеральной Ассамблеи, поскольку в Совете Безопасности им мешает принцип единогласия великих держав. Угрожая отказом поддерживать ООН, если их требования будут отвергнуты, США думали запугать афро-азиатские страны, заставить их плестись за собой и устроили на XIX сессии Генеральной Ассамблеи скандальную перепалку по этому надуманному вопросу. Но страны — члены ООН отвергли шантаж Вашингтона⁹³.

Еще опаснее и коварнее американские методы подтачивания независимости африканских стран путем использования специализированных органов и технической

помощи ООН в интересах монополий. Ставка делается на огромный аппарат чиновников и экспертов ООН. В 1962 году из общего числа в 18 тыс. 15 700 чиновников ООН были заняты в области экономического и социального развития в 125 странах, и в своем абсолютном большинстве это были граждане западных стран⁹⁴. Среди них особенно многочисленны американцы, и это позволило Дж. Бингхэму заявить, что в органах ООН США являются «самой влиятельной страной, не имеющей конкурентов»⁹⁵. США давно обратили внимание на этот «удобный» канал неоколониализма, и на прицел были в особенности взяты африканские страны, где помощь ООН наиболее значительна.

Характерен сам подход США к технической помощи по линии ООН: как и в случае с собственно американской «помощью», США, избегая всяких конкретных обязательств, добиваются подмены конкретного содействия странам-получательницам в развитии их национальной экономики расплывчатой технической «помощью», направленной на взятие под иностранный контроль их экономики, на осуществление «предынвестиционных» проектов, облегчающих экспансию монополий. До 50% и больше расходы на такие проекты несут сами страны-получательницы, но реализация этих проектов производится по усмотрению монополий, получающих от ООН всю нужную информацию. США превращают техническую помощь ООН в орудие экономической разведки в руках частного капитала.

Не случайно США возглавили борьбу против создания Специального фонда ООН для экономического развития или Фонда капитального развития ООН (САНФЕД), идея которого была выдвинута Индией еще в 1949 году. Развивающиеся страны имели в виду обеспечить через САНФЕД финансирование объектов, нужных для создания основ их индустрии, получая займы на более приемлемых, чем обычные коммерческие, условиях. В этом вопросе США вступили в многолетний конфликт с большинством ООН. Чтобы похоронить САНФЕД, США в 1957 году навязали ООН решение о создании Спецфонда ООН (создан в 1958 г. во главе с американцем П. Гофманом), который никак не заменял САНФЕД и предназначался для того, чтобы «заполнить разрыв между технической помощью и инвестициями капиталов»⁹⁶, то есть служить орудием монополий.

К концу 1963 года, например, средства, потраченные Спецфондом на привлечение капиталовложений, в 124 раза превысили все его прочие расходы. Развивающиеся страны ни в коей мере не считали Спецфонд заменой САНФЕД, требовали его превращения в САНФЕД, но США не шли ни на какие уступки. Африканские страны в этом вопросе прибегали к демаршам непосредственно перед Дж. Кеннеди. Однако в конце 1962 года США грубо заявили, что оставят САНФЕД «бесфондовым фондом», если ООН решит его создать. САНФЕД был создан только в 1966 году, но из-за обструкции США и других западных стран остался совершенно недейственным органом. В то же время Спецфонд, располагая всеми ресурсами и возможностями для действительной помощи развивающимся странам, не выполняет этой задачи и служит лишь мостом для проникновения частного капитала.

В 1965 году XX сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла решение о слиянии Расширенной программы технической помощи и Спецфонда ООН в единый механизм Программы развития ООН (ПРООН). США поддерживали эту реорганизацию, думая внедрить принципы и практику Спецфонда во всю сферу технической помощи ООН. И действительно, порочная практика Спецфонда стала руководящим началом в работе нового учреждения, вся деятельность которого ограничивается «предынвестиционной» работой, прокладыванием путей частному монополистическому капиталу.

ООН — арена обостряющейся борьбы в вопросе о путях развития молодых национальных государств. Советский Союз и другие социалистические страны предлагают такую реалистическую программу помощи в рамках ООН, которая исключала бы экономическое и политическое вмешательство во внутренние дела развивающихся стран, была бы универсальной по своему характеру, учитывала бы приоритет национальных планов развития и была бы направлена на изыскание средств содействия промышленному подъему данных стран. Эта точка зрения получает широкое признание. Так, на 41-й сессии ЭКОСОС в 1966 году развивающиеся страны требовали сочетать техническую помощь ООН с принципом государственного руководства ключевыми сферами экономики.

Американский империализм возглавляет борьбу против подобных настроений в ООН, отражающих тенденции мирового развития. Он не расстается с надеждой впрямь ООН в свою неокOLONиалистскую упряжку. Замысел Вашингтона сводится к тому, чтобы прозападно-капиталистическая ориентация афро-азиатских стран навязывалась им в качестве некоей международной доктрины, освященной авторитетом ООН. Империалисты США не оставляют усилий подключить ООН и ее органы к реализации своего плана глобальной капиталистической «интеграции» в той его части, которая касается Азии, Африки и Латинской Америки.

Общее и необщее с „общим рынком“

Неоколониализм в Африке характеризуется ростом противоречий между империалистами разных стран. Отношения между США и ЕЭС («общий рынок») стали одним из узлов таких противоречий. При общности исходных позиций относительно удержания Африки в орбите Запада и усиления империалистической эксплуатации континента США и ЕЭС вели борьбу за гегемонию в Африке, а в более широком смысле — за влияние в «третьем мире» в целом.

«Ассоциация ЕЭС — Африка» устраивает Вашингтон в той мере, в какой она является механизмом империалистического контроля. Но и «общий рынок», и его «еврафриканское» дополнение всегда рассматривались в США лишь как переходный этап на пути к более широкой, глобальной капиталистической «интеграции», центром которой должно быть «атлантическое сообщество», руководимое Соединенными Штатами и растворяющее ЕЭС в своем составе. Идеалом правящих кругов США является «атлантический империализм», свободный от конкуренции антиамериканской направленности и утверждающий их гегемонию в мире капитализма и в «третьем мире».

Эволюция ЕЭС, однако, превращала его в замкнутый рынок узкой группы западноевропейских стран, бросающий вызов монополиям Соединенных Штатов Америки и разрушающий их планы торгово-экономической, а в конечном счете и военно-политической реорганизации капитализма.

«Еврафриканское» ответвление ЕЭС также обретает черты замкнутой сферы влияния, подчиненной конкуренту США на основе особого торгово-инвестиционного режима и ломающей американскую схему унифицированной «интеграции» развивающихся стран в рамках «атлантического империализма». В данном случае принцип «коллективного колониализма» подвергается серьезному испытанию. В Африке ЕЭС продолжает свою политику торгово-экономической обособленности, слишком вызывающую с точки зрения тех пределов «главной ответственности Европы в Африке», которые Вашингтон готов признать. Вместо «разделения зон ответственности» между членами «западного союза» под контролем Вашингтона получилось, что ЕЭС сколачивает автономную зону влияния, возводя к тому же тарифные барьеры на пути к экспансии США в обширном районе Африки.

Политика США сводится к тому, чтобы преодолеть последствия торгово-экономической обособленности ЕЭС и ввести его в более широкую зону «свободной торговли», которая позволяла бы осуществлять перекройку сфер влияния по американской указке и приближалась бы к «атлантическому сообществу» в его первоначальном замысле («раунд Кеннеди», двукратное проталкивание Англии в «общий рынок»).

Еще в 1959 году в подготовленном по заказу сената докладе «Внешняя политика США и Западная Европа» отмечалось: «Американская политика руководствуется предположением, что движение за западноевропейскую интеграцию отвечает не только интересам США, но и целям НАТО, а также движению к *атлантическому единству*» (курсив мой.— В. Ф.). Но дальше следовала ясная оговорка: «Однако это предположение подвергается серьезному сомнению в случае тенденции к более узкому варианту западноевропейского единства... США должны поддерживать движение за политическую и экономическую интеграцию Европы с одним условием: если параллельно будет развиваться движение за более широкое североатлантическое единство»⁹⁷. «Политика США в отношении „общего рынка“ с момента его возникновения,— говорил Д. Ачесон,— заключалась в том, что с низкими внешними тарифами и прочими барьерами подобное предприятие хорошо, с высокими же — плохо, „Общий рынок“ приветствовался отнюдь не как инструмент ограничения европейской торговли внутри клуба под

французской гегемонией, а как крупный рынок, предназначенный для расширения торговли с чувством ответственности за состояние дел вне его пределов»⁹⁸.

В изнурительной тяжбе с ЕЭС США стремились нивелирующими соглашениями в рамках ГАТТ подточить его тарифные бастионы. Аналогична и политика США в отношении «ассоциации ЕЭС — Африка». Препятствуя созданию «закрытого магазина» ЕЭС в Африке, США требовали (и частично добивались) сокращения «преференций» для «ассоциированных» стран на рынках ЕЭС, а также ликвидации исключительного положения «шестерки» на рынках ее африканских партнеров. Один из американских методов борьбы заключается в том, чтобы добиваться выравнивания позиций неассоциированных и «ассоциированных» стран «третьего мира» по отношению к ЕЭС так, чтобы уступки первым сводили на нет «привилегии» вторых. Таким путем США стремятся разрешить экспортные затруднения развивающихся стран за счет своих конкурентов в Европе, отвести от себя обвинения за ухудшающиеся условия торговли для этих стран и расширить с их помощью фронт наступления на тарифы ЕЭС.

США добиваются выработки единой торгово-экономической политики западных стран в рамках ГАТТ по отношению ко всем развивающимся странам, обходя ЕЭС и с этой стороны, а также используя тот факт, что в «ассоциации» заинтересована в основном Франция, в то время как ФРГ, Италия и Голландия имеют более широкие торговые связи с развивающимися странами за пределами «ассоциации». Прикрытием американского наступления на ЕЭС является версия о «защите законных прав» важнейших партнеров США в «третьем мире» — стран Латинской Америки (фактически же — американских трестов в Латинской Америке). Взамен «ассоциации» США хотят создания в Африке единой модели империалистической эксплуатации, дающей равные возможности империалистам всех (стало быть, прежде всего империалистам США) западных стран. Это частный случай борьбы США за общую стратегию «атлантического сообщества» в отношении «третьего мира».

Когда два слона дерутся, гласит африканская пословица, страдает трава. Африка неизменно является страдающей стороной в борьбе США с ЕЭС, которая представляет собой очевидный рецидив традиционной импе-

риалистической политики сфер влияния с весьма длительной историей.

После второй мировой войны (сама идея зародилась в период между двумя мировыми войнами) правящие круги стран Западной Европы в поисках выхода западноевропейского капитализма из кризиса занялись усиленной разработкой «еврафриканских концепций», предусматривавших соединение Европы и Африки в одно целое с точки зрения экономики и политики. Сначала «Еврафрика» считалась магическим средством продления жизни «традиционного» колониализма. Затем в ней стали видеть гарантию прочности системы неоколониализма, нерасторжимости экономической зависимости бывших колоний от бывших метрополий. «Еврафрика» считалась существенным элементом военно-стратегического и политико-экономического фундамента НАТО. Сущность «еврафриканских» планов заключалась в том, чтобы Западная Европа в рамках согласованной политики обеспечила Африке финансовые средства и «техническое руководство», необходимые для модернизации системы колониально-капиталистической эксплуатации, взамен чего Африка должна была согласиться на «рациональную» эксплуатацию ее богатств в целях постоянного оплодотворения западноевропейского капитализма. В идеале «Еврафрика» мыслилась как хозяйственный и политический ансамбль, связывающий эксплуатируемого с эксплуататором новыми узами подчинения.

Влиятельные поборники «Еврафрики» имелись во всех западноевропейских странах, в их числе выступали Э. Бевин, А. Пинэ, Ж. Моннэ и др. Особое вождение такие планы вызвали в Западной Германии. Обобщенно содержание «Еврафрики» выразил К. Пино в выступлении на Генеральной Ассамблее ООН 4 февраля 1957 г.: «Единая Европа, предоставляющая Африке свои капиталы и технические знания, должна обеспечить превращение огромного африканского континента в существенный фактор мировой политики» (т. е. укрепить позиции западноевропейского капитализма за счет Африки.— В. Ф.)⁹⁹.

Только перечень «еврафриканских» мероприятий в рамках ОЕЭС, ЕОУС, Европейского совета и т. д. потребовал бы много места. 25 сентября 1952 г. появился важнейший «еврафриканский» документ — резолюция Консультативной ассамблеи Европейского совета (Страс-

бургский план), призывавшая к экономической координации внутри «зоны, образуемой странами Западной Европы вместе с заморскими территориями, а также территориями и доминионами, конституционно связанными с ними». В 1955 году при Консультативной ассамблее был создан Комитет экспертов, который в сентябре 1957 года представил доклад «Развитие Африки», предлагавший за эталон «сотрудничества» взять «план Колombo», то есть создать систему, открытую для всех стран и организаций капиталистического мира, желающих участвовать в «развитии» Африки.

США активно поддерживали все эти начинания. США выступали за «Еврафрику», как и за «единую Европу» (в поддержку которой Вашингтон начал усиленную кампанию с октября 1949 г.), потому что считали их первыми компонентами будущего «атлантического партнерства» с Соединенными Штатами в качестве его гегемона. «Единая Европа», эволюционирующая в сторону такого «партнерства», и Африка, тесно связанная с нею, могли стать краеугольным камнем глобальной капиталистической «интеграции», причем США заранее отводили себе в «еврафриканском» плане роль всемогущего арбитра.

15 января 1957 г. госдепартамент выступил с заявлением, выразившим готовность США содействовать «любым акциям, имеющим целью укрепить политическую и экономическую силу стран Западной Европы в рамках все расширяющегося Атлантического союза»¹⁰⁰. Это было предостережение, отразившее уже немалый к тому времени накал борьбы в западном лагере и тревогу США относительно опасных отклонений от их собственного понимания «Еврафрики». Дело в том, что чем дальше, тем больше правящие круги западноевропейских стран связывали реализацию своих «еврафриканских» концепций с усилением позиций собственных монополий в конкурентной борьбе против монополий США.

Практически в жизнь был претворен такой вариант «Еврафрики», который менее всего устраивал Вашингтон и который приобрел не только антиамериканскую, но и антианглийскую направленность. Ст. ст. 131—136 Римского договора от 25 марта 1957 г., оформившего создание ЕЭС, а также Конвенция о применении договора предусматривали включение в «общий рынок» «неевропейских стран и территорий, имеющих особые отношения с Бельгией, Францией, Италией и Нидерландами»¹⁰¹.

Новая конвенция, выработанная в 1962 и вступившая в силу в 1964 году, продлевала отношения «ассоциации» двух десятков стран Африки с ЕЭС. Принципиально конвенции похожи и исходят из прогрессивного снижения (до полной отмены) пошлин на импорт из стран Африки в европейскую «шестерку», как и пошлин на импорт стран Африки из «шестерки». В этом «равенстве» заключена опасность удушения промышленного развития «ассоциированных» с ЕЭС стран, которую совершенно не устраняет недейственная оговорка о их праве вводить «недискриминационные» пошлины для защиты зарождающихся отраслей промышленности. ЕЭС означает целенаправленное вмешательство монополистического капитала в формирование международных условий производства и обмена. Это — механизм эксплуатации большой группы развивающихся стран на основе методов «коллективного колониализма»¹⁰².

США выразили недовольство подобным извращением принципа «еврафриканской интеграции» и уже в конце 1957 года, на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подчеркнули, что детали «общего рынка» еще должны отрабатываться и что ГАТТ — единственный подходящий форум для обсуждения этой проблемы. Это была декларация намерения сковать автономию ЕЭС, а в качестве программы своих действий США ухватились за упомянутый выше доклад Комитета экспертов от сентября 1957 года, который предлагал сделать «организациями-зонтиками» в Африке не только ЕЭС, но и ЕАСТ, поручив общее руководство Европейскому совету и ОЕЭС как политико-экономическим органам НАТО.

В 1959 году в докладе, представленном сенатской комиссии по иностранным делам, профессор Северо-Западного университета М. Герсковиц детально развил идеи доклада Комитета экспертов, напирая в особенности на желательность участия США в «мерах по содействию экономическому росту» Африки. Что же касается «ассоциации» ряда стран Африки с «шестеркой», то этот проект называли в США «сомнительным просто хотя бы потому, что он выдвигается и связывается с одним из двух зарождающихся и конкурирующих европейских торговых блоков, а именно — ЕЭС»¹⁰³. С созданием в октябре 1961 года ОЭСР в составе 20 западных стран США добиваются, чтобы «развитие» Африки было совместным «предприятием» стран — членов данной организации.

«Протекционистская Еврафрика,— подчеркивала газета «Трибюн де насъон»,— кажется опасной экспертам Вашингтона»¹⁰⁴. Правительство Дж. Кеннеди в этом плане заняло позицию «отрицания особых уз» стран Африки со странами Западной Европы, оказывая в рамках такой позиции давление на зону франка и на положение входящих в нее африканских стран. Оружием американского империализма в борьбе вокруг «Еврафрики» стал лозунг «свободного обмена всех тропических продуктов в мировом масштабе».

Представители США в Брюсселе вели неустанное наступление на «еврафриканские» преференции ЕЭС, прибегая к контрмерам через механизм ГАТТ. Так, в 1959, 1960 и 1961 годах «общий рынок» снижал тарифы на продукцию «ассоциированных» стран, но под давлением ГАТТ предоставлял параллельно уступки и другим развивающимся странам, обесценивая преимущества «ассоциированных» партнеров. В июне 1961 года США в меморандуме странам ЕЭС потребовали ликвидировать режим преференций и таможенные барьеры ЕЭС на импорт из неассоциированных стран, исходить из «единого международного критерия» в торговле с развивающимися странами. Это дало бы преимущества американским производителям тропических продуктов в Латинской Америке и облегчило бы проникновение монополий США в Африку. 5 февраля 1962 г. США вновь выступили с аналогичным меморандумом, вызвавшим бурю возмущения среди присоединившихся к ЕЭС стран Африки. Под давлением США «общий рынок» в течение 1962—1963 годов в значительной мере ликвидировал ранее применявшиеся преференции и отошел от варианта таможенных установлений, выдвинутого Францией.

Новая конвенция об «ассоциации» предусмотрела немедленную отмену таможенных пошлин на ряд важных сельскохозяйственных продуктов «ассоциированных» стран. Но в результате демаршей США «шестерка» пошла на снижение таможенных пошлин и в отношении других стран-производителей. В частности, пошлины на кофе и какао были снижены для них на 40%. Кроме того, ЕЭС избегает брать на себя твердые обязательства относительно расширения контингентов импортируемых из «ассоциированных» стран товаров¹⁰⁵.

Характерно, что на совещании «шестерки» и 18 африканских стран, а также на совещании афро-мальгашской

группы в апреле 1964 года незыблемость преференций уже никому не казалась аксиомой. Наоборот, речь шла о их постепенной ликвидации, и представители «ассоциированных» стран ограничились лишь просьбами о получении, в случае их отмены, эквивалентных торговых преимуществ и «всемирной организации рынков». Шаг за шагом подрывая механизм ЕЭС в Африке, США готовят почву для общей перестройки торгово-экономических отношений в рамках всего западного мира, при этом они опираются на сторонников «атлантизма» внутри ЕЭС, прежде всего на финансово-промышленные круги Западной Германии.

«Всемирная организация рынков», о чем просили африканские участники ЕЭС, постепенно вырабатывается империалистами, но не так, как этого хотели бы в Африке. В этой «организации» не только африканским, но и всем прочим развивающимся странам отводится роль бесправных статистов. «Евразийская проблема», столь мучительная для «ассоциированных», все больше становится частной деталью поисков сделки между США, ЕЭС и прочими империалистическими странами. Ставками в этой сделке являются передел рынков и сфер влияния между крупнейшими монополистическими союзами, соглашения между которыми и должны определить судьбы развивающихся стран.

Американские правящие круги руководствуются при этом собственной программой «сверхимпериализма», суть которой сенатор Дж. Джавитс обрисовал так: «1) экономическая интеграция атлантического сообщества с годовой продукцией почти на 1 триллион долл.; 2) использование этой интегрированной экономической мощи для социального прогресса и увеличения сил обороны внутри атлантического сообщества, а также для содействия усилиям по развитию менее развитых стран свободного мира, которые ищут выхода из вековой отсталости...»¹⁰⁶. Речь идет об экономическом «единстве» в качестве фундамента НАТО и хорошо отлаженного «коллективного колониализма» под американским лидерством. Сама эволюция развивающихся стран должна быть чем-то производным от «атлантического империализма», содействовать усилению господства основных империй монополистического капитала. В этой схеме «сверхимпериализма» снижение пошлин — только первый шаг на пути к глобальному переделу рынков и к созда-

нию новых «сверхмонополий», осуществляющих перегруппировку на основе «силы капитала». Согласно этим замыслам, Западная Европа должна стать новой державой — партнером США и вместе с ними, под их «руководством» навязывать развивающимся странам унифицированную систему неокOLONиализма на основе нового передела «третьего мира».

Тотальное насилие

Помимо официальной дипломатии американский империализм применяет и тайную дипломатию, сущность которой сводится к прямой политической диверсии. Тайная дипломатия США в Африке развилась в курс беспощадной враждебности по отношению ко всем национальным силам, выступающим за прогрессивные методы и пути развития своих стран. США используют машину тотального вмешательства для расправы с этими силами. Многие африканские страны становятся объектами перманентной диверсионной операции аппарата тайной войны — американского ЦРУ.

Американский империализм присвоил себе «право» как бы корректировать внутреннее политическое развитие стран Африки методом необъявленной войны, дополняя ею основные, рассчитанные на долговременное воздействие средства неокOLONиализма вроде «помощи» и уменьшая подобным образом организованное сопротивление его наступлению. «ЦРУ,— отмечал «Африкэн комьюнист»,— и другие американские организации... лихорадочно защищают империализм и реакцию от сил национального освобождения и социализма. Оружием им служат интриги, подкуп, коррупция и политические убийства... Возможно, Лумумба в Конго и был убит руками африканцев, но доллары, оплатившие это преступление, и методы политического гангстеризма, выражении которого оно стало,— американского происхождения».

Диверсионная практика Вашингтона контрастно оттеняет фальшь его официальных заявлений. Официально Л. Джонсон говорит, например, о «единстве целей, объединяющем оба континента», о «новых согласованных действиях и идеях»¹⁰⁷. Но практика вмешательства превращает этот тезис в политическое мошенничество: на деле он относится только к послушным проводникам

политики империализма, для прогрессивных же режимов уготованы заговоры ЦРУ.

В последнее время принципиальной основой политики американского империализма в отношении африканских, как и прочих развивающихся стран, становится все шире и циничнее развешиваемая доктрина империалистического патернализма, доктрина «имперской ответственности» США в глобальном масштабе. Директор Вашингтонского центра исследований внешней политики Р. Осгуд пишет: «В известном смысле позиция США напоминает позицию имперской, хотя и неимпериалистической (?), державы»¹⁰⁸. Эта «позиция имперской державы», согласно разъяснениям американского автора Р. Мастерса, означает, что создание мировой американской империи следует понимать как «реальную цель» внешней политики США — не путем распространения американских границ на весь мир, а путем установления американского всемирного косвенного господства¹⁰⁹. Основная мысль толкователей этой империалистической доктрины сводится к тому, что США, дескать, занимают по отношению ко всему современному миру ту же позицию, какую древний Рим занимал по отношению к остальному древнему миру. И отсюда уже прямо «обосновывается» претензия на осуществление Соединенными Штатами функций мирового жандарма, выводится их «право» устанавливать повсюду угодные Вашингтону порядки теми средствами, какие он сам найдет подходящими. Причем, поучал сотрудник Вашингтонского центра исследований внешней политики Дж. Лиска, США могут добиваться «имперских» целей в одних случаях косвенными, скажем торгово-экономическими, методами, в других же случаях «американское руководство должно быть... прямым и насильственным». Если в отношении Европы применимо «косвенное, расплывчатое руководство», то в отношении «неевропейского мира» оно должно быть «более прямым». В полном соответствии с внешнеполитической практикой США Дж. Лиска советует обращаться с народами Азии, Африки, Латинской Америки без церемоний. Экономические инструменты, говорит он, «как бы искусно они ни приспособлялись к стратегии политического развития», не могут сами по себе «создать стабильный новый порядок», здесь «инструменты влияния и контроля» — «все еще военные»¹¹⁰. Это открытая декларация политики насильственного утверждения нео-

колониалистских порядков, в духе которой американский империализм все больше действует в «третьем мире» и в Африке.

Фигурным листком этой политики является постулат «национальной безопасности» США, также сводящийся к оправданию захватнических поползновений. Выступая 21 сентября 1966 г. перед членами Национального совета промышленной конференции в Нью-Йорке, Д. Раск говорил, что «национальная безопасность» США может быть обеспечена «с помощью политики и обороны» не иначе, как в глобальном масштабе, причем для поддержания мира в том виде, который устраивает США, требуются «напряженные усилия». По существу это только предлог для повсеместного и весьма «напряженного» вмешательства. Ясно скажем: Африка не угрожает безопасности США, и никакой угрозы такого рода там возникнуть не может. Постулат «безопасности» служит здесь избитой дипломатической уловкой для попрания независимости стран Африки.

В Африке «имперские» претензии США проявляются с подлинно колонизаторской бесцеремонностью, путем переноса на континент практики латиноамериканских пронуццианто. Заговор — постоянно действующее оружие дипломатии США в Африке. Все американские анализы африканской действительности «подтягиваются» к оправданию подрывной деятельности империализма, господствующей среди них является версия, согласно которой вообще не существует империалистического вмешательства, а существует «хаос» либо чисто африканский по своим причинам и содержанию, либо вызываемый «коммунистическим проникновением». В этом контексте наглое вмешательство в дела африканских стран выдается чуть ли не за единственную гарантию «поддержания порядка».

В декабре 1964 года, после «стэнливилльской операции», Э. Стивенсон и Х. Кливленд прямо заговорили о «законности» вмешательства вплоть до войны. «В Африке,— цинично утверждал Э. Стивенсон,— почти каждая страна хочет и нуждается в помощи извне... Поэтому иностранцы должны быть (!) замешаны в какой-то мере в их внутренние дела». Единственным критерием для вмешательства, по его словам, является приглашение «законного» правительства. Он обошел, разумеется, вопрос о том, что предварительным этапом такого «приглаше-

ния» (а вопрос стоял о «правительстве» Чомбе!) является, как правило, насильственное создание марионеточного режима.

ЦРУ создало скандальную репутацию дипломатии США в Африке. Активность ЦРУ проявляется в заговорах, шпионаже, терроре, разнузданной пропагандистской кампании. Оно использует специальный фонд для подкупа африканских лидеров. Процесс проникновения США в страны Африки, отмечал нигерийский еженедельник «Эдванс», начинается с попыток заручиться поддержкой руководителей их национальных армий, которые и становятся орудиями Вашингтона, как показали примеры Конго (Киншаса), Ганы, Нигерии, Эфиопии и других стран. ЦРУ развертывает деятельность в еще борющихся национально-освободительных движениях, с тем чтобы внедрить своих людей в будущие правительства и отсеять от руководства ими прогрессивные элементы. По утверждению еженедельника, ЦРУ было замешано в таких делах, как подстрекательство эритрейских националистов для оказания давления на императора Эфиопии, поддержка сепаратистов Южного Судана, вербовка агентов в Гвинее, организация террористических актов против ряда общественных и государственных африканских деятелей и т. д.¹¹¹

Серия разоблачительных статей в «Нью-Йорк таймс» показала, что ЦРУ организовало переброску в Конго самолетов и летчиков из числа кубинских контрреволюционеров для разгрома национальных сил и поддерживает антиправительственные оппозиции в ОАР и Алжире¹¹².

Летом 1965 года империалисты и местная реакция с помощью ЦРУ вынашивали планы использования воинских частей ОАР для удара по революции. В июле 1965 года арест американского шпиона М. Амина раскрыл заговор ЦРУ в ОАР.

Размах действий американского ведомства тайной войны поистине широк. Оно оказалось причастным к заговору французских генералов-оасовцев в Алжире в апреле 1961 года, имевшему целью сохранение колониального Алжира наряду с ликвидацией Пятой республики во Франции. Особенно долгую и упорную борьбу вело ЦРУ против правительства К. Нкрумы в Гане. И когда 24 февраля 1966 г. переворот реакционной военщины привел к устранению К. Нкрумы, сразу же обнаружи-

лось, что без ЦРУ тут не обошлось: бывший начальник гангской разведки К. Амихия признался, что он участвовал в подготовке переворота как агент ЦРУ. В ноябре 1964 г. в руки правительства Танзании попали документы, свидетельствующие о намерении ЦРУ в сговоре с Португалией свергнуть это правительство. А 15 января 1965 г. из Танзании были высланы за шпионскую деятельность советник посольства США Р. Гордон и консул США на Занзибаре Ф. Карлуччи. В Конго (Браззавиль) ЦРУ посылало в августе 1964 года ящики с оружием для контрреволюции, а в июле 1965 года засылало диверсионные группы контрреволюционеров.

Не менее активным является вмешательство ЦРУ в национально-освободительные движения оставшихся колоний, с тем чтобы расколоть их ряды, найти проимпериалистических агентов, обеспечить преобладающее американское влияние в будущих независимых государствах. Особенно опасны его интриги в Анголе, где агенты ЦРУ давно установили контакты с различными отрядами освободительного движения. Сделано это для того, чтобы затруднить борьбу подлинных сил национального освобождения в лице Народного движения за освобождение Анголы и укрепить позиции американского ставленника Х. Роберто и возглавляемого им Союза народов Анголы. Предательская роль Роберто давно разоблачена военными и политическими лидерами освободительного движения Анголы.

Не случайно, например, президент Уганды М. Оботе называл США страной, которая управляется гангстерами¹¹³. Поведение США в Африке бесспорно давало все основания для подобного резкого заявления. И этот политический гангстеризм оправдывается обычно американскими империалистами затасканными антикоммунистическими измышлениями. Несомненно, США действуют в унисон с политической реакцией в Африке. В глазах же подлинных национальных сил африканских стран, хотя бы и далеких от коммунизма, ничто так не развенчивает политику США и не накладывает на нее печать одиозности, как эта антикоммунистическая истерия. У Африки, заметила однажды «Ганиэн таймс», «набилась оскомины» от «антикоммунистического воя», поднимаемого по каждому случаю получения странами Африки помощи от социалистических стран или поездок африканских руководителей в эти страны¹¹⁴. Любой шаг аф-

риканцев в сторону самостоятельности, защиты своих законных прав, ограждения суверенитета и проведения внутренних преобразований в национальных интересах выдается Вашингтоном за признак «коммунистического проникновения», что в свою очередь используется как повод для вмешательства.

Миф о «коммунистической опасности» основан на искажении исторической правды, и поэтому столь естественна скудость аргументов его распространителей. «Многие вымышленные факты, приписываемые коммунизму в Африке,— признает В. Маккей,— являются информацией из пятых рук, доходящей до нас через мир сплетен и слухов на коктейлях»¹¹⁵. Заводя политику в дебри антикоммунизма, правящие круги США вредят в сущности и себе, подменяют антикоммунизмом реальный учет движущих сил в странах Африки и вызывают раздражение у африканцев, давно рассматривающих сотрудничество с социалистическими странами как гарантию национальной независимости. «В основном,— писал Р. Эмерсон,— проблемы, с которыми сталкиваются США в Африке, были бы теми же самыми, даже если бы Советский Союз никогда не появился на свет»¹¹⁶.

Поэтому и антикоммунизм политически бесплоден. Отождествляя чаяния поднимающихся народов с «присками коммунизма», США противопоставляют себя «третьему миру», чреватому революционными изменениями. Нельзя сказать, чтобы этого не понимали умные защитники империализма в США: об этом писали С. Сульцбергер, Г. Моргентау и др., говорил об этом сам Дж. Кеннеди. Но такова инерция классового инстинкта буржуазии, такова ослепляющая сила ее ненависти к миру социализма, что даже осознанную необходимость прагматического маневра она не может претворить в реальную политику.

Африканцы понимают, что не заботой об их нуждах, а стремлением превратить Африку в стратегический резерв Запада определяется политика США. Под флагом антикоммунизма империализм США хочет прервать сам процесс становления национально независимых стран. Это вытекает, например, из трактовки «проблемы коммунистического проникновения» В. Маккеем: «Африканская революция неизбежно отвечает русской цели отрыва Африки от Запада. В этом узком смысле любая потеря Запада может рассматриваться как приобретение (?!)

Советского Союза»¹¹⁷. Получается, что само высвобождение африканского государства из-под империалистического контроля, укрепление его суверенитета являются основанием для установления факта «коммунистической опасности» и для вмешательства под лозунгом «отпора коммунизму».

Учитывая слабость коммунистического движения в Африке, идеологи американского империализма изобретают концепцию об «афрокоммунизме», под которую подводятся все объективно неизбежные и нарастающие национально-демократические процессы в странах Африки. Таким образом, для стратегии антикоммунизма категорией «коммунистической опасности», объектом удара становятся все внутренние тенденции развития молодых государств, определяемые задачей укрепления независимости.

Мания коммунизмофобии порождает примечательную политическую тупость, которой отличается в первую очередь сенат США. Вот один, но вполне достаточный, пример. В 1964 году сенатор Миллер произнес истерическую речь, требовавшую от правительства пресечь «растущее коммунистическое влияние» в Алжире. Любопытны факты, которые кажутся сенатору «основанием» для американского вмешательства: передача московского радио 5 ноября 1963 г. о заключении советско-алжирского торгового соглашения; получение Алжиром 29 декабря 1963 г. советского кредита в 100 млн. долл. на нужды экономического развития; критика алжирским радио правительства Джонсона за поддержку антикубинских пиратов; наличие у Алжира танков и самолетов советского производства; получение Алжиром советского кредита в 127,6 млн. руб. для постройки металлургического комплекса и соглашение о создании в Алжире с советской помощью института на 2 тыс. студентов¹¹⁸.

Оказывается, и в отношениях между собой страны Африки должны оглядываться на Вашингтон с его лакмусовой бумажкой антикоммунизма. Так, например, разъясняла «Нью-Йорк таймс», ссылаясь на мнение правительственных кругов, США «обеспокоены» сближением Алжира с ОАР, поскольку за этим не может скрываться ничего, кроме «вторжения Насера» в Алжир, а фактически — «вторжения» СССР и т. д.¹¹⁹

С точки зрения правящих кругов США, Африка — континент, зараженный «микробом коммунизма», крайне

«нестабильный». Признаками «нестабильности», «заразы» считаются сами процессы укрепления политической и экономической независимости стран Африки. Признак «стабильности» для Вашингтона — незыблемость неоколониалистских порядков.

В таком подходе американских империалистов к проблемам Африки заложено опровержение их внешнеполитического трафарета о «естественной взаимозависимости» Африки с Западом. На деле Африка «заражена» совсем иными настроениями и чаяниями. «Интеграция» в лоне капитализма, бывшего причиной колониального рабства, не прельщает африканцев, они хотят настоящей независимости. Идея отрыва от капитализма после ликвидации колониализма, признает В. Маккей, «оказалась сильной для африканцев»¹²⁰. Как отмечает профессор Калифорнийского университета П. Сибири, «для многих из этих новых стран опыт и достижения Советского Союза в экономической трансформации» оказались «более убеждающими, чем опыт буржуазного, западного мира...»¹²¹.

Африканские народы отвергают американскую претензию на установление антикоммунистического критерия их независимого существования. Отвергают они и попытки использовать антикоммунизм для внешнеполитической изоляции африканских государств, для возведения барьеров между ними и странами социализма. Неуклонное расширение дипломатических и иных отношений стран Африки со странами социализма, в первую очередь с СССР, служит наглядным свидетельством того, насколько даже прозападные режимы дорожат этой гарантией своей независимости — отношениями с мировым социализмом.

Неоколониалистская стратегия США с антикоммунизмом в качестве ее основного содержания направлена на подрыв политики неприсоединения или позитивного нейтралитета, проводимой африканскими государствами. Политика неприсоединения логически вырастает из антиколониальной борьбы народов. В период становления молодых независимых государств она является реальной альтернативой навязываемой империализмом блоковой политике, обеспечивает международные условия для необходимых социально-экономических преобразований в странах Азии и Африки, для их развития в обстановке мира и неучастия в гонке вооружений. На рельсах непри-

соединения страны Азии и Африки и сами превращаются в важный фактор всеобщего мира и безопасности. Решающее значение имеет то, что позитивный нейтраллизм открывает путь к широкому сотрудничеству со странами социализма, укрепляющему независимость молодых государств.

Но именно поэтому политика неприсоединения и подвергается нападкам со стороны США. Их открытая враждебность неприсоединению была продемонстрирована после конференции неприсоединившихся стран в Белграде, состоявшейся в сентябре 1961 года. Лично президент Кеннеди заявил тогда, что впредь «помощь» США будет предоставляться в основном странам, «придерживающимся нашей точки зрения на мировой кризис»¹²².

Сама проблема неприсоединения становится предметом грубейших фальсификаций дипломатии и политической науки США. Правда, даллесовский тезис об «аморальности» позитивного нейтраллизма не повторяется. «Позиция африканцев заставила Соединенные Штаты отказаться от идеи, что нейтраллизм „аморален“»¹²³. Но далеко ли от даллесовского тезиса ушел Дин Раск, толкующий нейтраллизм стран Африки в том смысле, чтобы они «были нейтральны не против нас, а против наших врагов»?¹²⁴ Неприсоединению, иначе говоря, дается такое толкование, которое означает именно присоединение, притом самое недвусмысленное, к одному из блоков; оно должно утратить значение принципа и орудия независимых оценок и подхода к мировым делам и быть чем-то вроде «внеблокового блокирования» стран Азии и Африки с империалистическими державами.

В основе позиции США лежит обанкротившаяся, но отнюдь не отброшенная «теория вакуума». Это — порожденный «холодной войной» вариант стародавней империалистической доктрины «сфер влияния» и «блокового равновесия». Согласно данной «теории», уход колонизаторов из колоний образует «вакуум», который не может быть заполнен «слабыми», «нестабильными» новыми государствами. В зоне этих государств обязательно должно превалировать какое-то внешнее (конечно, империалистическое) влияние. Им самим, дескать, просто «не дано» определять политическое лицо занимаемой ими зоны. Один из авторов цитированного выше сборника «Идея колониализма» У. Эллиот заявляет, например, что Нигерия и Золотой Берег (так он называет Гану в 1958 г.!) в лучшем

случае способны на какое-то «самоуправление», но не могут быть «кандидатами на полную национальную независимость и на членство в ООН». Для таких стран суверенитет вообще сводится к «фикции»¹²⁵. С тем же колониаторским высокомерием третирует новые страны Дж. Лиска. В Азии, Африке и Латинской Америке, толкует он, нет и «подобия равновесия силы», там нет государств, способных к «более широкой ответственности», чем их домашние дела¹²⁶. Столь откровенное отрицание государственного суверенитета, права народов на самоопределение и на самостоятельную роль в международной жизни должно доказать, будто у государств Азии и Африки вообще не может быть собственной политики, им предстоит всегда быть придатками блоков.

Отсюда уже автоматически перебрасывается мост к утверждению, конкретизирующему понятие неокOLONIALИСТСКОЙ «взаимозависимости», а именно — независимые суверенные государства Азии и Африки должны примыкать к блоку империалистических держав. Интерпретация неприсоединения полностью подчинена постулату об обязательности и безусловности склонения развивающихся стран в сторону Запада. В вопиющем противоречии с реальностью за «нейтрализм» выдается поддержка политики империализма, в то время как независимый внешнеполитический курс, а тем более критика в адрес Запада или развитие контактов со странами социализма считаются «явным отходом» от нейтрализма. Стоило К. Нкруме разоблачить колониализм в речи на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, как государственный секретарь К. Гертер назвал его «весьма определенно движущимся в сторону советского блока»¹²⁷. И вплоть до свержения правительства К. Нкрумы в феврале 1966 года Гана оставалась объектом подобных нападок.

Противопоставление позитивного нейтрализма развитию сотрудничества афро-азиатских стран с социалистическим содружеством есть постановка проблемы с ног на голову. Для новых государств Азии и Африки, бывших в период колониального господства бесправным придатком и военно-экономическим резервом империализма, неприсоединение как раз означает прекращение этого исторически унаследованного состояния и проведение независимого курса в мировых делах не иначе, как в развитии отношений со странами социализма. Подрыв неприсоединения под маркой «помощи» (особенно в форме «пшенич-

ной дипломатии») — существенный аспект американского неокOLONиализма в Африке.

Особенно яркий пример этому дает ОАР, где тайная война против режима Г. А. Насера ведется Вашингтоном буквально с 1952 года и резко усилилась с началом социально-экономических преобразований 1962 года. Прежде всего ОАР — объект разнузданной пропагандистской войны США. Египетский курс против внутренней реакции выдается за «укрепление диктатуры», развитие сотрудничества с СССР и странами социалистического лагеря за «превращение страны в коммунистического сателлита», а укрепление связей с силами национального освобождения в других странах — за «имперский экспансионизм», в частности по отношению к Африке. «Нью-Йорк таймс» ясно разъяснила однажды, почему борьба ОАР за освобождение арабских народов от империализма выдается Вашингтоном за «империализм Насера»: все дело в том, что она «угрожает арабским монархиям, в которых имеются крупные нефтяные капиталовложения Запада». «Помощь» США, добавляет газета, оказывалась Каиру только для того, чтобы «сохранить сдерживающее влияние на Египет»¹²⁸. Бывший посол США в ОАР Дж. Бадо так раскрыл сущность тактики подрыва внешнеполитического курса ОАР: «Или за американскую пшеницу Египет поддержит американские взгляды, или американская пшеница ему не будет предоставлена»¹²⁹.

Наряду с этим не прекращалось военное давление на ОАР путем вооружения Израиля и попыток втянуть ее в военные союзы антисоветской направленности. Дж. Кеннеди выдвинул в отношении ОАР линию «выборочного сотрудничества», имевшую целью побудить ОАР отказаться от активной внешней политики.

Принципиально того же курса придерживаются США в отношении Алжира, Ганы (при правительстве К. Нкрумы), Гвинеи, Танзании и других стран, проводящих антиимпериалистическую политику.

По всем направлениям политика США нацелена на «подтягивание» ситуации в Африке к такому состоянию, которое воплощает неокOLONиалистскую «взаимозависимость», «интеграцию» континента в лоне капитализма под эгидой империализма США.

IV

МЕЧ ПЕНТАГОНА

Эволюция взглядов военщины

Неоколониалистский курс США неотделим от попыток использования Африки в агрессивных планах, а также создания на континенте «фактора силы», угрожающего освободительной борьбе народов.

Существует сложная система инфраструктуры и «присутствия» НАТО на континенте, складывающаяся из «национальных» элементов колониальных держав—членов НАТО. С одной стороны, базы, арсеналы и гарнизоны бывших метрополий рассматриваются ими как «окончательный аргумент» в пользу их преобладания в бывших колониях и в этом смысле выполняют функцию колониального надзора, призванного, в частности, пресечь порой слишком опасные поползновения со стороны США. Именно таков был один из аспектов французской интервенции в Габоне, предпринятой в феврале 1964 года для восстановления уже практически свергнутой марионетки Леона Мба.

Но, с другой стороны, для народов Африки все элементы системы НАТО, независимо от их «национальной принадлежности», в равной степени воплощают угрозу их национально независимому существованию. В решающих столкновениях империализма с национально-освободительным движением военная машина НАТО в целом может превращаться в орудие агрессии. Это и доказали события в Конго: бельгийско-натовские базы в Конго (Камина, Китона, Матади) служили пунктами развертывания агрессии, а база США Уилус-филд (Ливия) — перевалочным пунктом при переброске войск интервенции.

Наибольшая опасность для народов Африки исходит от военщины Пентагона. И не только в силу наличия на их земле собственно американского механизма вооружен-

ного вмешательства. Господство американского империализма в НАТО дает ему возможности использовать и базы, принадлежащие его союзникам. При этом, как показывают факты, американская агрессия против Африки может исходить не только с периферийных, африканских баз НАТО, но и непосредственно с национальных территорий союзников США по НАТО, даже вопреки занимаемой ими отрицательной позиции. Сенсационные разоблачения на этот счет были даны итальянским журналом «Вие нуове». Как выясняется, помимо военных договоров, заключенных Соединенными Штатами с другими странами, существует еще 4 тыс. тайных соглашений, в том числе со странами НАТО, которые позволяют Вашингтону рассматривать союзников как «зависимые колонии» и использовать их национальные территории для чисто американских военных авантюр. Что касается Африки, то опасность использования НАТО как средства американской агрессии раскрылась с особой очевидностью: в 1961 году, вопреки позиции Франции, США использовали свою базу в Шатору для переброски войск в Конго, а в 1964 году — «при явном несогласии Франции» — базу в Эрвё для «стэнливилльской операции»¹.

В начальной фазе «холодной войны» африканская «северо-восточная дуга» считалась военщиной США и НАТО крайне важной позицией для нападения на Советский Союз. В дальнейшем как исходная позиция агрессии Африка несколько утратила свое значение в сравнении с бороздящими океаны подводными лодками, вооруженными ракетами «Поларис», а также базами межконтинентальных ракет, расположенными на территории США и в других районах мира. Сейчас Африка для Пентагона прежде всего — важное фланговое продолжение инфраструктуры НАТО в Западной Европе и важнейший источник стратегического сырья. В то же время военные объекты США в Африке приобретают для Пентагона иное по характеру, но отнюдь не менее важное, чем раньше, коммуникационное значение, как узловый элемент в поддержании и развертывании глобальной машины агрессивной войны. Согласно уже приводившемуся выше высказыванию бригадного генерала С. Фукуа, это — «жизненно важные звенья» в «мировой стратегической позиции США», причем как бы в подтверждение важности этих «звеньев» цензура сочла необходимым вычеркнуть из отчета генерала конгрессменам все намеки на описание

африканских баз США². В самом деле, нетрудно догадаться, например, что при современном уровне военной техники и основанной на ней стратегии радиолокационная база США в Асмаре (Эфиопия) может равняться по своему значению не одной, а многим базам бомбардировщиков. Другие базы, например Уилус-филд в Ливии, — постоянно готовые пункты мобильного сосредоточения и передислокации войск.

Кроме того, пренебрегая волей народов Африки, стратеги Пентагона заранее учитывают ее в своих планах как дополнительное оперативное пространство в потенциальном конфликте, затрагивающем НАТО. Африканское неприсоединение они рассматривают как эфемерное, ни к чему не обязывающее «модус вивенди», относящееся исключительно к мирному времени и подлежащее автоматическому нарушению в период военных действий. Сама процедура частичного вывода баз США из Африки символизирует пентагоновскую концепцию временного ухода, равно как и уверенность в восстановлении прежнего положения при возникновении «кризиса» (например, сохранение оснащения баз, эвакуированных из Марокко).

Изменение геополитической основы стратегии НАТО в отношении стран социализма придает принципиально новое значение системе военного «присутствия» этого блока в Африке. Оно становится средством постоянного давления на национально-освободительное движение, средством окружения и сковывания стран Африки. Система НАТО в Африке, иначе говоря, играет роль устрашающей силы и костяка стратегии неокOLONиализма. Для народов Африки НАТО — военно-колониаьный пакт. Используемые неокOLONиализмом средства — прежде всего экономические и политические, но при этом на заднем плане всегда присутствует фактор силы, фактор устрашения, вводимый в игру при «кризисной ситуации».

Понимание этого момента находит яркое выражение в брошюре Революционного совета Конгресса нигерийской молодежи. «НеокOLONиалистские планы,— говорится в ней,— все в большей степени связываются с перспективой консолидации военного контроля над африканскими государствами, с надеждой на втягивание Африки в военные блоки и под господство неокOLONиалистов... Существование с вооруженными силами высокоразвитых стран, которые по своей военной мощи непропорционально сильнее нас, означает постоянное превосходство коло-

ниалистских сил над африканскими народами. В этом смысле признание Ф. Томбалбая, президента Чада, заслуживает внимания. Он указывал, что гарнизон из 400 хорошо оснащенных французских солдат в Форт-Лами может в любое время произвести государственный переворот в его стране. В нынешней обстановке открытая интервенция извне затруднена, если вообще возможна, даже для ведущих империалистических держав. И не ради блажи цепляются колонизаторы за свои базы. Они вряд ли хотят идти на риск интервенции; но они предпочитают прибегать к организации «ку д'эта» с плацдармов, подготовленных заблаговременно, предпринимая меры по предотвращению неугодных им политических изменений в Африке»³.

Чужие базы и гарнизоны — самое зримое родимое пятно колониализма, самая яркая печать ущербного, «вассального» суверенитета, да к тому же и постоянная угроза народам Африки, их свободному волеизъявлению. Поэтому и высвобождение континента из-под иностранного военного контроля является самой актуальной задачей африканских народов.

Взгляды Пентагона на Африку (включая общие стратегические установки НАТО) претерпели эволюцию от оценки ее как «непотопляемого авианосца» до отхода от этой узкой концепции при признании за Африкой роли военно-стратегического и военно-промышленного резерва Западного союза в широком смысле этого слова. Общая установка Пентагона относительно Африки выработана еще в 50-х годах. Согласно ей, Африка может рассматриваться как совокупность отдельных баз и как обширный оборонительный комплекс. В первую очередь всегда учитывалось значение Африки как поставщика стратегического сырья. «Человеческие и естественные ресурсы континента, — отмечал бюллетень госдепартамента, — вносят существенный вклад в мощь западного мира. Мы, в частности, заинтересованы в том, чтобы и впредь продолжались поставки из Африки важных, а иногда и жизненно необходимых, стратегических материалов»⁴.

По планам Пентагона после второй мировой войны Африка должна была стать органической частью гло-

бальной машины агрессии, развертываемой путем «расположения по всему миру баз таким образом, чтобы с них можно было достичь любого пункта в России»⁵. Она должна была входить в единую систему нападения вдоль границ социалистического содружества⁶.

Роль, отводившаяся Африке в планах американской военщины, была обобщенно изложена Дж. Ф. Эллиотом. Базируясь в Африке, писал он, «западная авиация может господствовать над Южной и Западной Европой, обеспечивать прямую поддержку армий на Рейне, в Альпах и на Дунае», прикрывать турецкий фланг НАТО, держать под контролем Персидский залив. «Но ее стратегическая позиция — не единственный (и, пожалуй, не самый важный) фактор ценности Африки для безопасности Запада. Свободный мир был бы вовсе лишен воздушно-атомной мощи, не будь надежного снабжения ураном. Более половины используемого нами ныне урана поступает из Бельгийского Конго (сейчас это уже не так. — В. Ф.). 90% промышленных алмазов свободного мира, важных при производстве точных приборов, используемых в авиации, в управляемых снарядах, в приспособлениях для корректировки огня, в противолодочных приспособлениях и в других механизмах, поступают из Африки. Африка является также главным производителем золота, хрома, марганца, олова и меди»⁷.

В своем последнем докладе в качестве начальника штаба вооруженных сил США от 15 февраля 1948 г. Д. Эйзенхауэр подчеркивал значение «открытых коммуникаций» в Средиземноморье и в связи с этим заявлял: «Базы США в Марокко и Ливии, точно так же как и послевоенная американская помощь Италии, Греции, Турции, Ирану, Палестине, Ливии и Франции, были предназначены частично для того, чтобы держать Средиземноморье открытым для США или по крайней мере закрытым для Советского Союза»⁸. Таким образом, еще до создания НАТО американский империализм заранее включал территорию и ресурсы Африки в сферу политики «холодной войны» и атомного шантажа.

В соответствии с этой стратегией «окружения» Советского Союза на совещании заместителей министров иностранных дел четырех великих держав в августе 1948 года Англия требовала опеки над Киренаикой, а США, подерживая английские требования, домогались того же в отношении Триполитании. Одновременно США оборудо-

вали базу ВВС около Меллаха в Ливии, а Англия создавала базы Кастель-Бенито (около Триполи), Бенгази и Эль-Эдем (около Тобрука). В начале 50-х годов в Северной Африке была создана система ключевых стратегических баз США, и в 1953 году Дж. Ф. Даллес, подчеркивая стратегическое значение Ливии, заявлял, что эта страна «расположена на ключевых позициях на Средиземноморском побережье Северной Африки»⁹.

В 1951 году было оформлено военное соглашение Вашингтона с Преторией, и, таким образом, стала претворяться в жизнь стратегия не только создания в Африке предполья агрессивной войны против СССР, но и «охвата» континента клещами военных пактов для предотвращения его «нейтрализации».

В 1952 году начальником штаба ВМС США адмиралом Фехтлером был составлен секретный военный доклад (опубликован в «Монд» 10 мая 1952 г.), рассматривавший Северную Африку как один из важнейших плацдармов нападения на Советский Союз.

«Еврафриканские» проекты также были теснейше связаны с агрессивными планами НАТО, распространявшимися на Тропическую Африку. В августе 1951 года в Найроби состоялась конференция по вопросам о средствах «обороны» в Африке, в которой участвовали Англия, Франция, Бельгия, Италия, Португалия, Южная Родезия, ЮАС, а также представитель Эфиопии и наблюдатель от США. Она наметила меры по обеспечению военного снабжения в Восточной и Центральной Африке, по развитию коммуникаций и средств передвижения войск в пределах данных районов¹⁰. 11—18 марта 1954 г. в Дакаре проходила аналогичная конференция, обсуждавшая проблемы обороны для Западной Африки. Ее секретные рекомендации касались использования западноафриканских коммуникаций в случае войны¹¹. С 1955 года страны НАТО интенсифицировали программы вооружения ЮАС и одновременно начались зондажи относительно союза, который связал бы ЮАС с Англией, Францией, Бельгией и Португалией в «общей обороне континента».

В 1958 году контр-адмирал Ч. Берджин изложил перед комиссией по иностранным делам палаты представителей замысел Пентагона относительно прогрессирующего втягивания Африки в систему НАТО, раскрыв в сущности, что «помощь» странам Африки рассматривается как плата за страшную перспективу участия в агрессив-

ном механизме США — НАТО. По его словам, «размеры, населенность, сказочные запасы естественных ресурсов и географическая позиция, смыкающаяся на флангах как с районом НАТО, так и с нефтеносными районами и линиями коммуникаций Ближнего Востока, — все это придает Африке жизненно важное стратегическое значение. Потеря североафриканского района, граничащего со Средиземноморьем, приведет к окружению Европы и продолжит путь к расширению коммунистического влияния над всем континентом... С позитивной точки зрения, дружественная Северная Африка предоставляет также возможность содержать военные базы большого значения в этом районе, в особенности военно-воздушные и военно-морские базы в Марокко и Ливии и ключевую сеть коммуникаций в Эфиопии»¹².

К этому же времени относится разработка стратегическим авиаконандованием США планов, предусматривавших нанесение ударов по СССР, прежде всего по пусковым площадкам ракет, средними бомбардировщиками «В-47», расположенными в Испании, в Северной Африке и в Западной Европе.

По мере освобождения стран Африки от колониальных цепей стратеги НАТО требуют милитаризации предоставляемой им «помощи», чтобы обеспечить формирование из африканских стран стратегического оперативного пространства, создать в них опорные военные пункты, расширить доступ к их сырью и к их человеческим ресурсам. Наиболее откровенно в этом смысле высказывался генерал Хойзингер, требовавший, чтобы «помощи» было придано «стратегическое значение» в целях создания в Африке сети опорных пунктов, пригодных для концентрированной атаки на СССР в случае войны¹³. Начиная с 1956 года на каждой очередной сессии совета НАТО согласовывались конкретные формы и методы борьбы этого блока против народов Африки.

Военные круги НАТО фактически игнорировали политические изменения в Африке и в своих стратегических планах «распоряжались» Африкой с прежней колониальной бесцеремонностью. В ноябре 1959 года «Ревю милитэр женераль» писал: «В планах НАТО Африка абсолютно необходима с точки зрения стратегии европейской войны... Очевидна ее роль в качестве исходного пункта воздушных операций, пространства для размещения площадок для запуска ракет, опорного пункта морских опе-

раций, арсенала и т. д.». Американский генерал Ретклифф, отвергая саму мысль о «нейтрализации» Северной Африки в соответствии с волей ее народов, заявлял, что «американские воздушные базы в Марокко, Ливии и в Персидском заливе в случае всеобщей войны должны служить для стратегических воздушных ударных сил в качестве средства развязывания их операций против южной части России»¹⁴. Северная Африка рассматривается Пентагоном и НАТО как неотъемлемый элемент системы, включающей Турцию, Италию, Грецию, Мальту, Кипр, Испанию, английские базы на Аравийском полуострове и в Восточной Африке с 6-м флотом США в качестве связующего звена данной системы. В 1960 году П.-А. Спаак, излагая концепцию органического включения Африки в стратегию НАТО через механизм экономической «интеграции», выступил с предложением «сломать границы регионального пакта НАТО», распространив его на «африканский тыл». Империалисты стремятся сохранить прежнее расположение фигур на шахматной доске своей стратегии вопреки историческим сдвигам, имевшим место в Африке. Хочет того Африка или нет — она должна оставаться придатком «европейской обороны» и делить с агрессорами все последствия их авантюр.

Система НАТО в Африке является одним из плацдармов, а главное — важным стратегическим резервом агрессии против социалистического лагеря. Вместе с тем она — опора империализма и колониализма не только в Африке, но и в сопредельных районах. Именно такую обобщающую характеристику данной системы давал бюллетень НАТО, который подчеркнул «неоспоримо важное значение Африки в свете острой борьбы между свободным миром и коммунистическим Востоком — значение, во много раз возросшее с момента окончания второй мировой войны». Отмечая, в частности, «исключительно важное значение стратегического опорного пункта, сооруженного англичанами в Кении» (имеется в виду база Кахава. — В. Ф.), бюллетень без обиняков говорил, что на нем «*может размещаться любая страна — участница НАТО*» (курсив мой. — В. Ф.) и что «укрепление и расширение морской и воздушной баз в Кении гарантируют интересы Запада в Персидском заливе, укрепляют его позиции в Иране и Пакистане и со временем позволяют заполнить вакуум в Индийском океане, простирающийся от Красного моря до Сингапура»¹⁵.

Оспа милитаризма на лице Африки

Из держав НАТО наиболее разработанной системой военного «присутствия» в Африке располагает Франция (в пределах бывших французских колоний). Общее сокращение численности французских вооруженных сил в Африке к 1 июля 1965 г. с 27 800 до 6600 человек, а также эвакуация начиная с 1961 года довольно большого числа французских военных баз явились следствием решительной борьбы народов и правительств ряда африканских государств, а также общего переоснащения вооруженных сил и стратегического пересмотра «периметра обороны» Франции в Африке. Отныне основная задача «поддержания французских интересов» в Африке возлагалась на 11-ю дивизию в составе 16,5 тыс. человек, расквартированную в метрополии. Треть этого состава — парашютисты, способные оказаться в любом районе Африки «через несколько часов»¹⁶.

Борьба народов Африки сорвала объявленное в 1961 году намерение Англии оставить свои вооруженные силы в Центральной и Восточной Африке в течение «ближайшего десятилетия». В частности, Англия после 12 декабря 1964 г. вынуждена была вывести свои войска из Восточной Африки. Тем не менее Лондон располагает рядом военных баз и военных соглашений с африканскими странами и, по примеру Франции, не оставляет плана создания «мобильных сил», которые могли бы быть использованы в Африке в условиях «кризиса».

В Африку все активнее устремляется западногерманский бундесвер. В июне 1963 года Бонн впервые был вынужден признать, что он развернул в Африке широкие операции военной «помощи», которой к тому времени были охвачены семь стран. После США Западная Германия стала вторым поставщиком оружия и военных материалов в Африку.

Еще один элемент военной угрозы в Африке — укрепляющийся при содействии НАТО военный союз расистов и колонизаторов, объединение самой махровой реакции в лице португальского колониализма, а также расистских режимов ЮАР и Южной Родезии. Главный замысел сводится к тому, чтобы превратить в финансово-экономическом отношении сильную ЮАР в опору и «щит» этого союза, а также в основную наступательную силу против национально-освободительного движения. Финансирова-

ние Претории всеми странами НАТО — это прежде всего финансирование ее программы вооружений.

В 50-х годах в качестве баз НАТО как блока в целом назывались обычно 18 военно-воздушных [6 в Марокко (Сиди-Слиман, Нуассер, Бен-Герир, Луи-Жантиль, Було, Рабат), 4 в Ливии (Уилус-филд, Бенгази, Эль-Эдем и Дерна), 1 в Эфиопии (Массауа), 2 в Кении (Кахава и Кисуму), 2 в Танганьике (Дар-эс-Салам и Тabora), 1 в Уганде (Энтеббе), 1 в Либерии (Моррис-филд) и 1 в Конго (Китона)], а также 8 военно-морских [2 в Марокко (Агадир и Кенитра), 1 в Алжире (Мерс-эль-Кебир), 1 в Кении (Момбаса), 1 в Танганьике (Дар-эс-Салам), 1 в Конго (Банана), 1 в ЮАР (Саймонстаун)] баз на территории Африки. Освободительная борьба народов Африки в значительной мере смела с лица континента и деформировала этот «комплекс силы» агрессивного блока.

Но меч НАТО продолжает висеть над Африкой, тем более что часто «уход» ее военщины носит формальный характер. Инфраструктура стран НАТО не сводится к официально обозначенным базам. Она, подчеркивает В. Маккей, значительно шире и охватывает сеть «потенциальных баз» вроде «стоившего множества миллионов долларов аэродрома, построенного Соединенными Штатами в Робертсфилде в Либерии, а также либерийского порта Монровия, который был построен за счет американских средств по ленд-лизу и может быть превращен в базу подводных лодок»¹⁷.

Из последнего замечания особенно ясно, в какой мере политика стран НАТО является вызовом независимой Африке. Военщина НАТО не только перечеркивает независимость африканских государств наличием баз, но и цинично рассматривает всю территорию континента как «потенциальную базу». Существование в «скрытой форме» заранее учтенных «потенциальных баз», стратегических линий и «осей» вторжения, система НАТО в Африке — одна из реальных угроз ее народам. Как органическое продолжение структуры НАТО в Европе она символизирует распространение влияния блока на Африку, в известной мере подтачивает самостоятельность африканских государств, отражается на их позиции в международных делах, предвещает Африке участь невольной и бесправной жертвы возможных глобальных авантюр НАТО и на деле сводится к систематическому попранию независимости африканских народов — пусть не всегда

открыто грубому, но всегда ощущаемому. Базы и гарнизоны — это «повседневный эквивок» неокOLONиализма.

НАТО не оставляет попыток в новых формах втянуть Африку в свои агрессивные планы. Так, в связи с разработкой проектов создания «многосторонних» или «многонациональных» ядерных сил в виде оснащенного ядерным оружием международного флота в западной печати усиленно муссировалась «проблема портов захода» для смертоносных кораблей НАТО, в числе которых упоминались и североафриканские порты. По-видимому, эти планы лежали в основе слухов о секретных соглашениях США с Тунисом и Марокко о заходе кораблей 6-го флота в Бизерту и Кенитру.

Какие изменения претерпевала и как выглядит в настоящее время машина Пентагона в Африке?

Широкое военное строительство в Африке США начали осуществлять сразу по прибытии на континент первых групп американских войск во второй мировой войне: 12 октября 1942 г. в Южную Африку, 18 октября 1942 г. в Либерию и 8 ноября 1942 г. во «французскую» Африку. В 1945—1947 годах США оборудовали порт в Монровии (19 млн. долл.) и создали рядом аэродром Робертсфилд. Осуществлялись мероприятия по превращению Северной Африки в зону передовых баз бомбардировочной авиации, а южнее Сахары создавались (главным образом колониальными державами по общим с США планам) арсеналы, зоны портов и выгрузки войск, сеть коммуникаций, связывающая воедино систему баз. Базы США (в Марокко и Ливии) расширялись и совершенствовались в несколько этапов и во второй половине 50-х годов превратились в важные исходные пункты агрессии и в центры подавляющей военной мощи в соответствующих районах.

С выводом баз США из Марокко в декабре 1963 года пентагоновская паутина в Африке заметно поредела. Но, как отмечал С. Сульцбергер, помимо прямого требования марокканского правительства в этом сыграл свою роль и переход США к новой стратегии с упором на межконтинентальные ракеты, а также «с упором на подготовку локальных войн», в связи с чем необходимость в ряде баз отпала (например, Дахран в Саудовской Аравии), в то

время как возросло значение ряда узловых «промежуточных аэродромов» и «передовых складов» для переброски мобильных войск. Именно в этом аспекте возросла роль базы Уилус-филд в Ливии¹⁸.

База Уилус-филд — центр агрессивного милитаризма США на африканском континенте. Журнал «Тайм» называл ее «ключевым звеном в цепи баз, созданных стратегическими военно-воздушными силами вокруг Москвы»¹⁹. Вся «помощь» США Ливии была прикрытием тяжелых политических условий, вытекавших из пребывания на земле страны смертоносной базы Пентагона. Пример Ливии убедительно показал бесполезность «помощи» как своеобразного «откупа за базы».

Территория базы — 2221 акр, к ней примыкает учебный полигон площадью в 23 552 акра. Ежегодно на базе производится около 130 тыс. посадок и взлетов, и американские пилоты сбрасывают в Ливийской пустыне по 75 тыс. учебных бомб²⁰. База держит своеобразный рекорд по количеству авиационных катастроф, угрожающих человеческим жизням и имуществу. Сюда, в безоблачное небо Ливии, прилетают для упражнений в стрельбе и в тактике воздушного боя «сотни американских истребителей, дислоцированных в Испании, Англии и ФРГ»²¹.

После многолетнего существования базы США подписали о ней договор с Ливией от 9 сентября 1954 г., согласно которому условия пребывания базы в Ливии сохранялись до 1971 года. Возмущение общественности вынудило, однако, ливийское правительство начать 9 февраля 1959 г. переговоры с США о пересмотре договора, которые проходили в обстановке резких антиамериканских выступлений в стране²². Однако США не пошли на уступки и в 1962—1963 годах даже создали новые аэродромы в районе Марбли Арш западнее Эль-Ачейла и в районе Эль-Утия.

Под нажимом растущего общественного протеста правительство Ливии заявило 30 июня 1962 г. о намерении пересмотреть «в свое время» статус иностранных баз. Кубинский кризис 1962 года наглядно показал ливийцам фальшь уверений об «учебном» характере базы: в эти дни американские бомбардировщики, поднятые в воздух по боевой тревоге, буквально висели над столицей Ливии. Вопрос о базе был поставлен в ливийском парламенте, и депутаты прямо потребовали пересмотра вопро-

са о базах в целом. В апреле 1963 года премьер-министр М. Фикини вынужден был заверить общественность, что правительство «не будет поддаваться иностранным влияниям». Это было расценено как намерение выполнить требование парламента, но практических шагов за этим заявлением не последовало. Для успокоения общественности США передали ливийским ВВС часть аэродрома Уилус-филд.

Требования вывода баз из Ливии нарастали во всех арабских странах. 22 февраля 1964 г. с личным призывом ликвидировать их к правительству Ливии обратился президент ОАР Г. А. Насер. На следующий день правительство Ливии заявило, что оно не собирается возобновлять или продлять соглашения с США и Англией. США поспешили тут же «разъяснить», что они намерены сохранять базу в Уилус-филд до 1971 года и, более того, передать ее своим ракетным частям. Массовые народные демонстрации и новое выступление парламента против баз сделали, однако, переговоры неизбежными. Они начались — с Англией 20 апреля, а с США — 29 апреля 1964 г. В интервью египетской «Аль-Ахбар» 14 июля 1964 г. министр иностранных дел Ливии сказал: «Долг заставляет нас немедленно аннулировать соглашение о военных базах с США. Если США не согласятся с принципом эвакуации и ликвидации американской базы Уилус-филд, то ливийское правительство вынуждено будет в одностороннем порядке аннулировать соглашение».

Согласием США «в принципе» эвакуировать базу, выраженным 22 августа 1964 г., все дело и кончилось, срок же эвакуации базы остался «несогласованным», при этом США подчеркнули «важность продолжения авиационной учебной деятельности» на Уилус-филде.

В 1967 году, после июньской агрессии Израиля, вопрос об эвакуации базы снова встал в своем почти что первоначальном варианте: ливийское правительство выразило «решимость» добиться ликвидации базы «раньше срока», а США ответили согласием «вступить в переговоры» (дословное повторение прежнего фарса). Переговоры начались 10 августа 1967 г., но, как видно из разъяснений газеты «Крисчен сайенс монитор», США вряд ли согласятся на большее, чем проволоочки, пока не подыщут замену своей гигантской базе в Ливии. Она останется главным символом иностранного засилья в Африке²³.

В другой североафриканской стране — Марокко — США начали создавать базы практически с 1943 года («соглашение Кларк — Дарлан» о Кенитре). Затем, в бытность Марокко французским протекторатом, США заключили с Францией соглашение от 22 декабря 1950 г., по которому создавались базы ВВС США в Кенитре (бывший Порт-Лиотэ), Сиди-Слимане, Нуассере и Бен-Герире, а также база ВМС в Кенитре. С получением Марокко независимости в 1956 году встал вопрос об этих базах, движение против которых приняло общенародный характер. Они ущемляли курс неприсоединения, проводимый Марокко.

22 декабря 1959 г. была подписана декларация Д. Эйзенхауэра и короля Марокко Мухаммеда V, гласившая, что «вывод баз будет завершен до конца 1963 года»²⁴.

Формально условия декларации выполнены. Но полный и безусловный уход военщины Пентагона остается под большим сомнением. США вытребовали ровно такой срок вывода баз из Марокко, который был необходим для создания баз-заменителей в Испании и для создания нового оружия. Кроме того, уже в 1961 году в США заговорили о базе в Кенитре как «существенно необходимой для связи со средиземноморским 6-м флотом». В какой-то мере Вашингтону удалось отстоять перед Рабатом признание этой «необходимости». В апреле 1963 года Р. Макнамара выступил с оговоркой о том, что США удержат огромный радиопередаточный центр в Кенитре, стоивший миллионы долларов и используемый для связи с атомными подлодками и 6-м флотом²⁵. США настояли также на учете мнения Вашингтона относительно дальнейшего использования баз после эвакуации.

Как сообщали марокканские газеты «Насьон африкэн» 14 октября 1964 г. и «Аль-Алям» 16 октября 1964 г., на бывших американских базах оставались 700 военнослужащих США — главным образом специалисты и техники по радиолокационному оборудованию, предназначенному для обслуживания стратегических соединений ВМС США. «Аль-Алям» определила это как «оккупацию с разрешения правительства».

На территории Эфиопии располагается крупная американская радиолокационная база в Асмаре — центр связи войсковых соединений. Эфиопия — постоянный «клиент» министерства обороны США, основной получатель

военной «помощи» в Африке. В Аддис-Абебе имеется военная миссия США в количестве 200 человек, а вооруженные силы страны почти полностью зависят от поставок американского оружия и запасных частей.

По соглашению с Англией в октябре 1960 года, США создали на Занзибаре «станцию слежения за спутниками по космическому проекту „Меркурий“», но в апреле 1964 года американцам было решительно предложено покинуть Занзибар. Станция слежения за спутниками по этому проекту имеется в ЮАР, и были сообщения о создании аналогичной станции в Кано (Нигерия).

В Либерии Пентагон хозяйничает, так же как и американские монополии. Еще 31 декабря 1943 г. Либерии было навязано тайное соглашение, практически перечеркнувшее суверенитет страны. Статья 7-я касалась порта Монровии и давала США право «по своему усмотрению создавать, использовать, содержать... и контролировать... любые морские, военно-воздушные и сухопутные сооружения в районе местонахождения порта и его окрестностях... для защиты стратегических интересов США в Южной Атлантике». Для контроля над деятельностью порта была создана «Монровия порт мэниджмент корпорейшн» в составе семи действовавших в Либерии американских концернов и компаний²⁶.

8 июля 1959 г. между США и Либерией было заключено новое соглашение о «сотрудничестве», фактически повторявшее предыдущее и обязывавшее Либерию вступать в консультации с США «в случае агрессии или угрозы агрессии против Либерии»²⁷. По этому соглашению в страну прибыла большая американская военная миссия, которая занялась подготовкой территории Либерии как театра военных действий «на будущее» под видом обучения личного состава вооруженных сил страны. В развитие соглашения в конце 1960 года был заключен секретный протокол о «сотрудничестве в расширении программы улучшения возможностей безопасности Либерии».

Военщина Пентагона разрабатывает новые агрессивные планы в отношении Африки. Так, провокационный характер носит проект перевода в Индийский океан части кораблей 7-го флота, который активно обсуждался в конце 1963 — начале 1964 года и до сих пор не снят с повестки дня. Как стало известно из сообщений иностранной печати, в списках возможных баз фигурировали при

этом острова Маврикий и Альдабра к северу от Мадагаскара. Находясь в Индии в декабре 1963 года, генерал М. Тэйлор определенно дал понять, что корабли США будут заходить в некоторые африканские порты²⁸.

Пентагон стремится укрепить свои позиции в такой важной области, как поставки странам Африки американского оружия, осуществляемые в строгом соответствии с внешнеполитическими целями империализма. Они используются как одно из средств поддержки прозападных режимов, давления на прогрессивные правительства, усиления зависимости африканских стран от США и создания напряженности в отношениях между ними, которая облегчает вмешательство извне в африканские дела. Поставки облачаются в форму соглашений, приводящих к контролю Пентагона над вооруженными силами африканских стран. Эти соглашения ведут к общему резкому усилению влияния США в странах — получательницах оружия. Например, по соглашению США с Сенегалом от 20 июля 1962 г., правительство Сенегала обязывалось принять американский военный персонал — миссию «как часть посольства США под руководством и наблюдением посла». Миссия получала дипломатические привилегии и иммунитет.

Как и госдепартамент, военное министерство США прибегает к посылке в Африку многочисленных миссий с большим штатом либо постоянных, либо отправляемых на короткий срок для «ознакомления с положением в Африке». Внушительно число миссий военной «помощи» и инструкторов Пентагона, зловещая роль которых до конца раскрылась в Конго (Киншаса). Осаждают Африку и представители высшего американского офицерства, пытающиеся вести «рекогносцировку на месте». Так, с марта 1960 года в течение девяти месяцев по Сенегалу, Анголе, Гане, Кении, Эфиопии, Судану и Марокко «путешествовала» группа в составе 34 высших американских офицеров, слушателей военных академий. Цель их пребывания в Африке была определена так: «уяснение вопросов, связанных с их учебой». В 1963 году в таком же количественном составе и для тех же целей в Африку прибыла группа американского национального военного колледжа в Вашингтоне, посетившая Гану, Сенегал, Либерию, Конго (Браззавиль), Руанду, ЮАР и Кению.

Вместе с тем в Вашингтоне разработана специальная программа обучения африканских офицеров в США, по-

зволяющая постепенно прибирать к рукам командные кадры африканских армий. Как сообщило 6 июля 1963 г. агентство Ассошиэтед Пресс, эта программа имеет целью «создать кадры профессиональных офицеров, готовых защищать законно избранное (читай: устраивающее колонизаторов. — В. Ф.) правительство от подрывной деятельности и внутренних беспорядков».

Американские базы и военные эмиссары, американское оружие, американские доллары сыграли свою роль в колониальных войнах, репрессиях и подрывной деятельности империализма, направленных против африканских народов. Эта политика насилия в Африке, как и повсюду в «третьем мире», доведена до логического конца с созданием в 1961—1962 годах специальных «противопартизанских» соединений для развязывания необъявленных войн во всех частях света и для ведения их методами тайных убийств и диверсий. Одна из региональных групп таких войск, расположенная в Форт-Брагге (Северная Каролина), предназначена для действий в Центральной и Южной Африке (Северная Африка является зоной действий другой группы, расположенной в Западной Германии).

Выступая 6 июня 1962 г. по случаю выпуска слушателей военного училища в Уэст-Пойнте, президент Кеннеди говорил, что отныне «воинству Пентагона» предстоит действовать в различных странах в качестве «инструкторов, советников или лиц, символизирующих обязательства нашей страны», «командовать нашими специальными силами, которые слишком необычны, чтобы их можно было назвать обычными», «знать и принимать не только внешнюю политику нашей страны, но и внешнюю политику других стран», «отдавать приказы на различных языках и читать карты, составленные по иной системе»²⁹. Специально созданные отряды диверсантов, или «зеленые береты», сведены в несколько групп, дислоцированных в разных пунктах земного шара. На территории США, в Форт-Брагге, расположены 3-я и 6-я группы, предназначенные для действий в Африке. Численность каждой из этих групп колеблется от 1300 до 1500 человек.

Американский империализм создал колониальную армию нового типа, машину необъявленной войны и перманентной интервенции, предназначенную поддерживать империалистический мир насилия и угнетения, который,

по разъяснению бывшего советника госдепартамента Р. Такера, понимается в Вашингтоне как «мир абсолютного сдерживания», основанный на угрозе уничтожения «группы недовольных» стран³⁰. Африка стала зоной действия этой машины, и в этом проявляется непримиримая враждебность империализма США ее народам.

Базы и присутствие войск стран НАТО придают очевидную двусмысленность политике неприсоединения некоторых африканских государств. «Прежде чем африканские страны смогут стать по-настоящему неприсоединившимися, — справедливо говорил по этому поводу журнал «Нью Африка», — необходимо, чтобы все военные соглашения с бывшими колонизаторами были аннулированы, иностранные базы ликвидированы, иностранные войска и их разведслужбы удалены, африканские государства порвали с иностранными группировками, в которых они к тому же занимают подчиненное положение»³¹.

Это — трудные задачи, потому что органическим элементом империалистической стратегии «интеграции», «взаимозависимости» является использование всех средств экономического воздействия для сохранения и расширения военных позиций НАТО. Попытки Ливии добиться вывода баз неизменно упирались в дилемму «помощи», которой в этом случае хозяева баз пользовались с откровенной беспощадностью. Экономическое господство и военный контроль — двуединая цель неокOLONИАЛИСТСКОГО проекта империалистов в отношении «третьего мира». И чем дальше, тем больше политика военной опеки империализма над Африкой приобретает характер глубинного «интеграционного» процесса, постепенного просачивания милитаризма в национальные структуры африканских стран в форме военного «сотрудничества», «помощи», идейно-политического воздействия на командные кадры и т. д.

Но, бесспорно, в африканских государствах крепнет сознание необходимости разорвать эти узы во что бы то ни стало, следуя примеру соседей, решительно ставших на путь неприсоединения. Примеры вооруженного вмешательства стран НАТО слишком многочисленны, чтобы народы Африки приняли навязываемый им и частично

оплачиваемый принцип сосуществования с колониальными армиями. И не случайно активное отрицание африканцами выдвигаемых военщиной НАТО версий о «периферийности» и «малозначительности» ее баз в Африке. Африканцы требуют их вывода как источника «весьма реальной опасности разрушительной войны»³².

Они учитывают также, что присутствие НАТО — одно из средств политического разобщения Африки, замедления ее экономического развития. С помощью своих оплотов в Африке «старые и новые колонизаторы пытаются столкнуть освободившиеся страны лбами и заставить их расточать ограниченные средства, столь необходимые для их экономики, на производство оружия. Это означало бы фактически крушение их экономических планов. В выигрыше оказались бы только колониалисты и неоколониалисты»³³.

Результаты борьбы народов Африки против НАТО дают основания для оптимистической оценки ее перспектив. Передовые силы стран Африки выступают за устранение всякого «присутствия» военщины НАТО на их территориях и за создание общеафриканской системы обороны в плане претворения в жизнь идеи африканского единства и выработки гарантий неприсоединения в обще-континентальном масштабе.

Борьба народов континента уже привела к частичному отступлению НАТО из Африки. Отражением ее явились две резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей ООН в ноябре 1961 года: о превращении Африки в безатомную зону и о необходимости заключить конвенцию, запрещающую применение ядерного оружия. Своей инициативой в ООН страны Африки дали ясно понять, что их не устраивает путь блокового милитаризма. Принятие резолюций привело к еще одному разоблачению замыслов империализма. Поддержанные Советским Союзом и другими социалистическими странами, эти резолюции вызвали резко отрицательную реакцию у стран Запада, особенно США.

Страны Африки в абсолютном большинстве присоединились к Московскому договору о частичном запрещении ядерных испытаний и заставили Францию прекратить испытания в Африке.

Ликвидация баз и гарнизонов НАТО фигурирует как первоочередная задача во всех резолюциях, принимавшихся на форумах африканского и афро-азиатского про-

фия, и прежде всего в документах конференций народов Африки.

Хотя и с большими трудностями, объясняемыми давлением империалистов на ряд африканских правительств, борьба народов континента за демилитаризацию одерживает победы. Английская «Санди телеграф» 29 марта 1964 г. вынуждена была признать, что «афро-азиатская агитация против англо-американских баз» является «отчасти успешной».

В этой борьбе народы Африки опираются на постоянную солидарность и поддержку со стороны социалистических стран, а также со стороны своих соратников по борьбе в Азии и Латинской Америке.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Новый лозунг: „битва за умы людей“

«В современных условиях, — говорил Л. И. Брежнев, — особое значение приобретает всемерное развертывание борьбы против политики и идеологии империализма»¹. Обострение идеологической борьбы — закономерное явление современной эпохи. Его причины кроются в провале применявшихся империализмом военно-политических методов подрыва социализма, в историческом наступлении марксистско-ленинских идей и сил социализма повсюду в мире, в попытках монополистической буржуазии перехватить инициативу, перейти в наступление, спекулируя на «обновлении» своего идейного арсенала.

Притягательной силой идей социализма империалисты противопоставляют мутный поток антикоммунизма, все более изощренного как методологически, так и теоретически. Антикоммунизм стал идейной основой государственной политики всех империалистических правительств.

Развивающиеся страны, в том числе африканские, — один из объектов диверсий, развертываемых под антикоммунистическим знаменем. Империализм, говорит орган Демократической партии Гвинеи газета «Хоройя», прибегает к настоящей идейно-духовной интоксикации масс, идущих по пути национальной революции. Для достижения своих целей он «пускает в ход все средства, чтобы «подготовить» почву путем культурного проникновения, прежде чем перейти к вооруженному штурму»².

Империализм США намеревается прервать процесс независимого национального развития народов, используя аппарат военно-политического и экономического принуждения. Идеологические диверсии предназначены для того, чтобы «разрыхлить» общественное сознание стран — объектов неокOLONИАЛИСТСКОГО наступления, деморализо-

вать народы, сузить социальную базу передовых сил национально-освободительного движения, уменьшить его сопротивляемость империализму и нейтрализовать воздействие социалистических идей. Путем «битвы за умы людей» в развивающихся странах империалисты думают добиться и изоляции социалистического содружества стран, сужения сферы воздействия социализма, разъединения сил мирового революционного процесса.

Сущность идеологических диверсий США в «третьем мире» достаточно ясно обрисовал сотрудник Русского исследовательского центра при Гарвардском университете, бывший специальный помощник государственного секретаря М. Шульман. В период национального освобождения народов, пишет он, распространение коммунистических идей в их среде неизбежно. И он предлагает в качестве меры противодействия использовать тот вид антикоммунизма, который «подобно антибиотику» подавляет развитие «вредных микробов», разрушая их питательную среду. В «потенциально революционных районах», продолжает Шульман, США должны внушать, что «модернизацию» следует осуществлять не «насильственным демагогическим путем», а путем «конструктивного национализма», путем направления международных процессов в русло «ненасильственных перемен», исключая выход стран и народов за рамки капитализма. Предлагается курс частичного «созвучия» политики империализма чаяниям народов, чтобы приручить «национализм». А в основе этого курса, как бы подчеркивая всю его неискренность, должно лежать, говорит М. Шульман, «укрепление военной мощи НАТО» (1) ³.

Крах доктрины «отбрасывания» социализма и крах колониализма столкнули империалистов с новым миром, все шире затягиваемым в русло революционного процесса и идеологически противостоящим вековой системе капиталистического рабства. «Народы развивающихся стран тем более восприимчивы к опыту победившего социализма, что их борьба за окончательное освобождение слита в едином потоке с антиимпериалистической борьбой СССР и других социалистических стран» ⁴. Империалисты ощущают вакуум именно той силы, которая стала решающей, — силы идей. «Как нация, мы, — говорил Дж. Кеннеди, — испытываем нужду большую, чем нужда в атомной, воздушной, финансовой, промышленной и даже человеческой мощи, — это нужда в мощи идей» ⁵.

Антиколониальная борьба, понимаемая в узком смысле борьбы за свержение колониальных режимов, — это лишь наиболее зримое внешнее выражение куда более глубоких противоречий между империализмом и поднимающимися народами, которые требуют продвижения к экономической независимости на основе антикапиталистических преобразований. «Проблема отношений между индустриальными странами Запада и слаборазвитыми странами Азии, Латинской Америки и Африки, — признавалось в сборнике «Политическая экономия американской внешней политики», вышедшем в США еще в 1955 году, — за последнее время вступила в критическую фазу»⁶.

Оказавшись неспособным выйти из этой «критической фазы», империализм усиливает идеологическое наступление, стремясь при этом доказать «выгоды» и жизнеспособность капитализма и дать фальсифицированное изображение как сущности коммунистических идей, так и практики живого, реального социализма, стоящего в центре мирового развития. Выступая 30 мая 1964 г. в колледже Западной Вирджинии, У. Дуглас призывал понять, что не «пустые военные затраты», а поиски идеологического контакта с освободившимися народами должны быть подлинным содержанием политики США. При этом он утверждал, что именно США способны быть «учителем и просветителем» этих народов, и если США пока не стали ни тем, ни другим, то дело лишь в недостаточном внимании к экспорту идей капиталистической демократии⁷.

Экспорт таких идей растет из года в год бурными темпами. Несмотря на возрастающую изоционность империалистов и на их отдельные успехи, общий итог предпринимаемых ими идеологических диверсий заключается в том, что такие диверсии приходят в противоречие с коренными чаяниями народов. В наименьшей степени способен к отклику на духовный поиск человечества американский империализм, кредо которого неизменно сводится к всевластию капитала, осененному голословным девизом «свободы» — свободы угнетать и наживаться на угнетении. «Национальное освобождение, независимость, — говорит генеральный секретарь компартии США Г. Холл, — это уже не мечта. В современной обстановке это руководство к действию, что ново само по себе». Что же касается США, продолжает он, то они стали «средо-

точием старого в мире... Соединенные Штаты превратились в центр мирового империализма в то время, когда силы антиимпериализма склонили чашу весов в свою пользу»⁸.

Г. Моргентау сетует на неспособность США стать на уровень идейной борьбы века. «Этот век, — говорит он, — подобно IV веку до нашей эры — веку Платона и Аристотеля, подобно V веку нашей эры — веку Святого Августина, или XVI и XVII столетиям — веку Маккиавелли, Спинозы, Гоббса и Локка, властно требует нового образа мышления, соизмеримого с новшеством условий, которыми мы должны овладевать... Но это требование остается неудовлетворенным, если не считать ритуального перепева старых идей, утративших свое значение»⁹.

Дело не в «упущенной ответственности» и не в перетряхивании долларовой мощны, как думают Дж. Кеннеди, У. Дуглас и др. Ни одна страна в мире не имеет такой раздутой машины внешнеполитической пропаганды и не тратит таких сумм на идеологические диверсии, как США. Дело в несостоятельности самих идей.

Доведя до совершенства технику психологического воздействия, идеологи американского империализма не могут дать научную, объективную картину общественно-исторического процесса. Это противоречит классовым интересам их хозяев. Сам постулат неизменности существующих порядков — отправная точка любого лабиринта их теоретических хитросплетений — является покушением на историческую правду, приходит в резкое столкновение с интересами борющихся народов. Тактические попытки нарисовать импонирующий этим народам «образ США» как силы, «поддерживающей революционные изменения», кончаются обычно тем, что из-за ширмы идейных новаций выглядывает все тот же знакомый облик капитализма, торгующего «улучшенной» моделью империалистической эксплуатации.

Нередко американский империализм использует в своем идеологическом арсенале прагматическую пропаганду, отрешенную от всяких принципов, кроме одного — оболванивания масс любой ценой. Недаром разработкой методологии такой пропаганды в США занимались теоретики «психологической войны» М. Дженовиц, М. Оугл, У. Догерти и др., почтительно вспоминающие наставления «доктора Геббельса».

Многообразные в своих проявлениях идеологические диверсии США в развивающихся странах преследуют три главные цели: 1) оправдание повседневной империалистической политики США наряду с изображением их как центра современной цивилизации и неоспоримого мирового лидера; 2) подавление стремлений народов к социализму, нагнетание атмосферы антикоммунизма, извращение сущности марксистско-ленинского учения, практики социалистического строительства и внешней политики социалистических стран, особенно Советского Союза; 3) истолкование и «разъяснение» процессов исторических изменений в зоне бывшей колониальной периферии, перспективных нужд и текущих задач развивающихся стран применительно к целям неокOLONIALИСТСКОЙ стратегии империализма.

Усиление пропагандистской и идейно-диверсионной активности США в развивающихся странах стало наблюдаться после прихода к власти правительства Дж. Кеннеди. Главной заботой правящих кругов США в организационном отношении было объединение всех правительственных и частных средств идеологического воздействия, расширение существующих и создание новых органов координации соответствующей работы. Что же касается идейных основ американской пропаганды, то упор был сделан на перестройку ее в «позитивном плане». Это означало попытку перейти от оголтелого антикоммунизма к антикоммунизму утонченному, сопровождаемому демонстрацией «заинтересованности» США в судьбах народов развивающихся стран, «готовности» США принять участие в решении их проблем, внести вклад в их прогресс.

Американскую пропаганду предполагалось основывать на спекулятивном использовании принципа национального освобождения и развития, подчеркивая «твердое намерение» США содействовать преодолению нищеты, неграмотности, болезней и прочих бедствий бывших колоний. На этой основе, говорил Дж. Кеннеди, обретет плоть «некоммунистическая альтернатива» для «третьего мира», ослабнет его тяга к социализму. Он требовал перенести центр тяжести американской пропаганды в плоскость «позитивного» развертывания рецептов «модернизации», позволяющей на базе капитализма обес-

печить такое частичное решение проблем данных стран, которое достаточно для закрепления власти сил и режимов прозападной ориентации, а также для вызревания в этих странах социально-экономических и классовых структур, прямо выводящих их на дорогу капиталистической эволюции.

Эти идеи Дж. Кеннеди четко изложены в одной из коллективных работ (М. Милликэн, Д. Блэкмер, У. Росту и др.) Центра международных исследований при Массачусетском технологическом институте. «Главная цель наших информационных усилий в слаборазвитых районах, — пишут авторы, — должна заключаться в распространении полезной информации относительно модернизации», в показе «интереса» США к слаборазвитым районам. Помогая им «понять процесс модернизации, в котором они участвуют», США должны подталкивать их на «стабильную и демократическую эволюцию», вместо того чтобы просто «пробуждать восхищение Соединенными Штатами» и расписывать «американский образ жизни». США должны налаживать контакт с развивающимися странами путем выискивания в каждой стране «местных ценностей и устремлений, согласующихся с нашей демократической ориентацией». В целом авторы ставят перед информационно-пропагандистской службой США четыре задачи: «Предлагать некоммунистическую альтернативу развития, служить средством информации о технической помощи, помогать развитию средств массового общения и культурной деятельности, отражать взгляды внешнего мира на развитие данной страны». Авторы подчеркивают, что они сознательно не включают сюда «важнейшую задачу» — преодоление коммунизма: эта цель, дескать, будет достигнута сама собой с выполнением их программы¹⁰.

Как часть общей стратегии антикоммунизма идеологическое наступление США в развивающихся странах осуществляется на базе широчайшей эксплуатации лозунга самой политической свободы, понимаемой как быстрой и «свободная» капиталистическая трансформация.

Кривая пропаганды, пытающейся играть на национальных интересах народов Азии, Африки и Латинской Америки, резко взмывает вверх при правительстве Л. Джонсона, в период усиления американской агрессии и идеологической войны против социалистических стран.

Для привлечения на свою сторону широких социальных слоев развивающихся стран американский империализм оттачивает и распространяет предложенную Дж. Кеннеди концепцию «третьего пути» — среднего между капитализмом и социализмом пути развития, который на самом деле означает использование методов государственного регулирования для устранения отдельных феодальных и вообще докапиталистических форм эксплуатации, с тем чтобы стимулировать капитализм и сблизить развивающиеся страны с империализмом на «интеграционной» основе.

«Третий путь для третьего мира», — так выглядит главный лозунг США в этот период их идеологической экспансии. Суть его подробно излагает Дж. Слэйтер, бывший помощник государственного секретаря по вопросам просвещения и культуры и один из директоров «фонда Форда». Перед развивающимися странами, констатирует он, открываются два пути — капиталистический и социалистический. В связи с этим следует откровенное признание: «В одном мы можем быть уверены: менее развитые страны, видя эти два пути, не испытывают желания пуститься по дороге, которой западные индустриальные страны пришли в XX столетие». И в качестве рецепта, единственно сулящего успех Западу, Дж. Слэйтер предлагает: «Для нашего собственного выживания как свободного общества мы должны научиться тому, как обеспечивать третий путь развития данных стран»¹¹.

Версией «третьего пути» американские империалисты пытаются придать жизненность своему пропагандистскому тезису о «свободе выбора» для развивающихся стран. А для правдоподобия самой этой версии рисуется «образ США» как прародителя национально-освободительных революций, страны, поддерживающей освободительную борьбу народов. «Мы, — говорил бывший директор ЮСИА Э. Мэрроу, — будем стремиться показать миру, что нас, как нацию, не раздражают перемены и что мы не испытываем никакого желания освящать статус-кво. Наша страна получила не только свидетельство о рождении, ей же принадлежит патент на изменения, на революцию по народному согласию»¹².

Версия «третьего пути» — идеологический рычаг политики, высшей целью которой является создание «мирового сообщества свободных наций» как полностью сце-

ментированного антисоциалистического фронта всего мира капитализма. Реализация данной цели в свою очередь рассматривается как решающий этап в осуществлении генерального плана сокрушения социализма, который предполагает, что сначала должен быть создан абсолютный перевес сил «интегрированного» капитализма в экономической, политической и военной областях, после чего может наступить «подходящий момент» для окончательного наступления на социализм, не исключая и такую его форму, как «превентивный» ядерный удар.

Подобный тезис в разных вариантах — костяк «американской стратегии передовых рубежей», разрабатываемой такими видными идеологами империализма США, как Р. Страус-Хюпе, Э. Кинтер, С. Поссоли (Научно-исследовательский институт внешней политики при Пенсильванском университете), У. Эллиот (Американский университет в Вашингтоне) и особенно Г. Кан и «ядерный неандерталец» Э. Теллер. «Третий путь» должен привести развивающиеся страны в это «мировое сообщество» сначала на рельсах экономической «интеграции», а затем и «уничтожения джунглей национальных суверенитетов», о чем буквально бредят университетские звезды Соединенных Штатов.

Правящие круги США непрерывно расширяют и совершенствуют аппарат «психологической войны» в развивающихся странах, прибегая к самым различным средствам: личным контактам, радиопередачам, созданию библиотек и распространению книг, изданию специальной прессы, показу кинокартин, использованию телевидения, выставок, инструктажей и т. д. К этой работе привлекается огромное количество частных специалистов и организаций.

Главная фабрика «психологической войны» — Информационное агентство США или ЮСИА (за границей — ЮСИС). Бывший директор ЮСИА К. Роуэн обрисовал его роль во внешней политике США в следующих выражениях: «Наша программа информации, программа психологического или пропагандистского воздействия — называйте ее как хотите — сейчас является жизненно важным элементом первой линии национальной обороны. Я говорю это потому, что, хотя всем ясно, что мы вступи-

ли в термоядерную эру, однако столь же верно, хотя и менее очевидно, что мы вступили в эру убеждения». Официальные задачи ЮСИА: содействие за рубежом пониманию экономической системы США, усвоению их культуры, уважению к их военной мощи и научному прогрессу, а также «уравновешенному пониманию» американских расовых проблем. Эти задачи — обоснование «мирового лидерства» США¹³.

Масштабы технической мощи ЮСИА таковы: ежегодные расходы на уровне 180 млн. долл.; вещание «Голоса Америки» на 40 языках в течение 800 часов в неделю; 240 отделений в 106 странах, где работают 13 тыс. сотрудников; ежемесячная киноаудитория в 600 млн. человек; ежегодное распространение 500 телепрограмм в 60 странах; ежедневные передачи радионовостей объемом в 10 тыс. слов; выпуск более 70 журналов и более 20 газет; наличие более 180 библиотек в различных странах; ежегодное производство около 50 фильмов в США, около 150 документальных и 350 хроникальных фильмов — за границей. Только в Африке киножурнал ЮСИА «Африка сегодня» ежемесячно смотрят 30—35 млн. человек в 746 кинотеатрах. ЮСИА все шире использует неисчерпаемые пропагандистские возможности телевидения: только в 1962 году введено в строй около 700 телепередатчиков.

В Вашингтоне не сходит с повестки дня вопрос о повышении эффективности машины «психологической войны». С 1962 года особую активность в этом плане развил подкомитет по делам международных организаций и движений комитета по иностранным делам палаты представителей США. В апреле 1964 года в своем докладе «Идеологические операции и внешняя политика» он рекомендовал организацию и соединение всех идеологических и политических операций в поддержку внешней политики США; унификацию управления идеологическими диверсиями и повышение уровня руководства ими; систематическую оценку правительственных программ, способных повлиять на иностранные аудитории; улучшение на всех уровнях координации различных программ — обмена людьми, информации (пропаганды.— В. Ф.), стратегических психологических операций и т. д.; сосредоточение в одном ведомстве образовательной и информационной деятельности; тщательное обучение персонала «требованиям и технике идеологической войны»; увеличение

доли идеологической обработки во внешней политике; сотрудничество с частными организациями¹⁴. Эти и подобные рекомендации вели к концентрации руководства «психологической войной» в руках государственного секретаря, к превращению ее в органический и важнейший элемент текущей внешней политики США.

Что касается развивающихся стран, то важнейшим направлением социально-идеологической диверсии американского империализма за последние годы было поистине глобальное вмешательство в процесс формирования руководящих и научных кадров данных стран, в систему их образования и просвещения.

Это направление при правительстве Л. Джонсона закрепляется соответствующей реорганизацией «помощи», используемой для мобилизации мощной сети американских университетов, колледжей, фондов, ассоциаций и других частных организаций, которые должны были стать опекунами вузов и школ в развивающихся странах. Образование, восклицает бывший помощник государственного секретаря и один из членов исполнительного совета ЮНЕСКО У. Бентон,— вот действительно важнейший «инструмент внешней политики»¹⁵.

В поисках неоколониалистских путей к прозападному и проамериканскому будущему для развивающихся стран Вашингтон выбирает эту ключевую область «подготовки человеческих ресурсов». Расчет таков: кадры, «сделанные» в Америке или по-американски, став у руководства своими государствами, обеспечат их экономическую, политическую и идеологическую смычку с империализмом США, станут добровольными проводниками политики насаждения капиталистических порядков.

Объемистый труд 30 американских и иностранных авторов «Образование и обучение в развивающихся странах», изданный в 1966 году, весь пронизан этой идеей, а также идеей согласования соответствующей политики всех западных стран¹⁶. Авторы упрекают западные правительства за запоздалое понимание роли «образования, культуры и науки в качестве инструмента внешней политики». Главной целью авторы считают подготовку прозападных кадров во всех сферах государственного руководства, «отыскание и обучение... лидеров во всех областях политики, администрирования, образования и в соответствующих областях технологического обучения». Они предлагают детальные проекты мобилизации и ис-

пользования средств в этих целях, а также организацию контроля над образованием и просвещением в развивающихся странах путем создания «международных деловых пулов с правительственными директорами», «объединенных корпораций» и общего механизма всепроникающей опеки с участием ООН (!), НАТО, СЕАТО, Японии, Индии, АМР, МБРР, ОЭСР и т. д.¹⁷

Американские империалисты хотят внедрить проводников неоколониалистской политики во все звенья государственного аппарата и национальной жизни развивающихся стран. Это план широкой и далеко идущей социальной диверсии, формирования в развивающихся странах такой «социальной стратификации», которая обеспечивала бы их эволюцию в русле «интегрированного» капитализма путем вызревания и доминирования в их политической жизни буржуазной «правлящей элиты» и «среднего класса» — станového хребта капиталистических отношений и убежденного идеолога «взаимозависимости». Этот «средний класс», впитавший науку современного капитализма, а затем материально благоденствующий и господствующий у себя на родине, должен осуществить на почву своих стран пересадку западного образца экономических отношений и буржуазной «демократии». У. Эллиот предлагает, например, пренебрегая суверенитетом развивающихся стран, устанавливать в них «ответственный университетский контроль над образованием лидеров», которые будут «менее подвержены обещаниям скороспелых утопий», то есть будут отвергать социально-экономические преобразования в своих странах. И тогда будет выигран «гигантский эксперимент соревнования» с социализмом в области общественного устройства¹⁸.

Выиграть «битву за умы людей», обобщает профессор Мичиганского университета К. Брембек, — значит поставить образование на первое место в программах «помощи»¹⁹. Этому рецепту и следует американское правительство.

Еще в 1945 году по инициативе сенатора У. Фулбрайта в США был принят известный закон о студенческом обмене. В 1962 году по этой расширяющейся программе было выделено 45 тыс. стипендий²⁰. Только по программам госдепартамента об обмене в области просвещения и образования с 1949 года в США побывало около 100 тыс. человек. За это время США заключили соответ-

ствующие двусторонние соглашения с 50 странами. Широкое развитие получили и так называемые межинститутские связи — между вузами США и других стран. Общее число иностранных студентов в США возросло с 10 тыс. в 1946 году до 90 тыс. — в 1965 году²¹.

При Дж. Кеннеди в 1961 году был принят закон о взаимном обмене в области образования и культуры, так называемый «закон Фулбрайта — Хэйса», который стал основой всех мероприятий США в этой области. В феврале 1961 года Кеннеди создал новый координирующий орган — канцелярию помощника государственного секретаря по вопросам просвещения и культуры. Эта канцелярия дополнила уже имевшееся бюро по вопросам просвещения и культуры в госдепартаменте и была облечена функциями руководящей инстанции по определению политики США в области использования образования как орудия «международной стратегии». Ей предстояло вести деятельность частных организаций в рамках единого плана, «вести международную (!) образовательную и культурную деятельность в главное русло американской внешней политики». В частности, она установила контакт с 1200 президентами университетов и колледжей США. Активную роль в ее деятельности играли специальная консультативная комиссия во главе с Дж. Гарднером, представителем корпорации Карнеги, и группа «таск форс», разрабатывавшая «перспективные руководства» по образованию в странах Африки.

Правительство Л. Джонсона предприняло перестройку программ «помощи», отдавая приоритет образованию. В специальном послании конгрессу в 1965 году Л. Джонсон предложил: акцент на «помощь» в образовании в слаборазвитых странах; расширение мер, способствующих изучению иностранных государств в учебных заведениях США; увеличение обмена студентами и учителями; расширение «свободного потока» книг, идей, искусств и т. д. Для разработки соответствующих рекомендаций была создана группа «таск форс» во главе с государственным секретарем Д. Раском.

На основе представленных данной группой рекомендаций Л. Джонсон направил в феврале 1966 года конгрессу специальное «послание о международном образовании», в котором предложил создание центра сотрудничества в области образования и «двусторонних образовательных фондов», органически включаемых в

программы «помощи» отдельным странам²². При этом обозначилась немаловажная смена акцента: главным считалось уже не обучение иностранных студентов в США, а внедрение американского преподавательско-профессорского состава в иностранные вузы и школы. По личной инициативе Л. Джонсона в октябре 1967 года в Уильямсбурге (Вирджиния) состоялась «международная конференция по мировому кризису в образовании», в которой участвовали представители 50 стран. В обращении к конференции Джонсон заявлял, что «образование должно быть душой наших международных отношений»²³.

Неоколониалистская стратегия отливалась в форме, отвечающей оценке «битвы за умы людей» как решающего фактора борьбы двух мировых систем. Американские империалисты пытаются освободить ее от прежней импульсивной и саморазоблачительной конъюнктурности, определявшейся лихорадочными поисками ответа на «текущий коммунистический вызов». Они говорят теперь о «взгляде, устремленном в будущее». Это означает намерение насаждать неоколониализм, утверждая его в умах тех, кому суждено стать созидателями и руководителями молодых наций.

Машина „психологической войны“

Исходя из намеченных основ идеологической экспансии, США развернули бурную активность в Африке. Континент, выдвинувшийся на передний край антиколониальной борьбы, потребовал от американских империалистов особой изворотливости. Африка, говорил Дж. Кеннеди, «зажгла факел социальных изменений», для нее не годятся догматы «холодной войны», выдержанные в духе «чрезмерных осторожности и консерватизма»²⁴. Поэтому, выступая 7 ноября 1964 г. в Поконо Мэнор (Пенсильвания), М. Уильямс в пропаганде на Африку рекомендовал шире эксплуатировать тезис об «американском антиколониализме», преподносить версию о «прогрессивном» решении внутренних проблем США, делая упор на высокий жизненный уровень населения, «наступление на бедность», умело использовать надлежаще обработанную информацию, давать благозвучную интерпретацию политики США и т. д.

Деятельность американских правительственных и частных организаций в Африке переплетена, причем возрастает роль именно последних, использующих ширму «филантропии» и «независимости от правительства». Собственно, усилия официальных органов на то и направлены, чтобы передать в руки частных компаний и организаций — в конечном счете в руки монополий — возможности воздействия на все стороны жизни стран Африки. «Когда я оцениваю вызов, с которым США сталкиваются в их сегодняшней африканской политике, — удовлетворенно отмечал М. Уильямс, — я ободрен той ролью, которую берут на себя частные лица и организации»²⁵. С 1960 года госдепартамент установил тесные связи с такими частными организациями, как Афро-американский институт, корпорация Карнеги, фонды Форда, Фелпс — Стокса, Рокфеллера, Уеннера — Грена, с двумя десятками миссионерских организаций (одна из них — «Белые отцы» — имела в то время в Африке 577 миссий), Исследовательский африканский фонд, Американское общество африканской культуры и т. д.

Ведущая роль в повседневной идеологической обработке африканцев отводится ЮСИА с ее основной радиобазой в Либерии (6 передатчиков «Голоса Америки» по 250 кВт и 2 — по 50 кВт). С 1965 года ЮСИА разработало для Африки «более энергичную программу» лично под руководством М. Уильямса и по указанию Л. Джонсона. Особое внимание было обращено на обработку африканской интеллигенции. В 1964—1965 годах ЮСИА сократило часть своих легковесных изданий и расширило издание «серьезных», вроде журнала «Топик», рассчитанного на студентов и выпускников университетов. Издает ЮСИА и журнал «Эбони», распространяемый в Африке тиражом в 65 тыс. экземпляров. На 1965 год отделения ЮСИА существовали почти во всех странах Африки.

Главным орудием ЮСИА в настоящее время и на будущее считается радио. «Голос Америки» ведет регулярные программы на английском, французском, суахили и хауса языках. Многие программы носят направленный региональный или национальный характер.

Еще одно орудие ЮСИА — книжная продукция и библиотеки. Примечателен быстрый рост библиотек США в Африке: в 1958 году их было всего 7, а в 1961 году — уже 42 более чем в 20 странах. Их фонды колеблют-

ся от 1000 до 5000 томов. Помимо отдельных тенденциозных изданий в них поступают и специальные серии публикаций чисто пропагандистского характера. Библиотеки ЮСИА в некоторых африканских городах являются единственными и представляют собой немаловажный инструмент воздействия на умы африканцев, учитывая их тягу к знаниям. ЮСИА широко практикует также показ фильмов, которые ежемесячно просматривают около 35 млн. африканцев. Один из основных инструментов — десятки кинопередвижек, используемых в деревнях.

Активно используется отделениями ЮСИА пресса — как своя собственная, так и местная, куда ежедневно направляются материалы и бюллетени ЮСИА. Помимо упомянутых выше изданий ЮСИА выпускает в Аккре ежемесячный журнал «Америкэн аутлук» тиражом в 114 тыс. экземпляров, французским вариантом которого является журнал «Перспектив америкэн». В Нигерии издается журнал для студентов «Найджириэн америкэн куотерли». В качестве средства идеологического воздействия используются курсы английского языка, созданные более чем в 20 странах. Это — канал воздействия на весьма влиятельную часть африканской общественности. Так, в 1961 году на таких курсах занималась $\frac{1}{3}$ из 136 членов Национального собрания Сомали, а в Того — 40 из 51 члена парламента.

Как действует ЮСИА, видно хотя бы на примере Уганды. Она распространяет множество брошюр, расписывающих «американский образ жизни» в виде «народного капитализма» и подчас снабженных провокационными заголовками типа: «Что сказал бы Карл Маркс, если бы был сейчас жив». Распространяются материалы, оправдывающие войну во Вьетнаме, толкующие о «расовом содружестве» в США. ЮСИА ведет ежемесячную программу «Говорят угандийцы» об обучающихся в США студентах из Уганды. Сотрудники ЮСИА работают во всех провинциях страны, читают лекции в деревнях, организуют кинопросмотры, фотовыставки, раздачу подарков. На американские деньги создана «Угандийско-американская ассоциация культуры».

Расписывая американскую «демократию», отделения ЮСИА в Африке подчас сами ярко демонстрируют, как далека их пропаганда от действительности. Один из возмутительных случаев произошел в марте 1964 года в Монровии (Либерия), когда одна из сотрудниц отделе-

ния ЮСИА отказалась работать вместе с либерийцами, которые, дескать, «воняют»²⁶. Так американские пропагандисты дают почувствовать цену своей пропаганды, и недаром, по признанию К. Роуэна, отделения ЮСИА становятся первой мишенью народных возмущений в развивающихся странах.

Расширяет проникновение в Африку созданное Дж. Кеннеди орудие неокOLONиализма — «Корпус мира». Перед ним поставлен комплекс задач, связанных и с экспансией монополий, и с разведкой, и с надзором за использованием американской «помощи», и с расширением сферы воздействия дипломатии США, и с «психологической войной». Но основное предназначение этой специфической организации — правительственной, но связанной со множеством частных учреждений — в том, чтобы обеспечить возможно более широкую социальную базу для реализации всех этих задач путем идеологического охвата самых глубинных недр африканского общества, путем контроля над формированием кадров низшего звена и на нижней стадии — стадии начального обучения. Недаром преобладающая часть членов «корпуса» — учителя. Так, в 1962 году из 1092 членов «корпуса», находившихся в Африке, 1000 были учителями в 14 странах²⁷.

Если расходы на «корпус» составляют 100 млн. долл. в год и если каждый «волонтер» обходится правительству США в 15 тыс. долл в год, то почему, спрашивала одна из изданных в Африке брошюр, эти 100 млн. долл. не передаются просто африканским правительствам и почему за 15 тыс. долл. в Африку посылается юнец, «не способный оказать реальную помощь», а не классный специалист, для оплаты которого достаточно данной суммы? Дело в том, отвечают сами авторы брошюры, что «корпус» — «армия скаутов американского неокOLONиализма... Инвестиции капиталов и военные базы недостаточны для подавления народов. Американцы хотят проникнуть во все аспекты внутренней жизни стран, только что ставших на путь независимого развития. Возможности такого рода им и предоставляет столь ловкая организация, как «корпус», которая действует под маской «помощи», хотя и не имеет ничего общего с подобной целью»²⁸.

Члены «корпуса», говорил его бывший директор С. Шривер, — это «люди, полностью входящие в жизнь и в учреждения страны, в которую они приезжают и работают бок о бок с ее людьми». «Корпус», по его словам,

«вносит больший вклад в социальное, чем непосредственно в экономическое развитие»²⁹. Иначе говоря, «корпус» действительно не имеет ничего общего с «помощью» развивающимся странам, его задача в том, чтобы повлиять на умонастроения общественности этих стран, привить им «американский образ мышления».

Лучше всего охарактеризовал особое место «корпуса» в арсенале внешнеполитических средств США Д. Раск, перед которым «корпус» несет ответственность. «Корпус», говорил Д. Раск, — «это не инструмент внешней политики, поскольку превратить его в таковой означало бы лишить его того вклада, который он вносит во внешнюю политику»³⁰. Именно в этом своем качестве «отдельно стоящего» орудия внешней политики «корпус» может наиболее эффективно содействовать достижению внешнеполитических целей США. Официально отличие «корпуса» от обычных учреждений «помощи» в том, что его члены дополняют технических советников УМР, содействуя претворению в жизнь предлагаемых последними проектов «на рабочем уровне». На практике же это значит, что под видом оказания «помощи» Вашингтон рассылает повсюду воинствующих идеологических диверсантов, и такая оценка роли «корпуса» вполне согласуется с определением его сущности как «морального эквивалента войны», данным Дж. Кеннеди и С. Шривером. «Корпус» стремится внедрить «сотни» своих представителей в различные органы ООН, чтобы подчинить их американскому влиянию. Он используется и для тренировки будущих специалистов в области международных отношений, а также для экономической разведки в интересах монополий США: требования бизнеса учитываются, например, в программах обучения «волонтеров» в лагере Хило на Гавайях. Не случайно и финансировался «корпус» из фондов «взаимного обеспечения безопасности».

Если в первый год создания «корпуса», в 1961 году, ассигнования на его нужды равнялись 40 млн. долл., а к июлю 1962 года число членов «корпуса» равнялось 973, то на 1967 финансовый год расходы на «корпус» повысились до 110 млн. долл., и число его членов увеличилось до 12 тыс. человек в 57 странах³¹. К середине 1967 года члены «корпуса» в количестве 4 тыс. человек находились в 25 странах Африки³².

Главная их задача — преподавание в школах. В 1965 году 4271 член «корпуса» преподавал в африканских

школах³³. Показательно, что за ряд последних лет «корпус» был основным источником учителей для 15 африканских стран, причем через «корпус» США овладевают системой просвещения прежде всего в сельской местности. Для эффективного охвата школьной системы развивающихся стран «Корпус мира» поддерживает контакты с 55 университетами и колледжами США, которые участвуют в его проектах по специальным контрактам³⁴.

Помимо роли «отравителей умов» самого юного поколения африканцев «корпус» выполняет и роль всепроникающей машины «психологической войны». Широту поставленной перед ним задачи агрессивной идейной обработки африканского населения достаточно выразительно и вместе с тем крайне цинично обрисовал журнал «Рипортер». Говоря о членах «корпуса» в Танзании, он писал: «Они будут вовлечены в дискуссии о Восточноафриканской федерации и о достоинствах Джулиуса Ньерере и Джомо Кениаты (!), о том, следует или не следует разрешать (!) в этой стране программы, осуществляемые коммунистами»³⁵. Прямое вмешательство «корпуса» во внутренние дела стран Африки очевидно.

Именно поэтому для правящих кругов США отнюдь не так уж гладко проходит отправка за границу полушпионов-полупровокаторов из состава «корпуса». Отражая настроения африканцев, лагосская газета «Найджириэн морнинг пост» писала 3 марта 1964 г.: «Члены «корпуса» проводят специальную работу в пользу правительства Соединенных Штатов, несовместимую с той деятельностью, которую им следовало бы проводить в Африке».

Анализ деятельности «Корпуса мира» показывает, что, в полном соответствии с основной линией своих социально-идеологических мероприятий в «третьем мире», США стремятся и в первую очередь поставить под контроль просвещение и образование в странах Африки. Образование, заявляет госдепартамент, — это та «область, где США вносят наибольший вклад в прогресс Африки»³⁶. Мероприятия в этой области осуществляются на основе целенаправленных программ правительственных и частных учреждений, на основе совместного финансирования, все более подкрепляемого бюджетными ассигнованиями. Фабрикация проамерикански мыслящих образованных африканских кадров ведется путем обучения африканцев в США и путем расширения американского влияния в системе образования стран Африки.

Существенную роль играет обмен людьми, затраты на который только по линии госдепартамента возросли в 1958—1961 годах в три раза (в 1960 г. госдепартамент финансировал 362 визита африканцев в США и 62 визита американцев в Африку). Но бюджет госдепартамента составляет только 8% общего бюджета обменов. В этом смысле львиную долю берут на себя частные организации³⁷.

С возникновением новых стран в Африке правительственные круги США выказывают подлинное рвение, когда заходит вопрос об обучении африканцев. Д. Раск, характеризуя закон Фулбрайта — Хэйса об обмене людьми, отмечал, что он «обеспечивает один из наиболее могущественных каналов нашей внешней политики, хотя и спокойных»³⁸.

Журнал «Ньюсуик» без обиняков разъяснял, что африканским студентам в США прививают способность копировать американский образец в области общественного, государственного и экономического руководства. Льюшес Бэтл, помощник государственного секретаря по вопросам просвещения и культуры, осуществляя жесткое руководство, настаивает, чтобы иностранные студенты в США обучались предметам, имеющим отношение к экономическому развитию их стран. «Поэзии и философии мы их сможем обучить позднее», — заявляет он. Указывая далее, что ЦРУ отбирает студентов и «стремится затем проследить их карьеру на родине», журнал пишет: «При этом исходят из надежды, что студенты будут больше расположены к США, чем к Кваме Нкруме». И в завершение журнал ратует за «специальные» курсы для студентов из развивающихся стран, поскольку они, дескать, все равно возвращаются на родину «слишком обученными» для технического уровня их стран³⁹. Получается, что дальше усвоения рабелепия перед «американским образцом» студентам идти не следует.

В образовательном и культурном обмене участвует около 20 правительственных учреждений. Частных организаций несравненно больше. Создана и специальная группа по взаимосвязи между ними — «Эдьюкейшн энд уорлд афферс, инкорпорейтед» (ЭУА)⁴⁰.

Общее число африканских студентов в США до войны было ничтожным. В 1957—1958 годах оно составило 1515 человек, а в 1967 году в США обучалось более 7 тыс. студентов из Африки⁴¹. В мае 1961 года Дж. Кеннеди ра-

зослал инструкции всем послам США, требовавшие их личного и постоянного руководства операциями по отбору контингента для обучения в США.

1 июля 1961 г. Афро-американский институт, Афро-американский студенческий фонд, Программа американских университетов по предоставлению стипендий африканцам, Институт международного образования, фонд Фелпс — Стокса и объединенный фонд негритянских колледжей создали Совет сотрудничества в области образования, который сразу получил от госдепартамента две субсидии на обучение 147 африканцев из Восточной Африки. Афро-американский институт получил специальную субсидию от УМР для отбора и размещения в вузах США 150 гвинейских студентов. Афро-американский студенческий фонд разместил в вузах США почти 300 студентов из Восточной Африки.

Летом 1962 года госдепартамент провел серию совещаний со всеми фондами США по вопросам обучения иностранных студентов. К середине 1963 года в Программе американских университетов по предоставлению стипендий африканцам участвовали 192 университета США. Если в 1960 году по этой Программе в США прибыли только 24 студента из Нигерии, то на следующий год — уже 300 студентов из 17 стран⁴². Существует также программа УМР по обучению африканцев, которую поддерживают 213 университетов и колледжей и надзор за которой осуществляет по контракту с УМР Афро-американский институт. В 1963 году по этой программе обучались 800 африканских студентов из 28 стран⁴³.

Но центр тяжести в своих мероприятиях правящие круги США сместили на установление контроля за обучением африканцев непосредственно в Африке. Для этого разработаны многочисленные программы, которые в конечном счете сливаются в единую социально-идеологическую операцию, направленную на формирование руководящей элиты и интеллигенции в странах Африки. Построены эти программы в сущности по одной схеме: УМР играет роль руководящей и направляющей инстанции, с ним по контракту связано то или иное учебное заведение и, наконец, к программе подключается тот или иной субсидирующий фонд. Помимо этого многие фонды и учебные заведения имеют и свои собственные программы.

Программы УМР были реорганизованы на основе установления приоритета образовательных проектов, при-

чем особое внимание уделяется «движению учителей в Африку» по линии УМР, «Корпуса мира» и других организаций⁴⁴. Если в 1961 году ассигнования УМР на просвещение и образование в Африке составляли 26 129 тыс. долл., то уже на следующий год они увеличились до 46 515 тыс. долл., то есть почти вдвое. В это же время частные организации (фонды Форда, Рокфеллера, Карнеги и др.) выделили 20 млн. долл. на нужды образования в Африке⁴⁵.

Только один учительский колледж Колумбийского университета за 1960—1963 годы послал в Восточную Африку 370 учителей. Большое количество учителей, как уже говорилось, было послано по линии «Корпуса мира». Выполняет в этой области свою роль и правительственная программа образовательного обмена: в 1960 году по ней в Африку были отправлены 11 учителей, в 1961—37, в 1962 году—45 учителей. По этой же программе 25—30 африканских учителей ежегодно стажировались в США. Выделенные частными организациями 20 млн. долл. были потрачены в основном на подготовку африканских учителей по общей программе правительства и частных организаций.

Промышленные и торговые компании США также участвуют в обучении африканцев. «Шелл ойл», «Хьюз эйкрафт», «Букер бразерс инджиниэринг», «Дженерал электрик», «Америкэн сосайти оф трейнинг директорс» и др. занимают видное место в профессиональном обучении африканцев.

Предпринимаются настойчивые попытки установления американского контроля над учебными заведениями в Африке, большей частью путем опеки американского учебного заведения над своим «коллегой» в Африке (по принципу «университет — университету»). Обычно в этом принимают участие УМР и частные фонды. Так, университет штата Огайо с 1955 года установил прямую связь с правительством Западного района Нигерии и с 1958 года осуществляет программу подготовки учителей в Ибадане. Шестилетняя программа построена так, чтобы обученные американцами учителя обучали затем новых африканских учителей. В поддержку программы университет получил от УМР 700 тыс. долл.⁴⁶ Административный институт в Иффе (Нигерия) контролируется фондом Форда и административным институтом Нью-Йорка. Административный институт в Лоуэр Кэбот (Кения) на-

ходится под опекой Сиракузского университета США. В императорском административном институте Эфиопии господствуют американские эксперты и преподаватели ⁴⁷.

Фонды, особенно Форда, Рокфеллера и Карнеги, самостоятельно внедряются в систему образования стран Африки. Только за 5 месяцев 1962 года фонд Форда затратил на эти цели 10,8 млн. долл. Фонд Рокфеллера за несколько месяцев того же года затратил для внедрения в африканские вузы 2 млн. долл. Корпорация Карнеги в сотрудничестве с ЮНЕСКО потратила 310 тыс. долл. на комплектование вузов в странах Африки преподавателями и на разработку плана координации «помощи» в этом вопросе ⁴⁸.

На 31 декабря 1962 г. 23 университета осуществляли по поручению УМР 27 университетских проектов в 12 странах Африки стоимостью в 25 058 481 долл. По размаху эта программа уступала только соответствующим американским программам на Ближнем Востоке и в Южной Азии ⁴⁹.

Из частных программ наиболее значительна Афро-американская университетская программа, в которой при поддержке фонда Форда участвуют Колумбийский, Чикагский, Северо-западный, Йельский и другие университеты США. Она нацелена на подготовку преподавателей африканских университетов и на командирование американцев в вузы Африки.

Представить масштабы операций частных организаций США в Африке можно наиболее наглядно по деятельности одной из важнейших среди них — существующего с 1953 года Афро-американского института ⁵⁰. В совет опекунов института входят Г. К. Хохчайльд (председатель) из «Америкэн метал клаймакс», Э. Дадли — председатель муниципалитета Манхэттена, Л. Кристи — казначей и президент «Лайбириа майнинг компани», М. Эбрам из «Поль, Вайс, Рифкайнд, Уартон энд Гаррисон», Д. Крил — директор фонда братьев Рокфеллеров, Дж. Джонсон — президент «Джонсон паблишинг корпорейшн», А. Пайфер — вице-президент корпорации Карнеги, Дж. Плэйс — вице-президент «Чейз Манхэттэн бэнк». Налицо подчиненность института монополистическому капиталу, в том числе имеющему «интересы» в Африке:

Главное в работе института — образование, «подготовка опытного, ответственного руководства» в странах Африки (слова Ф. Болтон). За 1959—1964 годы бюджет

института возрос в 10 раз. Он имеет штаб-квартиру в Нью-Йорке и отделения в Вашингтоне, Лагосе, Дар-эс-Саламе, Аддис-Абебе, Аккре. Его финансируют фонды Форда, братьев Рокфеллеров, Хэрши, корпорация Карнеги и др. Сам его президент В. Нильсен служил раньше в фонде Форда.

Основные программы института включают: программу предоставления стипендий африканцам, по которой в США учатся 800 африканцев и в которой участвуют 214 университетов и колледжей, УМР и 27 африканских правительств; программу объединения африканцев с незаконченным высшим образованием в целях отбора среди них кандидатов для обучения в США; программу низшего колледжского образования для студентов из Кении (70 человек); программу профессионального и технического обучения для гвинейцев; финансируемую фондом Форда программу обучения африканских беженцев с базы в Дар-эс-Саламе; программу размещения 140 учителей в 9 странах Африки; финансируемую фондом Хэрши программу укомплектования учителями школ Ганы и Нигерии (силами колледжа в Элизабеттауне); программу организации визитов африканцев в США, по которой в течение года приезжают в США более 100 молодежных лидеров из стран Африки; программу командирования специалистов для работы в качестве советников при африканских чиновниках; программу развития средств массового общения, обучения журналистских кадров на курсах в Аддис-Абебе, Дар-эс-Саламе и Лагосе; программу предоставления возможностей для обучения 180 учащихся средних школ в Восточной Африке; программу «Книги для Африки»; особую образовательную программу для африканских женщин⁵¹.

Как видно, программы только одного частного учреждения обеспечивают широчайший идеологический охват самых различных слоев населения во многих странах континента.

Просвещение и образование — важнейшая, но не единственная сфера активности частных организаций США в Африке. Особенно заметно растет на континенте влияние различных фондов монополистического капитала: корпорации Карнеги (проникает в Африку с 1927 г.), фонда Рокфеллера, фонда братьев Рокфеллеров и особенно фонда Форда, действующего на континенте с 1951 года. Нет страны и высшего учебного заведения на

континенте, которые не были бы охвачены так или иначе влиянием фонда Форда. К 1963 году фонд затратил 9 млн. долл. на обучение африканцев в 12 университетах США. В 1958—1961 годах он финансировал четыре международных семинара по социальным проблемам в Африке, а в 1962 году затратил 10 тыс. долл. на конгресс африканистов, добиваясь победы колонизаторской точки зрения на проблемы современной Африки. В 1960—1962 годах фонд Форда выделил 40 млн. долл. на расширение программ изучения незападных и слаборазвитых стран в американских университетах; на Африку из этой суммы пришлось 10%. Фондом предоставлены средства для учреждения института экономических и социальных исследований при университете Лованиум [Конго (Киншаса)] и для расширения Восточно-африканского института социальных и экономических исследований при колледже Макерере в Уганде.

Год от года растет объем африканских программ, осуществляемых университетами и колледжами США. Не только собственно обучение африканцев, но и техническая «помощь», а также изучение Африки входят в сферу их активности. Первая программа по изучению Африки была начата Северо-западным университетом. В 1953 году к нему присоединился Бостонский университет, который с 1959 года готовит кадры чиновников УМР для службы в Африке. В 1954 году при Гарвардском университете началась подготовка студентов по африкановедческому профилю, а тремя годами позже Школа повышенного типа по изучению международных отношений при университете Джонса Гопкинса ввела специальную программу обучения выпускников «для карьеры в Африке». Программы изучения Африки были введены Калифорнийским университетом в 1960, а Колумбийским — в 1961 году. Специальные курсы по отдельным районам Африки имеются в Кеннедиевской миссионерской школе, в Йельском, Мичиганском и других университетах.

Университетская африканистика США при неоспоримой глубине и тщательности многих исследований призвана дать общие ориентиры для всех направлений неокOLONIALИСТСКОЙ стратегии, удовлетворить нужды монополий на основе исследований, охватывающих все детали общественно-экономической, исторической, политической, этнической и т. п. специфики стран континента. В ней господствует социологический анализ, помогающий

наиболее эффективному отысканию и использованию социальных сил, жертвующих национальными интересами в угоду своекорыстным интересам и готовых на сделку с империализмом.

Типичным примером такого африкановедческого исследования может служить книга профессора Мичиганского университета Г. Бреттона «Взлет и падение Кваме Нкрумы». Вынужденный признать впечатляющие достижения Ганы при правительстве К. Нкрумы, автор тем не менее идет путем предвзятого анализа, сводящего бывший режим Ганы к «культу личности» и «тоталитаризму». Суть анализа сводится к отрицанию характера этого режима как продукта борьбы за освобождение Ганы, к отрицанию его национального характера. Это необходимо для вывода о том, будто подобные режимы с отчетливой антиимпериалистической тенденцией не имеют глубоких корней в общественных и политических традициях Африки, представляют собой трансплантацию чего-то чужеродного на африканскую почву. Ничего не говоря об интригах империализма в Гане, Г. Бреттон препарирует факты, чтобы «доказать» «коммунистическое проникновение»⁵².

Другой пример. Прекрасная с точки зрения фактологического анализа коллективная работа Калифорнийского университета «Политические партии и национальная интеграция в Тропической Африке» построена так, чтобы внушить мысль о соответствии африканским условиям, о «вживаемости» в них так называемой «прагматико-плюралистической модели» общественно-государственного устройства в противовес «революционно-централизаторской тенденции», к которой авторы относят Гвинею, Мали и Гану в период правительства К. Нкрумы⁵³.

Помимо Афро-американского института в США возникло множество специальных «африканских» организаций вроде Ассоциации африканских исследований, существующей с 1957 года и издающей журнал «Африкэн стадиз бюллетин», или Американского общества африканской культуры (АМСАК). Последнее издает журнал «АМСАК ньюслеттер», связано с парижским обществом «Презанс африкэн» и, как это последнее, уводит африканцев от активной политической борьбы на путь мистического самокопания в «африканской индивидуальности». Особенно коварную роль играет Американский комитет по вопросам Африки, афиширующий свой «либерализм»,

но вместе с тем занимающийся проповедью «ненасильственной борьбы» с позиций лютого антикоммунизма. Выделяется активностью студенческая организация «Перекресток Африка». В 1962 году в 16 странах Африки одновременно пребывали 300 ее представителей⁵⁴.

Огромную роль в духовной и идейной обработке африканцев играют американские миссионеры-церковники. Их в странах континента насчитывается около 8 тыс. человек. У них особая миссия: прививать дух «христианского смирения» главным образом массам из «низших» слоев населения, отравлять их сознание «профилактическим» религиозным дурманом, чтобы парализовать их волю к политической борьбе. Церковники в немалой степени держат в руках систему низшего и среднего образования. В. Маккей подчеркивает, что «церкви располагают более широкой аудиторией, чем любые другие специальные группы, имеющие интересы в Африке»⁵⁵. Они внушают массам верующих мысль о непричастности к колониализму как США, так и христианской религии с ее абстрактным «человеколюбием». Миссионеры стремятся расширить охват африканцев теологическим образованием и воспитанием путем привлечения к миссионерской деятельности проживающих в Африке частных граждан, а также африканцев, работающих в церковных миссиях (в 1956 г. только в протестантских миссиях США насчитывалось 23 420 таких африканцев)⁵⁶. Подготовка подобных «добровольных» распространителей «христовой веры» ведется во многих учреждениях США и Западной Европы.

К миссионерам примыкает движение «Моральное перевооружение», созданное несколько десятилетий назад американским попом Ф. Бухманом⁵⁷. Характерно, что в числе высокопоставленных «покровителей»-бухманистов оказывались всегда реакционнейшие политические фигуры: бывший президент Филиппин Магсайсай, бывший премьер-министр Японии Н. Киси, южновьетнамский диктатор Нго Динь Дьем, лидер индонезийской реакции М. Хатта, Чан Кай-ши и др. Это и немудрено: цель бухманистов в том, чтобы под лозунгом «чистоты, честности, самоотречения и любви» разлагать сознание эксплуатируемых и угнетенных масс проповедью «классового мира», уводить их с пути борьбы за национальное и социальное освобождение под лозунгом «самоусовершенствования индивидуума, прежде чем можно будет присту-

пить к преобразованию общества, в котором он живет». Бухманистское движение пронизано злобствующим антикоммунизмом, неприятием любого социального прогресса.

Бухманисты сумели обработать в Африке ряд видных национальных лидеров, например вождя 1,5 млн. мусульман Ганы Толон На и У. Нкомо — основателя воинствующей Молодежной лиги Африканского национального конгресса ЮАР. «Моральное перевооружение» было использовано колонизаторами для разложения антиколониального восстания в Кении, известного под названием «мау-мау»⁵⁸. Ф. Бухман незадолго до смерти, пишут авторы-бухманисты П. Кэмпбелл и П. Говард, обратил особое внимание на Африку, смотрел на нее «как на источник света для мира», рассчитывая именно здесь создать «общество единства и свободы для всего мира», найти «альтернативу материализму Запада и Востока»⁵⁹.

«Африканцам,— комментировал деятельность бухманистов журнал «Африка трейд энд дивелопмент»,— говорят: „Не ускоряйте ликвидацию колониальной системы, не ведите борьбы за упрочение вашей национальной независимости и за социальные реформы. Нет нужды развивать вашу промышленность и широко использовать ваши ресурсы. Ничего этого не стоит делать, пока вы морально не перевооружитесь и не станете идеальными людьми“». Так бухманисты, говорит журнал, помогают монополиям отвоевывать утерянное⁶⁰.

Огромные усилия предпринимаются американской профбюрократией, чтобы подчинить своему влиянию профсоюзы африканских трудящихся. Это один из наиболее опасных маневров американского империализма: традиционно профсоюзы являются одной из ведущих политических сил национально-освободительного движения в Африке. «Поскольку самые блестящие и энергичные молодые люди Африки,— подчеркивал журнал «Тайм»,— являются обычно рабочими лидерами, тот, кто контролирует сегодня африканские профсоюзы, вполне может завтра контролировать весь континент»⁶¹. Именно к этому и стремятся правящие круги США, навязывая самым массовым и боевым организациям африканских трудящихся реформистский курс соглашательства с неокOLONИализмом.

С конца 50-х годов профбюрократия в лице лидеров АФТ—КПП У. Рейтера, Дж. Мини, И. Брауна, М. Шпрингер, Ф. Рэндолфа и др. уделяет повышенное

внимание профсоюзам Африки. АФТ — КПП выделила деньги на обучение профсоюзных лидеров Африки в США, предпринимала вербовочные поездки по Судану, Танганьике, Кении, Уганде, Северной Родезии (Замбия), Нигерии, Гане, Либерии, Сьерра-Леоне. При финансовой поддержке АФТ — КПП функционирует принадлежащая МКСП общеафриканская профшкола в Кампале (Уганда). АФТ — КПП выделяла деньги на организацию профсоюзов в Гане, Тунисе, Марокко, оказывала финансовую поддержку профдеятелям в Кении, Камеруне, Нигерии, Гвинее, Того и т. д. Профбюрократы США не раз участвовали в подкупе профсоюзных деятелей Африки: В. Маккей пишет, что из рук АФТ — КПП деньги «на политические цели» передавались кенийскому лидеру Т. Мбойе⁶²; посольство США в Уганде развертывало операции подкупа в профсоюзах страны с целью создать трудности для правительства М. Оботе⁶³.

Главная задача АФТ — КПП — помешать давней борьбе африканских профсоюзов за континентальное единство на основе полной независимости и высвобождения из-под иностранного влияния. В этом африканские профсоюзы находят полную поддержку со стороны ВФП, но в то же время сталкиваются с активной подрывной работой со стороны МКСП, которая в 1960 году создала свою региональную организацию в Африке и через которую действуют в основном лидеры американской профбюрократии. Политическая направленность МКСП достаточно раскрывается полной поддержкой, которую она оказывает концепциям «коллективного колониализма» («помощь» и т. д.) под эгидой ОЭСР. Раскрывая подлинную роль МКСП в Африке, журнал «Тайм» восторженно писал: «МКСП делает то, что колониальные чиновники делать не могут: она внушает, что время и деньги профсоюзных лидеров стран Африки лучше затратить на свободные сделки с нанимателями о повышении зарплаты, чем на жестокую антикапиталистическую, направленную против белых борьбу, имеющую целью вышвырнуть этих нанимателей вон»⁶⁴.

«Каждого,— пишет Дж. Уоддис,— кто в последние 10 лет следил за положением в африканских профсоюзах, поражает постоянное и совершенно открытое вмешательство американских организаций в их дела. Явные подкупы за доллары лидеров африканских профсоюзов приобрели настолько скандальный характер, что США при-

шлось изыскивать косвенные методы для продолжения подобной практики»⁶⁵.

Борьба африканских трудящихся привела к срыву интриг МКСП и АФТ — КПП, к созданию в мае 1961 года Всеафриканской федерации профсоюзов (ВАФП). Однако вмешательство реформистских профсоюзов Запада не прекратилось. При поддержке империалистов в январе 1962 года в Дакаре был сколочен новый профсоюзный центр под эгидой МКСП — Африканская профсоюзная конфедерация (АПК). Но это чужеродное образование не смогло стать соперником ВАФП и в 1963 году даже было вынуждено начать с ней переговоры относительно объединения. Тем не менее благодаря усилившемуся интригам МКСП, АФТ — КПП, Британского конгресса тред-юнионов решения об объединении не были реализованы. Профсоюзное движение в Африке продолжает страдать от разногласий, всемерно подогреваемых империалистами через свою профсоюзную агентуру, в частности через АФТ — КПП.

Американский империализм, используя огромный «плюралистический» механизм «частной инициативы», пытается идейно повлиять на каждую общественно-государственную ячейку в странах Африки. Эта скрытая, «спокойная», как говорит Д. Раск, дипломатия — одно из опаснейших орудий американского неокOLONиализма. Ей в Вашингтоне придается первостепенное значение. Сами творцы политики США заявляют о своей убежденности в том, что вопрос о путях развития «третьего мира» будет в конечном счете решен «на идеологическом уровне», и они всерьез берутся за «штамповку умов» будущих руководителей этого «третьего мира».

Неверна, конечно, любая переоценка результативности идеологического наступления США. Развертывая в Африке «психологическую войну», американские империалисты не могут в конечном счете устранить или скрыть кардинальное противостояние своих целей чаяниям африканских народов. И не случайно, что многие хлебнувшие «американской культуры» африканцы становятся передовыми борцами против империализма.

Но столь же неверно было бы и недооценивать последствия массированного внедрения американской неоколо-

ниалистской идеологии в Африке. Перекрыть качество количеством — на это делают ставку идейные оруженосцы американского империализма.

На волнах фальсификаций

Подход американской обществоведческой науки и пропаганды к проблемам Африки органически связан с подходом к проблематике развивающихся стран в целом.

Целью таких «научных» теорий и пропагандистских версий являются апологетическое истолкование американского капитализма, его истории и современного этапа его развития, обоснование его «исключительности», приукрашивание внешней политики, преподнесение США как «образца демократии», оправдание их экспансионистских устремлений и претензии на мировое господство. В социально-экономическом плане и в плане государственного устройства идеологи американского империализма преподносят США как высший продукт исторического развития человечества, законченный и раз навсегда данный его идеал. Первой среди этих фальсификаций является версия о США как «зачинателе» национального освобождения, как стране «традиционно антиколониальной», воплощении «человеческой свободы».

Такая трактовка колониально-империалистической политики США дается в трудах Самюэля Ф. Бемиса, историческая апологетика которого лежит в основе многих пропагандистских версий⁶⁶. Испано-американская война, захват Филиппин, Гавайских островов и т. д. в истории США объявлены «эпизодом», быстро прошедшей «великой национальной аберрацией», а в целом США, дескать,— страна, не имеющая ничего общего с империализмом. Что же касается Африки, то вообще полностью отрицается причастность американского империализма к колониальному порабощению и угнетению этого континента.

Все вышесказанное в этой работе опровергает версии С. Бемиса и других об «американском антиколониализме». Тем не менее нелишне еще раз подчеркнуть, что относительно малое число прямых колоний у Соединенных Штатов никак не может быть доводом в защиту этой версии. Просто американский империализм вышел на мировую арену тогда, когда мир был уже поделен дру-

гими колониальными хищниками и когда, с другой стороны, американская буржуазия обрела уверенность в своей способности устанавливать господство, опираясь на превосходящую экономическую мощь, на «экономический империализм», по выражению одного из европейских авторов⁶⁷, вместо того чтобы искать счастья на пути прямых колониальных захватов.

Дж. Роллинз, исследователь внешней политики США конца XIX — начала XX века, справедливо подмечает, что отклонением программы колониальных захватов (а программа такая была) США свидетельствовали свою «уверенность в способности завоевать мир (!) без колониальной экспансии». Он отмечает также, что и методы колониальных захватов отнюдь не сдавались в архив, но считались лишь «последним средством», к которому следует прибегать, «когда более мирные и демократические методы не могли привести к созданию или сохранению нужного рынка». В Вашингтоне никогда «не считали, что либеральная экспансия в духе *laissez — faire* не оставляет места для дальнейших приобретений за морем»⁶⁸.

С пропагандой «антиколониализма» сочетаются попытки внушить африканцам представление о США как о стране «революционной», находящейся в непрерывном движении к социальному прогрессу. Из исторического факта борьбы за независимость английских колоний в Северной Америке в XVIII веке выводится тезис о «созвучии» национальных целей США целям нынешних национально-освободительных революций. Тем самым «обосновывается» претензия на лидерство США в мире освобождающихся народов.

Ч. Боулс заявляет, например, что «американская революция» была «предначертана» для всего человечества⁶⁹. В другой работе он пишет, будто африканцы «вдохновлялись революционным разрывом Америки с британским колониализмом», «исторической позицией... таких американцев, как Линкольн, Вильсон и Рузвельт», и «все еще черпают вдохновение в нашей истории антиколониализма»⁷⁰.

Нужна изрядная фальсификаторская смелость, чтобы утверждать, будто африканцы могут свою оценку Соединенных Штатов основывать на давнем факте американской истории, а не на реальном империалистическом содержании их политики в наши дни. У С. Сульцберга мы находим разоблачающее это выверт Боулса

положение. «Невзирая на революцию, которая привела к их созданию,— пишет он,— Соединенные Штаты могут рассматриваться как обычная и консервативная страна... Мы обманываем себя, когда, возвращаясь к 1775 году, все еще объявляем США революционной страной»⁷¹.

Правда, С. Сульцбергер в конечном счете сбивается на версию Ч. Боулса в несколько ином варианте. Чтобы поддержать претензию на идеологическое «первородство» США в «третьем мире», он заявляет, что если уж не Вашингтон и Джефферсон, то Вудро Вильсон является вдохновителем антиколониальной борьбы, положившим начало «революции самоопределения». «Возникновение третьего мира,— говорит он,— было ускорено вследствие исторических тенденций, поощрявшихся американским президентом и проявившихся в том, что я назвал вильсоновской революцией, революцией самоопределения»⁷².

Утверждая это, С. Сульцбергер как бы выставляет напоказ фотографию лицемерия американской дипломатии периода Вильсона, забыв об империалистических устремлениях и коварстве сфотографированного им оригинала. Президент США Вильсон после первой мировой войны выступил с планами интервенции и расчленения Советской России — с программой колониальных по своей сущности притязаний. Облекая эту программу в демагогию «самоопределения», он, по словам В. И. Ленина, выказал себя «главой американских миллиардеров, прислужником акул капиталистов»⁷³. В ряде своих выступлений В. И. Ленин показал, что «идеализированная демократическая республика Вильсона оказалась на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов»⁷⁴. Именно В. Вильсон выдвинул систему мандатов Лиги наций, над которой многоопытные колонизаторы Западной Европы смеялись как над «лицемерным прикрытием аннексий»⁷⁵. На Парижской мирной конференции личный представитель Вильсона полковник Хауз уговаривал неподатливых партнеров принять эту систему, уверяя их, что в практике колониализма ничего при этом не изменится (!), поскольку подмандатные территории все равно «присоединятся» потом «путем голосования» к колониальным империям⁷⁶.

Попытки окрестить современное национально-освободительное движение в купели вильсоновства в Африке, за исключением явно прозападных политических сил, ни

у кого не находят поддержки. Зато подлинно национальные общественно-политические силы стран Африки ясно указывают на Октябрьскую революцию как на вдохновителя антиколониальной борьбы, да и сам С. Сульцбергер фактически расписывается в несостоятельности своих домыслов, заявляя: «Революция самоопределения не имела бы такого значения сегодня, если бы не было революции коммунистической»⁷⁷.

Версия об идейно-историческом «родстве» освобождающихся народов с американским империализмом нужна последнему для отстаивания его претензии на «особую ответственность» за положение дел в «третьем мире»⁷⁸. Пропаганда США навязывает ее этим народам, не ощущающим никакой внутренней потребности в аналогичных выводах.

От этой версии буржуазные идеологи США переходят к утверждениям, будто общественно-государственный строй США должен быть неким универсальным прототипом и эталоном, обязательным для повторения в странах «третьего мира». Их пропагандистские усилия направлены на отстаивание всеобщей значимости американской «демократии» как высшего продукта общественного развития. Она преподносится как «уникальная ценность», как нечто самое «привлекательное» для молодых государств.

Можно с удовлетворением отметить, что африканские народы и общественность давно уже самостоятельно разобрались в сущности американской «демократии» и дали немало ответов попыткам навязать им эту «ценность». «В США, где организованное рабочее движение не находит политического самовыражения,— писал, например, бывший обозреватель «Ганиэн таймс» Х. Баснер,— не может существовать реальная межпартийная политика... В США политическую борьбу партий и размежевание по партийному признаку приходится изобретать, чтобы придать кажущуюся убедительность концепции демократии»⁷⁹. В глазах африканцев в особенности эта пресловутая «великая демократия» теряет всякую «привлекательность», едва встает вопрос о положении негритянского населения США. «Если география расизма,— писала малийская «Эссор»,— разнообразна — Германия Гитлера, Америка Литтл-Рока, Миссисипи, Алабамы и Африка Фервурда,— то дух ее является одним и тем же»⁸⁰.

Убеждаясь в невосприимчивости народов Азии и Африки к канонизации американской «демократии», американские империалисты начинают высокомерно третировать их как вообще неспособных к демократическому прогрессу. «Перспективы демократии,— разглагольствует Э. Бэнфилд,— лучше всего в культурах, разделяющих наши основные моральные посылки, но даже в Латинской Америке они не обещающи. Есть основания ожидать, что экономическое развитие будет несовместимо с демократией»⁸¹. Под рубрику «недемократических» подпадают, в частности, все однопартийные режимы, столь характерные для Африки, особенно режимы, избирающие путь прогрессивного социально-экономического развития.

Как доказано общественно-исторической практикой, однопартийная государственность вполне отвечает задаче создания подлинной демократии, демократии для трудящихся, и, наоборот, многопартийная система в условиях буржуазного строя теряет всякое значение. В частности, двухпартийная система в США — очевидная машина диктатуры эксплуататорского класса монополистической буржуазии. Многопартийность вообще не является признаком демократии. Но столь явное извращение вопроса о демократии нужно идеологам американского империализма для вполне утилитарной внешнеполитической цели. Раз для «третьего мира», как они утверждают, «тоталитаризм» — общее явление, США вольны поддерживать антинародные диктатуры, отказывая в поддержке другим «диктатурам» и выступая против прогрессивных государств. Ведь выбирать, дескать, им приходится «диктатуры среди диктатур»!

Преподнося американский капитализм как идеальную перспективу и цель прогресса развивающихся стран, его идеологи «обосновывают» прямое вмешательство США в дела развивающихся стран и доводят такое «обоснование» до отождествления необходимости американского вмешательства с самой возможностью прогресса данных стран. «Предопределенность» американской опеки выводится из предпосылки о неизменности положения развивающихся стран в системе капитализма.

Этим в особенности грешит У. Ростоу⁸². Он признает, что развивающиеся страны должны идти вперед, исходя из собственных «уникальных факторов», но при этом на США налагается «ответственность» в оказании «ограниченного, но реального влияния» на силы, которые «сохра-

няют минимум единства и целостности» в «процессе модернизации». Разумеется, силы эти капиталистические. Прав советский автор В. Мшвениерадзе, который говорит, что У. Ростоу фактически отождествляет американскую «помощь» с внутренней объективной закономерностью развития этих стран⁸³. Он, стало быть, «теоретически» обосновывает доминирующую роль Соединенных Штатов в мировом общественном развитии, «научно» прикрывает агрессивную сущность американского империализма.

У. Ростоу искажает истину объективно и, надо полагать, субъективно. Во-первых, у развивающихся стран не один путь развития, а два, как признают сами американские империалисты. Выход на социалистические рельсы для них не закрыт. А, во-вторых, о совпадении интересов «третьего мира» и американского империализма говорить ненаучно, так как они противоположны. Как пишет Э. Бэнфилд, «меры, которые обещают наиболее непосредственную выгоду Западу в его борьбе за выживание, *в наименьшей степени* (курсив мой.— В. Ф.) ведут к самообеспеченному экономическому росту в слаборазвитых странах»⁸⁴.

После подобных рассуждений остается только один шаг до оправдания безудержного экспансионизма США, их «права» попирают суверенитет других стран. Пожалуй, с наибольшим наукообразным цинизмом говорит об этом Г. Моргентау, у которого капиталистическая Америка выдается за некую историческую истину в последней инстанции, подобно прусскому государству у Гегеля. По его словам, США — «уникальная» страна, единственная в мире, которой удалось воплотить идеал «равенства в свободе». А раз так, то все остальные должны признать следующий вывод: «Что Америка делает для себя, она делает не только для себя, но и для блага (!) других наций... Эта цель (внешнеполитическая цель американского империализма. — В. Ф.) всегда выражалась в экспансии равенства в свободе либо путем расширения внешних территориальных границ, либо путем преподнесения Америки в качестве образца для других наций»⁸⁵. Получается, что и прямое, и косвенное насилие со стороны США оправданы. Если второго недостаточно, «законно» прибегнуть к первому!

Поскольку это касается Африки, то американский экспансионизм зачастую окрашивается в типично расист-

ские тона, основываясь на отрицании способности африканцев к самостоятельному прогрессу⁸⁶.

Видное место в идеологических диверсиях США занимают теории, которые извращают историю колониализма, выдают его за некую закономерность в развитии цивилизации, говорят о его «цивилизаторской миссии» и о его «самоликвидации», с тем чтобы в конечном счете «обосновать» необходимость неоколониализма.

Усилия направляются прежде всего на то, чтобы разорвать связь между колониализмом и империализмом, «доказать», будто с исчезновением колониализма в форме прямого политического господства исчезает и империализм. Один из ведущих американских авторитетов в данной области Г. Кон пишет: «В действительности колониальные отношения были в целом исключительно результатом завоеваний». «Теперь,— продолжает он,— волна западного империализма определенно спадает, и не столько в результате внешнего воздействия, сколько под воздействием самих западных идей»⁸⁷.

Это давно разоблаченный прием идейной подтасовки: выхватывается только один признак империализма — территориальный захват — и выдается за характеристику империализма в целом. Главная цель фальсификации — обойти экономические мотивы и проявления империализма, затушевать решающее значение вывоза капитала и прочих признаков империализма. В конечном счете американские идеологи хотят сказать, что не существует неоколониализма как продолжения колониальной политики иными средствами, не существует экономической эксплуатации бывших колоний монополиями. С уходом колонизаторов из колоний наступает, дескать, перевоплощение «эры империализма» в «эру сотрудничества». Идеологи империализма США добиваются, чтобы народы оставили нетронутыми экономические основы их угнетения. Недаром С. Поссопи гневается по поводу того, что освободившиеся народы после ликвидации колониализма хотят внести «фундаментальные изменения» и «в области международной экономики»⁸⁸.

Идейной базой доктрины «взаимозависимости» и обратной стороной теории «неподготовленности к независимости» являются вымыслы о колониализме как «цивилизаторе». Колониализм объявляется важнейшим историческим этапом в судьбе колониальных народов, источником их «модернизации». «Африка,— пишут, на-

пример, редакторы сборника «Политическое пробуждение Африки», — испытала много пробуждений. Белый человек может до сих пор с полным основанием считать, что единственным ее пробуждением, имевшим последствия, является то, которое вызвано контактом Европы с Африкой, приведшим континент в соприкосновение с «современным миром» в том его виде, в каком он был создан в Европе за последние столетия»⁸⁹. «Без „империализма“, который они сейчас атакуют, — утверждал журнал «Ридерс дайджест», — африканцы до сих пор пребывали бы в примитивной дикости, даже без надежды на цивилизованное самоуправление... Даже само требование цивилизованного самоуправления не могло бы возникнуть, не будь колониализма, вдохнувшего это стремление в примитивные народы»⁹⁰.

Итак, стремление избавиться от угнетения «вдохнули» в угнетенные народы... сами угнетатели! Наука и пропаганда США пытаются убедить кого-то в жизненности выдвинутого ими парадокса, согласно которому народы должны были пройти через ужасы колониализма, чтобы проникнуться жаждой самостоятельной жизни, без этого они так и блуждали бы во тьме. В Америке, видимо, не помнят, как смеялся над этим еще Марк Твен. Разоблачая подоплеку мифа о «модернизации» Африки колонизаторами, представитель Либерии в ООН Г. Купер резонно заметил: «Корову кормят не ради самой коровы, а ради молока, которое она дает».

Выполнив свою задачу «цивилизатора», утверждают американские идеологи, колониализм сам слагает с себя свою «миссию», становится на путь «самоликвидации». Колонизаторы якобы только тем и занимались, что «вели» и, наконец, «подвели» поработанные народы к независимости (через бесконечные войны во Вьетнаме и в Анголе, через семь с половиной лет войны в Алжире, через шесть лет репрессий в Кении, через зверские расстрелы в Тунисе, на Мадагаскаре и т. д.!).

«Жестокий колониальный угнетатель, — пишет Э. Хаксли, — на самом деле уходит так быстро, как только может»⁹¹. «Одна из самых больших ироний XX века, — вторит ей журнал «Тайм», — заключается в том, что независимость обрушилась мгновенно и при минимальном сопротивлении на самый бедный в мире и наименее подготовленный к независимости континент»⁹². Бедная Африка — ей, видите ли, пришлось оказаться буквально

«брошенной» в пучину независимости, тягостной для нее самой!

Миф о «самоликвидации» колониализма доводится до надругательства над самыми героическими эпизодами борьбы за свободу. Так, С. Сульцбергер пишет, будто Франция просто «решила» дать независимость Алжиру. И неизвестно, зачем Франция вела семь с половиной лет «грязную» войну, которую алжирцы, по С. Сульцбергеру, так и не выиграли⁹³.

История колониализма в Африке буквально восстает против подобного надругательства над непрекращавшейся борьбой народов за свободу. Достаточно вспомнить войны зулусов в Южной Африке, о которых восхищенно писал Ф. Энгельс, восемь войн племени ашанти в Гане, героическую борьбу гвинейцев во главе с национальным вождем Самори Туре, послевоенные народные восстания в Алжире, Тунисе, Береге Слоновой Кости, на Мадагаскаре, потопленные колонизаторами в крови.

Эти фальсификаторские построения нужны для того, чтобы подвести к мысли о предопределенности, объективной закономерности дальнейшего западного «руководства» независимыми странами Африки. Версии о «цивилизаторстве» и «доброй воле» колонизаторов дополняются отрицанием способности африканцев к самостоятельному развитию, утверждениями о неизбежности разрушительных внутриафриканских конфликтов без «сдерживающего влияния» Запада, запугиваниями опасностью вторжения в Африку «холодной войны» при проявлении стремлений к укреплению независимости.

Процесс укрепления подлинной (экономической) независимости странами Африки прямо идентифицируется американской пропагандой с «опасностью холодной войны». Дескать, развертывая дальше «революцию поднимающихся надежд», африканцы сами «превращают свой континент в объект соревнования холодной войны»⁹⁴. Этот абсурд имеет ту внутреннюю логику, что всякая борьба африканцев за упрочение независимости сопряжена якобы с «проникновением коммунизма», а раз так, то и Запад «не дремлет», нарушается «сложившееся равновесие», и в Африку надвигается «холодная война». Чтобы избежать ее, африканцы, стало быть, должны мириться с наследием колониализма. «Хотя в большинстве африканские страны дружелюбны Западу,— вещает «Тайм»,— их решимость избавиться от колониального

или «неоколониального» влияния увеличивает их трудности»⁹⁵.

Вопреки всему, что можно сказать на основе объективного анализа положения в Африке, американские авторы утверждают, будто колониализм обеспечивал некий «международный порядок»⁹⁶, а сами африканцы создать такой порядок не могут. Эти авторы подхватывают и обыгрывают все случаи политических потрясений в Африке, старательно выводя за рамки своего анализа их подлинного виновника — империализм. Так, вся трагедия Конго, по американским оценкам, заключается в том, что «никто в Конго не сумел создать эффективного правительства»⁹⁷. Но ведь тот же Вашингтон ликвидировал единственно эффективное правительство П. Лумумбы! В качестве главной причины «неурядиц» выставляется племенная рознь, отбрасывается в сторону тот факт, что сама племенная рознь всячески культивировалась колонизаторами⁹⁸.

Для изображения национально независимого существования стран Африки лишь как весьма ограниченного исторического самотворчества используется колонизаторская доктрина «политической действительности». Согласно этой доктрине, экономическое взаимопроникновение (т. е. засилье монополий.— В. Ф.) и «блоковое равновесие» приводят к неизбежному ограничению национально-суверенитета в нынешних условиях, и с этим надо мириться. Приверженцы этой доктрины не снисходят, разумеется, до разъяснений, почему ограничениям должен подвергаться суверенитет африканских стран, а не США.

Высказываются сомнения в способности африканцев создать и поддерживать национальную государственность, организовать общественно-экономический прогресс. «Невозможно избавиться от сомнений,— пишет американский автор Д. Рид,— сможет ли любой из туземных лидеров, выходящих сейчас на сцену, обеспечить целостность своей страны в течение длительного времени, не говоря уж о том, чтобы с успехом ею управлять»⁹⁹. У Африки, говорят в США, нет своих Мадзини, Ганди, Сунь Ят-сенов, она существует только как конгломерат племен, «проект на будущее», лишена «традиций общего происхождения и общего мировоззрения», у нее «нет прошлого, нет будущего, а есть только настоящее», и это настоящее означает «амбицию и анархию, нищету и политическую интригу»¹⁰⁰.

Иначе говоря, независимость Африки подается как «эксперимент», который неизвестно чем кончится и кончится плохо без учета «советов» западных опекунов. Нередко к этому примешиваются расистские мотивы, объясняющие неспособность африканцев к прогрессу «органическими особенностями» их расы. Корреспондент «Вашингтон пост» в Африке Р. Хоу писал: «Хотя эфиопы, конголезцы, тунисцы и нигерийцы так же отличаются друг от друга, как шведы, поляки, итальянцы и ирландцы, их образ мышления, их принципы — или отсутствие таковых, — их политические достоинства и пороки неизменно одинаковы... Африканцы большей частью мыслят в негативном смысле... Они больше готовы выступать против чего-либо, чем за что-либо. Другая кардинальная слабость африканцев — их материализм, третья — культ лидеров и четвертая — их неспособность „доводить дело до конца“»¹⁰¹.

После всех этих измышлений совершается переход к главному тезису неокOLONиализма: призыву «не ожидать чудес» от независимости, смириться с медленным прогрессом в политической, и особенно экономической, областях. Самым мрачным предсказанием, обоснованию неизбежности медленного прогресса стран Африки посвящает свои статьи один из ведущих американских географов Дж. Кимбл. Основой независимости стран Африки, говорит он, могут быть только «подачки от друзей». Эти страны обречены существовать лишь за счет поставок минералов, растительного и животного сырья для чужих фабрик; ликвидация колониализма не порождает в Африке никакой «волны будущего», и в лучшем случае через 500 лет континент будет что-то собой представлять¹⁰². «К сожалению, — вторит ему У. Хэнс, — в развитии Африки нельзя ожидать движения вперед с той же быстротой, которая характеризовала экономический рост Западной Европы и США»¹⁰³.

Неоколониалистская идеология устремлена на «обоснование» капиталистического выбора для развивающихся стран и в то же время прямо или завуалированно вынуждена признать, что капиталистический путь не сулит никакого быстрого преодоления нищеты и отсталости. Концепции капиталистического развития «обосновываются» их авторами с единственной целью сохранения империалистической эксплуатации развивающихся стран как одного из фундаментов мирового капитализма.

Поскольку сам вопрос о возможностях прогресса связан с выбором пути развития, поскольку в рамках капитализма такие возможности малореальны, американские идеологи изобретают версию о «предопределенности», «объективной закономерности» замедленного подъема развивающихся стран¹⁰⁴. Они говорят не о том, какие изменения в мирохозяйственных связях развивающихся стран и в их внутренней экономике надо произвести, чтобы обеспечить подъем, а о том, какие шажки к «прогрессу» можно сделать на базе незыблемости колониального наследия. Естественно, что их выводы неутешительны, поскольку сам «прогресс» мыслится в системе капитализма, ставящей развивающиеся страны в положение эксплуатируемых. Все американские авторы «крутятся» вокруг проблемы платежного баланса развивающихся стран, вокруг соотношения экспорт-импорт. Но эта проблема неразрешима вне связи с другими, прежде всего проблемами накопления и внутреннего рынка, а эти последние нуждаются в известных предпосылках, относящихся к области социально-экономических преобразований.

По существу американские защитники неоколониализма и не озабочены прогрессом развивающихся стран самим по себе. Они озабочены лишь тем, как навязать данным странам статичное пребывание в капиталистической системе, обеспечивая за их счет ее жизнеспособность. Это ярко видно из рассуждений Ю. Стэли. «Вероятно, правильно,— пишет он,— полагать, что уровень экономического благосостояния страны менее важен, чем тенденция и перспектива в определении ее подверженности коммунизму. По крайней мере мы должны надеяться на это и поступать соответственно данному предположению. Если страна должна достичь такого же жизненного уровня, который существует в Западной Европе, до того, как она сможет обеспечить достаточную степень иммунитета по отношению к политико-экономическому наступлению коммунизма, то тогда перспектива становится действительно мрачной. Экономическое развитие до такого уровня — при максимальных условиях — в лучшем случае будет, вероятно, делом многих десятилетий, если не поколений... Что возможно и это жизненно необходимо для будущего свободы в мире, это *утверждение тенденции* (курсив мой.— В. Ф.) подъема, хорошо обоснованного чувства, что дела идут лучше, что наблюдается прогресс»¹⁰⁵.

Вот и все! Требуется лишь «хорошо обоснованное чувство» такого «прогресса», который обеспечивает жизнь империализму на целые поколения вперед.

Важнейшая и наиболее зыбкая область неокOLONиалистской идеологии — истолкование проблем развивающихся стран через призму борьбы двух мировых систем. С одной стороны, она сосредоточивается на прямой защите капитализма, фабрикации его мнимых «преимуществ», попытках обосновать капиталистический выбор. С другой стороны, она пытается опровергать теорию и практику научного социализма на основе искажения их сущности, доказать «неэффективность» социалистического метода организации общества.

Ученые легионы американского империализма выполняют директиву своего хозяина — монополистического капитала, чтобы «доказать», что «основной процесс, благодаря которому получила развитие американская экономика..., является тем самым процессом, через который слаборазвитые страны должны пройти, чтобы выволить себя из трясины нищеты»¹⁰⁶.

Это — трудноразрешимая задача. Внутреннее противоречие неокOLONиалистской идеологии очевидно: призывая стать на путь капитализма, она в конечном счете не может гарантировать, что капитализм обещает достаточно быстрый прогресс. В то же время перед глазами народов развивающихся стран — живой опыт живого социализма, выведшего некогда отсталые страны на передовые рубежи в исторически кратчайшие сроки. И задача для защитников капитализма еще больше осложняется, когда они обращаются к народам, познавшим капитализм через горький опыт колониального рабства. Как признал С. Сульцбергер, «чем больше наша пропаганда рекламирует достоинства «капитализма» и нападает на «социализм», тем меньше мы нравимся всему миру»¹⁰⁷. Повсеместное неприятие капитализма народами развивающихся стран — очевидное явление.

Американские империалисты не заблуждаются относительно преобладающей идеологической тенденции в «третьем мире». Не заблуждаются они и относительно растущего противоречия между объективной картиной неокOLONиалистского засилья и субъективными уст-

ремлениями народов, «настроенных» на социалистический выбор. Один из изданных в США сборников, посвященный анализу «идеологий» развивающихся стран, весь пересыпан характерными признаниями: «все националистические лидеры, за исключением некоторых латиноамериканцев, едины в своем отрицании капиталистических методов развития...»; «привлекательность советского примера развития трудно отрицать»; «идеология марксизма-ленинизма особенно привлекательна для страны, претерпевающей серьезные сдвиги и перемены, связанные с процессом модернизации и развития»¹⁰⁸. Американский автор Р. Миллер, попытавшийся сочинить своего рода катехизис «народного капитализма», с горечью пишет: «Последователи Христа и Магомета, даже вдохновленные надеждой на восприятие миром их идей, никогда и не помышляли, чтобы что-то из их веры распространялось и продолжало распространяться до сих пор с такой же стремительностью, как некоторые из идей Маркса»¹⁰⁹.

Расписываясь в своей бессилии «переиграть» марксизм, идеологи империализма доходят до мистических сентенций, говоря о загадочной «естественности» влияния марксистской идеологии на народы развивающихся стран. Редактор указанного выше сборника П. Зигмунд заявляет, будто дело в том, что объяснять по-марксистски положение дел в «третьем мире» «просто и не обременительно для ума, тем более что такое объяснение часто не противоречит фактам (!)». Вот ведь сложное положение! Марксистское объяснение фактам не противоречит, но идеологам империализма хотелось бы, чтобы господствовало какое-то другое, вопреки фактам навязываемое, апологетическое истолкование империализма.

А поскольку немарксистское объяснение фактам противоречит, ревнителям старого строя остается представлять дело так, будто восприятие социалистических идей в «третьем мире» носит характер прагматического, импонирующего массам маневра со стороны его отдельных лидеров. Эти лидеры, заявляет тот же П. Зигмунд, подхватывают марксистскую идеологию, чтобы «драматизировать преобразование, которых они добиваются». Ту же версию преподносит и Р. Миллер, утверждающий, что «самозванные (?) лидеры» развивающихся стран «утвердили в сознании их народов искаженную картину», мешающую осознать, что капитализм может быть так объяс-

нен или так практиковаться, чтобы он мог воздействовать на их эмоции или отвечать их чаяниям»¹¹⁰. Распространение социалистических идей, стало быть, является всего лишь результатом волюнтаристских упражнений злонамеренных «лидеров», играющих на настроениях масс в собственных политических целях.

Это жалкий выверт. Распространение идей социализма в «третьем мире» — результат напора снизу, стихийной выстраданности социализма народами. Многозначителен хотя бы такой факт: в развивающихся странах трудно найти авторитетную политическую партию, которая открыто выступала бы за капиталистический путь, даже если именно таковы устремления ее лидеров. В программах партий неизменно фигурирует слово «социализм» — пусть аморфный и даже демагогический, но обязательно «социализм». И это — штрих, характеризующий умонстроения народов. И причина подобных умонстроений кроется не только в колониальном (капиталистическом!) прошлом. В еще большей степени они являются следствием неоколониалистского (капиталистического!) настоящего.

Чтобы в идеологическом плане «обосновать» эволюцию «третьего мира» на путях капитализма, его защитники уже не могут обойтись откровенно нигилистическим антикоммунизмом. Они все больше устремляются по пути изощренного мифотворчества, призванного заронить сомнения относительно сущности социализма и исказить сущность капитализма, придать ему «благопристойный» облик. Используются в основном четыре комплекса идейно-политических фальсификаций.

Первое. Народам развивающихся стран подбрасывается версия о перерождении капитализма в «народный капитализм». Как говорит Р. Миллер, «должен быть надлежащим образом объяснен динамичный капитализм», модель которого возникла якобы в США¹¹¹. Пусть в отношении прошлого Маркс прав, но сегодня, дескать, возник «американский капитализм обслуживания», который основан на «честной прибыли», сочетаемой с «просвещенным служением обществу в целом»¹¹². Наиболее известный пропагандист «народного капитализма» А. Берли договаривается до того, что если и остался капитализм, то исчез... капиталист. «Обозрение американской индустрии, — говорит он, — с очевидностью показывает, что многие ее секторы уже подвержены руко-

водству, регулируются или контролируются тем или иным образом». На место капитализма жестокой конкуренции пришло, так сказать, планирование ¹¹³.

Государственное регулирование в интересах монополий А. Берли преподносит читателю как «народный капитализм», и подспудный смысл его рассуждений таков: зачем развивающимся странам искать иной, отличный от капитализма, метод организации экономики, если капитализм перестраивается в полном соответствии с их устремлениями?

Попытки опровергнуть Марксов анализ капиталистического способа производства предпринимаются путем социологических спекуляций на объективном процессе дальнейшего обобщения производства при капитализме, на фикции «общества управляющих», на апологетической трактовке последствий научно-технической революции и т. д. Не кто иной, как Г. Моргентау, развенчивает эти спекуляции. Называя монополии «частными правительствами», подавляющими общество, он пишет: «Огромная концентрация экономической мощи, сосредоточенная в руках частных правительств, конкурирующих с правительством национальным, вызвала к жизни новый феодализм, так же угрожающий целостности и дееспособности общественной власти, как и прежний феодализм» ¹¹⁴.

Буржуазные идеологи США лихорадочно стремились «доказать» «преимущества» капиталистического пути, обращаясь к примерам непосредственно африканской действительности. Особую ставку они делали на Нигерию, расписывая эту страну как «витрину» частного предпринимательства и буржуазного парламентаризма. За потворство неокOLONиализму бывшие правящие круги Нигерии заслужили со стороны своих покровителей в США бесчисленные похвалы. Д. Рид называл Нигерию «гигантом Африки» не только по населению, но и «с моральной точки зрения». Почему? Потому что она проявляет «зрелость», поощряя частные инвестиции, принимая законы против национализации. Поэтому она «одна из самых демократических и стабильных стран во всем слаборазвитом мире...» ¹¹⁵. В специальных исследованиях о Нигерии утверждалось, что «лишь малое число новых стран, появившихся в послевоенную эру, и, разумеется, ни одна из них в субсахарской Африке, проявили столь ясное стремление к стабильности и искушенности, как

Нигерия. Поистине и старые и молодые нации могут испытывать удивление достижениями Нигерии»¹¹⁶.

С очевидным крахом неокOLONиалистского режима в Нигерии, пришедшего к власти с получением страной независимости в 1960 году, рухнула и вся пропаганда «нигерийского образца». В США заговорили о Нигерии как о «разбитой витрине в беспокойной Африке»¹¹⁷.

В американской пропаганде «преимуществ» капитализма на Африку обнаруживается гигантский изъян — «либерийский парадокс», созданный монополиями США. Либерия — не только капиталистическая, но целиком подвластная американскому капиталу страна. И она же — одна из самых слаборазвитых.

Л. Маринелли, например, пытается утверждать, что «либерийский урок важен для свободного мира и для Африки», поскольку Либерия «осуществила экономический прорыв, полагаясь на помощь Запада и используя демократические методы». Но, с другой стороны, он же рисует странную картину этого «экономического прорыва»: «Борьба шла за выживание, оставляя мало возможностей для развития»; «от 70 до 80% населения в возрасте свыше 30 лет больны туберкулезом»; наконец, «экономика находится под господством иностранного частного капитала, и подобное положение будет сохраняться в течение нескольких последующих десятилетий»¹¹⁸. Не случайно появление в США коллективного исследования о Либерии под характерным заголовком «Рост без развития». «Экономический прогресс Либерии,— говорится в нем,— больше заключался в росте, чем в развитии», то есть имел место рост иностранных инвестиций, влекущих и рост вывоза прибылей наряду с ростом изъятия естественных богатств страны, в то время как колониальная структура экономики осталась неизменной. И подобное положение, говорят авторы, сохранится «в предвидимом будущем»¹¹⁹. Чем это не радужная перспектива капиталистического развития?

В т о р о е. Идеологи американского империализма рьяно извращают сущность социализма. Общая схема их приемов такова: социализм, существующий в СССР уже 50 лет, — это не социализм, а «коммунизм» или «тоталитаризм». А «социализм» — это всего лишь некоторое государственное регулирование экономики, и в этом смысле он не только не противоречит капитализму, но и является одним из вариантов давно применяемой капита-

листической практики. Это схема для затаскивания развивающихся стран на путь капитализма под видом «третьего пути», выдаваемого за «социализм», словесная легализация которого становится неизбежной данью времени.

Р. Миллер прямо требует «отобрать» у коммунистов слово «социализм» и преподнести его развивающимся странам в виде одной из моделей капитализма¹²⁰. Реальный, живой социализм «опровергается» апелляцией к социализму мнимому. В основе трюка лежит спекулятивное отождествление с социализмом различных вариантов псевдосоциализма — «африканского», «арабского» и т. д. Капитализм и социализм сводятся к одной общественно-экономической основе — частному предпринимательству при установлении между ними лишь той «разницы», которая заключается в степени государственного вмешательства в экономику. Из характеристики социализма изымается решающий момент перестройки производственных отношений, обобществления средств производства.

«Социализм,— утверждает Л. Эббот,— это экономическая (только экономическая! — В. Ф.) система, при которой хозяйственный капитал полностью или в преобладающей степени контролируется и управляется правительством». А «коммунизм» (то есть строй в странах социализма. — В.Ф.) — это «социализм в экономической сфере, тоталитарная диктатура в политической сфере, подчинение индивида государству в идеологической сфере»¹²¹.

Смысл подобных извращений таков: Запад «тоже за социализм»; в «народном капитализме Запада» элементов социализма даже больше, чем в реальном социализме Востока, и развивающимся странам «естественней» обращаться к Западу. Президент Нью-Йоркского института африканской службы Т. Мелади негодует по поводу того, что «капитализм и Запад стали синонимами», а социализм оказался «советской монополией». Он хочет доказать, что социализм «совместим» с порядками в западных государствах, о чем, по его словам, «убедительно свидетельствуют скандинавские страны»¹²². Иначе говоря, поскольку развивающиеся страны тянутся к социализму, им надо подsunуть под названием «социализм» одну из моделей капитализма и приохотить к ней.

Неоколониалистская идеология спекулирует на «африканском» или «арабском» социализме. Она живо

подхватывает все элементы мелкобуржуазной расплывчатости, «надклассовых» утопий, а то и прямой социальной демагогии, столь свойственные этому «социализму», и стремится именно эти элементы отождествить с понятием «африканского» социализма, выхолащивая из него всякое демократическое содержание. Ученая гвардия правящего класса США навязывает африканцам понимание социализма, целиком укладывающееся в рамки капитализма, а все выходящее за эти рамки объявляет «несоциализмом». Ее вполне устраивает туман социальной демагогии, напускаемый кое-кем в Африке, вроде Т. Мбойи, у которого «социализм» означает «деловую этику» для бизнесменов и необходимость для рабочего класса «ускорять процесс капиталообразования», то есть оставаться эксплуатируемым под маркой «классового сотрудничества»¹²³.

Такой «социализм» в США приветствуется. В то же время там подвергаются нападкам все процессы, явления и сдвиги, знаменующие постепенное насыщение «африканского» социализма содержанием антикапиталистической направленности. Так, глубокие социально-экономические преобразования, включающие широкую национализацию, в ряде стран Африки, особенно в ОАР, квалифицируются уже не как социализм, а как «тоталитаризм». В связи с преобразованиями в ОАР американские авторы высказали немало домыслов о чисто «прагматической» игре руководителей страны на «популярных чувствах», о «диктаторских методах египетского правительства»¹²⁴.

Апологеты капитализма в США прилагают все усилия, чтобы возвести стену между антикапиталистическими, социалистическими тенденциями в Африке и научным, марксистско-ленинским социализмом, претворенным в жизнь в странах социалистического содружества. В одном из американских изданий, специально посвященном проблемам «африканского социализма», старательно подчеркивается его «отличие» от любого другого социализма, прежде всего от «обычного понятия» социализма, то есть от научного социализма марксистско-ленинских партий¹²⁵.

И не случайно в США поднимается на щит «африканская индивидуальность», или «негритюд». Спекулируя на ней, обществоведы в США пытаются приписать африканцам некие мистические черты, особый психологичес-

кий склад, исключаящие якобы восприятие ими научного социализма и «советского образца» (странно, что они остаются восприимчивыми почему-то к «западному образцу»). Имея в виду эти спекуляции, Г. Кон без обиняков заявляет, перефразируя известный вольтеровский афоризм, что «африканскую индивидуальность» следовало бы выдумать, если бы ее не существовало (т. е. если бы некоторые руководители африканских стран сами не упивались ею) ¹²⁶.

Третье. Американская неоколониалистская идеология широко использует «конвергенционистские» теории. «Конвергенционисты» Э. Фромм, О. Моргенштерн, П. Сорокин, Р. Хейльбрунер, А. Берли и др. выступают с теорией «взаимопроникновения» капитализма и социализма, неизбежности их «встречи на полпути» в процессе общемирового вызревания «единого индустриального общества». Капитализм, утверждают они, все больше «социализируется», а социализм заимствует капиталистические методы, и различия между двумя общественными строями якобы стираются.

Обращенная на развивающиеся страны «теория конвергенции» означает, что проблема выбора пути развития теряет, дескать, всякое значение. Единственное, что в таком случае развивающимся странам следует сделать, это позаимствовать «что-то» от капитализма и «что-то» от социализма в практике экономического развития. Фактически же это значит, что развивающимся странам советуют привнести некоторые методы государственного регулирования в экономику, остающуюся полностью капиталистической. «Кардинальный выбор, — пишет Т. Меллади, — это не выбор между коммунизмом и капитализмом. Это скорее вопрос о том, каким методам следовать, чтобы обеспечить развитие слаборазвитой страны... Выбор — между средствами достижения цели; спор носит скорее экономический, а не политический характер» ¹²⁷.

Народы развивающихся стран тянутся к социализму, видя в нем ту организацию общества, которая позволяет более эффективно преодолевать нищету и отсталость. Поэтому идеологи американского империализма в первую очередь направляют усилия на отрицание взаимосвязи между общественным строем и общественным производством, между экономическим ростом и характером общественной системы. Профессор политических наук Центра международных исследований при Массачусет-

ском технологическом институте Л. Пай обрушивается на тезис о влиянии характера общественной системы на экономическое развитие. «Подобный взгляд на политическое развитие, — утверждает он, — проявляет тенденцию в основном к негативности, поскольку легче точно определить, каким образом воздействие политической системы может затруднять или предотвращать экономическое развитие, чем то, каким образом оно может содействовать экономическому росту»¹²⁸.

Опровержением этой фальсификации является сам исторический опыт соревнования двух систем, в котором и черпают свою аргументацию сторонники некапиталистического пути в Африке. Его нельзя перечеркнуть «конвергенционистскими» конструкциями.

Четвертое. В глазах народов развивающихся стран социализм неотделим от перспективных и эффективных методов индустриализации, позволяющей создать независимую многоотраслевую и самообеспечивающуюся экономику. Поэтому неокOLONиалистская идеология направляет усилия на отрицание необходимости индустриализации развивающихся стран.

Кажется ясно, что первой задачей молодых государств является преодоление экономического наследия колониализма — как общей отсталости экономики, так и уродливого раздвоения ее на два не связанных между собой сектора: сектор «традиционной» примитивной аграрной экономики и сектор, ориентированный на удовлетворение потребностей мирового капиталистического рынка в рамках регламентируемой монополиями аграрно-сырьевой специализации. Речь идет о создании самообеспечивающейся и саморазвивающейся экономики, отвечающей особенностям каждой данной страны или групп стран. Это можно сделать только на основе планомерного промышленного развития и в конечном счете на основе налаживания производства средств производства, позволяющего оснащать в соответствии с национальными потребностями отрасли как промышленности, так и сельского хозяйства. Мерилом экономического прогресса является то, в какой мере планомерная индустриализация ведет к перестройке унаследованной от колониализма экономики.

Американские авторы «решают» этот вопрос иначе. Они отрывают вопрос об отсталости развивающихся стран от законов мирового капиталистического хозяй-

ства, разъединяют причину и следствие. Они отрывают проблему развития и от конкретного социально-экономического анализа. На базе постулата о неизменности капиталистических порядков в отдельных странах и в «третьем мире» в целом они выводят модель «развития», предусматривающую не коренную ломку экономики колониального прошлого, а лишь некоторое ее улучшение в пределах «приспособления к возможному» — пределах, диктуемых монополиями.

Американские авторы за критерий слаборазвитости принимают исчисление валового национального продукта на душу населения. «Термины „экономический рост“ и „экономическое развитие“, — пишет Б. Моррис, — кажутся взаимозаменяемыми и относятся к повышению национального производства на душу»¹²⁹. «Прогрессом» считается абстрактное арифметическое повышение данного показателя. А под его повышением понимается рост экспортной выручки на базе «улучшения» аграрно-сырьевой специализации. Предлагается не что иное, как «модернизация» основы экономической отсталости.

Что же касается индустриализации, то предлагается зачастую такой ее вариант, который никак не меняет лица «традиционно» колониальной экономики. Так, по рецепту Л. Эббота, развивающимся странам нужна лишь такая «технологическая революция», которая ведет к «повышению продуктивности сельского хозяйства», высвобождающей часть рабочих рук для «индустрии», ограниченной задачей обслуживания сельского хозяйства и «производства простой домашней утвари». Он предлагает, стало быть, легкую шлифовку ущербной колониальной экономики. Л. Эббот подчеркивает свою враждебность настоящей индустриализации, и легко видеть, что его враждебность подсказана интересами монополий. «Какая-то страна, — говорит он, — может пожелать индустриализироваться во всех аспектах.., но в этом нет необходимости. Для приобретения (где? — В. Ф.) любого нужного продукта страна всегда имеет выбор между двумя возможностями: она может либо произвести данный продукт, либо произвести что-то для экспорта и на инвалидную выручку импортировать нужный ей продукт»¹³⁰.

Теорию «подходящих отраслей индустрии» выдвигает и Б. Моррис. Они у него сводятся к маломасштабным отраслям по обработке сырья и к текстильной промышленности¹³¹.

Таким образом, все сводится не более чем к повышению «технологического уровня» эксплуатации развивающихся стран иностранными монополиями. Эти страны должны веки вечные производить хорошо известное «что-то», дозволяемое монополиями и «протискиваемое» на мировой рынок в той мере, в какой это устраивает монополии. План Л. Эббота и других—это план более «органического» включения развивающихся стран в мировое капиталистическое хозяйство в целях более интенсивной эксплуатации данных стран на основе разделения труда, продиктованного еще колониализмом.

Эта цель и венчает всю неоколониалистскую стратегию, потребности которой в полную меру отражают американская буржуазная наука и пропаганда. Самые многообразные подходы, подтасованные анализы и тончайшие приемы мифотворчества, делающие «честь» изворотливости их авторов, сходятся в одном фокусе, название которому — защита системы империалистического господства под флагом антикоммунизма. В США сложилась и совершенствуется воинствующая идеология неоколониализма, вооруженная умением упрятывать свою сущность за тысячи объективистских фальсификаций и за анализами тысяч «частных» проблем, чтобы тем вернее бить по своей главной цели.

Пример Африки показывает, что действия американского империализма по отношению к развивающимся странам пронизывает одна сквозная идея: это — идея продолжения империалистической политики в «третьем мире» на базе «взаимозависимости», идея превращения развивающихся стран из фактора кризиса мировой капиталистической системы в фактор ее консолидации. Для этого правящие круги США добиваются известного капиталистического развития и укрепления молодых государств, с тем чтобы в конечном счете при их участии осуществить «интеграцию» мирового капитализма и на новой основе закрепить, развить дальше присущие ему отношения господства и подчинения.

Курс США представляет собой стремление неуклонно продвигаться к некоему идеалу «ультраимпериализма», создающего всеобъемлющую политико-экономическую основу мирового американского господства. С помощью существующих или еще только подлежащих созданию механизмов «интеграции» США стремятся слить развивающиеся страны в одно целое с западным капитализмом в целях более «современной» и интенсивной эксплуатации данных стран. Такой эксплуатации, которая не теряет из виду экономической жизнеспособности и политических требований эксплуатируемых в отличие от прежнего колониализма, который во имя наживы прибегал к беспощадному грабежу, подрывавшему экономические и политические основы его собственного господства.

Добиваясь этой цели, правящие круги США придерживаются достаточно широкого подхода. Неоколониализм

листская стратегия американского империализма предусматривает, что, не выходя за рамки капитализма, процесс «модернизации», развития молодых стран может приобретать разные формы и приводить к различным результатам, лишь бы только соблюдалось главное — контроль, патронаж иностранных монополий в важнейших звеньях экономики этих стран. Это последнее и является условием не только экономической и политической «взаимозависимости» развивающихся стран с империализмом, но также и постоянной возможности американской экспансии в любой зоне «третьего мира».

Генеральная внешнеполитическая цель американского империализма отчетливо излагается таким его авторитетом, как У. Ростоу. «Задачи экономического сотрудничества, — говорит он, — слились с движением к организованной взаимозависимости в рамках мирового сообщества — особенно в рамках региональных групп, — и корни взаимозависимости глубже, чем просто экономика... Региональное сотрудничество — в рамках глобальной коллективной безопасности и общих усилий в развитии — будет, вероятно, расти, если стремления людей и правительств в большей степени определять свою судьбу должны быть примирены с несоответствиями национального государства, с одной стороны, и императивами взаимозависимости — с другой. Для Соединенных Штатов это движение к регионализму имеет особое значение. Нам была навязана общемировая ответственность после второй мировой войны, вызванная необходимостью заполнить определенные вакуумы силы... Регионализм... был воспринят в США как путь, позволяющий нам отойти от чрезмерных двусторонних отношений... Мы видим в регионализме путь не возврата к изоляции, а предоставления странам различных районов возможности сделать для себя столь много, сколько они могут — и с течением времени все больше, — сохраняя в то же время узы взаимозависимости...»¹

Идея ясна: мобилизовать все ресурсы капитализма в пределах «регионов», стягивая в то же время эти региональные объединения единой системой «взаимозависимости», «интеграции», характер которой определяется «глобальной ответственностью» США. Народам, странам остается, дескать, только примириться с «императивами» такой «взаимозависимости».

«Ультраимпериалистическая» схема американского

мирового господства наделяется авторитетом исторической тенденции и преподносится под привлекательным лозунгом развития. Но она выработана и взята в Вашингтоне на вооружение в качестве постоянного внешнеполитического ориентира для того, чтобы обновить гигантскую пирамиду эксплуатации, упрочить позиции американского империализма, взнесенного на ее вершину. Как откровенный защитник капитализма об этом говорит, отбрасывая всякие уловки, профессор университета Линкольна в штате Миссури О. Кокс. «Если признается, — пишет он, — что внутренняя экономика США неразрывно связана с мировой системой, то тогда становятся совершенно очевидными не только ее возрастающая зависимость от военных расходов, но и ее прямое отношение к чрезвычайно низкому уровню жизни в отсталых странах системы... Для капиталистической системы военные союзы не являются существенно важными. Способность этих передовых стран выжить экономически — вот что скажет последнее слово; и эта способность зависит от каждой пяди колониальных и полуколониальных территорий, начиная от глубинных районов «каменного века» в Бельгийском Конго и кончая залитыми кровью улицами французского Алжира и Кипра. Вследствие своей руководящей роли США сидят на вершине международной структуры, которая покоится на широкой основе отсталой экономики»².

Вывод О. Кокса показывает, что даже апологеты капитализма не могут не отмечать неизменность его природы: конголезцы, замурованные в каменный век, и «залитые кровью улицы Алжира» так же входят в фундамент дряхлеющего капитализма, как скелеты индусских ткачей входили в фундамент капитализма молодого. Тем самым они как бы подтверждают, что обрисованный К. Марксом капиталистический способ производства имеет свой эпилог, аналогичный его прологу. Между неокOLONИализмом и прямым грабежом в период первоначального капиталистического накопления пролегал, конечно, пропасть различий, но это — различия исторически predeterminedенных способов эксплуатации и наживы. Что же касается самого стремления к эксплуатации и наживе, то к этому и сводится принципиальное сходство неокOLONИализма со всеми прочими этапами и формами колониального порабощения, хотя неокOLONИализм и выступает в одеяниях «прогресса».

Как уже отмечалось в данной работе ранее, в мировой капиталистической системе развивающиеся страны выделялись как эксплуатируемая и угнетаемая зона, и это их положение в целом изменить нельзя в силу самих законов функционирования капиталистической экономики. Нельзя отрицать возможность экономического подъема, «прорыва» отдельных развивающихся стран в условиях капитализма. Но в конечном счете существование передового капитализма Запада, глобальной промышленной автократии монополий предполагает существование и противоположного полюса «отсталой экономики», как выражается О. Кокс, хотя сам уровень отсталости и может изменяться. Из того же высказывания О. Кокса вытекает, что любое развитие молодых государств в условиях мировой капиталистической системы не может выходить за рамки укрепления той самой «международной структуры», неотъемлемой частью которой и является как раз «отсталая экономика». Это можно признать удачным определением сущности неокOLONИализма. Империализм не может допустить полной ликвидации уз подчинения и эксплуатации, характеризующих мировую капиталистическую систему.

Коренное изменение положения развивающихся стран невозможно без кардинальной перестройки их мирохозяйственных связей, без высвобождения из-под гнета империализма, без выхода, иначе говоря, за рамки капитализма.

Между тем вся неокOLONИалистская стратегия направлена на закрепление именно такого положения развивающихся стран, характеризующегося их неравноправием в мировой капиталистической системе. На Западе для определения современных процессов в «третьем мире» привился термин «модернизация». Действительно, поскольку это касается империалистов, их усилия направлены на «модернизацию» — в социальном и техническом плане — всей существующей структуры эксплуатации, приводимой в соответствие с новой политической реальностью и новыми потребностями монополий.

Именно потому, что неокOLONИализм сопряжен с «помощью», с «развитием», с «модернизацией», он становится особенно опасным для развивающихся стран и может превратиться для них в длительную полосу косвенного порабощения после их освобождения от колониального гнета.

Некоторый рост капитализма в странах «третьего мира» как общая предпосылка их пребывания в империалистической орбите; обеспечение на этой почве политического преобладания классовых союзников империализма в данных странах, а также усиления позиций монополистического капитала; внесение в местную экономику структурных изменений, расширяющих сферу господства монополий, и втягивание ее в мировой рынок в качестве такой сферы господства; экономическая «интеграция» развивающихся стран под руководством крупнейших монополистических союзов и связанных с ними международных органов; приобщение развивающихся стран к военно-политическим объединениям империализма либо в форме прямого включения в военные блоки, либо на основе «взаимозависимости в мировом сообществе» и создание таким образом глобального экономического и политического фронта антикоммунизма — так выглядит неокOLONиалистская стратегия американского империализма. Таковы ее цели и соответственно этапы ее развертывания.

Следует отметить, что неокOLONиалистские планы империалистов наталкиваются на растущее сопротивление, а их осуществление само по себе ведет к набуханию одного из узлов противоречий мирового капитализма. Национальная буржуазия молодых государств сознает, что она может быть столько же «партнером», сколько и рабом монополий. Она видит также, что в конечном счете «развитие третьего мира» осуществляется в парадоксальной форме прогрессирующего отставания от индустриальных стран. Отсюда закономерен дальнейший рост поисков выхода за рамки «чистого» капитализма, рост антикапиталистических настроений в различных звеньях национального руководства. В этой атмосфере социально-го брожения возможны тенденции к закреплению и осмыслению имеющегося опыта некапиталистического развития, к восприятию социалистических методов, подкрепляемые сравнением исторических итогов развития капитализма и социализма, ростом противоречий развивающихся стран с империализмом, ростом их внутренних противоречий, стихийной тягой масс к социализму.

Опыт развития самих африканских стран уже дал вполне достаточные доказательства преимуществ некапиталистических методов развития, становления независимой национальной экономики путем проведения глубоких

социально-экономических преобразований, позволяющих мобилизовать внутренние резервы. В этом отношении особенно убедителен пример ОАР, где за 14 лет, с 1952 по 1965 год, производство электроэнергии выросло в 7 раз, стали — в 8 раз, удобрений — в 5 раз. В 1965 году стоимость валовой продукции промышленности ОАР в 2 раза превысила стоимость валовой продукции ее сельского хозяйства, в то время как в 1952 году она была в 1,5 раза ниже стоимости валовой продукции сельского хозяйства. За 14 лет удельный вес промышленности, транспорта и строительства в общем объеме национального дохода ОАР вырос с 25% в 1952 году до 38% в 1965 году³.

Не менее красноречив и пример более молодой североафриканской страны — Алжира, где в 1967 году более 500 промышленных предприятий находилось под руководством комитетов самоуправления, а доля самоуправляемого сектора в сельском хозяйстве составляла около 60%. В Алжире взята твердая линия на постепенный переход ведущих отраслей экономики в руки государства. В результате уже полностью национализована промышленность по добыче руд черных и цветных металлов, и лишь вопросом времени является переход в руки государства основного богатства страны — ее нефте-газовой промышленности.

Каковы бы ни были внешние и внутренние трудности в сложном деле перестройки экономики и овладения ее механизмом, невозможно оспаривать, что именно эти две страны демонстрируют наиболее динамичное развитие на национальной основе. Такой опыт не проходит бесследно. За годы, прошедшие после получения независимости, тяжелый опыт поисков и экспериментов в организации экономики показал африканским странам, что ориентация на частнокапиталистическое предпринимательство увеличивает разрыв в их отставании от передовых стран капитализма. В Африке вера в «либеральную» экономику уже подорвана довольно основательно, и в последнее время там наблюдаются повсеместные тенденции к отходу от нее.

Несомненно, далее, что неокOLONиализм к чрезвычайно острым социальным противоречиям в развивающихся странах добавляет противоречия новые, вызываемые политикой внедрения капиталистических отношений. Он, в частности, так или иначе содействует росту в развивающихся странах рабочего класса — исторического мо-

гильщика капитализма. Освободившиеся народы видят также, что набивающийся к ним в опекуны империализм не способен содействовать разрешению ни одного из тяжелых, часто трагических, противоречий расового, национального, племенного, межгосударственного характера, которые омрачают жизнь многих стран «третьего мира». Но зато империализм постоянно играет на этих противоречиях.

Наконец, одним из важнейших препятствий на пути неоколониалистских замыслов является растущее экономическое и политическое сотрудничество между социалистическими и развивающимися странами. Помощь народам развивающихся стран со стороны социалистического содружества, сопровождаемая расширяющейся взаимовыгодной торговлей, играет и будет играть роль вдохновляющего примера, убедительного преимущества социалистической альтернативы.

Страны Африки, где социалистическое содружество строит больше объектов, чем в развивающихся странах других районов мира, конкретно убеждаются в плодотворности экономических связей со странами социализма.

Только СССР имел в 1967 году соглашения об оказании экономической помощи с 17 африканскими странами [Алжир, ОАР, Гана, Гвинея, Камерун, Кения, Конго (Браззавиль), Мали, Сенегал, Сомали, Судан, Тунис, Уганда, Эфиопия, Замбия, Марокко, Танзания]. Советский Союз содействует строительству в африканских странах более 300 промышленных, сельскохозяйственных предприятий и других объектов, Чехословакия (на 1965 г.) — свыше 120. Эта помощь находится в резком контрасте с «помощью» капиталистических стран. В целом по Африке помощь стран — членов СЭВ распределяется по отраслям народного хозяйства получающих помощь стран таким образом, что более 50% ее идет в промышленность, более 20% — на образование, здравоохранение и коммунальное хозяйство, в транспорт и связь — около 15% и в сельское хозяйство — около 10%. Помощь социалистических стран в отличие от империалистической «помощи» направляется в те отрасли, которые имеют решающее значение для укрепления экономической самостоятельности африканских стран. Ее главной особенностью является содействие в создании разнообразных промышленных объектов, предусматриваемых национальными планами развития экономики государств Африки.

с учетом имеющихся внутренних ресурсов и возможностей постепенного осуществления индустриализации⁴.

Помощь социалистических стран имеет огромное значение в создании основ национальной независимой экономики стран Африки, в расширении ее государственного сектора в противовес империалистическим требованиям подчинить экономику монополиям. Благодаря экономическому сотрудничеству с мировым социализмом развивающиеся страны добиваются более равноправных условий в отношениях с развитыми капиталистическими странами. В жизни «третьего мира» значение экономического сотрудничества с социалистическим содружеством неуклонно возрастает. Оправдываются слова В. И. Ленина о том, что освободившиеся народы постепенно «привыкают сознать экономическую необходимость союза с Советской Россией против международного империализма».

Перечисленные факторы действуют против замыслов империалистов. Насаждение неокOLONIALИСТСКИХ порядков происходило и будет происходить в условиях неослабной антиимпериалистической борьбы.

Но вместе с тем следует еще раз подчеркнуть, что неокOLONIALИСТСКАЯ угроза будущему развивающихся стран остается реальной и серьезной до тех пор, пока они идут по капиталистическому пути, развиваются в качестве одного из элементов капиталистической системы.

Если говорить обобщенно и несколько упрощенно, то неокOLONIALИЗМ — засилье, власть трестов и компаний, империалистических монополий в экономике развивающихся стран. Эта власть не может быть ограничена без серьезных попыток ограничить капитализм. Говоря о результатах столкновений властей с трестами и компаниями в Конго (Киншаса), журнал «Африкэн комьюнист» справедливо подчеркивал, что преодоление диктата этих трестов и компаний, достижение полной независимости страны невозможны без победы в стране подлинно революционных сил. То, что справедливо для Конго, справедливо и для других развивающихся стран. Условием предотвращения неокOLONIALИСТСКОЙ угрозы, завоевания полной, прежде всего экономической, независимости является прочный политический успех народно-революционных сил, способных сплотить народ вокруг программы социально-экономических преобразований, которые открывают путь к некапиталистическому развитию и созда-

ют предпосылки для последующего перехода к социализму.

Отмечая возросшую активность империализма в Африке, итоговый документ Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в июне 1969 года, указывал: «Империализм пытается остановить развитие освободительной борьбы, сохранить и укрепить свои позиции на континенте. Империалисты Англии, Франции, США, Западной Германии, Японии широко используют здесь неокOLONиалистские методы экономического, политического, идеологического проникновения и закабаления. Вооруженное вмешательство в Конго (Киншаса), реакционные перевороты в Гане и некоторых других странах, происки империализма с целью расчленения Нигерии, политическая и военная поддержка реакционных и антинациональных клик, фашистско-расистских режимов в ЮАР и Южной Родезии, разжигание межгосударственных конфликтов и межплеменной вражды, экономическое давление и экспансия монополий — на все идет империализм ради осуществления своих планов»⁵.

Против народов Африки империализм выступает как сила международная, хотя и подверженная внутренним противоречиям, но сохраняющая единый фронт против освободительной борьбы. Во главе ее стоит американский империализм — наиболее мощный оплот мировой реакции, активно участвующий во всех перечисленных интригах против народов Африки. Преодолеть эту силу народы Африки могут не иначе, как в рамках растущего сплочения национально-революционных сил вокруг четких программ укрепления национальных государств и завоевания экономической независимости.

В современных условиях переход стран Африки к социализму, минуя капитализм, можно рассматривать как объективную потребность, но претворение этой потребности в жизнь зависит от умения и способности самих народов бороться именно за такой выбор пути развития, опираясь на поддержку мирового социализма и используя противоречия между империалистическими державами. Как показывает опыт, успех в столь сложных преобразованиях зависит от умения мобилизовать трудящихся, донести до них национальные цели и задачи, повысить их роль в управлении страной, обеспечить единство всех прогрессивных сил вокруг подлинно национальной, демократической партии.

Проведенное здесь исследование американского неокOLONиализма показывает, какой всепроникающей, поистине «обволакивающей» все ячейки общественно-государственной структуры молодых государств является применяемая им политическая стратегия. Между тем жизнь стран Африки характеризуется борьбой зачастую еще не сформировавшихся классов и социальных групп, причем нередко силы реакции более консолидированы, чем силы прогресса. Поэтому нельзя не согласиться со следующим выводом: «Историческая действительность такова, что на современном этапе ни один класс в большинстве стран Африки не в состоянии выполнить роль руководителя глубоких преобразований социальной структуры общества. Этого не способен сделать слабый, подчиненный империализму африканский капитализм, функционирующий преимущественно в примитивных формах торгового и ростовщического капитала. Опыт свидетельствует о том, что эту задачу может выполнить лишь союз всех подлинно антиимпериалистических, прогрессивных сил, способный создать национально-демократическое государство и на править страну по пути независимости и социального прогресса»⁶.

Создание такого союза, такого государства и является первейшим, важнейшим условием избавления африканских, всех развивающихся стран от порабощения в новых формах, приносимых неокOLONиализмом.

Введение

- ¹ «The United States and Africa», Columbia University Press, 1958, p. XII.
- ² «Evening News» (Accra), Dec. 24, 1960.
- ³ Hans J. Morgenthau, The Purpose of American Politics, N. Y., 1960, p. 181.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ «The New York Times», Editorial, May 14, 1961.
- ⁶ John F. Kennedy, A Compilation of Statements and Speeches Made During His Service in the United States Senate and House of Representatives, Pursuant to S. Res. 294, 88th Congress. Prepared by the Legislative Reference Service, Library of Congress, 88th Congress, 2nd Session, Senate Document, No 79, Wash., Government Printing Office, 1964, p. 790.
- ⁷ William O. Douglas, Democracy's Manifesto, N. Y., 1962, pp. 5, 10.
- ⁸ Цит. по В. Гантман, С. Микоян, США: внешняя политика и выборы 1960 года, М., 1960, стр. 66.
- ⁹ «Department of State Bulletin», Aug. 26, 1968, p. 209.

Глава I

- ¹ С. Н. Фагрод, L'Afrique seule, P., 1961, p. 135.
- ² Модибо Кейта, Речи и выступления, М., 1964, стр. 32.
- ³ «Department of State Bulletin», Apr. 1, 1968, p. 446.
- ⁴ «A Survey of Economic Conditions in Africa, 1967», Economic Commission for Africa, Addis-Ababa, parts 1 and 2 (E/CN. 14/409), Apr. 1968, p. 8.
- ⁵ «Overseas Business Reports», Dept. of Commerce, Wash., Apr. 1968, p. 16.
- ⁶ «A Survey of Economic Conditions in Africa, 1967», p. 13.
- ⁷ «Overseas Business Reports», Apr. 1968, p. 15.
- ⁸ U. N. Economic Commission for Africa. «Monthly Bulletin of Statistics», March, 1967.
- ⁹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 379, 383.
- ¹⁰ Образно неокOLONиализм часто так и называют «латиноамериканизацией», подчеркивая тождественность ее последствий последствием «классического» колониализма. (См. Квaмe Нкpумa,

- Я говорю о свободе, М., 1962, стр. 11; Colin Legum, Pan-Africanism. A Short Political Guide, London and Dunmow, 1962, p. 130; René Dumont, L'Afrique Noire est mal partie, P., 1962, p. 221).
- 11 В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 243.
 - 12 В. Б. Наборов, В. Г. Курьеров, Внешнеэкономическая политика США и развивающиеся страны, М., 1968, стр. 20.
 - 13 Prof. James T. Crown and George P. Pentu, Kennedy in Power. A Skeptical and Critical Analysis. A Brilliant Examination of the Frightening Contradictions in the Policies of Our Bold President, N. Y., 1961, pp. 9, 79.
 - 14 В. Б. Наборов, В. Г. Курьеров, Внешнеэкономическая политика США и развивающиеся страны, стр. 22.
 - 15 «International Flow of Long-term Capital and Official Donations, 1959—1961», U. N., N. Y., 1963, pp. 6—7, 10, 12.
 - 16 «Why Foreign Aid?», Chi., 1963, p. 33.
 - 17 «The Scope and Distribution of US Military and Economic Assistance Programs. Report to the President of the USA from the Committe to Strengthen the Security of the Free World», Wash., March 20, 1963.
 - 18 «Proposed Mutual Defense and Development Programs FY 1965. Economic: Agency for International Development. Military: Department of Defense. Summary Presentation to the Congress», Wash., 1964, p. 185.
 - 19 «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», July, 1956, p. 119.
 - 20 «Department of State Bulletin», Aug. 26, 1968, pp. 209, 210.
 - 21 Ibid., p. 210.
 - 22 Ibid., pp. 211—212.
 - 23 «Department of State Bulletin», Apr. 1, 1968, p. 433.
 - 24 «Trade and the Atlantic Partnership», Remarks by President Kennedy and Secretary of State Rusk, May 17, 1962, Department of State Publication 7386, Commercial Policy Series 192, May, 1962, p. 6.
 - 25 «President Kennedy's New Foreign Trade Program», Wash., 1962, pp. 11—12, 22—23.
 - 26 «Department of State Bulletin», March 19, 1962, pp. 451—454.
 - 27 Hans J. Morgenthau, The Purpose of American Politics, p. 309.
 - 28 «Department of State Bulletin», Apr. 1, 1968, p. 434.
 - 29 «The United States and Africa», Department of State Publication 7710, African Series 40, Released July 1964, Office of Media Services, Bureau of Public Affairs, p. 3.
 - 30 «Africa», Department of State Publication 7546, African Series 34, Released May 1963, Office of Media Services, Bureau of Public Affairs, p. 1.
 - 31 «Africa», Department of State Publication 7546, African Series 34, p. 1.
 - 32 «Report of the Special Study Mission to Africa, South and East of the Sahara», by Honorable Frances P. Bolton, Government Printing Office, Wash, 1956, p. 12. (Цит. по В. В. Богословский, Политика США в Африке, М., 1964, стр. 67.)
 - 33 «Congressional Record», March 23, 1964, p. 5790.
 - 34 President John F. Kennedy, The Strategy of Peace, Ed. by Allan Nevins, L., 1960, A New Approach on Foreign Policy.
 - 35 Американским империалистам безразлично, какая форма полити-

ческой реакции может воцариться в африканских странах, лишь бы она укладывалась в русло прозападно-капиталистической ориентации. Их беспокоит лишь отход от такой ориентации. На это и намекает профессор Р. Эмерсон: «Какую в точности форму должны принять африканские государства,— это мало касается государственных деятелей США, но если возмужание Африки будет отмечено серьезной неустойчивостью или даже революционным подъемом, то у США не может быть надежды остаться в стороне от африканских неурядиц...» («The United States and Africa», p. 16).

³⁶ President John F. Kennedy, *The Strategy of Peace, A New Approach on Foreign Policy*.

³⁷ «Newsweek», Dec. 14, 1959, p. 44.

³⁸ «Africa», Department of State Publication 7546, African Series 34, p. 1.

³⁹ Hans J. Morgenthau, *The Purpose of American Politics*, p. 179.

⁴⁰ Vernon McKay, *Africa in World Politics*, New York — Evanston, 1963, p. 273.

⁴¹ «U. S. News & World Report», March 6, 1961, p. 50.

⁴² «Africa», Department of State Publication 7546, African Series 34, p. 8.

⁴³ «New York Herald Tribune», March 1, 1962.

⁴⁴ «Study Mission to Africa, September — October 1961», Report of Senators Albert Gore, Philip A. Hart, and Maurine Neuberger, Jan. 14, 1962, U. S. Government Printing Office, Wash., 1962, p. 1.

⁴⁵ Vernon McKay, *Africa in World Politics*, pp. 420—421.

⁴⁶ «Africa», p. 3.

⁴⁷ John Gunther, *Inside Africa*, L., 1955, pp. 4, 5.

⁴⁸ «The New York Times», Nov. 2, 1958.

⁴⁹ Цит. по «La Libération» (Paris), 26 déc. 1958.

⁵⁰ «The Progressive», March, 1961, p. 22.

⁵¹ «Congressional Record», March 3, 1964, pp. A1050—A1051.

⁵² В 1957 году, когда обстановка в Африке предвещала решающие политические сдвиги, один из крупнейших дипломатов США Ч. Боулс писал о сырье континента: «К 1970 году наше нынешнее потребление сырья удвоится, наши ресурсы еще больше истощатся, в то время как нам придется конкурировать с другими странами, переживающими процесс бурного промышленного роста. Если мы лишимся доступа к сырью Азии, то мы столкнемся с серьезными трудностями, но тем не менее сможем поддерживать свой экономический рост. Но если мы также будем отрезаны от неисчерпаемых, по-видимому, минеральных запасов Африки, то мы столкнемся со страшными трудностями уже через 10 лет, если даже ресурсы Канады и Южной Америки останутся доступными для нас». Одно Конго, говорил он, соперничает по ресурсам с Индией (Chester Bowles, *Africa's Challenge to America*, Berkeley — Los Angeles, 1957, pp. 53, 50, 30).

⁵³ «The United States and Africa», Department of State Publication 7710, p. 13.

⁵⁴ «Overseas Business Reports», Apr. 1968, pp. 17—19.

⁵⁵ «A Survey of Economic Conditions in Africa, 1967...», p. 203; «Bulletin de l'Afrique Noire», 1968, No 505, P., p. 10193.

⁵⁶ Percy W. Bidwell, *Raw Materials, A Study of American Policy*, N. Y., 1958, p. 8.

- ⁵⁷ Ibid.
- ⁵⁸ Подсчеты советского африкановеда В. В. Богословского. (См. «Неоколониализм в Африке», М., 1967, стр. 35.)
- ⁵⁹ «Together We Are Strong», Department of State Publication 7336, Commercial Policy Series 184, Released February, 1962 (Revised), Bureau of Public Affairs, pp. 18—19, 23.
- ⁶⁰ Percy W. Bidwell, Raw Materials. A Study of American Policy, p. 44.
- ⁶¹ «U. S. News & World Report», March 6, 1961, p. 50.
- ⁶² Vernon McKay, Africa in World Politics, p. 282.
- ⁶³ «Africa Report», Nov. 1962, p. 19.
- ⁶⁴ Percy W. Bidwell, Raw Materials. A Study of American Policy, p. 38.
- ⁶⁵ Цит. по Б. Г. Гафуров, Дни колониализма сочтены, М., 1963, стр. 65.
- ⁶⁶ «The United States and Africa», Department of State Publication 7710, African Series 40, p. 3.
- ⁶⁷ См., например, Livingstone Hartley, Our Maginot Line, N. Y., 1939, pp. 132, 160.
- ⁶⁸ См. «Империалистическая борьба за Африку и освободительное движение народов. Сборник статей», М., 1953, стр. 19.
- ⁶⁹ См. M. Philippe Dutrut-Empis, Les Etats-Unis face à l'Afrique Noire, «Les Etudes américaines», Cahier LXII, 1958, p. 25.
- ⁷⁰ Chester Bowles, Africa's Challenge to America, p. 55.
- ⁷¹ Franco Arese, La politique africaine des Etats-Unis, P., 1945, p. 52.
- ⁷² «Africa», Department of State Publication 7546, African Series 34, p. 8.
- ⁷³ См. Vernon McKay, Africa in World Politics, p. 245.
- ⁷⁴ Arthur M. Schlesinger, A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House, Boston, 1965, p. 556.
- ⁷⁵ «A Report on United States Foreign Operations in Africa», by Honorable Allen J. Ellender, United States Senator from the State of Louisiana, U. S. Govt. Print. Office, Wash., 1963, p. 5.
- ⁷⁶ Ibid., p. 23.
- ⁷⁷ Chester Bowles, Africa's Challenge to America, p. 96.
- ⁷⁸ «Foreign Affairs», July—Sept. 1961, p. 667.
- ⁷⁹ Vernon McKay, Africa in World Politics, pp. 347—348.
- ⁸⁰ У. Э. Б. Дюбуа, Африка. Очерк по истории африканского континента и его обитателей, М., 1961, стр. 300.
- ⁸¹ W. E. B. Du Bois, The Negro, N. Y., 1915, p. 156.
- ⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс, О колониальной системе капитализма, М., 1959, стр. 231.
- ⁸³ Vernon McKay, Africa in World Politics, p. 317.
- ⁸⁴ «Political Affairs», Febr., 1950, p. 15.
- ⁸⁵ См. Louis Martin Sears, A History of American Foreign Relations, N. Y., 1927, p. 220.
- ⁸⁶ Vernon McKay, Africa in World Politics, p. 248.
- ⁸⁷ Franco Arese, La politique africaine des Etats-Unis, pp. 46—47.
- ⁸⁸ «The Ghanaian Times», March 27, 1963.
- ⁸⁹ См. G. W. Allen, Our Navy and the Barbary Corsairs, N. Y., 1905; Roy W. Irwin, The Diplomatic Relation of the United States with the Barbary Powers, 1776—1816, Chapel Hill, N. C., 1931; John Holladay Latané and David W. Wain-

- house, *A History of American Foreign Policy*, Second Edition, N. Y., 1940, pp. 58—59; Samuel F. Bemis, *A Diplomatic History of the United States*, N. Y., 1946, pp. 67, 178—179.
- ⁹⁰ Henri Hauser, *L'impérialisme américain*, «Pages libres», P., 1905, p. 91.
- ⁹¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 28, стр. 502.
- ⁹² Raymond W. Bixler, *The Foreign Policy of the United States in Liberia*, N. Y., 1957, p. 33.
- ⁹³ Leslie Buell, *The Native Problems in Africa*, vol. 2, N. Y., 1928, pp. 881—888.
- ⁹⁴ Benjamin H. Williams, *American Diplomacy*, N. Y., 1936, pp. 280—284.
- ⁹⁵ Franco Arese, *La politique africaine des Etats-Unis*, p. 25.
- ⁹⁶ «Foreign Affairs», Apr.—June, 1942, p. 551.
- ⁹⁷ Оценка Либерии как колонии США — не редкость в иностранной литературе. «Либерия — номинально не американская территория; в действительности она представляет собой американский протекторат с господством диктатуры нескольких „туземных марионеток“». (Ludwell Dennis, *America Conquers Britain*, N. Y., 1930, p. 212.) «Колония основывалась, но не должна была управляться Соединенными Штатами». (Raymond W. Bixler, *The Foreign Policy of the United States in Liberia*, p. 7.) «Либерия была основана в 1822 году как колония, куда свободные цветные могли вернуться из США». (Alfred L. P. Dennis, *Adventures in American Diplomacy*, N. Y., 1928, p. 437.)
- ⁹⁸ Относительно перечисленных здесь фактов из истории Либерии см. Raymond W. Bixler, *The Foreign Policy of the United States in Liberia*, op. cit., pp. 16, 20, 115; Alfred L. P. Dennis, *Adventures in American Diplomacy*, pp. 438—441 и В. В. Богословский, *Политика США в Африке*, М., 1964, стр. 40—41.
- ⁹⁹ Ferdinand Czernin, *Versailles, 1919. The Forces, Events and Personalities That Shaped the Treaty*, N. Y., 1964, p. 165.
- ¹⁰⁰ A. M. Margalith, *The International Mandates*, Baltimore, 1930, pp. 1—35; Norman Bentwick, *The Mandates System*, L., 1930, pp. 1—21.
- ¹⁰¹ В одной из своих книг Б. Голдуотер требовал отставать колониализм, даже если США подвергнутся упрекам в реакционности их политики. (B. Coldwater, *Why Not Victory. A Fresh Look at American Foreign Policy*, N. Y., 1962, p. 139.)
- ¹⁰² W. Alphaeus Hunton, *Decision in Africa. Sources of Current Conflict*, N. Y., 1957, p. 174.
- ¹⁰³ «The New Leader», Jan. 30, 1961, p. 12.
- ¹⁰⁴ «The Atlantic Charter and Africa from an American Standpoint. A Study by the Committee on Africa, the War and Peace Aims. The Application of the 'Eight Point' of the Charter to the Problems of Africa, and Especially Those Related to the Welfare of the African People Living South of the Sahara, with Related Material on African Conditions and Needs», New York City, 1942, p. 1.
- ¹⁰⁵ *Ibid.*, pp. 32, VII.
- ¹⁰⁶ Vernon McKay, *Africa in World Politics*, p. 341; Joseph Palmer, II, *The Problems and Prospects of Sub-Sahara Africa: A United States Point of View*, Department of State Publication 6580, Near and Middle Eastern Series 29, Released January, 1958.
- ¹⁰⁷ «Congressional Record», June 17, 1956, pp. 8775—8777.
- ¹⁰⁸ «The Annals...», July 1956, p. 118.

- ¹⁰⁹ «Report of the Special Study Mission to Africa, South and East of the Sahara», by Honorable Frances P. Bolton, Government Printing Office, Wash., 1956; Senator T. F. Green, Economic Aid and Technical Assistance in Africa, Febr. 21, 1957, Government Printing Office, Wash., 1957.
- ¹¹⁰ «Us Objectives in Tropical Africa», Address by Honorable Julius C. Holmes before the World Affairs Council of Philadelphia, Jan. 27, 1958, Government Printing Office, Wash., 1958.
- ¹¹¹ «The Nation», May 21, 1960, p. 443; «The United States and Africa», p. 60; Philippe Dutrut-Empis, Les Etats-Unis face à l'Afrique Noire, p. 4.
- ¹¹² John Fitzgerald Kennedy, A Compilation of Statements and Speeches..., p. 789.
- ¹¹³ «Let Us Call a Truth to Terror», Address by President Kennedy before the U. N. General Assembly, September 25, 1961, Department of State Publication 7282, Oct., 1961, p. 1.
- ¹¹⁴ John Fitzgerald Kennedy, A Compilation of Statements and Speeches..., pp. 797, 931.
- ¹¹⁵ President John F. Kennedy, The Strategy of Peace, A New Approach on Foreign Policy.
- ¹¹⁶ Prof. James Tracy Crown and George P. Penty, Kennedy in Power..., p. 70.
- ¹¹⁷ President John F. Kennedy, To Turn the Tide, Ed. by John W. Gardner, N. Y., 1962, pp. 7—8.
- ¹¹⁸ Prof. James Tracy Crown and George P. Penty, Kennedy in Power..., p. 80.
- ¹¹⁹ Ibid., p. 89.
- ¹²⁰ «Let Us Call a Truth to Terror», pp. 14—15.
- ¹²¹ «New Frontiers of the Kennedy Administration», Public Affairs Press, Wash., 1961, p. 169.
- ¹²² President John F. Kennedy, To Turn the Tide, p. 8.
- ¹²³ «Why Foreign Aid?», p. 11.
- ¹²⁴ Prof. James Tracy Crown and George P. Penty, Kennedy in Power..., p. 74.
- ¹²⁵ Ibid., p. 79.
- ¹²⁶ «Congressional Record», June 6, 1956, p. 9615.
- ¹²⁷ President John F. Kennedy, The Strategy of Peace, pp. 69—78, 124—127.
- ¹²⁸ Их точка зрения изложена в 1957 году в работе Max F. Millikan and W. W. Rostow, A Proposal: Key to an Effective Foreign Policy, N. Y., 1957.
- ¹²⁹ «Current History», March, 1957, p. 157.
- ¹³⁰ Обстоятельный анализ его работ дан Е. Б. Черняком. (См. Е. Б. Черняк, Адвокаты колониализма. Неоколониалистская историография, М., 1964.)
- ¹³¹ «Africa. A Study Prepared at the Request of the Committee on Foreign Relations, U. S. Senate, by Program of African Studies, Northwestern University, October 23, 1959», Government Printing Office, Wash., 1959.
- ¹³² «African Communist», May, 1961.
- ¹³³ Prof. James Tracy Crown and George P. Penty, Kennedy in Power, p. 79; President John F. Kennedy, The Strategy of Peace, A New Approach on Foreign Policy.
- ¹³⁴ «New Republic», Dec, 12, 1960.
- ¹³⁵ «La vie française», 16 jan. 1961.

- 136 Содержание этого доклада было изложено в приложении к английскому журналу «Экономист», бюллетене «Форин рипорт» от 23 февраля 1961 г. (См. «Foreign Report», Febr. 23, 1961.)
- 137 «Foreign Affairs», Oct.-Dec., 1965.
- 138 «Foreign Report», Febr. 23, 1961.
- 139 «Department of State Bulletin», Dec. 31, 1965, p. 1006.
- 140 Цит. по: «La Voix du Kamerun», XII. 1960 — I, 1961, p. 3.
- 141 Chester Bowles, Africa's Challenge to America, pp. 93, 54, 41.
- 142 Интересно отметить, что еще в 1927 году американский историк Л. Бьюэлл настаивал на необходимости «сотрудничать» с «туземным населением» Африки, чтобы инвестировать капиталы на «хорошую почву» и «под хорошим контролем». («Foreign Affairs, Oct.-Dec., 1927, pp. 39—40.)
- 143 «Current History», March, 1957, p. 157.
- 144 «United States Foreign Policy. The Operational Aspects of U. S. Foreign Policy. A Study Prepared at the Request of the Committee on Foreign Relations, United States Senate, by Maxwell Graduate School of Citizenship and Public Affairs, Syracuse University», Wash., 1959, p. 21. (Цит. по Н. Н. Иноземцев, Внешняя политика США в эпоху империализма, М., 1960, стр. 661).
- 145 «U. S. Foreign Policy in Africa», Address by the Honorable G. Mennen Williams, Assistant Secretary of State for African Affairs, Williams College, Williamstown, Mass., Department of State Caution — future Release, No 48, March 18, 1965, pp. 5—6.
- 146 Ibid., pp. 6—7.
- 147 Ibid., p. 10.
- 148 Ibid., p. 12.
- 149 Ibid.
- 150 «Department of State Bulletin», March 13, 1967, p. 379.
- 151 «Department of State Bulletin», Apr. 24, 1967, p. 650.
- 152 «The United States and Africa: A Unity of Purpose», Address by President Johnson, Department of State Publication 8112, African Series 45, Released Aug. 1966.
- 153 «Department of State Bulletin», July 17, 1967, p. 66.
- 154 Почему-то крайне редко отмечается следующий весьма существенный факт. В рамках некапиталистического пути и при опоре на социалистическое содружество молодые государства могут идти на широкие связи с иностранным капиталом, навязывая ему отношения делового, взаимовыгодного сотрудничества. Доказательством служат отношения Алжира с нефтяными монополиями. Франко-алжирское соглашение о нефти от 29 июля 1965 г. предусматривало «кооперативную ассоциацию» на условиях паритетного участия Алжира в разработке его нефтегазовых богатств на всех ее этапах при обязательстве Франции содействовать индустриализации Алжира в течение пяти лет. Тут уже и речи нет об обычном вымалывании арендной платы у монополий. («Le Monde», 16—17 mai 1965; 29 juillet 1965.)
- 155 В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 9.
- 156 «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Москва, ноябрь 1960 года», М., 1960, стр. 9.
- 157 В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 38.
- 158 Представления о социализме в Африке большей частью расплывчаты. Но показателен сам выбор социализма, а не капитализма при сопоставлении двух понятий. Один из опросов в 17 странах

Африки показал, что из 11491 опрошенных 9425, или 82%, высказались за социализм. [«Afrique documents» (Dakar), No 91, deuxième cahier, 1967, p. 98].

¹⁵⁹ «Правда», 14 октября 1960 г.

¹⁶⁰ «The Idea of Colonialism», Edited by Robert Strausz-Hupé and Harry W. Hazard, N. Y., 1958, p. 41.

Г л а в а II

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 379.

² Thomas R. Adam, Government and Politics in Africa South of the Sahara, N. Y., 1959, pp. 19—20, 45, 71—72.

³ «U. S. News and World Report», Aug. 7, 1961, p. 50.

⁴ «Foreign Aid Activities of Other Free Nations. A Study Prepared at the Request of the Special Committee to Study the Foreign Aid Program, United States Senate, by Stuart Rice Associates, Inc., No 11», Government Printing Office, Wash., 1957, p. XV.

⁵ Подсчитано по: «1961—1962 Directory of American Firms Operating in Foreign Countries», Compiled by J. L. Angel, Director, World Trade Academy, N. Y., 1961.

⁶ «Department of State Bulletin», Nov. 13, 1967, p. 658.

⁷ Следует отметить, что в оценках американских прямых частных инвестиций (как и прочих инвестиций) по отдельным годам имеются некоторые расхождения. Поэтому в данной работе берутся по возможности цифры из одного источника — бюллетеня «Survey of Current Business».

⁸ «Survey of Current Business», Sept. 1967, p. 39.

⁹ «Survey of Current Business», Sept. 1965, p. 24; Sept. 1966, p. 34.

¹⁰ Это — уже выколоченные прибыли от предшествовавших вложений. Часто компании США ограничиваются реинвестициями, избегая ввоза в Африку новых капиталов. В 1945—1958 годах в Африку из США было ввезено всего 149 млн. долл. новых капиталов, а реинвестиции составили 530 млн. долл. В то же время вывезено из Африки в США за вычетом реинвестиций 704 млн. долл. Таким образом, операции монополий США свелись к ограблению Африки на сумму в полмиллиарда долларов (В. Фетов, Американский империализм в Африке, М., 1962, стр. 23).

¹¹ Это осторожный подсчет. Та же сумма указывалась в 1964 году. (См. Е. Б. Черняк, Адвокаты колониализма, стр. 286). Лондонский журнал («Africa Trade and Development», Febr. 1962) определял в 1962 году инвестиции США в 3 млрд. долл.

¹² А. Ю. Шпирт, Экономика стран Африки, М., 1963, стр. 24.

¹³ «Africa Trade and Development», Febr. 1962.

¹⁴ А. А. Санталов, Империалистическая борьба за источники сырья, М., 1954, стр. 490, 494, 508, 512, 514, 519, 525, 541.

¹⁵ «U. S. News and World Report», Oct. 31, 1960.

¹⁶ «Survey of Current Business», Sept. 1967, p. 39.

¹⁷ Таково мнение самих американских дельцов.

¹⁸ Н. Юрьев, Экспансия США в Конго, М., 1966, стр. 12.

¹⁹ «Survey of Current Business», Sept. 1967, p. 39.

²⁰ «The Role of Foreign Aid in the Development of Other Countries. A Study Prepared at the Request of the Special Committee to Study the Foreign Aid Programs, United States Senate, by the Research Center in Economic Development and Cultural Change

- of the University of Chicago, March, 1957», Govt. Printing Office, Wash, 1957, pp. 54—55.
- 21 Д. И. Костюхин, *Внешнеэкономическая политика США*, стр. 163—164.
- 22 «U. S. News and World Report», Oct. 31, 1960.
- 23 «Department of State Bulletin», Oct. 22, 1962, p. 615.
- 24 *Ibid.*, p. 614.
- 25 «The United States and Africa», Department of State Publication 7710, African Series 40, p. 4.
- 26 «Business Week», Aug. 8, 1964.
- 27 «An African Survey», by Lord Hailey, 1957, p. 1324.
- 28 Цит. по У. Э. Хантон, *Судьбы Африки*, М., 1959, стр. 206.
- 29 «Congressional Record», March 18, 1964, p. 5381.
- 30 «Arabian Oil», Apr. 1965.
- 31 «Department of State Bulletin», May 29, 1967, p. 808.
- 32 «Правда», 5 марта 1958 г.; «Колониализм и межимпериалистические противоречия в Африке», М., 1962, стр. 190; А. Ю. Шпирт, *Экономика стран Африки*, стр. 37.
- 33 «Le Monde», 8 sept. 1961.
- 34 «U. S. News and World Report», Febr. 26, 1962, p. 121.
- 35 «The New York Times», Aug. 3, 1964.
- 36 «L'Humanité», 22 oct. 1968.
- 37 «Egyptian Gazette», Oct. 26, 1963.
- 38 «Daily Times» (Lagos), Dec. 2, 1961.
- 39 «The Chanaian Times», Nov. 26, 1963.
- 40 «West Africa», 23th Febr. 1963.
- 41 «African World», Jan. 1964, p. 20.
- 42 «Moody's Industrial Manual», 1957, p. 1638; 1965, p. 2015.
- 43 «New Africa», May 1964.
- 44 «West Africa», 1st Jan. 1963.
- 45 «U. S. News and World Report», July 19, 1961, p. 75; «West Africa», 23th Febr. 1963.
- 46 «France observateur», 10 oct. 1963.
- 47 «Moody's Industrial Manual», 1957, p. 1638; 1965, p. 2015.
- 48 «Экономическая газета», 10 марта 1961 г.; «Le Monde», 31 juil, 1963; «Guardian», Nov. 12, 1960; «The Gasette and Daily», Nov. 15, 1960.
- 49 «The Gasette and Daily», Nov. 15, 1960.
- 50 «Observer», Febr. 12, 1961.
- 51 «The Times», Nov. 3, 1950.
- 52 «Азия и Африка сегодня», 1963 г., № 6, стр. 55.
- 53 «Mining and Industrial Review», Johannesburg, Dec. 1958, p. 41.
- 54 W. Alphaeus Hutton, *Decision in Africa*, pp. 122—123.
- 55 «Азия и Африка сегодня», 1964 г., № 5, стр. 49.
- 56 W. Alphaeus Hutton, *Decision in Africa*, pp. 105—106; «Moody's Industrial Manual», 1959, p. 2623; William A. Hance, *African Economic Development*, L., 1958, p. 226.
- 57 William A. Hance, *The Geography of Modern Africa*, p. 238.
- 58 «The New York Times», March 23, 1959; «U. S. News and World Report», Febr. 26, 1962, p. 121; «Jeune Afrique», 5 sept. 1965; «Gabon Republic», Department of State Publication 7495, African Series 30, Released March 1963.
- 59 «The New York Times», Dec. 28, 1959.
- 60 William A. Hance, *The Geography of Modern Africa*, pp. 233—234.

- ⁶¹ «Africa Digest», Febr. 1960, p. 133.
- ⁶² W. Alphaeus Hunton, Decision in Africa, p. 132.
- ⁶³ Подробнее см. Л. В. Гончаров, Империалистическая эксплуатация английских колоний в Африке, М., 1961, стр. 18, 34, 37, 55.
- ⁶⁴ «Moody's Industrial Manual», 1965, pp. 2450, 2453—2454.
- ⁶⁵ «Jeune Afrique», 5 sept. 1965.
- ⁶⁶ «The Newly Independent Nations. Republic of Mauritania», Department of State Publication 7504, African Series 31, Released May 1963.
- ⁶⁷ «The Newly Independent Nations. Gabon Republic», Department of State Publication 7495, African Series 30, Released March 1963; «Moody's Industrial Manual», 1959, p. 2623; William A. Hance, The Geography of Modern Africa, pp. 299—300; «Le Monde», 30 sept. — 1 oct. 1962.
- ⁶⁸ «Cahiers du communisme», mars 1963, p. 143.
- ⁶⁹ «Scotsman», Jan. 24, 1963.
- ⁷⁰ «Jeune Afrique», 5 sept. 1965.
- ⁷¹ William A. Hance, African Economic Development, pp. 220 а. о.
- ⁷² «Империалистическая борьба за Африку и освободительное движение народов», стр. 21, 210; А. Ю. Шпирт, Экономика стран Африки, стр. 37; Л. В. Гончаров, Империалистическая эксплуатация английских колоний в Африке, стр. 37.
- ⁷³ «Three Monthly Economic Review», June 21, 1960; «U. S. News and World Report», July 10, 1961, p. 75.
- ⁷⁴ W. Alphaeus Hunton, Decision in Africa, p. 148; William A. Hance, The Geography of Modern Africa, p. 422.
- ⁷⁵ «Moody's Industrial Manual», 1957, pp. 833, 2751; 1965, p. 2293.
- ⁷⁶ «Mining Year Book», 1959, p. 633.
- ⁷⁷ «Moody's Industrial Manual», 1957, p. 2293.
- ⁷⁸ «Cape Argus», Sept. 18, 1964.
- ⁷⁹ W. Alphaeus Hunton, Decision in Africa, p. 117; «Moody's Industrial Manual», 1957, pp. 776—777; 1965, p. 2450.
- ⁸⁰ «Международный ежегодник. Политика и экономика», вып. 1962 г., стр. 79.
- ⁸¹ В. Маевский, Свобода и каучук, «Октябрь», 1961 г., № 11, стр. 165.
- ⁸² «Evening News», Dec. 22, 1960.
- ⁸³ «Survey of Current Business», Sept. 1965, pp. 24, 30.
- ⁸⁴ «Survey of Current Business», Sept. 1967, p. 42.
- ⁸⁵ «Survey of Current Business», Sept. 1965, pp. 24—25.
- ⁸⁶ «Survey of Current Business», Sept. 1967, p. 42.
- ⁸⁷ «Мировая экономика и международные отношения», 1968 г., № 11, стр. 107.
- ⁸⁸ John Marcum, The Challenge of Africa, p. 10.
- ⁸⁹ «Hindustan Times», Aug. 8, 1962.
- ⁹⁰ «Современный Восток», 1961 г., № 1, стр. 46.
- ⁹¹ «Cape Times», Oct. 31, 1963.
- ⁹² «Congressional Record», Apr. 5, 1965, pp. A1650—A1651.
- ⁹³ «The Gazette and Daily», July 11, 1966.
- ⁹⁴ Jan Tinbergen, Shaping the World Economy. Suggestions for an International Economic Policy, The Twentieth Century Fund, N. Y., 1962, p. 120.
- ⁹⁵ «United States Foreign Policy, Compilation of Studies. Prepared under the Direction of Committee on Foreign Relations, United States Senate, Pursuant to S. Res. 356, 85th Congress, and S. Res 31,

and S. Res. 250, 86th Congress», United States Government Printing Office, Wash. 1961, p. 62.

⁹⁶ «Азия и Африка сегодня», 1964 г. № 4, стр. 18.

⁹⁷ «Economie et politique», dec. 1961, p. 67.

⁹⁸ «Правда», 26 декабря 1963 г.; «Известия», 20 января 1964 г.; «Department of State Bulletin», Oct. 22, 1962, p. 615.

⁹⁹ По данным генерального секретаря Международной конференции ООН по торговле и развитию 1964 года Р. Пребиша, в 1950—1961 годах репатриации прибылей и процентов из развивающихся стран составили 20900 млн. долл. («Le Monde», 22—23 mars 1964). Подавляющая часть этой суммы — репатрированные прибыли. А все частные долгосрочные вложения в этих странах за 1951—1961 годы равнялись 10 310 млн. долл. («International Flow of Long-term Capital and Official Donations, 1951—1959», U. N., N. Y., 1961, pp. 2—3; 1959—1961, U. N., N. Y., 1963, p. 19). Приток инвестиций с лихвой перекрыт оттоком прибылей от них. Фактически же развивающиеся страны теряют больше.

¹⁰⁰ «La politique de coopération avec les pays en voie de développement», Rapport de la Commission d'étude instituée par le décret du 12 mars 1963, remis au Gouvernement le 18 juil. 1963, p. 27.

¹⁰¹ S. G. I k o k u, Nigeria for Nigerians. A Study of Contemporary Nigerian Politics from a Socialist Point of View, Accra, 1962, p. 30.

¹⁰² «Department of State Bulletin», Oct. 22, 1962, p. 618.

¹⁰³ J o s e p h P a l m e r, II, The Problems and Prospects of Sub-Sahara Africa.

¹⁰⁴ «Journal of Commerce», Nov. 2, 1960.

¹⁰⁵ «The New York Times», March 28, 1961.

¹⁰⁶ V e r n o n M c K a y, Africa in World Politics, p. 282.

¹⁰⁷ «The New York Times», March 28, 1961.

¹⁰⁸ «Journal of Commerce», March 2, 1964.

¹⁰⁹ «Congressional Record», Apr. 29, 1964, p. 9159.

¹¹⁰ Правящие круги США признают, что страны Африки неохотно идут на заключение подобных соглашений, но вынуждены подписывать их, поскольку они являются неотъемлемой частью программ УМР. Настороженность африканцев легко понять, проанализировав соответствующее соглашение США с Нигерией. Оно обязывает правительство Нигерии вступать в консультации с правительством США относительно всех проектов, предлагаемых гражданами США. Оговорено также, что «в случае, если правительство США произведет платеж в долларах любому лицу, подпадающему под любую такого рода гарантию, правительство Федерации Нигерия признает передачу данным лицом правительству США всех прав, титула и участия в экспроприированных активах или активах, ставших бесполезными в результате акта экспроприации, а также валюты или кредитов в любой валюте, в отношении которых был произведен данный платеж по гарантии, равно как и замещение правительством США данного лица в отношении всех прав, титула, претензий и действий, возникающих в связи с этим». Узаконивается, как видно, «право» правительства США на вмешательство во внутренние дела Нигерии, причем Нигерия покрывает также в своей валюте платеж, произведенный в долларах правительством США, и эти деньги используются на административные расходы США в данной стране. (Treaties and Other International Acts Series 5237. Investment Guarantees. Agreement Between the United States of America and Nigeria.

- Effected by Exchange of Notes Signed at Lagos, Aug. 28 and Dec. 24, 1962.)
- 111 «U. S. News and World Report», Aug. 7, 1961, pp. 50—52.
- 112 «Department of State Bulletin», Oct. 22, 1962, pp. 613—616.
- 113 «Department of State Bulletin», March 18, 1968, pp. 387—388.
- 114 «Survey of Current Business», Sept. 1966, pp. S. 21, S. 22.
- 115 «Africa», Department of State Publication 7546, African Series 34, p. 6.
- 116 E/CN. 14/STAT/Ser.A/7, «Foreign Trade Statistics of Africa», Ser. A, Directions of Trade, No 7, 1966, U. N., New York—Geneva, pp. 18—19, 47—48, 49—50.
- 117 «Africa», Department of State Publication 7546, African Series 34, p. 6.
- 118 «West Africa», No 2426, 30th Nov. 1963, p. 1343.
- 119 «The Newly Independent Nations. Gabon Republic», Department of State Publication 7495, African Series 30.
- 120 Цит. по Д. И. Костюхин, Внешнеэкономическая политика США, стр. 173.
- 121 «Department of State Bulletin», July 8, 1968, p. 51.
- 122 «Department of State Bulletin», March 18, 1968, p. 389.
- 123 С. Меньшиков, Американские монополии на мировом капиталистическом рынке, М., 1958, стр. 239.
- 124 «U. N. Monthly Bulletin of Statistics», Apr., 1963.
- 125 Г. Мирский, О характере социальных сил в Азии и Африке, «Коммунист», 1968 г., № 17, стр. 90.
- 126 «Department of State Bulletin», Aug. 7, 1967, p. 181.
- 127 «Department of State Bulletin», March 11, 1968, p. 360.
- 128 «The New York Times», Nov. 4, 1961.
- 129 «Department of State Bulletin», March 18, 1968, p. 389.
- 130 «Department of State Bulletin», Aug. 7, 1967, p. 181.
- 131 «Evening News», June 15, 1963.
- 132 «The Mining Magazine», July, 1959, p. 7.
- 133 «Le Monde», 22—23 mars 1964.
- 134 «Congressional Record», Jan. 15, 1962, pp. A160—A161.
- 135 «The Ghanaian Times», June 5, 1962.
- 136 В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 335.
- 137 Harry Stark, The Emerging World Economy, Dubuque, Iowa, 1963, p. 282.
- 138 «Правда», 19 сентября 1962 г.
- 139 «Правда», 27 марта 1964 г.
- 140 Общая платформа развивающихся стран была изложена в опубликованном накануне конференции докладе Р. Пребиша, который предлагал: установление количественных наметок в отношении поступления на рынки промышленно развитых стран сырья и товаров, производимых развивающимися странами; установление квот беспошлинного импорта товаров из развивающихся стран; ликвидацию всех преференций, предоставляемых развивающимися странами промышленно развитым странам; сокращение или полную отмену в странах-потребителях внутренних налогов на продукты стран тропического пояса; компенсационное финансирование в той мере, в какой окажется невозможным предохранить экспорт развивающихся стран от убытков соглашениями о сырье; региональное объединение развивающихся стран и проведение ими разумной политики замены импорта. (Raul Prêbisich, Toward a New Trade Policy for Development, U. N., N. Y., 1964.)

- 141 «First National City Bank of New York's Monthly Economic Letter», Apr. 1964.
- 142 E/CONF.46/STA/14, March 26, 1964.
- 143 «Department of State Bulletin», March 11, 1968, pp. 363—367.
- 144 «Why Foreign Aid?», p. 71.
- 145 «Why Foreign Aid?», p. 74.
- 146 John D. Montgomery, *Foreign Aid in International Politics. America's Role in World Affairs Series*, Prentice—Hill, Inc., Englewood Cliffs, N. Y., 1967, pp. 7, 16, 18—19, 46, 51—52.
- 147 Bruce R. Morris, University of Massachusetts. in Cooperation with; C. Wendell King, University of Massachusetts, *Economic Growth and Development*, New York—Toronto—London, 1967, p. 5.
- 148 «Congressional Record», June 3, 1964, p. 12138.
- 149 «Congressional Record», June 2, 1964, pp. A2953—A2954.
- 150 «Department of State Bulletin», Aug. 12, 1968, p. 178.
- 151 Hans J. Morgenthau, *The Purpose of American Politics*, p. 189.
- 152 «Why Foreign Aid?», p. 21.
- 153 «The Role of Foreign Aid in the Development of Other Countries. A Study Prepared at the Request of the Special Committee to Study the Foreign Aid Programs, United States Senate, by the Research Center in Economic Development and Cultural Change of the University of Chicago (Pursuant to S. Res. 285, 84th Congress, and S. Res. 35, 85th Congress), March, 1957», Government Printing Office, Wash, 1957, pp. 54—55.
- 154 С. Н. Н. Иноземцев, *Внешняя политика США в эпоху империализма*, стр. 520.
- 155 «Правда», 22 января 1949 г.
- 156 «Congressional Record», Oct. 19, 1962, p. A7805.
- 157 «Foreign Assistance Act 1962. Hearings before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, Eighty-seventh Congress, Second Session. On a Draft Bill to Amend Further the Foreign Assistance Act of 1961, as Amended, and for Other Purposes, March 14, 15, 16 and 19, 1962. Printed for the Use of the Committee on Foreign Affairs, Part I», U. S. Government Printing Office, Wash. 1962, p. 18.
- 158 «Why Foreign Aid?», pp. 11, 18.
- 159 Prof. James Tracy Crown and George P. Penty, *Kennedy in Power...*, p. 80.
- 160 «Congressional Record», Febr. 1, 1964, p. A444.
- 161 «Congressional Record», March 14, 1964, p. 5106.
- 162 «Public Law 87 — 195, 87th Congress, S, 1963, Sept. 4, 1961. An Act to Promote the Foreign Policy, Security, and General Welfare of the United States by Assisting Peoples of the World in Their Efforts Toward Economic Development and Internal and External Security, and for Other Purposes», p. 2.
- 163 «The Scope and Distribution of United States Military and Economic Assistance Programs...».
- 164 «The New York Times», Jan. 4, 1964.
- 165 «The Role of Foreign Aid in the Development of Other Countries...», p. 76.
- 166 G. Liska, *The New Statecraft. Foreign Aid in American Foreign Policy*, Chi, 1960, pp. 96, 181.
- 167 «The New York Times», May 12, 1966.
- 168 «Помощь» США милитаризована больше, чем говорят об этом официальные цифры. Так, официально в программе на 1965 год с

общей суммой ассигнований в 3503 млн. долл. доля экономической «помощи» составила 2172,8 млн. долл., остальное — военная «помощь». Но в экономическую «помощь» входят 437,4 млн. долл., составляющих затраты на поддерживаемую «помощь», и 47,4 млн. долл., расходуемых по линии «чрезвычайного фонда». Та и другая статья даже официально считаются косвенными военными расходами. И так, вся программа более чем наполовину милитаризована. («The Foreign Assistance Program. Report to the Congress, Fiscal Year 1965», Wash., pp. 1, 5.)

- 169 «Foreign Affairs», July — Sept., 1966.
- 170 «Congressional Record», June 2, 1964, p. A2954.
- 171 «U. S. News and World Report», Apr. 8, 1963, p. 43.
- 172 «Compilation of Studies...», p. 60.
- 173 «International Economic Assistance to the Less Developed Countries», U. N. N. Y., 1961, p. 2.
- 174 «Proposed Mutual... Programs FY 1965», p. 8.
- 175 «Department of State Bulletin», March 1919, 67, p. 379.
- 176 «Proposed Mutual... Programs FY 1965», p. 13; «Congressional Record», March 19, 1964, p. 5470.
- 177 «The Foreign Assistance Programs. Annual Report to the Congress, Fiscal Year 1965», p. 10.
- 178 «Proposed Mutual... Programs FY 1965», p. 171.
- 179 «The New York Times», March 5, 1964.
- 180 «Proposed Mutual... Programs FY 1965...», p. 8.
- 181 James R. Elliott, The Appeal of Communism in the Underdeveloped Nations, Dubuque, Iowa, 1962, pp. 4, 119.
- 182 «Proposed Mutual... Programs FY 1965...», p. 3.
- 183 «U. S. News and World Report», Aug. 6, 1962, pp. 55—56.
- 184 «Department of State Bulletin», Apr. 1, 1968, p. 446.
- 185 «Compilation of Studies...», pp. 4—5.
- 186 Вот некоторые из признаний, разъясняющих, почему правящие круги США стремятся шире использовать упомянутые органы. Конгрессмен Элберт отмечал, что в МБРР и в АМР США могут манипулировать целым долларом при вложении всего 42 центов собственных средств. («Congressional Record», Febr. 26, 1964, p. 3500). А конгрессмен Реусс так расписывал «достоинства» АМР: она, как и МБРР, не дает займы странам, национализировавшим иностранную собственность; она требует привлечения частного капитала; не давала и не будет давать займы для создания государственных предприятий; страны-получательницы обязаны передавать займы АМР частным лицам в виде внутренних займов; она устанавливает контроль в налоговой и денежной политике; она отклоняет любое обращение за займом страны, «подавшей под влияние коммунизма»; закупки товаров на займы АМР, производимые в США, на $\frac{4}{5}$ покрывают взносы США в АМР; займы АМР будут фактически возвращаться в казначейство США, ибо они подлежат возвращению в золоте или в долларах; США способны подавить в АМР любые не угодные им голоса. Комментарии, как говорится, излишни. («Congressional Record», May 13, 1964, pp. 10363—10364.)
- 187 «Department of State Bulletin», Apr. 1, 1968, p. 446.
- 188 Цит. по «Известия», 4 января 1961 г.
- 189 «USA Foreign Aid. Report of the Agency for International Cooperation to the Committee on Foreign Affairs of the House of Representatives», March 16, 1960.

- 190 «The New York Times», Febr. 2, 1966; «U. S. Overseas Loans and Grants and Assistance from International Organizations. Obligations and Loan Authorizations, July 1, 1945 — June 30, 1964. Special Report Prepared for the House Foreign Affairs Committee», p. 72.
- 191 «Agency for International Development Information Staff. For Release to Papers of Sunday, August 28, 1966, AID-66-158».
- 192 «Africa Report», Dec. 1964, p. 9.
- 193 «The Progressive», March, 1961, p. 22.
- 194 «Congressional Record», May 12, 1964, pp. 10262—10264.
- 195 «Department of State Bulletin», March, 1967, pp. 383—384.
- 196 «Department of State Bulletin», June 3, 1968, p. 727.
- 197 «Foreign Affairs», July — Sept., 1961, p. 668.
- 198 «U. S. Overseas Loans and Grants and Assistance from International Organizations. Obligations and Loan Authorizations, July 1, 1945— June 30, 1967», AID, March 29, 1968, pp. 76, 77, 84, 89, 94, 95, 101, 103, 110, 114.
- 199 *Ibid.*, p. 76; «Agency for International Development Information Staff. For Release to Papers of Sunday, August 28, 1966, AID-66-158, DUDley 3-7544, AID Announces FY-1966, Totals for Overseas Assistance».
- 200 «Department of State Bulletin», June 3, 1968, p. 727.
- 201 Вернон МсКая, Africa in World Politics, p. 63.
- 202 IBRD/IDA, Annual Report 1963—1964, p. 6.
- 203 «The New York Times», Jan. 28, 1959.
- 204 «The New York Times», Dec. 5, 1960.
- 205 У. Э. Хантон, Судьбы Африки, стр. 300.
- 206 «The New York Times», Aug. 20, 1962.
- 207 «The New York Times», Oct. 26, 1962.
- 208 «Le Monde», 8 fév., 1963.
- 209 «The New York Times», Apr. 22, 1966.
- 210 «Foreign Assistance Act 1962. Hearings before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives., Part I», pp. 68, 7.
- 211 *Ibid.*, Part II, p. 207.
- 212 «Africa Today», No 2, Apr. — May, 1968.
- 213 «Foreign Assistance Act. 1962. Hearings before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives., Part II», op. cit., p. 222.
- 214 «Africa Today», No 2, Apr. — May, 1968.
- 215 «Proposed Mutual... Programs FY 1965...», p. 139; «U. S. Overseas Loans and Grants..., July 1, 1946 — June 30, 1964», p. 72, «Agency for International Development Information Staff...».
- 216 Схема деятельности банка такова: компания «А» осуществляет поставки в страну «Б» под заем, выданный банком данной стране. Стоимость поставок немедленно выплачивается банком компании «А» и заносится на его счета как долг страны «Б», возвращаемый банку с процентом.
- 217 Исключения выглядят как экспортная гарантия тем же монополиям. Так, ОАР, получив у банка 22,5 млн. долл. в 1960 году и 39,6 млн. долл. в 1963 году, должна была затратить кредит на покупку транспортных средств у «Дженерал моторз», расплатившись затем с банком на коммерческой основе.
- 218 «International Bank for Reconstruction and Development. Loans at Work», p. 2.
- 219 IBRD/IDA, Annual Report 1963—1964, pp. 21—23.
- 220 «The Economist», Aug. 5, 1961, p. 558.

- 221 «The World Bank, 1962», p. 73.
 222 «Department of State Bulletin», Sept. 16, 1968, pp. 301—302.
 223 «Congressional Record», Febr. 17, 1964, p. 2818.
 224 «State of Food and Agriculture, 1965», FAO, Rome, 1966, p. 111.
 225 «Counterpart Funds and A. I. D. Foreign Currency Accounts. Data as of September 30, 1962», Agency for International Development Statistics and Reports Division, p. 13.
 226 «Congressional Record», Apr. 30, 1964, p. 9413.
 227 «Counterpart Funds and A. I. D. Foreign Currency Accounts...», p. 1.
 228 «Congressional Record», Febr. 7, 1964, pp. 2358—2359.
 229 «Congressional Record», Febr. 17, 1964, p. 2818.
 230 «Department of State Bulletin», May 6, 1968, pp. 590—593.
 231 «Newsweek», May 8, 1962.
 232 «The New York Times», Sept. 20, 1966.
 233 «The Role of Foreign Aid in the Development of Other Countries...», p. 68.
 234 «A Report...», by Allen J. Ellender, pp. 22—23.
 235 «Compilation of Studies...», p. 372.
 236 «Vital Speeches of the Day», Oct. 15, 1963, p. 713.
 237 «Paese sera», 5 giugno 1962.
 238 Arthur M. Schlesinger, A Thousand Days..., p. 570.
 239 Lawrence A. Marinelli, The New Liberia, London — Dunmow, 1964, pp. 73—74.
 240 Цит. по «Cahiers du communisme», sept. 1962, p. 125.
 241 «Congressional Record», March 16, 1964, p. 5118.
 242 «The New Leader», Apr. 15, 1963, pp. 3, 5.
 243 Цит. по «Вопросы внешней торговли», М., 1960, стр. 20.
 244 «The Reporter», June 23, 1960, p. 36.
 245 «The New Leader», Apr. 15, 1963, p. 3.
 246 Harry Stark, The Emerging World Economy, pp. 287—288.
 247 Arnold Rivkin, Africa and the West. Elements of Free-World Policy, N. Y., 1962, pp. 173—198.
 248 Arnold Rivkin, Africa and the West..., pp. 176—177.
 249 Ibid., pp. 190—191.
 250 «Economic Commission for Africa. Annual Report (4 March 1962—2 March 1963)», Suppl. No 10, U. N., N. Y., 1963, p. 26.

Г л а в а III

- 1 «Africa», Department of State Publication 7546, African Series 34, pp. 1—2.
 2 «Compilation of Studies...», p. 307.
 3 Franco Arese, La politique africaine des Etats-Unis, p. 5.
 4 «Department of State Bulletin», Nov. 13, 1967, p. 658.
 5 «Report to the President by Vice-President Nixon...».
 6 Таков доклад миссии сенаторов А. Гора, Ф. Харта и М. Нойбергер 1961 года. Сенаторы рекомендуют максимально использовать «помощь» и заигрывать с «национализмом», чтобы заставить африканцев «идти вместе с нами в создании мира свободных институтов». («Study Mission to Africa», pp. 1, 3, 11, 17).
 7 «Department of State Bulletin», Nov. 13, 1967, p. 657.
 8 «Foreign Affairs», Oct.—Dec., 1965.
 9 Arthur M. Schlesinger, A Thousand Days..., p. 563.
 10 Vernon McKay, Africa in World Politics, p. 226.

- 11 «Правда», 16 декабря 1960 г.
- 12 «Washington Post», Dec. 22, 1960.
- 13 «Wall Street Journal», Sept. 26, 1960.
- 14 «Foreign Affairs», Oct.-Dec., 1962.
- 15 «Compilation of Studies...», p. 381.
- 16 «The New York Times», Oct. 19, 1961.
- 17 «Le Monde», 20 déc. 1960.
- 18 «Compilation of Studies...», p. 367.
- 19 См. «Department of State Bulletin», June 24, 1968, pp. 845—846.
- 20 «Department of State Bulletin», July 19, 1962, pp. 106, 108.
- 21 «Department of State Bulletin», March 20, 1967, p. 457.
- 22 «People's World», May 10, 1966.
- 23 «East Africa and Rhodesia», Jan. 6, 1966.
- 24 «Department of State Bulletin», June 24, 1968, p. 846.
- 25 «Правда», 23 декабря 1968 г.
- 26 «Department of State Bulletin», June 24, 1968, p. 846.
- 27 «Правда», 6 декабря 1968 г.
- 28 «Department of State Bulletin», March 20, 1967, p. 456.
- 29 «Department of State Bulletin», Apr. 24, 1967, p. 646.
- 30 «The Financial Times», Oct. 26, 1964.
- 31 Arthur M. Schlesinger, A Thousand Days., p. 562.
- 32 «Afrique-Action», 7 août 1961.
- 33 «Démocratie nouvelle», août 1964.
- 34 «The Facts About Portugal's African Colonies», by Abel Jassi, a UDC Publication, L., 1960, p. 10.
- 35 «African Communist», Apr., 1966.
- 36 «Freedomways», Summer, 1967, p. 220.
- 37 Ibid., p. 220.
- 38 «Нороя», 3 sept., 1965.
- 39 «Freedomways», Summer, 1967, pp. 220—221.
- 40 «Evening News», June 14, 1963.
- 41 «Report from South Africa», March, 1963; «African Communist», May, 1961, No 5.
- 42 «La Révolution» (P.) sept., 1963, No 1.
- 43 «The New York Times Magazine», June 19, 1966.
- 44 «New Africa», May — June, 1966.
- 45 «The New York Times Magazine», June 19, 1966.
- 46 «Business Week», Apr. 9, 1960, p. 29.
- 47 «Official Year Book of the Union of South Africa, No 30, 1960», pp. 6, 507—508; «Keesing's Contemporary Archives», 1950—1952, p. 11153A.
- 48 «Keesing's Contemporary Archives», 1952—1954, p. 12580B.
- 49 «Мировая экономика и международные отношения», 1960, № 7, стр. 127.
- 50 «Africa Today», No 2, April — May, 1968.
- 51 «New York Herald Tribune», July 18, 1963.
- 52 «The Ghanaian Times», Nov. 10, 1962.
- 53 «The New York Times», Aug. 29, 1966.
- 54 «Africa Today», Jan. — Febr. 1959.
- 55 См. Н. Юрьев, Экспансия США в Конго, стр. 35.
- 56 «Congressional Record», Aug. 3, 1962, p. 14529.
- 57 «African Communist», Oct. — Dec., 1967.
- 58 «U. S. News & World Report», March 20, 1961, p. 44.
- 59 «The New York Times», Aug. 3, 1967.
- 60 «La Libre Belgique», 3 août 1967.

- 61 Jean Terfve, Préface dans «Moise Tchombe et l'escroquerie katangaise», par Jules Chomé, Bruxelles, 1966, p. 9.
- 62 «Правда», 7 декабря 1960 г.
- 63 «The Gazette and Daily», July 20, 1962.
- 64 В 1954 году активы «Сосьете женераль» составляли 170 млрд. бельг. франков, из которых 33 млрд. размещались в Конго. Активы прочих бельгийских финансово-промышленных групп составляли в это время 368 млрд. бельг. франков, из которых на вложения в Конго приходилось 60 млрд.
- 65 «Le Monde diplomatique», oct., 1962, p. 6.
- 66 «Washington Post», Jan. 17, 1963.
- 67 См. Н. Юрьев, Экспансия США в Конго, стр. 18—19.
- 68 «...Игра английских и французских властей не оставляет места сомнениям: официально они голосуют за резолюции ООН против отделения Катанги; за кулисами же они препятствуют претворению этих резолюций в жизнь». («France observateur», 14 dec. 1961, p. 11).
- 69 «Political Affairs», Jan. 1962.
- 70 «Wall Street Journal», Sept. 6, 1960.
- 71 «U. S. News & World Report», Jan. 21, 1963, p. 8.
- 72 «Daily Mail», July 19, 1960.
- 73 «Wall Street Journal», Febr. 14, 1961.
- 74 «Africa Report», June, 1964, p. 9.
- 75 «La Tribune des Nations», 24 juil. 1964.
- 76 См. Н. Юрьев, Экспансия США в Конго, стр. 151—152.
- 77 «U. S. News & World Report», Apr. 18, 1966.
- 78 «Washington Post», July 11, 1967.
- 79 «Le Drapeau rouge», 18 août 1967.
- 80 «The Financial Times», Jan. 4, 1967.
- 81 «Save the Congo, Save Africa! The Bleeding Heart of Africa», Times Press, Lagos, 5745/7/65, pp. 5, 7.
- 82 Цит. по Francis O. Wilcox and H. Field Haviland, Jr., Eds., The United States and the United Nations, Baltimore, 1961, p. 135.
- 83 «Department of State Bulletin», Aug. 13, 1962, p. 248.
- 84 «Congressional Record», March 23, 1964, p. 5790.
- 85 «Foreign Affairs», Oct.—Dec., 1966.
- 86 «Africa and the World Order», Edited by Norman J. Padelford and Rupert Emerson, N. Y., 1963, p. 5.
- 87 «Christian Science Monitor», Jan. 24, 1961.
- 88 Эта «концепция» изложена Ч. Боулсом в журнале «Нью-Йорк таймс мэгэзин» от 23 августа 1960 г. (См. также Н. Юрьев, Экспансия США в Конго, стр. 35—41 и Ю. Бочкарев, Колониализм под флагом ООН, «Правда», 13 сентября 1960 г.)
- 89 «The New York Times», Dec. 22, 1962.
- 90 «U. S. News & World Report», Febr. 20, 1961, p. 40.
- 91 «New York Herald Tribune», Febr. 2, 1964.
- 92 «U. S. News & World Report», Febr. 20, 1961, p. 39.
- 93 Типична реакция представителя Либерии в ООН Г. Купера. Действия США, говорил он, могут заставить СССР пересмотреть свое отношение к ООН, и вина за это ляжет на США, ибо «Россия не обязана платить за суэцкий кризис».
- 94 «Department of State Bulletin», July 16, 1962, p. 95.
- 95 «Department of State Bulletin», Aug. 13, 1962, pp. 250—251.
- 96 «The Gazette and Daily», Nov. 5, 1962.
- 97 «Compilation of Studies...», p. 212.

- 98 «The New Leader», Apr. 1, 1963, p. 21.
- 99 Vernon McKay, Africa in World Politics, p. 134.
- 100 Цит. по Л. Г. Гук а с я н - Г а н д з а к е ц и, Сущность «еврафриканского сообщества», М., 1959, стр. 41.
- 101 «Selections from the Principal Clauses of the Treaty of Rome», «The Times», July 3, 1961.
- 102 Здесь не затрагиваются сущность и детали механизма «ассоциации», уже раскрытые в советской литературе. (См. «Африка в мировой экономике и политике», М., 1965).
- 103 John Marcum, The Challenge of Africa, p. 26.
- 104 «La Tribune des Nations», 8 fev. 1963.
- 105 «Economie et politique», jan. 1964.
- 106 «Congressional Record», Jan. 15, 1962, p. 151.
- 107 «The United States and Africa: A Unity of Purpose», Address by President Johnson, Department of State Publication 8112, Released August 1966.
- 108 George Liska, Imperial America: The International Politics of Primacy, The Washington Center of Foreign Policy Research, School of Advanced International Studies, the Johns Hopkins University, Baltimore, 1967, Foreword.
- 109 Roger Masters, The Nation Is Burdened. American Foreign Policy in a Changing World, N. Y., 1967.
- 110 George Liska, Imperial America., Author's Preface, pp. 81, 83—84.
- 111 «Advance», Oct. 1—7, 1967.
- 112 «The New York Times», Apr. 26, 1966; Apr. 27, 1966.
- 113 «The New York Times», March 13, 1965.
- 114 «The Ghanaian Times», Aug. 23, 1961.
- 115 Vernon McKay, Africa in World Politics, p. 192.
- 116 «The United States and Africa», p. 19.
- 117 Vernon McKay, Africa in World Politics, p. 238.
- 118 «Congressional Record», May 21, 1964, p. 11197.
- 119 «The New York Times», May 12, 1964.
- 120 Vernon McKay, Africa in World Politics, p. 194.
- 121 Paul Seabury, Power, Freedom and Diplomacy. The Foreign Policy of the United States of America, N. Y., 1967, p. 238.
- 122 «New York Herald Tribune», Oct. 4, 1961.
- 123 Vernon McKay, Africa in World Politics, pp. 239—240.
- 124 «Eastern World», Sept. 1961, p. 13.
- 125 «The Idea of Colonialism», pp. 439, 451.
- 126 George Liska, Imperial America., p. 81.
- 127 Arthur M. Schlesinger, A Thousand Days., p. 570.
- 128 «The New York Times», May 6, 1963.
- 129 «Foreign Affairs», Jan. — March, 1965.

Г л а в а I V

- 1 Mario Segni, I tre segreti della NATO, «Vie nuove», 2 novembre 1967, pp. 9, 11—12.
- 2 «Foreign Assistance Act of 1962. Hearings before the Comittee on Foreign Affairs, House of Representatives...», Part. II, p. 207.
- 3 «The NATO Conspiracy in Africa. A Glaring Exposure of the Military and Political Designs of the NATO Powers Against the African Continent», Lagos, May, 1964, pp. 5—7.

- ⁴ «Department of State Bulletin», May 28, 1956, p. 877.
- ⁵ H. Arnold, *The Global Mission*, N. Y., 1949, pp. 586—587.
- ⁶ «Developments in Military Technology and Their Impact on United States Strategy and Foreign Policy», Wach., 1959, p. 22.
- ⁷ «American Mercury», Apr., 1955.
- ⁸ Vernon McKay, *Africa in World Politics*, p. 274.
- ⁹ «Империалистическая борьба за Африку и освободительное движение народов», стр. 303.
- ¹⁰ Vernon McKay, *Africa in World Politics*, pp. 141—142.
- ¹¹ *Ibid.*, p. 142.
- ¹² «U. S. Congress, House Committee on Foreign Affairs. Mutual Security Act of 1958. Hearings before the Committee on HR 12181, February 18 — March 13, 1958, Parts I—VIII, vol. I», Wach., 1958, p. 583.
- ¹³ «Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere», 10. Okt., 1962, S. 10.
- ¹⁴ *Ibid.*, S. 11; «Evening News», May 7, 1963.
- ¹⁵ «Europäische Wehrkorrespondenz», 1. Apr., 1960, Nr. 26.
- ¹⁶ «Africa Report», Nov., 1964, p. 21.
- ¹⁷ Vernon McKay, *Africa in World Politics*, p. 275.
- ¹⁸ «The New York Times», Apr. 23, 1962.
- ¹⁹ Цит. по У. Э. Хантон, *Судьбы Африки*, стр. 117.
- ²⁰ «The Saturday Evening Post», May 14, 1960; «Christian Science Monitor», Febr. 14, 1966.
- ²¹ «Christian Science Monitor», June 19, 1967.
- ²² В эти дни газета «Аль-Либий» называла договор «похожим на вассальный договор с феодалом или же на акт капитуляции между побежденным и победителем». «Ар-Риад» добавляла: «Сколько бы они нам ни платили и как бы они это ни делали, их плата не может быть равной и сотой доле тех опасностей, которым мы подвергаемся из-за наличия американских войск в нашей стране». С «комедией 1954 года», требовала «Аль-Либий», должно быть покончено.
- ²³ «Christian Science Monitor», June 19, 1967.
- ²⁴ «Le Monde», 13 fev. 1963.
- ²⁵ «Le Monde», 7—8 avr. 1963.
- ²⁶ См. У. Э. Хантон, *Судьбы Африки*, стр. 129.
- ²⁷ «Department of State Press Releases», Nos. 642, 643 of Sept. 10, 1959.
- ²⁸ «The Times of India», Dec. 18, 1963.
- ²⁹ Цит. по «За рубежом», 1962, № 24, стр. 9.
- ³⁰ R. W. Tucker, *The Just War. A Study of Contemporary American Doctrine*, Baltimore, 1960, pp. 192—193.
- ³¹ «New Africa», May, 1964.
- ³² «The NATO Conspiracy in Africa...», p. 11.
- ³³ «The Ghanaian Times», Dec. 7, 1962.

Г л а в а V

- ¹ Л. И. Брежнев, *Пятьдесят лет великих побед социализма. Доклад и заключительная речь на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 3—4 ноября 1967 г.*, М., 1967, стр. 46—47.

- ² «*Horoya*», 4 juil. 1966.
- ³ См. Marshal D. Shulman, *Behind the Cold War*, New Haven, 1966.
- ⁴ М. А. Суслов, *Великое пятидесятилетие, «Великий Октябрь и мировой революционный процесс»*, М., 1967, стр. 40.
- ⁵ President John F. Kennedy, *The Strategy of Peace*, p. 164.
- ⁶ «*The Political Economy of American Foreign Policy. Its Concepts, Strategy, and Limits*», N. Y., 1955, pp. 138—139.
- ⁷ «*Congressional Record*», June 2, 1964, pp. A2922—A2923.
- ⁸ «*American Dialogue*», Summer 1966, No 2.
- ⁹ «*The Crossroad Papers. A Look into the American Future*», Edited and with an Introduction by Hans J. Morgenthau, N. Y., 1965, p. 12.
- ¹⁰ «*The Emerging Nations. Their Growth and United States Policy*», Edited by Max F. Millikan and Donald L. M. Blackmer, Boston—Toronto, 1961, pp. 105—108.
- ¹¹ «*Education and Training in the Developing Countries. The Role of U. S. Foreign Aid*», Edited by William Y. Elliott, New York—Washington—London, 1966, pp. 338—339.
- ¹² Prof. James Tracy Crown and George P. Penty, *Kennedy in Power...*, p. 67.
- ¹³ «*Washington Star*», Febr. 10, 1964.
- ¹⁴ «*Congressional Record*», Apr. 30, 1964, p. 9448.
- ¹⁵ «*The Annals...*», vol. 366, July, 1966, p. 33.
- ¹⁶ «*Education and Training in the Developing Countries...*».
- ¹⁷ *Ibid.*, pp. 11—14.
- ¹⁸ *Ibid.*, pp. 9, 4, 5, 14.
- ¹⁹ «*School and Society*», v. 90, No 2207, March 24, 1962, p. 138.
- ²⁰ «*Senator Fulbright. A Legislator's Thoughts on World Issues. Original Title: Fulbright of Arkansas*», Ed. by Karl E. Meyer, N. Y., 1963, pp. 67—69.
- ²¹ «*The Annals...*», vol. 366, July, 1966, p. 35.
- ²² «*Department of State Bulletin*», Febr. 28, 1966, p. 328.
- ²³ «*Department of State Bulletin*», Oct. 30, 1967, p. 569.
- ²⁴ Prof. James Tracy Crown and George P. Penty, *Kennedy in Power...*, pp. 81—82.
- ²⁵ «*Department of State Bulletin*», July 17, 1961, p. 116.
- ²⁶ «*The Listener*», March 31, 1964.
- ²⁷ «*Africa*», Department of State Publication 7546, African Series 34, p. 4.
- ²⁸ «*Peace Corps. Agents of Neo-Colonialism. Facts About the «Peace Corps» and the U. S. A. Information Agency*», Issued by the Revolutionary Council of the Nigerian Youth Congress, pp. 1—3.
- ²⁹ «*Foreign Affairs*», July—Sept., 1963.
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ «*Department of State Bulletin*», April 15, 1968, p. 505.
- ³² «*Department of State Bulletin*», Nov. 13, 1967, p. 658.
- ³³ «*Africa Report*», Dec. 1966.
- ³⁴ «*Higher Education*», June, 1963, pp. 3—5.
- ³⁵ «*The Reporter*», Febr. 1, 1962, p. 35.
- ³⁶ «*Africa*», Department of State Publication 7546, African Series 34, p. 4.
- ³⁷ Vernon McKay, *Africa in World Politics*, p. 389.
- ³⁸ «*Department of State Bulletin*», May 13, 1963, p. 753.
- ³⁹ «*Newsweek*», Apr. 22, 1963, pp. 43—44, 47.
- ⁴⁰ «*Department of State Bulletin*», May 13, 1963, p. 755.

- 41 «Department of State Bulletin», Nov. 13, 1967, p. 657.
- 42 Vernon McKay, *Africa in World Politics*, pp. 394—395.
- 43 «The New York Times», July 14, 1963.
- 44 «Department of State Bulletin», Aug. 27, 1962, p. 333.
- 45 «Department of State Bulletin», Nov. 26, 1962, p. 814.
- 46 «Overseas», vol. 2, Jan., 1963, No 5, pp. 19—21.
- 47 См. Н. А. Ермолов, *Проблема подготовки кадров в странах Тропической Африки и политика США*, М., 1966, стр. 5 (автореферат диссертации).
- 48 «Department of State Bulletin», Aug. 27, 1962, p. 336.
- 49 «Higher Education», June, 1963, p. 13.
- 50 Президент института В. Нильсен 23 февраля 1967 г. публично признал, что его учреждение получало огромные дотации от ЦРУ и выполняло его задания. Только через «фонд Берда» институт получил от ЦРУ в 1961—1964 годах 150 тыс. долл.
- 51 «Congressional Record», Febr. 18, 1964, pp. 2936—2938.
- 52 Henry L. Bretton, *The Rise and Fall of Kwame Nkrumah. A Study of Personal Rule in Africa*, New York — Washington — London, 1966, pp. 10, 12, 24, 172, 173.
- 53 «Political Parties and National Integration in Tropical Africa», Edited by James S. Coleman and Carl G. Rosberg, Jr., University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1966.
- 54 «Africa», Department of State Publication 7546, African Series 34, p. 4.
- 55 Vernon McKay, *Africa in World Politics*, p. 253.
- 56 «Compilation of Studies...», p. 351.
- 57 О сущности этого движения, призывающего «возвыситься» над идеологиями и политикой, лучше всего говорит моральный облик его создателя. Ф. Бухман проповедовал непротипление нацизму, называл Гимmlера «прекрасным человеком». Он «психологически» помогал Нго Динь Дьему укреплять его диктатуру в Сайгоне и заслужил похвалы бывшего премьер-министра ЮАС И. Х. Хофмейра. (См. «Africa Trade and Development», May, 1962; Paul Campbell and Peter Howard, *America Needs an Ideology*, L., 1957, pp. 15, 146).
- 58 Paul Campbell and Peter Howard, *America Needs an Ideology*, pp. 9, 13—14, 17—19, 22—23.
- 59 *Ibid.*, pp. 142, 9.
- 60 «Africa Trade and Development», May, 1962.
- 61 «Time», June 9, 1961, p. 32.
- 62 Vernon McKay, *Africa in World Politics*, p. 262.
- 63 «Evening News», Dec. 16, 1963.
- 64 «Time», June 9, 1961, p. 32.
- 65 «New Africa», March, 1964.
- 66 См. Samuel F. Bemis, *A Diplomatic History of the United States*, N. Y., 1946, pp. 463—479. В четвертом издании данной работы (1955 г., стр. 475) Bemis снова оттеняет версию об «американском антиколониализме». О том же говорит он в сборнике «American Imperialism in 1898». Ed. and with an Introduction by Theodore F. Green, Boston, 1955, pp. 84 а. о.
- 67 Franco Arrese, *La politique africaine des Etats-Unis*, p. 56.
- 68 «Studies on the Left» (Wisconsin University), vol. 3, No 1, 1962, pp. 18, 20.
- 69 «Department of State Bulletin», Sept. 18, 1961, p. 483.
- 70 Chester Bowles, *Africa's Challenge to America*, pp. 44, 101.

- 71 C. L. Sulzberger, *Unfinished Revolution: America and the Third World*, N. Y., 1965, pp. 8—10.
- 72 *Ibid.*, p. 273.
- 73 В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 59.
- 74 Там же, стр. 192—193.
- 75 Samuel F. Bemis, *A Diplomatic History of the United States*, p. 636.
- 76 Ferdinand Gzernin, *Versailles...*, op. cit., p. 176.
- 77 C. L. Sulzberger, *Unfinished Revolution...*, p. 12.
- 78 *Ibid.*, p. 173.
- 79 «The Ghanaian Times», Febr. 8, 1962.
- 80 «L'Essor», 16 mai 1963.
- 81 «Why Foreign Aid?», pp. 14—15.
- 82 См. W. W. Rostow, *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*, Cambr., 1960.
- 83 См. В. Мшвениерадзе, *Антикоммунизм — оружие обреченных*, М., 1964, стр. 53—54.
- 84 «Why Foreign Aid?», pp. 27—28.
- 85 Hans J. Morgenthau, *The Purpose of American Politics*, pp. 34, 309.
- 86 Сенатор-республиканец А. Эллендер заявлял: «Я еще не встречал африканцев, способных управлять собственными делами. Я еще не видел ни одного района, где бы африканцы создали что-нибудь для себя сами. Любой достигнутый в Африке прогресс — это всегда дело рук белых». («New York Herald Tribune», Dec. 2, 1962).
- 87 «The Idea of Colonialism», pp. 3, 10.
- 88 «The Idea of Colonialism», p. 19.
- 89 «Political Awakening of Africa», Edited by Rupert Emerson and Martin Kilson, Englewood Cliffs, N. Y., 1965, p. 1.
- 90 «Reader's Digest», Aug. 1960, pp. 65, 67.
- 91 «Foreign Affairs», July—Sept., 1961, p. 655.
- 92 «Time», March 13, 1963, p. 26.
- 93 «The New York Times», Dec. 29, 1962.
- 94 «Foreign Service Journal», Nov. 1958, p. 8.
- 95 «Time», Aug. 3, 1962.
- 96 Vernon McKay, *Africa in World Politics*, p. 424.
- 97 «U. S. News and World Report», Oct. 24, 1960, p. 68.
- 98 «U. S. News & World Report», March 6, 1961, p. 54.
- 99 «U. S. News & World Report», July 4, 1960, p. 64.
- 100 «The United States and Africa», p. 13; «Time», March 13, 1964, p. 35.
- 101 «The Progressive», Aug., 1961, p. 11.
- 102 «U. S. News & World Report», Febr. 11, 1963, pp. 73—74, 79.
- 103 William A. Hance, *African Economic Development*, p. 284.
- 104 У. Маккорд, например, считает, что даже относительно более развитым странам Латинской Америки при высших, чем сейчас, темпах роста производства потребуется 352 года, чтобы достичь уровня материального богатства, равного 1/3 нынешнего материального богатства США. (См. William McCord, *The Springtime of Freedom. Evolution of Developing Societies*, Oxford University Press, N. Y., 1965, p. 11).
- 105 Eugene Staley, *The Future of Underdeveloped Countries. Political Implications of Economic Development*, Revised Edition, N. Y., 1961, pp. 184—185.
- 106 Lawrence Abbott, *Economics and the Modern World*, N. Y., 1960, p. 814.

- 107 «The New York Times», July 6, 1964.
- 108 См. «The Ideologies of the Developing Nations», Edited and with an Introduction by Paul E. Sigmund, Jr., Foreword by Reinhold Niebuhr, N. Y., 1963.
- 109 Raymond W. Miller, Can Capitalism Compete? A Campaign for American Free Enterprise, N. Y., 1959, p. 22.
- 110 Ibid., p. 7.
- 111 Ibid.
- 112 Ibid., p. VII.
- 113 Adolf A. Berle, Power Without Property. A New Development in American Political Economy, N. Y., 1959, pp. 61, 71, 110, 126.
- 114 «The Crossroad Papers...», pp. 9—10.
- 115 «Reader's Digest», March, 1963, pp. 187, 192.
- 116 Paul O. Proehl, Foreign Enterprise in Nigeria. Laws and Policies, Chapel Hill, 1965, pp. 4—5.
- 117 «U. S. News & World Report», Oct. 11, 1966.
- 118 Lawrence A. Marinelli, The New Liberia, pp. 75, 89, 82, 77.
- 119 Robert W. Clower, George Dalton, Mitchel Harwitz, A. A. Walters, Growth Without Development. An Economic Survey of Liberia, Northwestern University Press, Evanston, 1966, pp. 31, 27.
- 120 Raymond W. Miller, Can Capitalism Compete? A Campaign for American Free Enterprise, p. 14.
- 121 Lawrence Abbott, Economics and the Modern World, p. 838.
- 122 «The Annals...», vol. 362, 1965, p. 55. Американский коллега Т. Меллади Л. Тэджион, как более добросовестный исследователь, не согласен с мифом о «скандинавском социализме». Он указывает, что 90% капиталов в скандинавских странах предназначены для «извлечения частной прибыли», и нет признаков, что данный процент может когда-нибудь уменьшиться. (См. Lynn Turgeon. The Contrasting Economies. A Study of Modern Economic Systems, Boston, 1963, p. 13).
- 123 Albert Luthuli, Kenneth Kaunda, D. K. Chisiza, Tom Mboya, Julius K. Nyerere, Africa's Freedom, L., 1964, p. 86.
- 124 См., например, Georgiana G. Stevens, Egypt Yesterday and Today, Contemporary Civilizations Series, N. Y., 1963, pp. 176, 193.
- 125 «African Socialism», Edited by William H. Friedland, Carl G. Rosenberg, Jr., Stanford University Press, Stanford, Calif., 1964, p. 4.
- 126 Hans Kohn and Wallace Sokolsky, African Nationalism in the Twentieth Century, New York—Toronto—London, 1965, p. 72.
- 127 «The Annals...», vol. 362, Nov., 1965, pp. 59—60.
- 128 «The Annals...», vol. 358, March, 1965, p. 5.
- 129 Bruce R. Morris, Economic Growth and Development, p. 7.
- 130 Lawrence Abbott, Economics and the Modern World, p. 823.
- 131 Bruce R. Morris, Economic Growth and Development, pp. 249—250.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ «The Great Transition», A Lecture By Walt W. Rostow, Special Assistant to the President, Febr. 23, 1967, United States Policy Statement Series—1967, pp. 17, 21—23.

- ² Oliver C. Cox, *Capitalism and American Leadership*, N. Y., 1962, pp. XVI—XVII.
- ³ «Monthly Bulletin of Statistics», N. Y., Nov. 1965, p. XII; *Ibid.*, Sept. 1966, p. XI.
- ⁴ См. Н. С. Семин, *Страны СЭВ и Африка*, М., 1968, стр. 73—83.
- ⁵ «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил», Документ, принятый международным Советанием коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 г., «Коммунист», № 9, 1969 г., стр. 9—10.
- ⁶ Р. Ульяновский, Освободительная борьба народов Африки, «Коммунист», 1969 г., № 11, стр. 41.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	
ОБНОВЛЕННАЯ АФРИКА И ИМПЕРИАЛИЗМ США.....	3
Глава I	
ЗАМЫСЛЫ И ФОРМУЛЫ ПОРАБОЩЕНИЯ	17
„Хотят ли, готовы ли они признать наше руководство?“	17
К „новым рубежам“ и дальше	59
Глава II	
ПАУТИНА ДОЛЛАРА	96
Монополии: курс на „добычу“	96
География вторжения	102
Фермент колониальной эксплуатации	119
„Делать деньги!“	128
Лабиринт торгового диктата	133
Позолоченный гнет	147
„Колониализм наизнанку“	162
„Развитие“ как отрицание развития	178
Глава III	
ГОСДЕПАРТАМЕНТ ДЕЙСТВУЕТ	183
Новая дипломатическая орбита	183
Колониализм под забралом	187
„Осуждение“ апартеида и что за ним кроется	201
Неоколониализм во всю ширь	207
Покушения на голубой флаг	225
Общее и необщее с „общим рынком“	233
Тотальное насилие	241

Глава IV

МЕЧ ПЕНТАГОНА	252
Эволюция взглядов военщины	252
Оспа милитаризма на лице Африки	260

Глава V

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА	272
Новый лозунг: „битва за умы людей“	272
Машина „психологической войны“	284
На волнах фальсификаций	301
Заключение	324
Примечания	334

В. Фетов

Долларом, мечом, дурманом

(Африка и американский неоколониализм)

Редактор Г. М. Крылова. Переплет художника Н. Н. Семагина. Художественный редактор Г. Ф. Скачков. Технический редактор А. А. Павловский. Корректор И. П. Красовитова. А-05233. Сдано в набор 25/VI 1969 г. Подписано в печать 25/X 1969 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 18,90. Уч.-изд. л. 20,35. Тираж 7000 экз. Издательство „Международные отношения“ Москва, И-90, Мещанская, 7. Заказ № 400. Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97. Цена 1 руб. 40 коп.